

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл широко известен как авторитетный богослов, умеющий аргументированно, ярко и доступно донести слушателям свои мысли. Твердая приверженность православной традиции и вместе с тем чуткость в восприятии современности позволяют Святейшему Патриарху давать адекватные и востребованные ответы на вопросы, волнующие многих христиан в столь стремительную и изменчивую эпоху информационного бума. Слово его оказывает огромное влияние на самых разных людей. Это слово отзывается во многих сердцах, поскольку произносится оно человеком неравнодушным, патриотом, чувствующим глубокую ответственность за результаты того высокого служения, на которое поставил его Господь.

Книга «Быть верным Богу» представляет собой сборник выступлений и интервью Святейшего Патриарха Кирилла, данных им ряду журналов и газет в разные годы его архипастырского

служения: «Журнал Московской Патриархии», «Внутри Ватикана», «Известия», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Московские новости», «Вера-Эском», «Республика Башкортостан», а также телепрограммам «Вести-плюс», «Вести. Подробности», «Вести недели» (РТР); российскому информационному каналу «Вести»; государственной телерадиокомпании «Калининград»; украинскому телеканалу «Интер»; службе коммуникации Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата; пресс-службе Московской Патриархии. С любезного разрешения наместника Данилова ставропигиального мужского монастыря архимандрита Алексия и издательства «Даниловский благовестник» (г. Москва) вниманию читателей представлены интереснейшие фрагменты из книги «Вызовы современной цивилизации. Как отвечает на них Православная Церковь?», где Владыка Кирилл в своих беседах затрагивает самые животрепещущие темы современности.

Настоящее издание дает ответы на многие вопросы и адресовано широкому кругу читателей. Откровенные слова Святейшего Патриарха Кирилла побуждают к ответственному размышлению о будущем Церкви и Православной веры, поискам единства и взаимопонимания.

Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла после интронизации в соборном Храме Христа Спасителя

— Ваши Блаженства, Предстоятели и представители Святых Божиих Церквей!

Глубокоуважаемый Дмитрий Анатольевич Медведев, Президент Российской Федерации!

Глубокоуважаемый Владимир Владимирович Путин, Председатель Правительства Российской Федерации!

Глубокоуважаемые главы и представители государств, православные народы которых пребывают в лоне Московского Патриархата, представители иных стран!

Преосвященные собратья архипастыри!

Всечестные отцы, матушки игумении, дорогие во Христе братья и сестры!

Изволением Святого Духа и членов Поместного Собора Церкви нашей ныне был я недостойный возведен собратьями моими на престол Патриархов Московских и всея Руси и из их рук получил знаки Па-

триаршего достоинства. Ваши молитвы, ваши добрые лица напутствуют меня сегодня перед началом Патриаршего поприща, которое не может быть ни легким, ни беспрепятственным. Господь и Церковь возлагают на меня тяжкий крест, несение которого требует полной самоотдачи и полного посвящения себя тому служению, к которому ныне я был призван через тоекратное посаждение на Патриарший престол. Неслучайно на плечи Патриарха возлагается великий параман — символ отречения от всего, что не есть Патриаршее служение, символ готовности быть верным Богу до конца, через предание себя в послушание Его воле по образу Того, Кто *«смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной»* (Флп 2, 8).

Нет и не может быть в жизни Патриарха ничего личного, частного: он сам и вся его жизнь без остатка принадлежат Богу и Церкви, его сердце болит о народе Божиим, особенно же о тех, кто отпал от церковного единства и кто еще не обрел веру. Патриаршее служение является особым духовным подвигом. Этот подвиг невозможно нести в одиночку или при поддержке ограниченного круга единомышленников. В этот подвиг через молитвенное общение и соборное делание вовлекается весь епископат, вся полнота Церкви со всем многообразием дарований, присущих ее членам.

Посему, сознавая свое недостойнство, с большим внутренним трепетом восхожу

я ныне на горнее Патриаршее место, смиренно поручая себя молитвенному предстательству пред престолом Божиим моим святым предшественникам — святителям Киевским и Московским. Мой мысленный взор обращается также к Святейшим Предстоятелям Церкви нашей, особенно же к тем, кто нес это служение в новейшее время, начиная со святителя и исповедника Тихона и кончая приснопамятным Святейшим Патриархом Алексием II.

Патриарх — хранитель внутреннего единства Церкви и вместе с собратьями по епископату блюститель чистоты веры. Воспринимаю как особый знак Божий то, что Патриаршая интронизация совершается сегодня, в день памяти святителя Марка Ефесского — дерзновенного защитника и поборника православной веры. Задача Патриарха — не допускать перерастания разномыслий, которым, по слову апостола, *«надлежит быть»* (1 Кор 11, 19), в расколы, нестроения и лжеучения. Патриарх должен заботиться о том, чтобы каждая личность во всей ее неповторимости находила свое место в церковном организме и, в то же время, чтобы разномыслия не нарушали духа любви и не ослабляли общих усилий по созиданию дома Божия. «В главном — единство, во второстепенном — свобода, во всем — любовь», — эти слова святого Викентия Леринского должны оставаться руководящим принципом церковной жизни.

Патриарх — защитник внешних канонических рубежей Церкви. Это служение приобретает особое значение в той ситуации, которая возникла после образования независимых государств на пространстве исторической Руси. Уважая их суверенитет и радея о благе каждого из этих государств, Патриарх в то же время призван заботиться о сохранении и укреплении духовных связей между населяющими их народами во имя сбережения той системы ценностей, которую являет миру единая православная цивилизация Святой Руси.

Особой заботой Патриарха станет церковная проповедь духовно-нравственных идеалов применительно к реалиям современной жизни. Свидетельство об истине и красоте Православия может быть принято и усвоено только тогда, когда люди ясно поймут значение этого свидетельства для своей личной, семейной и общественной жизни и научатся сопрягать вечные Божественные слова с реальностями повседневной жизни, с ее заботами, радостями и скорбями.

Соединить православную веру и Евангельскую мораль с повседневными мыслями, чаяниями и надеждами людей означает помочь им ответить на сложнейшие мировоззренческие и этические вопросы современности. Вера станет понятной и реально востребованной, несмотря на всю множественность и противоречивость существующих в обществе взглядов

и убеждений, тогда, когда человек осознает и глубоко прочувствует несомненную правоту и силу того послания, которое Сам Бог передает людям через Свое Откровение. Не может человеческая мысль и человеческое слово быть сильнее слова Божия. И если эта очевидная истина не становится очевидной для многих людей, то означает это только то, что красота и убедительность Божественного слова помрачается тем, что сегодня мы называем человеческим фактором.

Свидетельство Церкви миру предполагает не только проповедь с церковной кафедры, но открытый, доброжелательный и заинтересованный диалог, в котором обе стороны и говорят, и слушают. Через такой диалог истины веры становятся по меньшей мере понятными, ибо входят в творческое и живое соприкосновение с мыслями и убеждениями людей. Церковь же обогащает себя через такой диалог знанием того, что представляет из себя современный человек с его образом мыслей и вопрошаниями к Церкви.

Такой диалог способствует также большему взаимопониманию между людьми разных взглядов и убеждений, включая убеждения и религиозные, и содействует упрочению гражданского мира и согласия в наших обществах и государствах. В рамках доброжелательного диалога и сотрудничества на конституционной основе должны развиваться и церковно-государственные

отношения, служа благу Церкви и государства, служа благу народа.

Предстоятель каждой Поместной Церкви призван вместе с братьями из других Церквей заботиться о единстве Вселенского Православия. Благодаря за совместную молитву находящихся здесь Первоиерархов и представителей Святых Православных Церквей, свидетельствую, что всегда буду открыт к диалогу с Церквями-Сестрами и к совместным усилиям, которые помогли бы нам укрепить и усовершенствовать всеправославное сотрудничество, добиться большей координации пастырских и миссионерских усилий.

Предметом нашей особой заботы станет молодежь, которая сегодня особенно остро нуждается в духовном руководстве. В эпоху нравственного релятивизма, когда пропаганда насилия и разврата похищает души молодых людей, мы не можем спокойно ждать, когда молодежь обратится ко Христу: мы должны идти навстречу молодым людям — как бы это ни было трудно для нас, людей среднего и старшего поколения, — помогая им обрести веру в Бога и смысл жизни, а вместе с этим и осознание того, что есть подлинное человеческое счастье. Сильная личность, сплоченная и многодетная семья, солидарное общество — все это следствие того образа мыслей и того образа жизни, которые исходят из искренней и глубокой веры.

Наш христианский долг — заботиться о страждущих, о сиротах, о бедных, об инва-

лидах, о престарелых, о заключенных, о бездомных: обо всех, кому мы можем помочь обрести надежду. Голос Церкви должен стать в том числе и голосом слабых и лишенных власти, взыскующих справедливости.

Нам предстоит многие и нелегкие труды совершить. И сейчас я вспоминаю священные заветы первого и пятнадцатого Патриархов. «Доброе дело — украшать и воздвигать церкви, — писал святитель Патриарх Иов, — но если в то же время мы будем осквернять себя страстями, то Бог не пощадит ни нас, ни наших церквей». «Восстанет, как уже не раз бывало, из пепла и из бездны греховной новая Русь — Русь, давшая миру многих подвижников веры и благочестия, Русь, создающая храмы в городах, весях и сердцах, Русь, сияющая всему миру правдой и любовью, Русь святая», — дай Бог, чтобы эти вдохновенные слова Святейшего Патриарха Алексия II стали пророческими.

Я сердечно благодарю всех собравшихся здесь на молитву. Надеюсь, что ваша молитвенная поддержка, как и ходатайство обо мне перед Богом всей Церкви, никогда не иссякнут. Ко всем архипастырям, пастырям и чадам Церкви нашей обращаю святые слова апостола Павла: *«Братия, радуйтесь, усовершенвайтесь, утешайтесь, будьте единомысленны, мирны, — и Бог любви и мира будет с вами»* (2 Кор 13, 11). Аминь.

<http://www.patriarchia.ru/db/text/547287.html>

Наречение и хиротония архимандрита Кирилла (Гундяева) во епископа Выборгского

Постановлением Святейшего Патриарха Пимена и Священного Синода от 3 марта 1976 года архимандриту Кириллу (Гундяеву), ректору Ленинградских Духовных академии и семинарии, определено быть епископом Выборгским, викарием Ленинградской епархии.

В субботу 13 марта 1976 года в храме во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова в Ленинградской Духовной академии наречение архимандрита Кирилла во епископа Выборгского совершили Митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим, Патриарший Экзарх Западной Европы, Митрополит Киевский и Галицкий Филарет, Патриарший Экзарх Украины, Митрополит Тульский и Белевский Ювеналий, епископ Пензенский и Саранский Мелхиседек,

епископ Курский и Белгородский Хри-
зостом.

Архимандрит Кирилл при наречении
его во епископа града Выборга произ-
нес речь.

— Ваше Высокопреосвященство! Бого-
мудрые архипастыри!

Изволением Божиим, избранием Свя-
тейшего Патриарха и Священного Синода
мне надлежит принять служение епископа
в Церкви Христовой.

Сознавая высоту и значение этого служе-
ния, со смирением исповедую перед вами
свое недостойнство. Быть епископом — это
означает быть предстоятелем, духовным
отцом и учителем вверенного тебе народа
Божия. Правда также, что это означает пер-
венство, но не чуждое духу христианскому
первенство чести и власти, но первенство
в молитве, в любви, в служении и ответ-
ственности. Быть епископом — это, по слову
святого Игнатия Богоносца, быть соверши-
телем служения Самого Господа Иисуса Хри-
ста (Послания: ефесянам, VI; траллийцам, II;
смирнянам, VIII) — служения, исполненно-
го любви, правды и жертвенности.

И невольный трепет пронизывает ум
и сердце, когда думаю о величии того крест-
ного жребия, который Господь вручает мне,
недостойному, через вас, святители Божии.
И в это священное для меня мгновение,
склоняясь в полном повиновении воле Го-
сподней, я свидетельствую, что принимаю

сей жребий, ибо верю в силу и действенность Божественного Промысла.

«Предай Господу путь твой и уповай на Него, и Он совершит» (Пс 36, 5), — говорит Псалмопевец.

Взирая ныне на прожитые годы, я убеждаюсь в незримом, но твердом водительстве Божиим: с раннего детства я почувствовал призвание к служению священническому. С годами это призвание становилось все более зрелым и сознательным. Я с благодарностью вспоминаю отца своего — пришлопамятного протоиерея Михаила — и ныне здравствующую свою маму, которые примером своей жизни и своей преданности Церкви возгревали во мне это призвание. Сердечно, сыновне я благодарю Вас, дорогой Владыко Митрополит Никодим, что в годы моей юности Вы стали моим духовным наставником. Под Вашим мудрым и твердым руководством прошел самый трудный и ответственный период становления моего призвания: формирования сознательного отношения к церковному служению. Приняв иночество и став священником, я не переставал чувствовать на себе Божию Десницу. Нередко мне казалось, что Господь дает крест не по силам, ибо послушания, преподаваемые мне Священноначалием, были трудными и ответственными, и в смущении сознавал я, что они не соответствовали моему возрасту и силам. Но Господь никогда не оставлял меня, грешного, вверившегося Его воле

через обет послушания. И теперь, накануне приятия великого служения, я с дерзновением и надеждой восклицаю: *«Помощь моя от Господа, сотворившего небо и землю»* (Пс 120, 2).

Многokrатно и широко по своему содержанию служение епископское.

Епископ — председатель Поместной Церкви, блюститель веры и нравственности, раздатель благодати Божией, преемник апостолов. Сколь значительно служение это для спасения человеческого, если святой Киприан Карфагенский дерзнул сказать, что Церковь — во епископе и епископ в Церкви, и кто не с епископом, тот вне Церкви. Это означает, что именно на епископе сосредотачивается ответственность за сохранение веры и соблюдение в чистоте католического предания в Поместной Церкви.

Эта сторона архиерейского служения требует сегодня особого напряжения духовных сил. Епископ должен радеть как о стойкости и непреклонности в верности преемственно воспринятому от апостолов учению, так и о том, чтобы это учение во всякое время и на всяком месте сохраняло

*Преосвященный Кирилл,
епископ Выборгский.
1976 год.*

свою жизненность и оставалось действенным. Живое же невозможно сбересть неповрежденным в ветхом сосуде, отсюда должна проистекать особая озабоченность епископа духовным обновлением вверенного ему народа Божия.

Будучи в настоящее время ректором духовной школы, я особенно принимаю близко к сердцу сказанное, ибо убежден, что в деле сохранения чистоты и жизненного апостольского учения духовные школы, воспитывающие будущих архипастырей, панычей и богословов, имеют особое значение.

Через соборное общение со своими братьями-архиереями епископ совершает великое служение единству Вселенской Церкви. Это служение не имеет постоянного видимого выражения, но оно неотъемлемо присуще епископству, а потому сохранение соборного общения и восстановление его там, где оно нарушено, должно являть епископу предмет непрестанной, неусыпной заботы.

То же следует сказать и об отношении епископа к созданию общехристианского единства. Поиск путей, ведущих разделенный ныне христианский мир к единству в Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, не может быть для православного архиерея делом второстепенным, чем-то прямо не относящимся к его служению. Напротив, создание церковного единства есть неотъемлемая часть этого

служения. Святой Игнатий Богоносец говорил святителю Смирнскому Поликарпу: «Блюди место свое со всяким тщанием, плотским и духовным. Старайся о единении, лучше которого нет ничего» (Послание Поликарпу, 1).

Со смирением я принимаю это святоотеческое наставление как руководство к предстоящему служению. Потому особым действием Промысла Божия представляется мне мое участие в экуменическом движении, посредством которого я обрел возможность иметь общение с братьями-христианами других исповеданий. И как исполненный глубокого смысла символ, воспринимаю я то, что мое архиерейское рукоположение совершается в день Торжества Православия — в праздник единства Церкви.

Благодать архиерейства даруется мне у престола Живоначальной Троицы в соборном храме, где особенно молитвенно почитается память великого светильника земли Русской благоверного князя Александра Невского, прославившегося своей любовью к Богу и людям. Пример этого святого учит меня, сколь богоугодно самозабвенное служение христианина своему народу, и подвигает к осуществлению сего служения в правде и любви.

Будучи провозвестником Евангельской истины, епископ должен заботиться о том, чтобы эта истина, усваиваясь человеческими сердцами, преобразовывала их и при-

носила плод духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание (см. Гал 5, 22—23), дабы верующие во имя Христово, действительно устроая в себе Божие Царство, достигали спасения, а окрест себя созидали мир, любовь и справедливость, которых жаждет современное человечество.

Прибегая к молитвенному предстательству Пресвятой Девы, Скорой Послушницы и Ходатаицы нашей, и святого благоверного князя Александра Невского, прошу Господа укрепить и умудрить меня в исполнении великого пророческого призыва: «*Благовестите день от дне спасение*» Бога нашего (Пс 95, 2).

Епископство — это подвиг, который требует всего человека без остатка, ибо епископ не принадлежит себе, но Церкви. Его радость, его горе, его жизнь — это радости, горе и жизнь вверенного ему народа. Подвиг епископского служения превышает силы одного человека, и тем не менее этот подвиг совершался, совершается и будет совершаться в Церкви и ради Церкви, и сама Церковь вместе с епископом разделяет его.

И ныне, трепетно предстоя пред лицом Церкви родного мне города, исповедуя свои грехи и свое несовершенство, смиренно прошу вас, святители Божии, благословить меня на предстоящее мне служение.

14 марта 1976 года, в Неделю 1-ю Великого поста, Торжество Православия,

за Божественной Литургией в Свято-Троицком соборе в Александро-Невской Лавре в Ленинграде хиротонию архимандрита Кирилла во епископа Выборгского совершили те же Преосвященные архиереи, которые участвовали в наречении, а также архиепископ Дмитровский Владимир.

*«Журнал Московской Патриархии»,
№ 6, 1976 г.*

Биография Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл (в миру Владимир Михайлович Гундяев) родился 20 ноября 1946 года в г. Ленинграде. Отец — Гундяев Михаил Васильевич, священник, скончался в 1974 году. Мать — Гундяева Раиса Владимировна, преподаватель немецкого языка в школе, в последние годы домохозяйка, скончалась в 1984 году. Старший брат — протоиерей Николай Гундяев, профессор Санкт-Петербургской Духовной академии, настоятель Спасо-Преображенского собора в г. Санкт-Петербурге. Дед — иерей Василий Степанович Гундяев, узник Соловков, за церковную деятельность и борьбу с обновленчеством в 20-х, 30-х и 40-х годах XX века подвергавшийся тюремным заключениям и ссылкам.

По окончании 8-го класса средней школы В. Гундяев поступил на работу в Ленинградскую комплексную геологическую экспедицию Северо-Западного геологического управления, где и про-

работал с 1962 по 1965 год в качестве техника-картографа, совмещая работу с обучением в средней школе.

После окончания средней школы в 1965 году поступил в Ленинградскую Духовную семинарию, а затем в Ленинградскую Духовную академию, которую закончил с отличием в 1970 году.

3 апреля 1969 года Митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом (Ротовым) был пострижен в монашество с наречением имени Кирилл. 7 апреля им же рукоположен во иеродиакона, 1 июня того же года — во иеромонаха.

С 1970 по 1971 год — преподаватель догматического богословия и помощник инспектора Ленинградских Духовных школ; одновременно — личный секретарь Митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима и классный наставник 1-го класса семинарии.

12 сентября 1971 года возведен в сан архимандрита.

С 1971 по 1974 год — Представитель Московского Патриархата при Всемирном Совете Церквей в Женеве.

С 26 декабря 1974 года по 26 декабря 1984 года — ректор Ленинградской Духовной академии и семинарии.

14 марта 1976 года хиротонисан во епископа Выборгского. 2 сентября 1977 года возведен в сан архиепископа.

С 26 декабря 1984 года — архиепископ Смоленский и Вяземский.

С 1986 года — управляющий приходами в Калининградской области.

С 1988 года — архиепископ Смоленский и Калининградский.

С 13 ноября 1989 года — Председатель Отдела внешних церковных сношений (с августа 2000 года — Отдел внешних церковных связей), Постоянный член Священного Синода.

25 февраля 1991 года возведен в сан Митрополита.

27 января 2009 года Поместный Собор Русской Православной Церкви избрал Митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла Патриархом Московским и всея Руси.

1 февраля 2009 года состоялась интронизация Святейшего Патриарха Кирилла.

Исполняя послушания Священноначалия, Высокопреосвященный Кирилл был:

с 1975 по 1982 год — Председателем Епархиального совета Ленинградской митрополии;

с 1975 по 1998 год — членом Центрального комитета и Исполкома Всемирного Совета Церквей;

с 1976 по 1978 год — заместителем Патриаршего Экзарха Западной Европы;

с 1976 по 1984 год — членом Комиссии Священного Синода по вопросам христианского единства;

с 1978 по 1984 год — управляющим Патриаршими приходами в Финляндии;

с 1978 по 1984 год — заместителем Председателя филиала Отдела внешних церковных связей в г. Ленинграде;

с 1980 по 1988 год — членом комиссии по подготовке и проведению празднования 1000-летия Крещения Руси;

в 1990 году — членом комиссии по подготовке Поместного Собора Русской Православной Церкви;

в 1990 году — членом комиссии по содействию усилиям в преодолении последствий аварии на Чернобыльской АЭС;

с 1989 по 1996 год — управляющим Православным Венгерским благочинием;

с 1990 по 1991 год — временно управляющим Гаагско-Нидерландской епархией;

с 1990 по 1993 год — временно управляющим Корсунской епархией;

с 1990 по 1993 год — председателем комиссии Священного Синода по возрождению религиозно-нравственного воспитания и благотворительности;

с 1990 по 2000 год — председателем комиссии Священного Синода по внесению поправок в Устав об управлении Русской Православной Церкви. Устав был принят на Юбилейном Архиерейском Соборе в 2000 году;

с 1994 по 2002 год — членом Общественного совета по возрождению Храма Христа Спасителя;

с 1994 по 1996 год — членом Совета по внешней политике Министерства

иностранных дел Российской Федерации;

с 1995 по 2000 год — председателем Синодальной рабочей группы по выработке Концепции Русской Православной Церкви по вопросам церковно-государственных отношений и проблемам современного общества в целом;

с 1995 по 1999 год — членом Российского организационного комитета по подготовке и проведению мероприятий в связи с празднованием памятных дат Великой Отечественной войны 1941—1945 годов;

с 1996 по 2000 год — членом Наблюдательного совета Фонда 50-летия Победы.

С 2008 года — Председатель Экспертного совета «Экономика и этика» при Отделе внешних церковных связей Московского Патриархата (в настоящее время — Экспертный совет «Экономика и этика» при Патриархе Московском и всея Руси).

Ко времени избрания на Патриарший престол Митрополит Кирилл являлся:

Постоянным членом Священного Синода (с 1989 года);

Председателем Отдела внешних церковных связей (с 1989 года);

управляющим Патриаршими приходами в Финляндии (с 1990 года);

членом Синодальной Богословской комиссии (с 26 февраля 1994 года);

членом Патриаршей и Синодальной Библейской комиссии (с 1990 года);

сопредседателем (с 1993 года) и заместителем главы (с 1995 года) Всемирного Русского Народного Собора, председателем Смоленского (с 1996 года) и Калининградского (с 1997 года) отделений ВРНС;

членом Совета Земского движения (с 1993 года);

членом Российского Палестинского Общества;

автором и ведущим еженедельной телепередачи «Слово пастыря» на Первом канале (с 1994 года);

почетным Президентом Всемирной конференции «Религия за мир» (с 1994 года);

членом Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации (с 1995 года);

членом Комиссии при Президенте Российской Федерации по государственным премиям в области литературы и искусства (с 1995 года);

почетным членом Московского интеллектуально-делового клуба (с 1995 года);

сопредседателем Христианского межконфессионального консультативного комитета (с 1996 года);

членом Президиума Межрелигиозного совета России (с 1998 года);

главным редактором журналов «Церковь и время» (с 1991 года), «Смоленские епархиальные ведомости» (с 1993 года), «Православный паломник» (с 2001 года);

членом церковно-научного совета по изданию «Православной энциклопедии» (с 1999 года);

членом Наблюдательного совета Храма Христа Спасителя (с 2002 года);

сопредседателем Совета европейских религиозных лидеров (с 2002 года);

председателем оргкомитета выставки «Православная Русь» (с 2003 года);

сопредседателем рабочей группы по взаимодействию Русской Православной Церкви с Министерством иностранных дел Российской Федерации (с 2003 года);

Председателем Исполнительного комитета Межрелигиозного совета СНГ (с 2004 года);

членом Президиума Межрелигиозного совета СНГ (с 2004 года);

членом Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации (с 2004 года);

председателем Комиссии по делам старообрядных приходов и по взаимодействию со старообрядчеством (с 2005 года);

председателем рабочей группы для составления концептуального документа, излагающего позицию Русской Православной Церкви в сфере межрелигиозных отношений (с 2005 года);

председателем рабочей группы по подготовке документа, выражающего позицию Русской Православной Церкви по проблемам глобализации (с 2005 года);

членом Объединенной комиссии по национальной политике и взаимоотношениям государства и религиозных объединений (с 2006 года);

сопредседателем Всемирной конференции «Религии за мир» (с 2006 года);

руководителем рабочей группы по разработке «Основ учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека»;

Местоблюстителем Патриаршего престола (с 6 декабря 2008 года).

Святейший Патриарх Кирилл является кандидатом богословия Ленинградской Духовной академии (с 1970 года), почетным доктором богословия Богословской академии в Будапеште (с 1987 года).

В 1974—1984 годах — доцент кафедры Патрологии Ленинградской Духовной академии; с 1986 года — почетный член Санкт-Петербургской Духовной академии; с 1992 года — член Академии творчества; с 1994 года — почетный член Международной академии Евразии; с 1996 года — почетный профессор Военной академии (ныне университет) ПВО сухопутных войск; с 1997 года — действительный член Академии российской словесности; с 2002 года — действительный член Академии социальных и гуманитарных наук (с 2003 года Общественная Российская академия социальных наук); с 2002 года — почетный доктор политологии Государственного университета Перуджи (Ита-

лия); с 2004 года — почетный доктор богословия Христианской академии Варшавы (Польша); с 2004 года — почетный профессор Смоленского гуманитарного университета; с 2005 года — почетный профессор Астраханского университета; с 2005 года — почетный доктор Российского государственного социального университета; с 2006 года — почетный профессор Балтийского военно-морского института имени адмирала Федора Ушакова; с 2007 года — почетный президент Академии российской словесности; с 2007 года — почетный доктор Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

Святейший Патриарх Кирилл — автор следующих книг: «Становление и развитие церковной иерархии и учение Православной Церкви о ее благодатном характере» (Ленинград, 1971); «Вызовы современной цивилизации. Как отвечает на них Православная Церковь?» (М., 2002); «Слово Пастыря. Бог и человек. История спасения. Беседы о Православной вере» (М., 2004), «L'Évangile et la liberté. Les valeurs de la Tradition dans la société laïque» (Paris, 2006), «Свобода и ответственность: в поисках гармонии» (М., 2008) и других, а также более 700 публикаций, включая публикации в отечественной и зарубежной периодике. Изданы циклы телепередач «Слово пастыря» — введение в православное вероучение; «Слово — Таинство — Цер-

ковь» — история ранней христианской Церкви и учение о Церкви; «Юбилейный Архиерейский Собор» — основы социальной концепции, Устав Русской Православной Церкви, деяния о канонизации; «Отношение к инославию»; «Слово Пастыря» — Церковь, государство, политика (часть 1), Церковь, личность, общество (часть 2), о вере и спасении (часть 3). На аудионосителях издан цикл великопостных проповедей.

Святейший Патриарх Кирилл приглашался для чтения лекций в Рим (Италия, 1972 год), в Хельсинкский университет, в Академию «Абу» в Турку, в Православную семинарию в Куопио (Финляндия, 1975 год), в Экуменический институт в Боссэ (Швейцария, 1972, 1973 годы), в Мюнстерский университет (ФРГ, 1988 год), в университет Удине (Италия, 1988 год), в Государственный университет Перуджи (Италия, 2002 год), в Христианскую богословскую академию в Варшаве (Польша, 2004 год).

Святейший Патриарх Кирилл трудился и трудится в области межправославных отношений. Он был первым представителем Русской Православной Церкви в «Синдесмосе» — Всемирном братстве православных молодежных организаций. С 1971 по 1977 год — член Исполкома «Синдесмоса»; участник VIII (Бостон, 1971 год), IX (Женева, 1977 год), X (Финляндия, 1980 год) и XIV (Москва, 1992 год) Генеральных Ассамблей этой организации;

участник первого Предсоборного Всеправославного совещания (Шамбези, 1976 год) и Межправославной комиссии по подготовке Святого и Великого Собора Восточной Православной Церкви (Шамбези, 1993, 1999 годы); главный докладчик на православной консультации «Общее понимание и видение ВСЦ» (Шамбези, 1995 год); участник Всеправославной консультации по вопросам экуменизма (Салоники, 1998 год) и собрания Глав Поместных Православных Церквей по уврачеванию болгарского церковного раскола (София, 1998 год); участник Всеправославного празднования 2000-летия христианства в Вифлееме (07.01.2000); участник переговоров между Московским и Константинопольским Патриархатами (Стамбул, 1977 год; Женева, 1978 год; Стамбул, 1990 год; Москва, 1991 год; Стамбул, 1993 год) и регулярных консультаций по текущим проблемам между двумя Церквями; проводил переговоры с Константинопольской Православной Церковью по Эстонии и с Румынской Православной Церковью по проблеме Бессарабской митрополии в Молдове (дважды в 1997 году в Женеве; Кишинев, 1999 год).

В 2005 году в качестве главы делегации Русской Православной Церкви принимал участие в интронизации Патриарха Иерусалимского Феофила III.

В составе официальных делегаций посетил все Поместные Православные Цер-

кви, в том числе сопровождал Святейшего Патриарха Пимена и Святейшего Патриарха Алексия II в их поездках за рубеж.

Святейший Патриарх Кирилл принимал участие в работе межхристианских организаций. Как делегат он участвовал в IV (Упсала, Швеция, 1968 год), V (Найроби, Кения, 1975 год), VI (Ванкувер, Канада, 1983 год) и VII (Канберра, Австралия, 1991 год) Генеральных Ассамблеях ВСЦ; во Всемирной миссионерской конференции «Спасение сегодня» (Бангкок, 1973 год); являлся президентом Всемирной конференции «Вера, наука и будущее» (Бостон, 1979 год) и Всемирной конвокации «Мир, справедливость и целостность творения» (Сеул, 1990 год); участвовал в ассамблеях комиссии «Вера и Устройство» ВСЦ в Аккре (Гана, 1974 год), в Лиме (Перу, 1982 год), в Будапеште (Венгрия, 1989 год).

Исполняя поручения Священноначалия Русской Православной Церкви, Святейший Патриарх Кирилл принимал участие в контактах с Церквями США, Японии, ГДР, ФРГ, Финляндии, Италии, Швейцарии, Великобритании, Бельгии, Голландии, Франции, Испании, Норвегии, Исландии, Польши, Чехии, Словакии, Эфиопии, Австралии, Новой Зеландии, Индии, Таиланда, Шри-Ланки, Лаоса, Ямайки, Канады, Конго, Заира, Аргентины, Чили, Кипра, Китая, ЮАР, Греции.

Святейший Патриарх Кирилл был членом Поместного Юбилейного Собора Русской Православной Церкви (июнь 1988 года, Загорск), председателем его редакционной комиссии и автором проекта Устава Русской Православной Церкви, принятого Юбилейным Собором. Являлся участником Архиерейского Собора, посвященного 400-летию восстановления Патриаршества (октябрь 1989 года) и внеочередного Архиерейского Собора 30—31 января 1990 года, а также Поместного Собора 6—10 июня 1990 года, Архиерейских Соборов 25—26 октября 1991 года; 31 марта — 4 апреля 1992 года; 11 июня 1992 года; 29 ноября — 2 декабря 1994 года; 18—23 февраля 1997 года; 13—16 августа 2000 года; 3—6 октября 2004 года; 24—29 июня 2008 года.

Представлял Русскую Православную Церковь в комиссиях по выработке Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25 октября 1990 года и федерального закона Российской Федерации «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года. Принимал участие в выработке церковной позиции и миротворческих акциях во время событий августа 1991 года и октября 1993 года.

Был одним из инициаторов создания Всемирного Русского Народного Собора в 1993 году.

В качестве Председателя комиссии Священного Синода по возрождению рели-

гиозно-нравственного воспитания и благотворительности инициировал создание Синодальных отделов по религиозному образованию, по социальному служению и благотворительности, по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями. Являлся автором Концепции по возрождению благотворительности и религиозного образования, принятой Священным Синодом 30 января 1991 года. Разработал и представил на утверждение Священного Синода «Концепцию взаимодействия Русской Православной Церкви с вооруженными силами» в 1994 году.

С 1996 по 2000 год — руководил разработкой и представил Юбилейному Архиерейскому Собору 2000 года «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви».

Принимал активное участие в нормализации церковного положения в Эстонии. В связи с этим посетил Антиохийский и Иерусалимский Патриархаты (поездки в Ливан, Сирию, Иорданию и Израиль в 1996 году), а также участвовал в переговорах с представителями Константинопольского Патриархата в г. Цюрихе (Швейцария) в марте и дважды в апреле 1996 года, в Фессалониках, Таллинне и Афинах (1996 год), в Одессе (1997 год), в Женеве (1998 год), в Москве, Женеве и Цюрихе (2000 год), в Вене, Берлине и Цюрихе (2001 год), в Москве и Стамбуле (2003 год).

В этой же связи неоднократно посещал Эстонию, где вел переговоры с представителями правительства, депутатами парламента и с деловыми кругами этой страны.

Принимал активное участие в миротворческих акциях по Югославии. Неоднократно во время войны посещал Белград, вел переговоры с руководством этой страны, инициировал создание неформальной международной христианской миротворческой группы по Югославии (Вена, май 1999 года) и созыв Международной Межхристианской конференции на тему: «Европа после косовского кризиса: дальнейшие действия Церквей» в Осло (Норвегия) в ноябре 1999 года.

С 1984 по 2008 год в Смоленской и Калининградской епархии было построено 143 храма, 65 восстановлено. Таким образом, сегодня здесь насчитывается 287 храмов: 183 в Смоленской и 104 в Калининградской областях.

В клире числится 214 человек: 202 священника, 12 диаконов, а также 80 регентов и 87 псаломщиков.

В Смоленской области действуют две православные гимназии (первая в России подобная школа была организована в Смоленске в 1992 году), в Калининградской — одна; открыто четыре православных детских сада (первый появился в г. Велиж Смоленской области в 1994 году).

В 1988 году в Смоленске было учреждено первое в России в послевоенное время

Духовное училище, преобразованное в Духовную семинарию в 1995 году. В настоящее время в Смоленске существует семинария, где образование получают будущие пастыри, и Смоленское Межэпархиальное Православное Духовное училище, где готовят регентов, иконописцев, сестер милосердия, преподавателей «Основ православной культуры».

Святейший Патриарх Кирилл удостоен орденов Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской, Грузинской, Сербской, Болгарской, Элладской, Чешских земель и Словакии, Польской, Американской и Финляндской Православных Церквей.

Также награжден орденами Русской Православной Церкви: святого равноапостольного великого князя Владимира (II степени); святителя Алексия, Митрополита Московского (II степени); святого благоверного князя Даниила Московского (I степени); преподобного Сергия Радонежского (I и II степени); святителя Иннокентия, Митрополита Московского (II степени).

Среди государственных наград — орден Дружбы народов (1988 год); орден Дружбы (1996 год); орден «За заслуги перед Отечеством» (III степени, 2000 год); орден «За заслуги перед Отечеством» (II степени, 2006 год); звезда ордена святого князя Александра Невского «За труды и Отечество» (2009 год).

<http://www.mospat.ru/index.php?mid=78>

«Вы знаете, что самое страшное — это навешивать ярлыки»

В дни пребывания Митрополита Кирилла в 2005 году в Сыктывкаре корреспонденту газеты «Вера-Эском» Евгению Суворову удалось пообщаться с ним. Предлагаем вам запись этого разговора, а также ответы Владыки на пресс-конференции.

Владыка, расскажите о своих корнях, родителях.

— Мой дед был исповедником Российским. 37 лет находился в заключении. Как он говорил, прошел 47 тюрем и 7 ссылок. Он работал механиком, водителем на железной дороге «Москва—Казань», управлял поездами. Все деньги, которые зарабатывал, отправлял на Афон и в Иерусалим. А это были сумасшедшие деньги по тем временам — 300 рублей золотом в месяц (25 рублей стоила корова). Пару лет назад я был на Афоне в одном монастыре и нашел всех своих родственников в монастырских записях. Это был очень мужественный и сильный человек, воспитывал

восьмерых детей. Несмотря на это, добровольно пошел на мученические испытания, боролся с закрытием храмов, почти всю жизнь провел в заключении. Был первым соловчанином и участником Соловецкого Собора. Знал всех русских архиереев, которые сидели на Соловках.

Отец мой тоже был исповедником, сидел в Магаданском крае, был глубоко верующим человеком. И я в детстве тоже находился в таком убеждении, что и мне придется сидеть за веру. Я никогда не был пионером, никогда не вступал в комсомол, никогда не был соглашатаем — не стал и диссидентом. Я очень люблю свою страну, свой народ. Даже в советское время я считал, что не надо делать ничего такого, чтобы разрушить единство народа. Поэтому я не выступал против властей. Но слава Богу, что Церковь призвана говорить правду — и в царское время, и в советское, и сегодня. А провозглашение правды всегда требует мужества, некоей готовности если не в тюрьму пойти, то быть непопулярным, неизвестным, непочитаемым. Задача Церкви заключается не в том, чтобы возбуждать распри, а в том, чтобы говорить правду, даже в том случае, если эта правда неприятна.

Скажите, как Вы учились в школе? Были ли Вы тогда верующим человеком?

— Я довольно много страдал в школьные годы, потому что не вступал в пионеры и комсомол. И при этом я был самым луч-

шим учеником. Поэтому обо мне газеты стали писать не в 90-е годы, а в 50-е, но писали критически. Вот есть такой мальчик, учится на одни «пятерки», а не пионер и не комсомолец, к тому же верующий. Трудное было время. Я шел в школу, как на Голгофу. Очень часто меня вызывали на педсоветы, на диспуты с преподавателями и учениками, и я всегда побеждал, потому что в советское время наши учителя к таким диспутам были не готовы, а я старался быть готовым.

В 15 лет я ушел из дома, стал работать, считал, что не должен сидеть на шее у родителей. Перешел в вечернюю школу. Потом работал в геологической экспедиции, имел даже какое-то отношение к северному краю: к Архангельску, Коми, потому что работал в северо-западном геологическом управлении. Считаю, что это была замечательная страница в моей жизни, мне очень повезло.

Когда Вы избрали духовную стезю и как пришли к служению?

— Я не помню того времени, когда бы не хотел стать священником. Я начал служить с трех лет и к шести-семи годам мог наизусть отслужить молебен, панихиду и даже Литургию. Только папа не разрешал служить ее до конца, говорил: «Служи до Херувимской». А мне очень хотелось служить до конца. Отец мой, главный инженер одного из крупнейших военных заводов в Ленинграде, был репрессирован. А потом

был строителем укреплений во время Ленинградской блокады. Во время войны был главным военпредом на Горьковском заводе и принимал танки Т-34. После войны в 47-м он пришел к Митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Григорию и попросил у него иерейского сана, стал священником. Мама — учительница немецкого языка в средней школе. Я воспитывался в религиозной семье, пострадавшей за веру.

Вы много ездите по миру, чем отличается Православие за рубежом и здесь?

— Самое интересное место для жизни — это Россия. Нигде не происходит таких потрясающих событий, как у нас. Нигде нет такого духовного возрождения и такой активной религиозной жизни, поэтому даже не могу сравнивать. Когда я говорю о России, я имею в виду и Украину, и Белоруссию — нашу историческую Русь. То, что происходит у нас, в России, имеет колоссальное значение для судьбы всего христианства, потому что христианство сегодня в Западной Европе и Америке находится в глубочайшем кризисе. Думаю, что Россия — это то место, которое может дать новую жизнь Вселенной.

Ваше Высокопреосвященство, правда ли, что планируется встреча Папы Римского и нашего Патриарха?

— Нет, это пока не правда. Хотя я не вижу ничего в этом ужасного. Надо сказать, что

избрание нового Папы у нас у многих породило очень положительные ожидания. Во-первых, Бенедикт XVI — это человек глубокой веры, прекрасный богослов. Я считаю, что в течение последних 100—150 лет не было такого сильного богослова на Римской кафедре. Он самостоятельный мыслитель. Это человек, понимающий Православие и восточное богословие. Кроме того, я откровенно скажу, у нас вообще с немецкими католиками очень хорошие отношения, как вообще у России с Германией. Но то, что произошло недавно, — это перенесение кафедры униатского архиепископа из Львова в Киев — очень охладило наш энтузиазм. Нам говорят в Риме, что эта идея была задумана предшествующим Папой, что нынешний не мог этого изменить. Но это горько, потому что мы хотели бы развивать добрые отношения с Католической Церковью. Особенно в связи с тем, что сегодня происходит в Европе. Поэтому сегодня встреча Папы и Патриарха не актуальна. Мы будем делать все, чтобы исправить эти отношения, но не в ущерб Православной Церкви.

У нас на службы в храм приходят кочетковцы. Как к ним надо относиться?

— Вы знаете, что самое страшное — это навешивать ярлыки: кочетковцы, никониане. Не надо этого делать, Боже вас упаси! Отец Георгий Кочетков — это канонический священник Русской Православ-

ной Церкви. Он находится в каноническом общении с Патриархатом и епископатом, причащается, исповедуется, служит. В той части его деятельности, которая вызывает критику у Церкви, мы его критикуем. Это нормально. Апостол Павел говорил: *«Надлежит быть и разномыслиям между вами»* (1 Кор 11, 19). Для чего? *«Чтобы открылись ... искусные»*. Но если мы с вами психологию внешнего мира принесем в Церковь, то погубим наших людей.

Пока то или иное явление в Церкви не осуждено Собором, не предано критике и не отвержено, ни в коем случае не нужно выносить о нем своего критического радикального отношения. Что касается отца Георгия Кочеткова — он много доброго делает. Ведет большую миссионерскую работу, есть Филаретовская школа. Как же мы можем игнорировать эти добрые начинания? Поэтому я очень бы попросил всех тех людей, которые болеют за чистоту Православия, понимать следующее: в нашей огромной стране, в нашей огромной Церкви мы никогда не будем иметь единомыслия по всем вопросам. Мы должны научиться жить в единой Церкви с некоторыми элементами разномыслия. Важно уметь отделять овец от козлов, плевелы от пшеницы. И там, где реальные плевелы, давать бой, а где их нет, снисходить любовью. Я думаю, что мы отца Георгия вместе со всеми его последователями исцелим любовью, и тот потенциал, который

они имеют, используем во благо Русской Православной Церкви.

Ваши телевизионные передачи имеют большую популярность. Жалко, что идут 10 минут. Не хотели бы Вы увеличить время в эфире?

— Они идут 15 минут, а не 10, в неудобное время. Это не от меня зависит. А рейтинг этих передач, действительно, очень высокий. Самый высокий у господина Галкина — есть такой актер, а на втором месте Митрополит. *(Владыка улыбается.)* Я не хочу себя сравнивать с Галкиным, но это свидетельствует о том, что люди смотрят и слушают. Но время очень неудобное: одни еще не встали, другие только зубы чистят. Время передачи зависит от телезрителей. Если они обращаются на канал, если пишут, требуют, то там могут это принять к сведению и изменить время передачи.

Ваше Высокопреосвященство, у нас в республике много старообрядцев. Как Вы относитесь к старообрядчеству?

— К старообрядчеству я отношусь очень хорошо, но при этом не забываю, что старообрядчество — это раскол. А всякий раскол — это ослабление жизни Церкви... Я не хочу уходить в тему происхождения этого раскола, судить — кто прав, кто виноват. Само по себе отделение от Церкви — всегда зло. И в этом смысле старообрядчество, с одной стороны, сохраняя традиции, вписываясь в парадигму наших духовных

национальных ценностей и являясь как бы союзником Русской Православной Церкви, будучи в расколе, работает против Русской Православной Церкви. Вот в этом глубочайшее противоречие...

Для меня миссионерская направленность жизни Церкви важнее, чем сохранение традиций. Вот музей — это то место, где нужно сохранять все. Церковь — это не музей, это жизнь. Мы не можем внешние стороны церковной жизни подчинять интересам миссии Церкви. Если Господь когда-то нас воссоединит, то подход к жизни в старообрядчестве потребует серьезной корректировки. Церковь не должна подстраиваться под вкусы мира сего, но и не должна возлагать на людей неудобноносимые бремена.

Какая тональность должна быть при подготовке православных передач на телевидении?

— Боже упаси придерживаться искусственной тональности. Старайтесь почувствовать жизнь народа, задеть за живое. Постарайтесь общаться на том языке, на котором разговаривают люди, сказать об истинности и красоте Православия. Когда я начинал готовить телевизионные передачи, мне посоветовали выступать в облачении. Я сказал: нет, в облачении жарко. Предложили в клобуке. Да, в клобуке хорошо, но очень многие люди не понимают, что такое клобук. А я должен быть понятен

абсолютно для всех — буду выступать без всякого клобука, в одной рясе. Рясу я не могу снять, это моя одежда, я в ней постоянно хожу. Меня спрашивали: на каком языке вы будете говорить? Я буду говорить на своем языке — языке своей культуры, своего воспитания. Буду обращаться на простом, понятном для всех людей языке, рассказывать им о Христе, о Евангелии, чтобы не было восприятия Церкви как некоего фольклора, музейного экспоната. Самое главное — научиться говорить на современном языке, но не на пошлом языке, который разрушает нравственность и ценности бытия.

Я убежден, что тема языка — одна из самых важных сегодня в Церкви и церковной проповеди. Меня как-то спросили: а можно в церкви смеяться? А почему нет? А можно в церкви аплодировать? Тысячу раз я выступал в греческих церквях, и мне аплодировали. Почему в Греции можно, а в России нельзя? Другой разговор, что мы не должны создавать никакой культурной экстравагантности. Если у нас не принято аплодировать — не надо, если не принято смеяться, не надо смеяться. А если уж кто-то засмеялся, то, пожалуйста, не отлучайте этого человека от Церкви.

*Газета «Вера-Эском», № 501,
октябрь 2005 г.*

«Право правящий слово Твоя истины»

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл дал интервью журналисту газеты «Республика Башкортостан» Галине Карпусь.

Корни шестнадцатого Патриарха всея Руси ведут в Башкортостан

Поиск корней Митрополита Кирилла, ведущих в Башкирию, начался в свое время с банального желания привлечь к республике внимание столь известного в стране человека. Благодаря проповедям по центральному телевидению Владыка давно стал поистине всероссийским пастырем. Но дело о служении в Башкирии дедушки Владыки Кирилла обернулось на поверку совсем другой стороной. Василий Степанович Гундяев в самые суровые годы гонений на Церковь был таким преданным подвижником ее, что через внука — недавнего Митрополита Смоленского и Калинин-

градского Кирилла, много лет возглавлявшего Отдел внешних связей Московского Патриархата, нам просто была возвращена память о том, кто радел и наверняка будет радеть о нас в мире Горнем. Ведь недаром, в том числе и по молитвам старенького батюшки — священника Василия Гундяева, близ села, где верно служил он Богу, со временем чудесным образом возродился Свято-Георгиевский монастырь, известный в народе как «Святые кустики».

Клубочек начала разматывать уфимский краевед Татьяна Борисова. Она наткнулась на заметку в архиве «Епархиальных ведомостей»: «Василий Степанович Гундяев был рукоположен во диакона и назначен в храм г. Бирска. Через год был рукоположен во пресвитера и до 1964 года, когда у него началась тяжелая болезнь, проходил служение в одном из отдаленных приходов Уфимской епархии — в селе Уса-Степановка на Урале. Отец Василий с радостью совершал то служение, к которому стремился всю жизнь. Когда он скончался, отпевание на его родине совершали наряду со священником прихода сын покойного — протоиерей Ленинградской епархии Михаил Гундяев и два внука — священник Николай Гундяев, преподаватель Ленинградской Духовной академии, и иеромонах Кирилл, студент той же академии...»

На письмо «о родственных связях» с республикой из канцелярии Высокопреосвященнейшего Кирилла ответили сразу: «Вла-

дыка заинтересован в разговоре. Ему очень дорога память о дедушке и все, что связано с его именем. Через три месяца в рабочем графике Митрополита будет “окно”...»

Но прежде с Т. В. Борисовой мы отправились в Уса-Степановку Благовещенского района. Ни храма, ни дома священника в заброшенной деревне уже не нашли. Правда, память о Василии Степановиче жива: в одном из немногих уцелевших домов проживает семейство собрата отца Василия — священнослужителя Михаила Тимофеева. Внучка его вспоминает: «Отец Василий был невысокого роста, старенький, но крепкий и очень добрый. Посадит, бывало, нас, ребятишек, на плечи и катает по двору. Конфетки постоянно покупал, угощать любил». Когда уезжал батюшка по болезни на родину, долго молился, глядя на село с высокой горы. Предчувствовал, наверное, что скоро придет в эти края запустение — сначала церкви не станет, а следом и богатое село подчистую на нет сойдет.

По итогам поездки в нашей редакции был подготовлен тогда для Владыки Кирилла альбом памятных фотографий с места служения его деда. Митрополит был очень рад необычному подарку. При всей своей занятости уделил беседе с журналистом из Башкортостана более часа, с удовольствием сфотографировался для старейшей газеты страны и пообещал обязательно приехать в республику.

Та удивительная встреча в Москве два года назад с Владыкой Кириллом очень объемно высветила его родословную. Ставший священником в весьма преклонном возрасте дед Митрополита, Василий Степанович Гундяев, своей принадлежности к Церкви не скрывал ни от кого и никогда. И стал не просто родоначальником целой династии верных служителей ее, в том числе и в самом высоком сане. Пережив множество скорбей, подвергнувшись жестоким гонениям, он буквально выстрадал, расчистил путь своим потомкам. Василий Степанович прошел 47 тюрем и 7 ссылок. Невзгоды и лишения принимал как должное.

«До революции его труд очень высоко вознаграждался — дед получал до 300 рублей в месяц, — вспоминал Владыка Кирилл. — Если учесть, что корова стоила 25 целковых, то в пересчете выходило целое стадо. Он был богатым человеком, но семья жила скромно, в небольшом ведомственном доме при депо в г. Лукоянове Нижегородской губернии. Летом выезжали в село Оброчное с детьми, там до сих пор сохранился небольшой деревянный домик, где проводили каникулы. Такой скромный образ жизни никак не соответствовал материальным возможностям деда. Однажды я спросил его: “А где же все твои деньги-то? Как же это получилось, что ни

до революции, ни после нее ты ничего не накопил?” Он ответил коротко и просто: “Все деньги я посылал на Афон”. Это при том, что у него была семья — семь человек детей, да потом взяли еще на воспитание девочку-сироту. Но дед считал абсолютно необходимым большую часть своего жалования отправлять в монастыри Святой горы. Будучи в паломничестве на Афоне и посещая монастырь Симона-Петра, я попросил игумена посмотреть записи о вечном поминовении за 1913 год. Буквально через несколько минут мне принесли синодик, и я увидел записанной всю нашу семью. Когда настоятель монастыря Симона-Петра приезжал в Москву на чествование Святейшего Патриарха Алексия II, то об этом факте сказал в своем официальном выступлении на торжественном приеме. Думаю, подобные записи есть и во всех других святогорских обителях».

Василий Степанович воспитывал детей в строгих правилах, прививал им с детства любовь к молитве, к богослужению, вся семья была глубоко религиозной. Пострадать за веру в дальнейшем довелось и его сыну Михаилу, в будущем тоже священнику. Арестовали его накануне свадьбы, и долгих четыре года ждала молодая невеста суженого с Колымы. Брак оказался очень счастливым. У родившихся детей об отрочестве остались самые теплые воспоминания. «Только в конце 40-х годов положение деда было легализовано и он впервые смог

приехать к нам в Ленинград, — рассказывал Владыка. — Мы с мамой встречали его на Московском вокзале. Я хорошо помню эту сцену: вышел из вагона сухощавый пожилой человек, мне даже показалось — старичок, с огромным черным фанерным чемоданом, и мама подбежала к нему: “Папа, папа! Мы сейчас возьмем носильщика”. А он возмутился: “Какого еще носильщика?” — “Ну как, чтобы помочь чемодан нести...” Дед улыбнулся, снял ремень, перевязал им чемодан, взвалил на плечи, и мы пошли. Эту встречу я хорошо запомнил».

В Уса-Степановке отец Василий храм защищал до последнего

Хочу процитировать здесь свой материал, написанный после встречи с Митрополитом Кириллом в 2007 году.

«Отец мой принял священный сан в 1947 году. А примерно лет через десять после этого сан принял дедушка. Он у нас в Ленинграде жил долго, потом вернулся к бабушке, там находился. А затем встал вопрос о принятии сана. Он сначала стал диаконом, потом священником. И все его служение проходило в Башкирии, в селе Уса-Степановка. Дед нам рассказывал о ваших краях, он приезжал в это время.

Конечно, трудно было даже представить, как человек в таком преклонном возрасте, а ему в ту пору было около 80 лет, служил в церкви. Рассказывал, что он за 14 километров ходил причащать больных. Во времена хрущевских гонений возникла опасная ситуация, связанная с закрытием храма в селе Уса-Степановка. Я помню переписку по этому поводу деда с отцом — дед насмерть стоял, защищая храм. Держал его своей силой до последнего, и церковь тогда не была закрыта.

Но в конце 60-х годов дед стал слепнуть и понял: больше служить не сможет — просто опасно было совершать Литургию, ведь там священник имеет дело со Святыми Дарами. Тогда он собрался и поехал в Москву, к Патриарху Алексию I, который его очень ласково принял. Дед поведал ему о всей своей жизни. И сказал: “Ваше Святейшество, без Вашего личного согласия я не могу покинуть приход, потому что он будет закрыт. Никто там служить не станет”. Дед получил благословение Патриарха, который напутствовал его словами: “Вы, отец Василий, и так всю свою жизнь посвятили Церкви Божией и сделали столько, сколько другому человеку не под силу. Живите спокойно, считайте, что вы совершили все, что могли. Можете возвратиться к себе домой, к своей семье”. И дед уехал. Храм после этого закрыли.

Дедушка скончался 31 октября 1969 года. Я в том же году, 1 июня, получил уже священ-

ный сан, стал иеромонахом и вместе с братом Николаем совершал отпевание дедушки в селе Ичалки недалеко от села Оброчного. Теперь это Мордовия. Корни у нас по линии деда из Астрахани. Отец дедушки Василия — Степан переехал в Нижний Новгород и перевез семью. Такова история нашей семьи».

По словам Владыки, дед оказал огромное влияние как на детей, так и на внуков. Перед ними был образ человека нестигаемой воли, абсолютно преданного Богу. Незадолго до смерти, обращаясь к детям, дед сказал: «Никогда ничего не бойтесь, в этом мире нет ничего такого, чего следовало бы по-настоящему бояться. Нужно бояться только Бога». Если бы это говорил человек изнеженный, какой-нибудь теоретик, то, возможно, его слова не прозвучали бы столь убедительно.

«Если говорить о моем отце, — рассказывал Митрополит Кирилл, — то родился он в 1907 году в Лукоянове Арзамасской губернии. Окончил среднюю школу. Был иподиаконом у местного епископа. Желая стать священником, направился на учебу. Но Богословский институт в Ленинграде был закрыт. Отец не доучился. Хотел пойти в медицинский институт. Его не приняли, потому что он из Церкви пришел. Служил в армии, окончил техникум, затем институт, работал инженером на одном из военных заводов. Во время войны участвовал в обороне Ленинграда, занимался строительством укреплений. Потом дошел до полного ис-

тощения во время блокады и должен был по всем законам природы умереть. Его привезли в больницу, и врач, проводя беглый осмотр, подумал: перед ним мертвец. Приказал вынести тело в морг. Но морг оказался переполнен, и отца положили в коридоре. А утром медсестра, проходя мимо, случайно откинула простыню и увидела: зрачок «покойника» сокращается от света. Она закричала диким голосом, и это спасло отца: огласка такого факта — отправить живого человека в морг — в ту пору могла привести к плачевным последствиям. Отца стали питать более усиленно, чем если бы не случилось шума. Он выжил. Но был в таком состоянии, что не мог ни в армии служить, ни на гражданских работах трудиться. Как специалиста его отправили в Нижний Новгород, где он занимался приемкой танков Т-34. До самого Дня Победы был на этом посту.

В 1947 году отец пришел к Митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Григорию, у которого учился, и попросил рукоположить его. Митрополит смутился этим, потому что время было очень непростое. Но тем не менее через некоторое время принял решение рукоположить отца и назначил его священником в храм Смоленской иконы Божией Матери на Смоленском кладбище в Ленинграде, где находится знаменитая часовня блаженной Ксении Петербургской. Там, собственно говоря, имело место и мое церковное становление».

Выбор был сделан и за 70-летнего старца

«В нашем семействе трое детей. Старший брат — протоиерей Николай, он настоятель Преображенского собора в Санкт-Петербурге, профессор Санкт-Петербургской Духовной академии, преподает патрологию. Младшая сестра Елена является директором православной гимназии, а также возглавляет церковную школу при Санкт-Петербургской Духовной академии, где обучаются дети. Стоит заметить, что отец никак не вмешивался в определение нашего жизненного пути. Просто очень хорошая была атмосфера в семье — интеллигентные и любящие друг друга люди, никто ни на кого не давил.

Вообще я не помню, чтобы родители что-то нам приказывали. Все как-то так было правильно поставлено, что развитие в нужном направлении шло само собой. Я не помню ни одной ссоры между родителями. Маму звали Раиса, она родом из Петербурга, была преподавателем немецкого языка в школе. А потом уже занималась семьей, потому что дети требовали заботы и внимания. Дом наш такой был — никогда дверь не закрывалась, всегда люди приходили. Жили на Васильевском острове в коммунальной квартире, как и все советские люди».

Тем не менее будущий Владыка Кирилл, в миру Владимир Гундяев, имел возможность читать в домашней библиотеке па-

рижские издания Бердяева, Булгакова, Франка. Он был единственным в школе, кто не вступил в пионеры. В ответ на возмущение директора по этому поводу мальчик предложил: «Если вы согласны, чтобы я ходил в церковь в пионерском галстуке — тогда пожалуйста». Вопрос был снят. Естественно, что самостоятельная жизнь такого подростка началась раньше, чем у его сверстников. В 15 лет он был вынужден покинуть обычную школу и перешел в вечернюю, стал работать в геологической партии.

«Я оказался в среде весьма интеллектуальных и глубоко верующих людей, в окружении настоящей петербургской интеллигенции, — рассказывал Митрополит Кирилл. — Там познакомился с серьезной музыкой, с хорошим театром, у меня появился интерес к поэзии, литературе. Уже будучи студентом Ленинградской Духовной академии, подал прошение о монашеском постриге, и отец Евгений Абарцумов спросил меня: “Володя, ты отдаешь себе отчет в том, на что решился?” — “Да, — ответил я, — хотя, может быть, и не до конца”. — “Ты ведь определил судьбу не только 22-летнего юноши. Ты сегодня делаешь выбор и от имени 30-летнего и 50-летнего мужчины, каким станешь, и от имени 70-летнего старца. Ты за всех за них должен будешь сказать «да». А не может получиться так, что этот 40-летний или 70-летний человек однажды упрекнет тебя сегодняшнего?”

Я сказал: “Не знаю...” И решил положиться на волю Божию. Просто провел черту в календаре и сказал: “Вот день — 27 марта 1969 года. Если до той поры не встречу девушку, с которой буду готов пройти через всю жизнь, то принимаю монашество”. Получилось так, что не женился. И выбор был сделан.

Конечно, человек всегда остается человеком, и монашеская жизнь — далеко не самый простой удел из всех возможных. Многое зависит от стиля жизни. Мой духовный наставник Владыка Никодим учил: “Ты никогда не справишься со своими проблемами, если у тебя будет избыток свободного времени. Сделай так, чтобы у тебя никогда его не было”. Вот с той поры свободного времени у меня и нет».

Многие к вере пришли по проповедям Владыки

Имя просветителя славян равноапостольного Кирилла при монашеском постриге Владимиру Гундяеву досталось, как всем понятно сегодня и как выражаются церковные люди, не без особого смотрения Божия. Более четверти века назад был он рукоположен во епископы и с той поры не только архиерействует, но и проповедует истину Православия в Отечестве

и за рубежом, с любой доступной кафедры и даже вовсе без таковой — в храмах, в университетах, на военных кораблях, в школах и в местах заключения, на конференциях и «круглых столах», на телевидении и радио, во время многочисленных личных встреч. Около тысячи церковно-просветительских передач записано Владыкой Кириллом на телевидении, в России и за рубежом выходят его книги, он напрямую общается с самой разной аудиторией в ходе «прямых линий», специально организуемых для встреч с Митрополитом Кириллом популярными изданиями... Так сложилось, что, даже будучи православными по рождению и по исторической традиции, многие люди наши после семи десятилетий богоборческих гонений, и особенно в условиях современного мира, остро нуждаются в евангелизации, в пастырском назидании. За каждой Литургией православные возносят молитву: «Еще молим Тя, помяни, Господи, всякое епископство православных, право правящих слово Твоя истины, всякое пресвитерство, во Христе диаконство и всякий священнический чин». И сам Митрополит Кирилл, и его ближайшие сродники — как раз из «право правящих слово истины». «Я к вере пришла благодаря его проповедям», — сказала как-то одна знакомая. А другая отметила: «Очень умный человек. После его разъяснений все в голове по своим местам укладывается».

«Мы живем в эпоху торжества секуляризации — не столько формальной, подразумевающей отделение Церкви от государства, сколько фактической — с отделением светского начала от духовного, обмирщения массового сознания, вымывания религиозно-нравственных ценностей из повседневной жизни людей, — подчеркивал Владыка Кирилл. — Даже у религиозно ориентированных представителей общества Церковь не стоит в центре их существования, а смещена в сторону периферии. Для многих верующих жизнь во Христе и в лоне Церкви исчерпывается лишь посещением храма, в который они ходят в лучшем случае раз в неделю, а то и раз в месяц, раз в год... И поэтому обращение к такой аудитории должно быть уже особым, иным, чем в прежние исторические эпохи. Сегодня в большинстве случаев необходимо прежде всего исцеление сознания и сердца человека. Церкви следует открыть себя, сделать шаг навстречу нравственно искалеченным и духовно помраченным людям.

Что касается выбора моего жизненного пути, могу сказать: я с детства хотел стать священником. Потом, когда задумывался о своем призвании, о жизни, о том, куда пойти после школы, были сомнения — нужно ли сразу идти в семинарию. У меня были склонности к точным наукам, особенно к физике. И я подумал: неплохо было бы мне, наверное, вначале университет окончить. Но от этого шага удержал покойный Митрополит Никодим, который сказал, что надо идти

сразу в семинарию, не тратить время на физику. Что все необходимое придет само и что физиков у нас в Советском Союзе много, а священников не хватает. Он убедил меня в этом, и я никогда не жалел, что поступил так. Тем не менее интерес к природе вещей, к законам, которые управляют Вселенной, сохраняется. Я думаю, все это в сочетании с религиозными убеждениями дает определенную основу для моего мировоззрения».

Когда будущего Владыку Кирилла из Ленинграда вдруг направили управлять Смоленской епархией (как потом выяснилось — «по желанию светских властей»), он опечалился. Весьма благосклонный к молодому богослову Патриарх Алексей II сказал тогда: «Когда-нибудь мы узнаем, почему так было угодно Богу».

Среди разрушенных храмов епархии, добираться к которым приходилось порой на телегах, стоя у одной из главных икон России в городском соборе, будущий Митрополит понял: выросший при Ленинградском храме Смоленской иконы Божией Матери на Смоленском кладбище, он просто не мог не оказаться здесь, на смоленской земле. Ему предстояло поднимать из руин не только храмы, но и веру. Со временем — и во всей стране.

Сегодня Промысл Божий о Владимире Михайловиче Гундяеве — Митрополите Кирилле — открылся сполна. С шестнадцатым Патриархом тебя, Россия!

Газета «Республика Башкортостан», № 16, 2009 г.

Церковь и общество

1 февраля 1995 года на II Всемирном Русском Народном Соборе Председатель Отдела внешних церковных связей Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл выступил с докладом «Через духовное обновление русского народа — к его национальному возрождению».

Несмотря на кризис, в котором мы находимся, несмотря на многие скорби, которые имеют место в нашей жизни, мы сегодня обладаем свободой, возможностью самоопределения и как общество, и как народ, и как государство. Эту возможность самоопределения нельзя потерять. Напротив, именно теперь нужно сделать тот исторический выбор, который приведет наше Отечество к процветанию, а народ — к духовному и материальному благополучию.

После грехопадения весь род человеческий стал средоточием борьбы добра и зла, Бога и дьявола. И дьявол действует в истории, осуществляя свои разрушительные цели. Он действует обманом, искушением,

соблазном, насилием. Он действует всегда и повсюду. История человечества есть история борьбы Бога с дьяволом. Местом этой борьбы являются весь человеческий род и каждое человеческое сердце. И человек при искушении дьяволом имеет две возможности: либо поддаться искушению и стать орудием борьбы с Богом и правдой Божией, либо отвернуться от дьявола и принять Бога в сердце свое. Человек слаб, а дьявол силен. Но у человека есть возможность принять силу Божию. Благодать Божия, Божественная энергия — это то, что Бог передает людям, то, что Он сообщает каждому человеку, открывающему свое сердце навстречу Ему. Божественная благодать, действуя в гармонии с человеческой свободой, делает человека непобедимым перед какой бы то ни было дьявольской и вражеской силой. Об этом говорит нам апостол Павел: *«... благодатью вы спасены через веру»*. Но тут же предупреждает: *«... сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился»* (Еф 2, 8—9). Задача Церкви заключается в том, чтобы каждый человек смог получить силу Божественной благодати, Божественной энергии, вооружающую его в борьбе со злом и неправдой. Наш выбор в пользу добра становится выбором в пользу силы, ибо Бог сильнее дьявола. Сказанное относится и к личности, и к обществу, и к народу.

В прошлом наш народ сделал должный выбор. Он выбрал духовный идеал, кото-

рый был им усвоен через православную веру. Этот идеал был назван Святой Русью. Святая Русь — это не святые люди, ведь у нас всегда было достаточно грешников. Святая Русь — это не множество храмов и монастырей. Достаточно проехать по Западной Европе и убедиться, что храмов и монастырей там не меньше, чем было на Руси. Святая Русь — это духовно-нравственный идеал, который включал в себя главенство духовного над материальным. Наши благочестивые предки воспринимали материальные условия жизни как необходимые, но нужные именно для того, чтобы поддержать духовную доминанту жизни.

Так и жила веками Святая Русь: князья, менявшие порфиру на схиму и ратное поле на монастырь; святители, ставившие во главу угла смирение и правду, а с ними и весь русский народ, полагавший материальное благополучие не самоцелью, а вспомогательным средством поддержания земного бытия, полноту которого определяла духовная составляющая. Этим идеалом наши предки руководствовались и в личной, и в общественной, и в государственной жизни.

Духовный идеал в сознании допетровской Руси всегда значил несравнимо больше, чем политические цели. Я убежден, что известная доктрина «Москва — Третий Рим» была не внешнеполитической программой, но своего рода образом нрав-

ственных и духовных устремлений народа. Москва желала стать не политической столицей христианского мира, но столицей духовной, сияющей святостью, правдой, красотой и хранящей верность Православию.

Неудивительно, что сильное религиозное самосознание русских делало их весьма осторожными в восприятии приходящих извне влияний и моделей поведения, идей, обычаев и изобретений. Не было слепого преклонения перед чужим опытом, идеализации этого опыта. Но не было и косности, изолированности. Строго храня свой религиозный, нравственный, а значит, и общественный идеал, Русь в то же время активно поддерживала связи с Византией и со всей тогдашней Европой, о чем лучше всего свидетельствуют династические браки.

Русь не жила в изоляции. Но она всегда заботилась о своей духовной подлинности, духовной идентичности и поэтому критически воспринимала взгляды, приходившие к нам со стороны.

Крутой поворот в народном сознании приходится на начало XVIII столетия. С петровскими реформами происходит расслоение нашего общества на сословия, разрыв единого народного организма, изоляция сословий и как результат этого — весьма опасная по своим последствиям переориентация высшего сословия, образованной части общества в сторону чужих идеалов и ценно-

стей. Совершился некий отказ от того духовно-нравственного идеала, который мы именуем Святой Русью. Вместо открытости к внешнему миру, вместо культурного обмена с Западом началось порабощение сознания нашего образованного общества чуждыми идеями и чуждыми моделями поведения.

Сейчас, после того как мы прошли через тяжкие исторические испытания, в нашем народе, и в частности в церковной среде, существует некое романтическое видение прошлого, некая его идеализация. Прошлое действительно надо любить и память о нем нужно бережно сохранять, ибо, отбрасывая свое прошлое, уничтожая его, мы уничтожаем основу для построения будущего, органичного для нашей истории. Но, с другой стороны, не может быть и идеализации прошлого, потому что именно в XVIII и XIX веках начала расти, развиваться и созревать та страшная болезнь, та раковая опухоль, которая поразила наше общество, проросла в здоровую ткань общественного организма и вызвала страшные события — революцию и гражданскую войну. Задумываясь о будущем русского народа, мы должны усвоить уроки прошлого. Это предполагает вдумчивое, доброжелательное, но вместе с тем и критическое рассмотрение того, что произошло с нами.

Религиозный и нравственный нигилизм, который с чужого голоса усвоила русская

интеллигенция, усугубил разделение общества. Интеллигенция, оторванная от национальных корней и заблудившаяся в своих исканиях, утратившая понятие о духе и духовной жизни, но исполненная лжемиссианской гордыни, стала главным разрушителем традиционных идеалов. Интересы ее крайне односторонне сосредоточились на вопросе об ограничении самодержавия и на искании социальной справедливости, которая многим казалась достижимой только путем насильственного осуществления весьма искусственно привитых на русскую почву западных революционных идей. «Либеральная» интеллигенция неустанно пропагандировала свои идеи, «расцерковляя» русское самосознание и разрушая тем самым опору общественного бытия. Страшные последствия этой разрушительной работы надвигались неотвратимо.

История Русской Церкви XVIII—XIX веков весьма противоречива. С одной стороны, она была Церковью государственной, практически возглавлялась православным государем-императором, который заботился о Церкви. У Церкви был, что называется, «режим наибольшего благоприятствования». Но, с другой стороны, остается фактом и то, что церковное руководство находилось под строжайшим государственным контролем. Ни одно решение Синода не принималось без участия светской власти. И было бы заблуждением

считать, что государственные чиновники, которые участвовали в управлении Церковью, всегда были единомышленны с ней. Например, князь А. Голицын, когда император Александр I предложил занять ему этот пост, сначала добросовестно отказывался, говоря: «Какой я обер-прокурор, ведь я ничему не верю!»

Отсутствие связи с обществом, равно как и то, что действия Церкви контролировались светскими, часто не поддерживающими ее силами, привело к тому, что в нужное время у Церкви не оказалось ответа на проблемы, изнутри взрывавшие общество. Кроме внешних, были и внутренние, собственно церковные причины, помешавшие Церкви повлиять на происходящее в обществе. В самой Церкви был разрыв между духовной и интеллектуальной жизнью, между богословием и церковной практикой. Этот разрыв обуславливался тем, что русское богословие было основано на западной схоластической системе, которая оказалась привитой на нашу почву в Киеве, а затем распространилась по всей Руси. Интеллектуальный потенциал Церкви оказался изолированным и не связанным с реальной жизнью Церкви и общества. Несмотря на скудость и сомнительные качества плодов схоластического богословия, государственные чины стремились «напитаться» ими и светское общество, которое не столь легко усваивало их. Это еще более усилило разрыв между богословием

и жизнью, между требованиями времени и неготовностью Церкви ответить на них, и вся ответственность за это, естественно, ложилась на Церковь, которая объявлялась уделом невежественных и непросвещенных масс.

Факторы, которые ограничили влияние Церкви на мир, на общество, не устранены до конца и теперь. И мы должны со всей ясностью свидетельствовать о том, что сегодня эти трудности нам надо преодолевать с не меньшей решительностью, чем то следовало бы делать в прошлом столетии.

Тем временем успехи светской науки, усложнение политической и общественной жизни, появление свободомыслия, деятельность тайных обществ, возникновение атеизма, рост революционных настроений требовали церковного осмысления, авторитетного для народа церковного ответа. Выше было сказано, что светское общество, интеллигенция оказалась в отрыве от Церкви и что этому отрыву содействовала изоляция сословий. Последствием изоляции стала не только деформация национального самосознания в кругах «просвещенной» общественности, но и подмена национального самосознания иным самосознанием, которое условно можно назвать космополитическим. Это произошло именно потому, что духовно-нравственный идеал христианства был искусственно отдален от интеллигенции. Опыт истории свидетельствует и о другом:

расцерковленное, лишенное духовного идеала национальное самосознание может создать почву для настроений, чуждых христианской вере: идей национальной исключительности и национального мессианизма, недоброжелательного, враждебного отношения к другим национальностям. Я думаю, что Всемирный Русский Собор избрал действительно ключевую тему: связь духовного возрождения и национального самосознания. Возвращение в нашу жизнь христианского нравственного идеала есть неременное условие возрождения и национального самосознания, условие ограждения этого сознания от тех крайностей и опасностей, через которые оно уже прошло, а иногда и сегодня еще проходит. Духовное возрождение есть условие выживания нашего общества.

Никакие злоумышленники не смогли бы разрушить русскую государственность, если бы народ сам не ослабил ее, подточив ее духовные основы; если бы чиновники не стремились к внедрению в административное управление искусственных, чужеродных моделей, не совместимых с многовековыми народными традициями; если бы молодежь, лишенная здорового духовного воспитания, не попадала в сети экстремистских и террористических организаций. История, как говорят, не знает сослагательного наклонения. Однако, не осознав причин великой всенародной беды, не поняв, что лишило нас духовной

силы, невозможно восстановить здоровое течение русской жизни, невозможно воскресить Святую Русь.

И здесь позвольте мне перейти к размышлению, которое я охарактеризовал бы как попытку дать духовный, церковный ответ на вопрос о кризисе, существующем в нашем обществе. Давайте подумаем, что же все-таки с нами происходит? Какую бы сферу жизни мы ни взяли, везде кризис: экология — кризис, культура — кризис, армия — кризис. О чем это говорит? О том, что кризис, переживаемый нами сегодня, есть кризис не политический, не экономический, не экологический, не культурный — это кризис личности, кризис нашего самосознания. Только этим кризисом можно объяснить глобальность бед, через которые сегодня проходит наш народ и наше государство. И легко доказать, что в основе бед лежит неспособность многих наших соотечественников отличать добро от зла. Достаточно внимательно посмотреть программу новостей по телевидению, чтобы ужаснуться, увидев, как люди не ведают, что творят.

Политика в России всегда была политикой принципов. Сегодня же это политика интересов корпораций, интересов политических партий и, самое отвратительное, интересов отдельных личностей. Но что означает такая государственная политика? Неслучайно мы сталкиваемся сегодня с весьма распространенным и угнетающим

сознание людей фактом, когда политики с легкостью обещают многое во время своей предвыборной кампании, но немедленно забывают эти обещания, взойдя на желанную ступень политической власти. И невозможно отделаться от чувства, что здесь мы имеем дело не с плохой политикой, а с плохими людьми, что здесь тоже нравственная проблема.

Если мы продолжим эти размышления и поговорим об экономике, становится совершенно ясно: дело не только в том, что не существует эффективных экономических программ. Мы испортим любую, самую блестящую программу, если будем работать так, как работаем сейчас: забывая, что такое долг, что в труде человек должен творчески выражать себя, а не стремиться только к собственному обогащению вне зависимости от результатов труда. Никакая самая распрекрасная экономическая теория, никакие самые замечательные и распрекрасные экономисты не могут изменить наше положение, пока мы будем врать, обманывать и воровать друг у друга. И об этом нужно кричать во весь голос. Какая экономическая политика поможет нам в условиях разграбления национальных богатств? Приведу вам пример своей беседы с одним нашим так называемым бизнесменом, который действительно заработал и, по всей вероятности, честным трудом большие деньги. Я спросил у него: «У вас есть деньги, на которые можно купить

целый город? Куда эти деньги идут, что вы с этими миллиардами делаете?» И он отвечает мне: «Я их вкладываю в строительство порта». Я заинтересовался и сказал: «Как хорошо. Вот я — Митрополит Калининградский. Мы действительно нуждаемся в модернизации Калининградского порта». Он заулыбался и ответил: «Нет, я вкладываю деньги в модернизацию порта на Филиппинах». Да, конечно, нужно создавать условия, при которых инвестиции без всяких опасений можно будет вкладывать в хозяйство России. Но при нарушенном нравственном чувстве мы ничем не заставим человека вложить свои деньги туда, где они, быть может, дадут меньшую отдачу, но послужат благу других людей.

А наше экологическое положение? Загрязненные города, села, водоемы... Пока ребенок с легкостью ломает дерево, топчет траву и цветы на клумбе, пока он воспитывается в сознании вседозволенности по отношению к природе, которое затем, когда он вырастет, превратится в преступное сознание на уровне политики, — мы не преодолеем кризиса. Ибо корни этого кризиса в нашей душе.

Я уже не говорю о преступности. Когда нам говорят, что у нас плохие законы, я спрашиваю: «А как же те русские старушки в наших деревнях, которые никогда не читали законодательного кодекса, но ни одного закона никогда в жизни не нарушили?» Апостол Павел учит нас, что даже

язычники «*по природе законное делают*» (Рим 2, 14), то есть если человек живет по совести, по внутреннему нравственному закону, который Бог вложил в его природу, то исполнение законов человеческих осуществляется автоматически, ибо любой закон, совершенный или менее совершенный, созданный в более или менее нормальных условиях, имеет своей базой основные нравственные положения, по замыслу Божию присущие человеческой природе. Итак, нравственность есть способность отличать добро от зла, использовать Богом данную свободу для ориентации личности в сторону правды и добра. Без духовно-нравственного возрождения мы не преодолеем кризиса личности, а значит, и всех тех соблазнов, разломов и трагедий, которые омрачают сейчас жизнь нашего Отечества и душу каждого из нас.

Сегодня говорят о некоей объединительной идее. Это можно слышать во многих местах, особенно в вооруженных силах. Рассуждают примерно так: была старая идеология, мы были чему-то научены, к чему-то стремились, а что теперь? Да, должна быть объединительная идея. Но нужно помнить, что на пути создания этой идеи существуют по крайней мере два соблазна, которых нужно избежать. Объединительная идея не должна быть результатом прагматизма и ориентироваться на достижение сиюминутных политических целей. Ее также нельзя брать со стороны и слепо копи-

ровать. Она должна быть органичной для нашего национального самосознания. И я глубоко убежден, что главным вектором этой идеи должен быть синтез высокого духовного нравственного идеала, который был проповедан Православной Церковью, усвоен нашим народом и вошел в плоть и в кровь нашей культуры, и подлинного патриотизма. Это есть идея просвященного (от слова — «святость») патриотизма, ибо нравственный идеал Евангелия способен предохранить патриотическое чувство и патриотическую мысль от крайностей, очистить, возвысить и подлинно освятить их. Одухотворенный христианством патриотизм ни для кого не опасен, как не опасно само христианство — религия любви и мира. Эта объединительная идея не исключает тех, кто принадлежит к нехристианским религиям, или тех, кто ищет нравственную мотивацию в светском гуманизме. Ибо основные нравственные ценности христианства не оспариваются ни первыми, ни вторыми. За этой-то идеей и пойдет наш народ, ибо она органична нашему прошлому и неразрывно связана со всем, чем дышим и живем мы, русские люди, несмотря на все трудности нашего исторического пути.

Семьдесят лет господства государственного атеизма в стране не истребили ни религиозного чувства, ни тяготения к духовным ценностям у многих наших сограждан. Это ясно показало уже повсемест-

ное празднование 1000-летия Крещения Руси, в котором принимали участие люди, принадлежавшие к третьему поколению, воспитанному в годы богоборчества.

Несмотря на все, что внушалось человеку с первых шагов его жизни до окончания института, аспирантуры и далее на всевозможных политзанятиях, несмотря на непрерывный поток атеистической пропаганды через средства массовой информации и искусство соцреализма, каждый человек, родившийся и выросший в России, чаще всего не отдавая себе в том отчета, соприкасался с духовной и культурной традицией, сформированной под влиянием Православия.

Сегодня мы убеждаемся, что этот идеал жив, что люди проявляют интерес и стремление к нему, хотя многие из них не способны воспринять его в рамках непосредственного религиозного опыта. Однако они чувствуют, что Православие — это неотъемлемый элемент русской национальной культуры, что в нем — духовная и нравственная сила, на протяжении веков скреплявшая народ и объединявшая Отечество. Эти люди стоят на пороге Церкви, но не имеют решимости войти внутрь. Среди таких людей есть и политики, и коммерсанты, и писатели — их много, и они очень разные.

Какие же средства нужны для того, чтобы возродить традиционный духовно-нравственный идеал, сделать его зримым, привлекательным и понятным для наших

людей? Здесь я бы использовал такое слово, как «воцерковление». Я знаю, что многие, особенно в либеральных демократических кругах, шарахаются от этого слова. Люди, воспитанные на понятиях прав человека, религиозной свободы, иногда думают, что речь идет о клерикализации. Однако воцерковление — это не возрастание политической роли Церкви, не стремление сделать приоритетным интересы церковных структур. Воцерковление — это преодоление разрыва между опытом повседневной жизни и религиозным опытом, который мы обретаем как члены Богочеловеческого организма, Церкви Христовой. Через воцерковление духовно-нравственный идеал Православной Церкви из предмета интереса и осторожного любопытства становится целью, осуществляемой в личной, семейной и общественной жизни. Через воцерковление человек входит в молитвенный и литургический опыт Церкви и в этом опыте черпает благодатные силы для построения личной жизни и общественного служения.

Наше общество в условиях опасного усугубления нравственного кризиса ради самосохранения должно быть кровно заинтересовано в оживлении духовно-нравственного идеала, в течение веков определявшего поведение и поступки миллионов русских людей, от крестьянского ребенка до царя.

Воцерковление нашего народа способно воскресить Россию и дать ей силы вновь

стать Святой Русью, способной противостоять силам зла и разрушения. Для этого потребуется восстановление полнокровной церковной жизни на всех уровнях, включение в этот процесс различных культурных и профессиональных групп рабочих, земледельцев, воинов, творческой интеллигенции, деятелей науки и культуры, пенсионеров, инвалидов, лиц, находящихся в заключении.

Задача архипастырей и пастырей — пробудить этот процесс, внести Евангельскую закваску во все многообразие жизни общества, обращаясь к опыту прошлого за вдохновением и извлекая необходимые уроки.

Не следует стремиться к механическому восстановлению «старого мира», приняв за образец «средневековое Православие». Нужно уважать законную автономию современных форм самоорганизации общества. Воцерковление, повторяю, не означает клерикализацию общества. Воцерковление есть одухотворение личной и общественной жизни, принятие высокого «нравственного стандарта» жизни. Церковь, исповедующая Божественное происхождение нравственного начала в человеке, способна предотвратить в обществе нравственный релятивизм, возникающий всякий раз, когда отрицается Божественное происхождение нравственности, а вместе с тем и абсолютное ее значение.

Однако когда мы говорим «Церковь», то должны ясно осознавать, что Церковь —

это все мы, крещенные в православной вере, несущие ответственность за нашу веру и за осуществление ее через реальное соучастие в спасительной Тайне Христа. Поэтому, говоря о вкладе Церкви в культуру, искусство, науку, экономику, экологию, миротворчество, устройство государственной и общественной жизни, мы имеем в виду не только и не столько людей в рясах — духовенство, сколько миллионы мирян, полнокровных членов Русской Православной Церкви, которые, оставаясь каждый на своем месте и в то же время делая каждый общее дело, реально соучаствуют в возрождении своей великой Родины.

Сегодня даже те верующие, которые регулярно посещают храмы, далеко не всегда образуют подлинную приходскую общину. Богослужение, благодатию Божией сохраняя свою мистическую сущность, внешне, социологически представляется собранием в общем-то далеких друг от друга людей, разобщенных современной урбанизацией или одичалостью русской деревни.

Как бы далеко ни отстоял приход от идеальной христианской общины, как бы далеко ни отстояли его члены от совершенной христианской жизни — в богослужении раскрывается красота этого идеала и указываются пути его достижения. Поэтому важно, чтобы внешние формы богослужения способствовали раскрытию и усвоению смысла Литургии, который должен быть понятен всем людям, а членам общины

прежде всего. Но, утверждая это, необходимо помнить, что в Церкви осуществляется Таинство спасения, здесь всегда присутствует тайна, которую мы лишь отчасти способны прозревать в нынешнем веке, но которую лицом к лицу будем лицезреть по ту сторону жизни. Другими словами, как бы ни стремились сделать совершаемое Церковью понятным для себя и для наших современников, присутствие тайны неустранимо. Некоторым ныне эта тайна кажется чрезмерной, так как восприятие этой тайны требует христианского подвига, постоянного духовного напряжения и роста, который многим пока не свойствен.

Однако отягощать этот подвиг чисто внешними человеческими «неудобоносимыми бременами» и заставлять людей нести такие бремена — это тоже заблуждение. Чтобы избежать легкомысленных и незрелых суждений о в принципе законных, как об этом свидетельствует история Церкви, литургических преобразованиях, требуется соборный разум всей Полноты Церкви. Но не нужно никаких идей сверху или революций снизу. Только вдумчивое, неспешное, с молитвой, общецерковное размышление способно обеспечить соборное принятие достойных решений и их последующее осуществление. Это рассмотрение должно принять во внимание как опыт иных Поместных Православных Церквей, так и дискуссию в нашей Церкви по данной проблеме в начале века.

Обсуждение этих проблем не дает плода, если одновременно не будет осуществляться духовное просвещение и религиозное образование людей. И благодарение Богу, что состоявшийся 29 ноября — 2 декабря 1994 года Архиерейский Собор нашей Церкви принял много важных решений по возрождению миссионерской деятельности Церкви и по всестороннему развитию духовного просвещения.

В решениях Собора отмечалось, что в наши дни многие народы земли находятся в состоянии духовного кризиса, когда размываются истинные представления о Боге и о человеке как о творении Божиим. В нашей стране, кроме того, многолетнее господство атеизма насильно лишило несколько поколений людей духовных знаний, опустошило души. Появилось много лжеучений, настойчиво и целенаправленно подрывающих многовековые традиции и устои нашего народа. Проповедники этих лжеучений открыто выступают в средствах массовой информации, в концертных залах, Домах культуры и на стадионах, организуют свои издательства и распространяют свою литературу, открывают школы и вторгаются в систему государственного образования, финансируют обучение молодежи за рубежом и так далее.

Хотя пресса и продолжает еще упрекать общество в «моде на Православие», но в жизни все обстоит как раз наоборот — реальна мода на оккультизм, на всякого рода псевдорелигиозный мусор.

Наш нынешний соотечественник оказался незащищенным перед натиском этой стихии. И здесь работает совершенно конкретная закономерность. Семьдесят с лишним лет нас воспитывали в том, что религия — это явление со знаком минус, а атеизм — со знаком плюс. Жизнь показала, что система, основанная на атеизме, не работала, и многие люди разочаровались. Произошло некое обратное движение, и атеизм начал восприниматься априори со знаком минус, а любая религия, любое слово о Боге — априори со знаком плюс, совершенно некритично, с полным доверием. Как-то посещаю я один из районных городов Смоленской области и спрашиваю директора Дома культуры: «Зачем же вы пустили в свой Дом культуры каких-то заезжих миссионеров, у которых здесь нет ни одного последователя?» А он мне говорит: «Что же здесь плохого? Они ведь о Боге говорят!» — это результат примитивного деления на веру и неверие. Но ведь сфера религии — это сложнейшая сфера, где действительно есть разные пути к Богу, но могут быть и ложные пути, тупики, явления крайне опасные, подрывающие духовное и даже физическое здоровье человека.

Такой духовной растерянности мы должны противопоставить православное религиозное образование. Но что происходит у нас в этой области? Все — вроде бы за духовное возрождение, за нравственность. В речах почти каждого государственного

или общественного деятеля вы непременно найдете пассаж, заключающий в себе некую апелляцию к этой проблеме, к необходимости ее скорейшего решения. Но в то же самое время в наши школы, подчас при поддержке чиновников от образования, приходят заезжие миссионеры и обращаются со своей проповедью к нашим детям. А когда Православная Церковь заявляет, что она должна иметь право обращаться к народу, и в частности к детям, то нам говорят: «Нельзя, свобода совести, свобода выбора не позволяет». Мы на это отвечаем: «Мы стоим за свободу совести и свободу выбора как никто, потому что мы больше всех пострадали от отсутствия этой свободы. Но где же здесь свобода выбора, если 80% наших детей, крещенных в Православной Церкви, не имеют права пригласить к себе священника, а в классе, где нет ни одного сектанта, ни одного приверженца азиатских культов, ко всем 100% учащихся приходят проповедники этих религий, нарушая тем самым свободу 80% детей, крещенных в Православной Церкви. Нам не нужно никаких действий, нарушающих свободу совести. Нам нужна возможность официально прийти к этим детям, и если государство провозглашает принцип свободы совести, если оно включило его в конституцию, то оно должно материально обеспечивать его реализацию. Ведь в той же Финляндии, если в классе около 10 детей исповедуют ту или иную

религию, государство берет на себя ответственность за преподавание им — не всему классу, а именно им — этой религии. Давайте введем и в наших классах эту пороговую величину, например 25%. Если больше 25% детей желают изучать ту или иную религию, государство обязано обеспечить такое обучение и законодательно, и материально». Однако нам говорят: «Нет, давайте факультативно». А что такое факультатив? Это преподавание религии в свободное от уроков время. Но мы все были детьми и знаем, что такое шесть часов на уроках просидеть. Кто после этого пойдет на уроки религии — три-четыре энтузиаста, и то изредка. Поэтому рассуждениями о свободе совести кое-кто прикрывает свои усилия помешать преподаванию религии в школе, и об этом сегодня нужно громко говорить. Думаю, что Собор должен обратиться в Государственную Думу с требованием принять закон, обеспечивающий это право. Работа над проектом такого закона уже ведется, но, к сожалению, работа эта свидетельствует о желании определенных политических сил окончательно лишить Русскую Церковь возможности воспитывать свой народ в том самом духовно-нравственном идеале, об отсутствии которого эти же самые силы и вздыхают на множестве собраний, в телепередачах и газетных статьях.

Неотъемлемыми частями церковной деятельности, прямо связанными с соци-

альной жизнью человека, являются духовное просвещение и благотворительность. Причем, оторванные от благодатной жизни христианской общины, они сами по себе могут утратить полезность для человека и общества. Поэтому первоочередными задачами являются: возрождение прихода как общины единомышленников, совместно осуществляющих свое служение друг другу и всем нуждающимся; восстановление института диаконии в начальном значении — служения на ниве церковной благотворительности; возрождение церковных братств и различных православных движений (женских, молодежных, трезвеннических и так далее).

На приходском уровне просветительская деятельность и служение милосердия могут иметь и специализированные учреждения. К ним, в первую очередь, можно отнести: школу (воскресную, или приходскую, с отделениями для детей и юношества), катехизические курсы для взрослых, приходскую библиотеку, детский сад, братство трезвости, приходскую богадельню, столовую для бедных и так далее.

Важно осознать, что приход может быть центром притяжения и социальной жизни всего населения той или иной местности, а не только лишь людей религиозно активных. Это в полной мере относится ко всем приходским учреждениям, таким, как школа, детский сад, библиотека, трапезная. К ним могут добавляться и другие,

например магазин, филиал банка, подсобное хозяйство за городом, экскурсионный отдел и так далее. Все эти учреждения могут в полной мере удовлетворять потребности всего населения микрорайона или села.

Очевидно, что организованная таким образом приходская жизнь уже не может трактоваться как удовлетворение «сугубо религиозных» потребностей общины. А следовательно, приход и другие канонические церковные структуры вправе ставить вопрос о возвращении государством или новыми собственниками движимого и недвижимого имущества, отнятого в послереволюционный период и ныне жизненно необходимого Церкви для ведения благотворительной, просветительской и иной общественно полезной деятельности. Пока же мы наблюдаем прямо противоположное: имущество, принадлежавшее некогда церковным общинам, приватизируется новыми владельцами.

Принцип свободы совести должен соблюдаться неукоснительно. Именно поэтому православный священник должен иметь возможность приходить туда, где присутствуют православные люди и где они желают встретиться с пастырем: в школу, в армию, больницу и так далее.

Мы наблюдаем и то, что из телевидения и радио уходит национальная и даже общечеловеческая культура. Происходит безудержный рост антикультуры,

пропаганда секса, насилия, развратного и преступного образа жизни. Насилие навязывается в качестве единственного способа разрешения конфликтных ситуаций, изменения порядка вещей. Запущены в действие колоссальные средства направленного воздействия на человека с целью кардинального изменения его менталитета и поведения — изменения, к сожалению, не в лучшую сторону. Перед этим особенно незащищено молодое поколение, еще не успевшее укрепиться в положительной системе ценностей. Об этом говорилось в открытом письме Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II министру печати и информации Российской Федерации.

На этом неутешительном фоне голос Церкви почти не слышен, несмотря на то, что церковная информационная служба дает достаточно материала для средств массовой информации.

Воцерковление культуры не означает, что непременно должно появляться больше литературных произведений, прямо касающихся религиозной или церковно-исторической тематики, не означает, что экраны телевизоров должны заполниться религиозными передачами. Это означает, что наша творческая интеллигенция — писатели, художники, драматурги, композиторы, режиссеры — в качестве главной своей задачи должны видеть возрождение духовно-нравственного идеа-

ла, присущего отечественной литературе и искусству.

Художественная литература, публицистика, критика, искусствоведение призваны помочь современному человеку сбросить с себя путы анти- и псевдокультуры, выработать способность к самозащите от потока лжи, дезинформации, пропаганды пошлости, насилия.

Само богословие, а точнее — богословствование, должно перестать быть уделом профессионалов. Как важно, чтобы вечные вопросы о добре и зле, о смысле человеческой жизни, о непреходящих нравственных ценностях снова заняли достойное место в отечественной литературе и искусстве. Это и есть воцерковление культуры: именно воцерковление, а не клерикализация, не подчинение искусства Церкви, а соработание во имя спасения.

В нашем обществе многие не разделяют религиозных убеждений и вдохновляются мотивацией светского гуманизма. Но не следует противопоставлять религиозную и светскую культуру. Наоборот, необходимо признать искусственный и опасный характер провоцируемого ныне конфликта между Церковью и культурой. За этим стоит тот, кто боится духовного объединения России. И поэтому диалог Церкви и культуры должен вестись без посредников: священникам и богословам необходимо напрямую разговаривать с писателями, художниками, музыкантами, реставраторами, искусствоведами...

Духовно-нравственный идеал, который стремится возродить в России Православная Церковь, не представляет опасности ни для кого, ни для одной социальной группы. Наша Церковь многонациональна и имеет многовековой опыт мирного сосуществования с другими религиями: буддизмом, исламом, иудаизмом. Она готова со всеми сотрудничать ради достижения мира и гражданского согласия. Русскому человеку свойствен дух универсализма, соучастия. Православный человек не может быть националистом. Он открыт для диалога и взаимодействия.

Многие из наших соотечественников, рассуждая о падении былого величия и грядущем возрождении русской нации, так или иначе опираются на соотнесенность русского национального самосознания с Православием. Другие признают универсальный, наднациональный характер Церкви, ссылаясь на слова апостола Павла о том, что во Христе *«нет ни Еллина, ни Иудея»* (Кол 3, 11).

Прекрасно разрешает эту проблему русский философ Иван Ильин. «Различие между религиозной и патриотической общиной, — пишет он, — состоит в том, что в религии люди любят Бога и верят в Бога, а в патриотическом единении люди любят свой народ в его духовном своеобразии и верят в духовную силу и в духовное творчество своего народа. Народ — не Бог, и возносить его на уровень Бога — слепо

и грешно. Но народ, создавший свою родину, есть носитель и служитель Божия дела на земле, как бы сосуд и орган Божественного начала. Это относится не только к “моему” народу (кто бы он ни был), но и ко всем другим народам, создавшим свою духовную культуру. Следовательно, это относится и к моему народу, а это для меня теперь важнее всего» (Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1933. С. 231).

Духовное возрастание личности осуществляется в ее ближайшем окружении: в семье, в трудовом коллективе, в общине, наконец. Именно на это окружение проецируется наш внутренний мир. Духовно возрастая, мы преображаем самих себя, наши семьи, общественные отношения, мы преображаемся как народ. Но с другой стороны, культурная среда обитания является нашей колыбелью, мы возрастаем в ней, усваивая черты национальной идентичности; и для нашего спасения отнюдь не безразлично, каковы эти черты.

Поэтому Православная Церковь воспитала и национальное самосознание народа, привнеся в него возвышенный христианский нравственный идеал и любовь к земному Отечеству, к своему народу, видя в этом один из реальных путей осуществления заповеди Божией о любви к ближнему.

В заключение хотел бы сказать следующее. Неизмеримое количество раз Русская Православная Церковь устами Его

Святейшества на всех уровнях заявляла, что ей не нужно никаких привилегий, никакого статуса государственной религии. Нам нужна свобода. Нам нужно, чтобы общество имело возможность выслушать пророческий голос Церкви, даже если он неприятен власти имущим или политическим деятелям. Но из уст Церкви даже правитель может воспринимать критику со спокойствием и благодарностью, ибо Церковь — это не политическая оппозиция. Она не стремится к власти. Оппозиция, критикуя правительство, всегда подразумевает, что правительство плохое, а оппозиция хорошая и все изменит к лучшему, если она заменит правительство. А критика со стороны Церкви является голосом совести народа, и она должна с благодарностью и спокойствием восприниматься обществом.

Вот за такую свободу мы и боремся сегодня. Ведь мало говорить — нужно, чтобы нас слышали. Мы с благодарностью храним в своей памяти опыт многих и многих тружеников церковных, верующих людей, которые в трудные годы наполняли наши храмы. К ним всегда обращалось наше слово. Но сегодня, на данном историческом перепутье, голос Церкви должен быть слышен всему народу, всему обществу, и голос этот должен звучать, например на телевидении, не в то время, когда большинство нормальных людей спит, а тогда, когда народ, долгие годы силой

отлученный от своей Церкви, мог бы его слышать.

Совершенно очевидно, что настало время, когда все мы должны задуматься о путях духовного обновления нашего народа и возрождении его национального самосознания.

*«Журнал Московской Патриархии»,
№ 1—4, 1995 г.*

«Мое убеждение состоит в том, что в современном мире нормы поведения должны вырабатываться в реальном диалоге...»

4—6 апреля 2006 года в Москве прошел X Всемирный Русский Народный Собор (ВРНС), посвященный теме «Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке». В повестку дня Собора включен вопрос о правах человека. В преддверии события дал комментарии для сайта Представительства Русской Православной Церкви при Совете Европы в Страсбурге Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, который является заместителем Главы ВРНС.

Что такое Всемирный Русский Народный Собор? Когда он возник и какие его цели?

— Всемирный Русский Народный Собор — это международная общественная организация, которая возникла в 1993 го-

«Мое убеждение состоит в том, что в современном мире нормы поведения должны вырабатываться в реальном диалоге...»

ду. Главой Собора является Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Надо понимать, что в русской традиции, помимо церковных, наименование соборов имели также государственно-общественные собрания, созывавшиеся для решения важнейших вопросов народной жизни. Поэтому и сегодня каждый год на форум ВРНС собираются люди, придерживающиеся различных политических убеждений и представляющие различные слои общества как в России, так и в зарубежных странах. На Соборы также приглашаются представители разных национально-культурных традиций, имеющих тесные связи с русским миром.

Цель организации состоит в том, чтобы объединить духовные и интеллектуальные силы людей русской культуры, которые проживают в различных странах мира. Это делается для того, чтобы они могли совместными усилиями внести свой вклад в развитие человеческой цивилизации, создавая мир и сотрудничество между различными народами и культурами. По названиям тем, которые рассматривались на Соборах за прошедшее время, можно судить, что русских людей волнуют проблемы, актуальные для многих народов мира. На предыдущих Соборах рассматривались такие темы, как «Вера и труд», «Диалог цивилизаций», «Вера и власть», «Угрозы терроризма и фашизма». Участниками Соборов были Президент России

В. В. Путин, премьер-министры России, лидеры крупнейших политических партий, известные деятели науки и культуры, лидеры традиционных религий России.

В июле 2005 года ВРНС получил консультативный статус при Экономическом и социальном совете ООН. Это позволяет нашей организации вступать в диалог с представителями других цивилизаций и свидетельствовать о русской традиции на самом высоком международном уровне.

В чем состоит актуальность настоящей темы Собора и как с ней связана проблема прав человека?

— В современном мире одной из главных проблем является сохранение культурной и религиозной идентичности как отдельной личности, так и целых народов. Процессы глобализации способствуют очень интенсивным контактам между различными культурами. Происходит встреча идей и разных укладов жизни. Мы наблюдаем, как в этой среде одни культуры стремятся навязать свой образ жизни, другие признают право каждой цивилизации жить согласно своей традиции.

Русский народ не ставит никаких экспансионистских целей и не желает навязывать свое видение мира другим народам. Однако он стремится сохранить свою самобытность в вере, культуре, общественной жизни. На это он имеет полное право. Это не должно вести к замкнутости и от-

«Мое убеждение состоит в том, что в современном мире нормы поведения должны вырабатываться в реальном диалоге...»

гораживанию России от других народов. Наоборот, осознание и сохранение своей самобытности открывает для русской культуры путь творческого созидания жизни мирового сообщества на равных с представителями других цивилизаций.

Мое убеждение состоит в том, что в современном мире нормы поведения должны вырабатываться в реальном диалоге. Ни одна из цивилизаций не может утверждать, что ее стандарты жизни являются универсальными, хотя сегодня подобные претензии исходят от сторонников определенной трактовки концепции прав человека. Бесспорно, права человека занимают центральное место в системе международного права и оказывают влияние на жизнь каждого человека. Однако проблему в функционировании этой концепции создает довольно распространенная позиция, утверждающая, что только ультралиберальное понимание прав человека является единственно верным. Безусловно, в этой трактовке есть много положительного, но есть много такого, что противоречит представлению различных традиционных религий о человеке. По моему мнению, настало время начать серьезный разговор об этой концепции и заново искать консенсус в ее понимании и применении.

На Ваш взгляд, какой вклад в развитие концепции прав человека может внести русская православная культура?

— Как раз Собор и должен будет сказать об этом вкладе. После окончания форума можно будет дать наиболее полный ответ на этот вопрос. Сейчас же я хотел бы поделиться только одним соображением, которое, на мой взгляд, является очень важным для начала дискуссии.

В центре концепции прав человека лежит представление об одинаковом достоинстве каждого человека. Христианство не возражает против этой идеи, но задается вопросом, что подразумевается под достоинством человека. К сожалению, сегодня наблюдаются тенденции включить в это понятие такие вещи, которые противоречат религиозному пониманию природы человека. До сих пор содержание достоинства человека раскрывалось постепенно в истории. Этому соответствовало расширение количества прав и свобод в различных общественных сферах. Первыми появились политические, затем экономические и социальные, наконец, культурные права. Современное же развитие прав человека затрагивает уже природные характеристики личности. В права вносятся проблемы пола, генетических особенностей, понятие смерти. Другими словами, мы вплотную подходим к попытке юридического определения того, что такое человек. Как вы понимаете, этот вопрос не может быть безразличен для религии.

Конечно, решать проблему необходимо, так как научный прогресс идет вперед, стремительно меняется уклад жизни лю-

«Мое убеждение состоит в том, что в современном мире нормы поведения должны вырабатываться в реальном диалоге...»

дей, под угрозой находится окружающая среда. Наше убеждение состоит в том, что при ее решении не должен доминировать секулярно-либеральный подход в качестве универсального. Почему все в обществе должны считать, что человеческая жизнь начинается только с 14-го дня жизни эмбриона, а не с его зачатием? Почему общество должно считать, что гомосексуализм — это одно из проявлений человеческой природы, а не заблуждение, требующее терпеливого исправления? Почему считается, что допустимо из человеческих эмбрионов получать лекарства? Этих «почему» можно привести еще много. Церковь утверждает, что Бог через свои заповеди дал самое точное представление о предназначении человека, о его природе. Из Божественного Откровения мы знаем, что ей вредит, а что ее способно оживлять. Несмотря на различные богословские учения, большинство религий мира сходятся в определении того, что есть плохо, а что есть хорошо для человека. Почему же обществу навязывается секулярный подход к этим вопросам?

На сегодняшний день я бы так сформулировал озабоченности, которые волнуют православных людей. Посмотрим, какие ответы на эти вопросы даст Собор.

<http://www.strasbourg-reor.org/>

«Человечество должно оказаться способным состыковать различные цивилизационные модели»

В дни работы X Всемирного Русского Народного Собора (4—6 апреля 2006 года) Владыка Кирилл ответил на вопросы ведущего информационно-аналитической программы «Вести-плюс» Дмитрия Киселева (телеканал «Россия»).

Кажется, Русская Православная Церковь становится в ряды антиглобалистов, если сам Патриарх Московский и всея Руси заявляет о необходимости религиозно-культурной многоукладности мира...

— Возможно, в каком-то смысле так оно и есть. Хотя под антиглобалистами чаще всего подразумеваются люди, которые разбивают витрины и опрокидывают машины, выражая самым энергичным и радикальным образом свой протест, и в этом смысле, конечно, речь идет не о нас. А вот если глобализацию понимать как некий

процесс всеобщей унификации и глобального нивелирования, как перспективу обрядить весь мир в пиджак, скроенный по единому для всех лекалу, то тогда, конечно, мы против такого обезличивания.

Под «пиджаком» имеются в виду государственное устройство, политические стандарты, иные правила или их отсутствие?

— Я думаю, нужно говорить прежде всего о цивилизационной модели. Если весь мир будет построен по единому цивилизационному образцу, то такой образец для одних наций и народов окажется своим, а для других — чужим. Устройство будущего мира не должно быть таким. Род людской призван сохранить богатую многоукладность человеческого существования, исторически сложившуюся культурную диверсификацию. Но его долг состоит также и в том, чтобы оказаться способным состыковать различные цивилизационные модели в широком сотрудничестве и в духовном обмене.

Если в мире существует многоукладность, если есть, скажем, американский, японский и иные уклады, то есть и российский уклад. Каковы, на Ваш взгляд, его особые черты?

— Думаю, сегодня все мы пытаемся сформулировать ответ на данный вопрос, потому что от этого зависит слишком многое. Если сказать в двух словах, то, наверное, это будет способность сочетать модерниза-

цию и традицию. И если нам удастся выразить некие основополагающие принципы нашего национально-культурного бытия ясным и понятным языком, то, думаю, мы сумеем сформулировать идею того, что вы назвали русским укладом.

Где пределы модернизации и где пределы традиции? На Всемирном Русском Народном Соборе формулируют миссию России в XXI веке, но не устала ли Россия от своей миссии, или уж без миссии ей совсем никак нельзя?

— Если под миссией подразумевать некое послание, то возникает вопрос: послание к кому? Я считаю, что, в первую очередь, это послание к самим себе, ибо мы должны понимать, что нам надлежит делать, кем и чем мы призваны быть в XXI веке. Это жизненно важное для нас свидетельство, но в современном глобализирующемся мире послание к самим себе всегда будет услышано и другими. И очень важно, чтобы это было творческое и созидательное послание, которое способствовало бы построению мирных и справедливых отношений между людьми.

<http://www.vrns.ru/syezd/detail.php?nid>

Русская Церковь и христианское измерение проблемы прав и свобод человека

Газета «Известия» опубликовала статью Владыки Кирилла по проблеме, обсуждаемой X Всемирным Русским Народным Собором (4—6 апреля 2006 года).

Важнейший вопрос современности — это связь идеи прав и свобод личности с проблемой ее нравственной ответственности. Христианской мысли свойственно связывать идею достоинства личности с вопросом о нравственности, а это неизбежно приводит нас к размышлению о разрушительном действии греха на душу человека. Но поскольку понятие и проблема греха игнорируются в либеральной философии, в ней, естественно, отсутствует и религиозное различие добра и зла. На мой взгляд, внутренняя противоречивость в понимании современным западным миром идеи прав человека является следствием именно этого обстоятельства.

Вытеснение понятия греха из повседневной жизни и из сферы интеллектуального дискурса приводит к размыванию в сознании людей границы между добром и злом. Личности лишь возбраняется реализовывать себя таким образом, который может повлечь за собой ограничение чужой свободы. Другими словами, юридические законы нужно уважать, а вот нравственные императивы — совсем не обязательно. Именно поэтому религиозная этика, настаивающая на приоритете нравственных ценностей, сегодня подвергается ожесточенным нападениям. Она объявляется устаревшей, мешающей прогрессу. В лучшем случае ее терпят — настолько, насколько она не противоречит основным постулатам либерализма.

Таким образом, мы не можем игнорировать наличие фундаментального противоречия между религиозным и секулярным подходами к теме человеческого достоинства. Русская Православная Церковь первой сформулировала эту проблему и поставила ее на международном уровне.

Почему же ныне стала столь актуальной дискуссия по теме достоинства личности и прав человека? В первую очередь потому, что православный мир постепенно включается в качестве интегральной части в единое европейское пространство. Мы знаем, что многие православные государства вошли или собираются войти в Европейский союз. И даже если для России

интеграция с ЕС — это вопрос отдаленного будущего, то уже сегодня мы являемся частью общего европейского пространства, по крайней мере, в сфере права. Ибо законотворческий процесс в Российской Федерации осуществляется с учетом существующих западноевропейских правовых стандартов.

Нравится это кому-то или нет, но Россия принадлежит общеевропейскому пространству культурно, географически, исторически, политически, психологически, однако в нынешних процессах интеграции мы не должны оказаться ведомыми, безоговорочно принимая либеральные поведенческие стереотипы и моральные ценности, которые были сформированы без нашего прямого участия. Россия с ее тысячелетней духовной, культурной, богословской, интеллектуальной традицией не должна без критического осмысления перенимать идеи, появившиеся в контексте западноевропейской культуры в эпоху Просвещения, хотя и не должна отвергать их, что называется, с ходу, только потому, что они имеют чужестранное происхождение.

К сожалению, наше искреннее стремление непредвзято проанализировать и осмыслить комплекс этих идей зачастую безоговорочно отвергается. Более того, любая самостоятельная критическая позиция в отношении секулярного либерализма, ныне выступающего в роли идеологического обеспечения интеграционных про-

цессов в новой Европе, неизбежно принимается в штыки. В то же время сегодня, к сожалению, можно наблюдать появление симптомов, свидетельствующих о стремлении некоторых либеральных кругов перейти к открытому употреблению силы в борьбе с традиционализмом, в том числе с религиозными обычаями и ценностями.

Как известно, Соединенные Штаты в последнее время переживают энергичное наступление идеологии секуляризма. Так, например, в Калифорнии было запрещено устанавливать в общественных местах рождественские ели. Особенно удивительно выглядит этот запрет в свете того, что в Израиле, государственной религией которого является иудаизм, в рамках специальной правительственной программы христианам бесплатно раздаются эти символы рождественского праздника. Принятый во Франции закон, запретивший публичное ношение заметных религиозных символов, спровоцировал ожесточенную общественную дискуссию по вопросу о неотъемлемых правах человека, среди которых — и свобода вероисповедания. Недавно в центре внимания европейских средств массовой информации была история о том, как один из европейских интеллектуалов был лишен возможности войти в руководство Европейской комиссии лишь за то, что он высказался по вопросу о гомосексуализме в духе христианской традиции. Картину дополнит возмутительный случай, когда одного па-

стора Евангелическо-Лютеранской Церкви Швеции заключили в тюремную камеру только потому, что в своей проповеди он назвал мужеложство грехом.

Европа и Россия уже прожили незабываемую и исполненную драматизма эпоху, на протяжении которой те или иные классы, социальные или общественные группы силой отстаивали свои идеи, лишая других права на выражение их убеждений. В таких случаях торжество собственной идеологии в конечном итоге всегда требовало если не физического, то морального уничтожения инакомыслящих.

Для нас очевидно, что применение принципа приоритета прав и свобод личности в контексте международных отношений должно основываться на широком консенсусе всех заинтересованных сторон, а отнюдь не на произвольных и выборочных интерпретациях этого принципа, и уж тем более — не обслуживать политический или идеологический заказ.

Думаю, что основная проблема заключается в следующем: насколько предлагаемый сообществу народов новый порядок мирового бытия соответствует религиозным принципам? И потому полагаю неправильной и даже опасной ситуацию, когда все огромное многообразие Божия мира пытаются объять и покрыть при помощи нескольких идей, которые были сформулированы в западноевропейском философском и политическом контексте,

без реального участия мусульман, иудеев, буддистов, индуистов, православных христиан, а также отчасти и католиков. Однако абсолютное большинство населения планеты, являющееся носителем древних самобытных культур, не принимало реального участия в выработке этой системы ценностей, которую ныне утверждают в мире в качестве универсального стандарта, порой даже с помощью силы.

Существует опасность того, что те, кто не способны адекватно ответить на это силовое давление, вполне могут избрать силовые формы сопротивления. Человека религиозного нетрудно подвигнуть на акт самопожертвования, убедить ценой своей жизни защитить то, что для него свято. Нельзя исключить, что злонамеренные люди могут использовать это подспудное, но реальное сопротивление верующих людей надвигающейся волне агрессивного либерализма для того, чтобы спровоцировать насилие, как это уже имеет место в случае исламского сопротивления «закону о хиджабах» или кощунственному изображению пророка Мухаммеда.

С другой стороны, очевидно, что процесс глобализации рано или поздно должен привести нас к согласию по вопросу об общих фундаментальных ценностях, поскольку иным образом в едином цивилизационном пространстве устроить жизнь невозможно.

Однако вместе с тем, на мой взгляд, требуется обсуждения вопрос о том, насколько

секулярные либеральные ценности в том виде, в котором они существуют ныне, могут претендовать на статус универсальных, и о том, могут ли данные ценности без соответствующей коррекции лечь в основу формирования новых отношений между людьми, странами и народами в эпоху глобализации?

Подобное положение вещей со всей очевидностью свидетельствует современному миру о жизненной важности межцивилизационного диалога и гармонизации различных культурно-исторических моделей в интересах всего человечества. Сегодня эта непростая, но насущная проблема выходит в число первоочередных задач, стоящих перед мировым сообществом.

*Газета «Известия»,
№ 2093549, 5 апреля 2006 г.*

Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке

В дни Светлой Пасхальной седмицы Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, ответил на вопросы директора Государственной телерадиокомпании «Калининград» Владимира Шаронова.

Состоявшаяся беседа, показанная по калининградскому телевидению, была посвящена итогам X Всемирного Русского Народного Собора (4—6 апреля 2006 года), а также восприятию его идей российским общественным мнением.

Многоуважаемый Владыко, прежде всего позвольте сделать необходимое для дальнейшего разговора уточнение. Правильно ли я понял, что есть две сквозные идеи в Вашем докладе на X Всемирном Русском Народном Соборе: о приоритете нравственности над законом и о губительности слепого копирования либеральных ценностей?

— Как свойственно всякому человеку, вы сделали свой акцент на проблеме. И пра-

вильно сделали, потому что ведь мы воспринимаем реальность лично, сквозь призму своего «я» и исходя из собственных мыслей и озабоченностей. Вы сделали вполне допустимый акцент, в чем-то отражающий, вероятно, ваше собственное видение вопроса.

А вот моя озабоченность была следующей. Идея прав и свобод человека является, несомненно, величайшим достижением человечества. Собственно говоря, если бы эта идея не была реализована в нашем обществе, то мы сейчас не могли бы и разговаривать на эту тему, и вы не брали бы у Митрополита интервью на эту тему. И тот факт, что у Церкви сейчас есть права и свободы, — это результат практической реализации этих ценностей. Поэтому говорить, что Церковь выступает против прав и свобод, — это просто не знать нашей истории.

Но что происходит, когда человек реализует свои права и свободы вне системы нравственных координат? Ведь человек способен как к добру, так и ко злу. Человеческое существо вмещает и жизнь духа, и жизнь инстинкта. Но если личность осуществляет себя вне системы нравственных координат, то как направить ее на то, чтобы она реализовала доброе начало в себе, а со своим злым началом боролась? Ведь если человек не получил соответствующего воспитания, не был сформирован должным образом и потому не привык ощущать себя

в системе нравственных координат, то ни-
какому закону, никакой внешней силе не
удастся ограничить его произвол.

Мы сейчас часто говорим о вылазках
скинхедов, о бандитизме, о проявлениях
ксенофобии: в синагоге порезали верую-
щих, православного мальчика, вышедшего
из храма, жестоко избили и изувечили...
Как с этим бороться? Предлагаются раз-
ные рецепты. Но особенно меня удивила
оценка этого явления, прозвучавшая из уст
некоторых членов Общественной палаты,
которые говорили: срочно надо гайки за-
кручивать, выжигать каленым железом!
Как будто не было всей предшествующей
нашей истории! К тому же нельзя выжечь
зло в одной сфере общественной жизни
и оставить простор для раскрепощения
инстинкта и злого начала в другой сфере.

Если через реализацию идеи прав и сво-
бод раскрепощается не только добро, но
и зло в природе человека, то будут и впредь
совершаться и надругательства над свя-
тынями, и глумление над Отечеством,
и унижение личности, и оскорбление на-
ционального достоинства и веры. Все это,
как мы знаем, есть и продолжает существо-
вать в нашем обществе. И поэтому задача
Собора заключалась в том, чтобы сказать
соотечественникам и вообще всем людям
одну простую вещь: права и свободы долж-
ны реализовываться в системе нравствен-
ных координат и непременно должны быть
связаны с моральной ответственностью

человека. А общество должно утверждать такую систему социальных взаимоотношений, когда безнравственные поступки, не соответствующие традиционной морали, будут осуждаться людьми.

Традиционная мораль это русская мораль, российская, христианская или православная?

— Традиционная мораль — это мораль всего человечества. Это мораль, которая находит отражение во всех традиционных религиях. Это мораль, основы которой некогда Сам Бог передал Моисею в виде десяти заповедей. То есть речь идет о том, что имеет абсолютное значение, принадлежит всем и доступно каждому. Вот если все мы будем стоять на том, что реализация идеи прав и свобод возможна только в этой системе ценностей, если наше общество не станет поощрять осуществление идеи прав и свобод за пределами системы нравственной ответственности, то тогда мы будем жить в прекрасном мире.

Если же мы отказываемся от нравственной ответственности, полагаясь только на карающую силу закона, если отрицаем существование морального контекста, в котором должны осуществляться права и свободы, то мы раскрепощаем в человеке зверя, и это может кончиться трагически, причем не только для России. Все мы видим, что сегодня происходит в мире. Вспомним хотя бы сцены парижских бунтов и погромов... Кто

скажет, что в них от протестных настроений, что — от этнокультурных противоречий, что — от социального взрыва, что — от хулиганства и уличного бандитизма? Когда люди сжигают автомобили сотнями, громят город и терроризируют сограждан — это что, протест против миропорядка и закона? Или просто возможность раскрепостить свое злое начало?

Если не будет нравственного воздействия общества — через закон, Церковь, образование, воспитание, культуру, государственные институты, средства массовой информации, и если мы все не будем работать сообща и координированно, то прекрасные идеалы прав и свобод человека обернутся страшной явью. Вот, собственно, что хотел сказать X Всемирный Русский Народный Собор.

Владыко, позвольте еще один уточняющий вопрос: случаен ли порядок слов в теме, предложенной для осмысления участникам Собора: «Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке»?

— Нет, в этой формулировке содержится определенный замысел. Для всякого человека существуют определенные приоритеты мировоззрения. Религиозная вера, с точки зрения Церкви и очень многих людей, которые разделяют православные убеждения, может и должна стать основой мотивации человеческих поступков. Если это происходит, то наши дела и мысли всег-

да будут определяться добрым началом, они всегда будут исходить из него. Человек призван совершать добро. Но если мы тему добра и правды поставим после темы человека, то это будет означать, что любое поведение человека представляет ценность. И тогда можно договориться до той идеи, что и злодейство имеет ценность.

Следующая тема — «Земля». На земле должны существовать истина, правда, добро, и человек как выразитель этой истины, правды, добра должен существовать достойно. Некоторые нас критиковали после Собора, говоря, что мы слишком высоко подняли планку — обсуждаем духовные и нравственные проблемы, а думать нужно и о простых вещах. Боюсь, что утверждавшие это недостаточно внимательно вчитались в документы Собора, который очень определенно высказался о важности модернизации России. Было сказано о том, что больше невозможно ездить по тем дорогам, которые у нас сегодня есть, что нельзя использовать те аэропорты, которые сегодня находятся в эксплуатации. Мы не можем больше иметь науку, образование, здравоохранение в том состоянии, в котором они находятся. Если все это будет на нынешнем или даже худшем уровне, то о какой миссии России в XXI веке можно вообще говорить? Поэтому одной из задач Собора было подчеркнуть необходимость модернизации страны. Но имелась в виду, конечно, не слепая вестернизация. Хотя

и тут нужны некоторые пояснения, потому что некоторые критики Собора заявляли о том, что его участники и Русская Православная Церковь выступают против всего, что идет к нам с Запада.

А дело в том, что другого пути технического развития, кроме того, по которому прошел Запад, не существует. Если кто-то знает о таком, пусть нам покажет и расскажет. Но пока что люди с удовольствием пользуются хорошими западными автомобилями, созданными для езды по хорошим дорогам. И было бы глупым упрямством ставить себе задачу в пику известным и общепризнанным достижениям человеческой цивилизации во что бы то ни стало изобретать нечто свое, ни на что не похожее. Да, модернизируя нашу страну, нужно использовать все лучшее из того, что сегодня есть в мире. Но при этом не будем забывать: если мы пойдем по пути слепого, бездумного, нетворческого копирования, то рискуем потерять Россию, которая превратится в некую другую страну. Поэтому, развивая техническую сторону нашей жизни, модернизируя страну, мы должны особенно заботиться о том, чтобы сохранить те начала духовной и культурной подлинности, которыми испокон века обладает Россия. Мы против слепой вестернизации, которая вместе с хорошими дорогами, автомобилями и иными благами современной цивилизации способна привнести в нашу жизнь и иные жизненные идеалы,

потребует от нас отказа от своей идентичности и собственной системы ценностей.

Владыко, не могу удержаться от вопроса, который возник у меня не только в ходе Вашего ответа, а еще ранее — в процессе чтения представленного Вами на Соборе основного доклада. Вы постоянно используете понятия «Запад», «западная цивилизация», «западный мир». Но известно, что западный мир — это западно-христианский мир. Это прямой «продукт», результат развития христианства, пусть и западного. И мы говорим не просто о западных ценностях, мы говорим о том, что они рождены в лоне Католицизма и Протестантизма. Нынешнее состояние Запада — это современный этап христианства, образ веры западного человека, к которому он шел последние два тысячелетия...

— Это вопрос, который требует обстоятельного и развернутого ответа. Вы приводите весьма распространенный взгляд на западную цивилизацию, и позвольте мне заметить, что он не вполне правильный. Во-первых, когда мы говорим о европейской цивилизации, мы должны ясно понимать, что ее рождение и развитие есть результат усилий и Запада, и Востока. Нельзя сказать, что европейская цивилизация стала развиваться с XVII, XVI или даже с XV века. Хотя в XV веке уже было нечто такое, что говорит о явном влиянии Востока. Давайте вспомним о Византии. Само это понятие Византии появилось

ведь только в XV—XVI веках. До этого времени такого понятия не существовало, а имело место другое — «империя ромеев», то есть римлян. Это была Восточная империя римлян. И когда Древний Рим рухнул под натиском варварских нашествий, когда в западной части империи воцарилась мерзость запустения, а на заросшей травой арене Колизея паслись козы, то восточная часть империи переживала взлет искусств, науки, законотворчества, государственного строительства. Восточная Византийская империя распространялась в том числе и на Запад. Возьмите Сицилию, восточное побережье Апеннинского полуострова, да и многие другие районы Средиземноморья, где утверждалась византийская культура... А затем, после падения Константинополя в XV веке, огромное число образованных и просвещенных греков перебралось на Сицилию, Сардинию, на юг Апеннин. Все это в культурном смысле не что иное, как реальное и живое свидетельство присутствия Византии в жизни Запада. Я уже не говорю о Равенне — тут надо было бы уйти в глубину времен еще почти на тысячу лет.

Кстати, знаменитый Эль-Греко — кто он? Критский живописец, который эмигрировал на Запад. Созерцая его картины в мадридском музее, большинство людей полагает, что истоки творчества Эль-Греко местные, испанские, то есть католические. А на самом деле — истоки греческие,

православные. К чему я это говорю? К тому, что европейская цивилизация — это продукт исторического взаимодействия очень сложных и мощных культурных потоков, которые сталкивались, проникали друг в друга, влияли друг на друга, взаимообогащались. Именно в результате этих встречных процессов и возникла цивилизация Европы. Конечно, мы должны помнить о печальной роли, которую сыграла трагедия разделения Церквей. Вначале конфликт западного и восточного христианства был делом чисто политическим, потом стал делом богословским, а затем — и цивилизационной проблемой. До сих пор существует незримая граница, которая разделяет Запад и Восток. В нашем современном понимании эта граница проходит по линии церковного разделения 1054 года, в результате которого оформились Католичество и Православие.

А теперь относительно того, можно ли нынешнюю западную цивилизацию именовать христианской. Можно, но только лишь отчасти. Да, действительно, корпус современных гуманитарных идей, в том числе принцип прав и свобод человека, сформировался в лоне христианства. Конечно, этот корпус, особенно на его первоначальном и определяющем этапе, вырабатывался под влиянием христианства. Но принцип антропоцентризма, идея человеческой личности, автономной по отношению к Богу, формировались в эпоху Про-

свещения как реакция на политическую власть Католической Церкви.

Что же произошло на Западе? Рухнула Западная Римская империя, и на всем постимперском пространстве осталась только одна структура, которой удалось сохранить самое себя и которая объединяла народы. То была Римско-Католическая Церковь. Подобное этому мы наблюдаем на современном нам постсоветском пространстве, где от предшествующей эпохи сохранилась только одна структура — Русская Православная Церковь, духовно соединяющая в своем лоне верующих, которые некогда жили вместе в теперь уже не существующей стране. Но в Риме пошли по другому пути. Там решили, что постимперскую объединительную структуру Церкви следует укрепить за счет реальной политической силы и власти. И поскольку только институт Католической Церкви был надлежащим образом выстроен и организован, он стал себя позиционировать в качестве государственной власти. Церковь собирала налоги, у нее была армия, ей принадлежала политическая власть, Папа Римский был главой государства. Бишопфюрст (епископ-князь) в соседней Германии — это не светский курфюрст (князь земли). Епископ-князь был человеком, обладавшим более чем осязаемой и реальной властью — как церковной, так и светской. В отношении народа, в отношении зарождавшейся буржуазии он проявлял себя как суверенный монарх,

часто склонный к «закручиванию гаек». И тогда в умах многих западных интеллектуалов того времени стала утверждаться мысль: свободы невозможно достигнуть без свержения тирании. А тиранией для них была монархия и политическая власть Церкви.

Так начался процесс антиклерикальной реакции. Именно эта реакция породила идею светских прав и свобод в отрыве от системы духовных ценностей. Все эти идеи возникали как часть политической и интеллектуальной борьбы одной силы с другой силой. Поэтому, возвращаясь к вашему вопросу, отвечу, что нынешняя система европейских ценностей возникла под влиянием христианства, но на нехристианском фундаменте. И интенсивно развивалась именно с тех пор, особенно после французской революции, которая носила выраженный антирелигиозный и антиклерикальный характер. Те, кто путешествуют по Франции, до сих пор могут видеть остовы разрушенных храмов, монастырей. В городе Маккон в Бургундии стоят руины кафедрального собора, которые намеренно сохранили до наших дней, чтобы потомки имели представление о трагических временах, которые пережила тогда Франция. А совсем недалеко от этих мест — Клуни, знаменитое и в прошлом самое большое бенедиктинское аббатство в мире. Оно также полностью разрушено, полностью изничтожено, и до сих пор там нет ни од-

ного монаха. Французская революция была, в первую очередь, антицерковной, антиклерикальной и антирелигиозной революцией. Но ведь именно через нее идея прав и свобод вошла в политическую практику.

Конечно, в XIX веке сложился некий модус вивенди в отношениях между Католической Церковью и политической властью, хотя и не везде. Например, Гарибальди был ярким антиклерикалом и боролся с Папой, с Католической Церковью. Но постепенно к концу XIX столетия происходит если и не примирение, то стабилизация ситуации. А в XX веке и сам этот вопрос был уже решен и снят — благодаря тому, что Католическая Церковь отказалась от политической власти и политической борьбы, заняв ту позицию, которую она сегодня занимает. Поэтому говорить о том, что сегодняшняя западная цивилизация есть цивилизация христианская, или католическая, или протестантская, нельзя. Это, в первую очередь, цивилизация, которая возникла под влиянием Православия и Католицизма, а лучше сказать, Древней Неразделенной Церкви, которая впитала в себя нравственные силы христианского послания, но в какой-то момент истории встала на путь нерелигиозный, и произошло это под влиянием совершенно конкретных исторических обстоятельств. Простите, но коротко на такой вопрос не ответишь...

Я ознакомился также с критическими оценками Собора...

— Что ж, это тоже тема, о которой нужно публично говорить... Критика Собора, о которой вы упомянули, мне живо напомнила старые советские времена. Помните, какая яростная кампания была развернута в отношении произведений Александра Исаевича Солженицына? Помню, в тот период я подошел к одному иерарху, который осуждал в печати Солженицына, и шепнул ему на ушко: «Владыко, а книжку почитать не дадите?» Он на меня взглянул и в сторону отошел. И устыдился, потому что мало кто тогда Солженицына читал, а вот критиковать вызывались многие.

Что касается Собора, то, едва он начался 4 апреля, как в тот же день радио «Эхо Москвы» выступило с критикой. Ни один из слушателей этой радиостанции еще не видел ни одной строчки соборных документов, не прочел ни одного доклада. Было лишь несколько коротких цитат в репортаже телепрограммы «Время», а часть нашей прессы уже запустила механизм «праведного гнева трудящихся». Все это свидетельствует о том, что первая реакция на Собор была эмоциональной, на уровне рефлекса. И, таким образом, она оказалась ответом совсем не на то послание, с которым Собор обратился к людям.

Я думаю, в нашем обществе есть еще много тех, кому трудно принять тот факт, что Церковь сегодня открыто обращается

к своему народу со словом, касающимся реальной жизни людей. Она говорит не только о церковной и богослужебной жизни, не только о жизни ее храмов и монастырей, но и о том, что происходит на наших улицах, в наших домах, в жизни всего общества — в офисах, на заводах, на фабриках, в школах, в семьях... О том, что составляет нашу реальную жизнь. Вот это и вызывает у некоторых испуг. А у некоторых — непонимание. А у кого-то — недовольство. Но я думаю, что все это не является для Церкви чем-то новым. Главное же в том, что у большинства реакция все-таки была добрая и положительная.

Один известный священник когда-то, еще в советские времена, рассказал, что его преследует кошмарный сон. Вот он однажды просыпается и узнает, что можно говорить все. Он выходит к своей пастве, и вдруг его охватывает страх...

— «А что же мы скажем»?

Да, страх, потому что сказать нечего. Все очень долго ждали, что же может сказать Церковь о реальной жизни. Голос ее прозвучал, но реакция у некоторых оказалась близкой к шоку.

— Да, реакция шоковая: подумать только, Церковь говорит от себя, не повторяя ничьих чужих слов!

В связи с Собором некоторые люди спрашивали нас: «Почему вы не выступили с этими идеями десять лет назад? Ведь как

сильно это тогда прозвучало бы!» Но задумаемся: ведь если бы Церковь в тех обстоятельствах выступила с подобными предложениями, то абсолютное большинство людей восприняло бы этот факт как влияние на нас коммунистической партии, как отголосок недавнего советского прошлого, когда идея прав и свобод человека была, мягко говоря, не в почете. В то время просто сказали бы, что Церковь консолидируется с теми политическими силами, которые хотят вернуть страну в прошлое, выступают против ее движения вперед. Именно так было бы прочитано тогда наше послание. Вот причина, по которой мы не могли выступить с этой идеей в советское время: тогда это оказалось бы абсолютно контрпродуктивно. И второй момент: мы не могли выступить с этими идеями десять лет назад, потому что у Церкви в тот период не было достаточно сил и возможностей для того, чтобы вести полномасштабный диалог с обществом. Я не хочу сказать, что сейчас у нас сил через край, но мы чувствуем, что настало время.

Владыко, а готовы ли мы сегодня воспринять такой подход и услышать голос Церкви, прозвучавший на Соборе? Вы говорите об обществе. Но общество — понятие достаточно абстрактное, его составляют различные институты. Готовы ли сегодня общественные и государственные институты действовать слаженно? Способны ли они двигаться совместно в этом направлении?

Когда мы слушаем выступления депутатов Законодательного собрания, членов Совета Федерации, руководителей министерств, то видим, что они куда больше озабочены разработкой неких механизмов, которые автоматически улучшат нашу общую жизнь, повысят благосостояние и так далее. В общем, государственные мужи и политики все больше ищут некие механизмы общественного счастья. Идут чисто марксистско-ленинским путем — вначале совершенствуют производительные силы, потом анализируют общественные отношения...

— Очень правильно говорите. Нашим депутатам и политикам, всем руководителям действительно необходимо помнить, что не только развитие производительных сил и производственных отношений определяют качество человеческой жизни. Все мы в первую очередь должны исходить из того, что есть идеи и истины более высокого порядка, без которых не будет достойного качества жизни в нашей стране — ни в столицах, ни в маленьких городках, ни в селе.

Подлинная жизнь человека во все времена опиралась на базисные ценности, а не на надстроечные, если использовать привычную для многих терминологию. Есть базисные ценности, которые для нашего народа являются таковыми на протяжении всей его истории. Но базис — это не производительные силы. Никогда идея экономических отношений не может стать национальной идеей, это нонсенс. Никто

за очередную новую технологию не пойдет проливать кровь. Никто не закроет своей грудью амбразуру ради реформы банковской системы. Человек совершает подвиг во имя иных ценностей, базисных ценностей, лежащих в основе его существования. Вера, как и нравственность, прежде всего принадлежит к этим базисным ценностям.

Сегодня Церкви как никогда важно развивать эти идеи сотрудничества с миром науки, со СМИ, с писательскими кругами, с различными общественными организациями. Мы должны выходить на высокий уровень согласия в том, что является для всех нас базисными ценностями. Идея, с которой я выступил перед депутатами Государственной Думы примерно полгода назад, заключалась в следующем: если мы все договоримся о корпусе базисных ценностей и скажем, что эти ценности не могут быть разрушены, то тогда мы будем спокойнее относиться и к выборам. Ведь у нас что ни выборы, то страх новой революции. Но если мы совместно заявим, что ни одна партия не имеет права посягать на базовые ценности нашего национального, духовного, исторического бытия, то тогда миру политики естественно отойдут надстроечные ценности. И тогда народ будет избирать новые власти без страха. Я думаю, что если нам удастся это сделать, то тогда и жизнь у нас будет уже другой.

Если же мы тесно соединим нравственность и законодательство, если у нас не

останется ни одного нравственно уязвимо-го закона, то мы достигнем очень многого. Почему сегодня люди зачастую не выполняют законы? Потому что видят в них либо несообразность со здравым смыслом, либо нечто такое, что надрывает нравственное чувство. И человек говорит себе: «Я не желаю такие законы выполнять!» Он точно не желает возвращаться к той жизни, которой не так давно жил вместе со всеми, но и жить так, как сегодня ему предлагается, он тоже не хочет.

Насколько я знаю, слово «покаяние» в своем первом и основном своем смысле означает перемену, то есть понимание, восприятие новой истины...

— Да. Совершенно верно.

Владыко, мы говорили о готовности общества услышать голос Церкви. Но ведь то послание, которое прозвучало от имени участников X Всемирного Русского Народного Собора, накладывает колоссальную ответственность и на всю Русскую Православную Церковь. А готова ли сегодня Церковь взять на себя эту ответственность, учитывая, что за годы гонений и притеснений именно Церковь была выбита, как никакой другой институт. Располагает ли она корпусом священников, богословов, просветителей, способных, например, вести разговор о философских идеях, — о чем в числе самых важных ее задач Вы упоминали в своем докладе. Кто, когда и где должен вести этот разговор?

— Я уже говорил, по какой причине мы не могли обратиться к обществу с нашим соборным посланием десять лет назад. Наверное, есть и другие идеи, для которых еще не созрели условия. Но если еще десять лет ждать, то это уж точно будет поздно. Сейчас надо действовать и через «не могу», невзирая на недостаток сил. Именно теперь с помощью Божией можно и нужно вести этот диалог Церкви со всем обществом. Ведь что такое Церковь? Это не только архиереи и священники. Церковь — это все христиане православные: и работники средств массовой информации, и писатели, и ученые, и политики, и менеджеры, и рабочие, и врачи, и программисты, и предприниматели... Это люди, которые все отчетливее обозначают свою жизненную позицию. Вот недавно я встречался с теми, кого называют рок-звездами. Замечательная была встреча. Они приехали ко мне, самые знаменитые наши рок-исполнители, которые собирают многотысячные аудитории. Они все оказались православными людьми. Ну, можно было бы это представить себе 15—20 лет тому назад? А сегодня эти люди живут христианской жизнью, стремятся положить в основу своей профессиональной деятельности, своего творчества православные ценности. И хотят, в частности, через свое искусство донести до слушателей то, о чем мы сегодня говорим. Ведь это тоже дело церковное, и они — часть нашей

Церкви. Все миряне и, в первую очередь, интеллигенция, которая открыла для себя Евангельскую истину, должны участвовать в диалоге с теми, кто христианских ценностей еще не обрел.

Правильно ли я понял, что фактически Собор своим посланием возложил долг свидетельства и диалога на всех православных?

— Совершенно верно. Нужно обратить внимание на то, что слово о правах и достоинстве человеческой личности в нравственном аспекте, о необходимости активной модернизации России было произнесено на Всемирном Русском Народном Соборе, который является общественной организацией, институтом гражданского общества. Собор возглавляется Святейшим Патриархом, но в большинстве своем состоит из людей светских. Это общественная организация, объединяющая в основном православных людей, но не только их. В нынешнем году в трудах Собора принимали участие и католики, и протестанты, и на протяжении уже десяти лет в нем участвуют мусульмане, иудеи и буддисты. Поэтому мы называем его народным. Это, в первую очередь, Собор, объединяющий тех, кому дорога их принадлежность к русской цивилизации. Так и начинается соборная декларация: «От имени самобытной русской цивилизации...». А русская цивилизация всегда была многонациональной. Другой русской цивилизации не существует.

Более практический вопрос: Вы, Владыко, предлагаете в числе самых важных дел обратить внимание на школьное воспитание, возлагаете свои надежды на работу с молодежью. Значит ли это, что православные священнослужители должны стать школьными педагогами?

— Я не думаю, что в школах должны работать православные священники. Конечно, где-то это может иметь место, например в сельской местности. Но мы пошли по другому пути. Я говорю сейчас о двух регионах России, на территории которых расположена Калининградско-Смоленская епархия, где я являюсь правящим архиереем. Вместе с департаментами образования Смоленской и Калининградской областей епархия готовит профессиональных педагогов средних школ для преподавания основ православной культуры. И опыт показывает, что это правильный путь.

В школе должны работать педагоги. Священники могут приходить в школы на праздники, встречаться с детьми. Но на профессиональной основе в школе должны работать педагоги. Сегодня во многих школах преподаются основы православной культуры. Эта учебная дисциплина — не проповедь, это знакомство детей с основами своей национальной культуры. Вот почему я считаю, что в России, особенно в местах компактного проживания мусульман, должна, соответственно, преподаваться исламская культура. Я также не

вижу ничего плохого в ситуации, когда, например, в Казани православные молодые люди изучали бы и свою православную культуру, и исламскую. И наоборот. Полезен такой принцип и там, где нет компактного проживания этнокультурных групп. Простая схема: допустим, в классе 80% православных детей и 20% евреев, которые скажут, что хотели бы изучать свою культуру. Значит, надо дать им все возможности для этого и сказать, что на экзамене они будут отвечать на вопросы по основам их национально-духовной культуры.

То же самое и в отношении католиков, которые у нас живут. Если они хотят изучать основы своей собственной культуры, им тоже нужно предоставить учебные пособия и другие возможности. А ведь еще есть сугубо светские, неверующие семьи. Дети из таких семей в качестве альтернативы могли бы изучать основы светской этики. Если таких детей вдруг окажется много, то тогда нужно разделить класс. Но нельзя под прикрытием идеи многоконфессиональности лишать 80% нашего народа законного права знать основы своей религиозной культуры.

Вы случайно оговорились, что экзамен надо проводить, то есть и оценку ставить...

— Вы знаете, это вопрос чисто методический. В любом случае преподавание этих основ той или иной духовной культуры должно быть добровольным. Если кто-то

скажет: «Я не хочу», — ему нужно предложить альтернативный курс.

В своем докладе Вы очень аккуратно, но вполне определенно обозначили тезис о том, что нельзя допустить соревнования в миссионерстве. А между тем вот уже много лет мы наблюдаем разгул этого миссионерского азарта в нашей стране...

— Это очень печальное явление. Оно разрушает ткань общественных отношений и порождает антагонизмы. Я знаю реакцию многих православных людей на тех проповедников, которые ходят по квартирам или останавливаются на улице прохожих, пытаясь убедить людей, что только они обладают истиной. Они навязывают свои брошюры, втягивают людей в дискуссии, набиваются в наставники. Это, конечно, недопустимо. Разумеется, не дело Церкви следить за тем, что происходит на улицах, но должен же быть какой-то порядок в этом вопросе. Если некто желает проповедовать, то пусть выступает перед своими единомышленниками.

Почему мы говорим, что не должно быть соревновательной миссии в армии или в школе? Ею мы неизбежно разрушим разумный уклад. Если в армии есть православные, то к православным должен прийти православный священник, к мусульманину — мулла, к иудею — раввин, к баптисту — пастор. Но нельзя допустить, чтобы перед ротой выступал какой-то заезжий миссионер.

нер или представитель религиозной организации, последователей которой в этом воинском соединении нет. То, о чем я говорю, хорошо отработано в мировом опыте. Вся Западная Европа имеет институт капелланов. Апробированный опыт давно существует, просто надо постараться применить его к нашим условиям.

Владыко, как Вы оцениваете общественные отклики на документы Собора?

— Первое, что я воспринял после завершения Собора и что я расценил как доброе предзнаменование, — это, конечно, абсолютно положительная реакция общества на сформулированные и представленные нами идеи. Были, конечно, и спонтанные эмоциональные реакции критиков, о которых я уже упоминал. К слову, я совсем не против этого. Так всегда бывает, и так должно было быть. Вот если бы все «в обстановке небывалого единодушия и подъема», как это бывало в прежние времена, выразили свой восторг, ну, тогда это выглядело бы как-то немного странно. А когда есть борьба мнений, когда налицо желание что-то уточнить и развить, даже когда есть какой-то эмоциональный протест, — это все в порядке вещей. Но общая реакция, общий фон откликов и комментариев были абсолютно положительными, даже у тех людей, кто по каким-то причинам с чем-то был не согласен. Потому что сегодня практически все понимают, что мы

дальше так жить не можем. Нам всем нужно меняться, чтобы к лучшему изменилась жизнь страны.

Собор высказался в пользу создания правозащитной программы. Некоторые наши правозащитные организации почему-то перепугались того, что теперь Собор, так сказать, монополизирует всю работу в правозащитной деятельности. При этом подразумевалось, хотя и не высказывалось вслух, что Собор или Церковь приватизируют и все те гранты, которые поступают из-за границы и которыми оплачивается такого рода деятельность. Я уже неоднократно говорил и сейчас хочу повторить, чтобы успокоить этих людей: Собор не получает никаких грантов ни из-за границы, ни от нашего правительства, ни от каких-либо иных государственных структур. Всемирный Русский Народный Собор вообще не имеет бюджета, он с шапкой ходит по благодетелям и получает средства на свою деятельность. Поэтому мы не являемся конкурентами ни для кого. Кроме того, мы не планируем создания так называемого правозащитного центра, о котором почему-то стали говорить в СМИ, потому что такой центр должен быть юридическим лицом, а это зарплата, бюджет и прочее. Это опять-таки не то, к чему мы стремимся и чем намерены заниматься в этой сфере.

Наша правозащитная программа предполагает, в первую очередь, диалог с ответственными правозащитными организа-

циями. Есть среди них такие, с которыми, наверное, говорить будет очень трудно, поэтому, я думаю, мы с ними дискутировать и не станем. Но есть в правозащитном движении мыслящие и ответственные силы, серьезно озабоченные проблемами человека в нашей стране и болеющие за Отечество. И с ними мы, конечно, будем вести диалог.

Я думаю, что Собор будет развивать нынешний диалог с политическими партиями и общественными движениями России. Почти все они были представлены на самом Соборе, и ни одной протестной ноты не прозвучало с их стороны в отношении концептуальных идей и предложений Собора.

Теперь задача заключается в том, чтобы во взаимодействии с Государственной Думой, с основными политическими силами страны продвигать в нашу жизнь идеи Собора. В процессе этой работы мы должны добиваться того, чтобы законы в нашей стране стали нравственно безупречными. Потому что апелляция к такому закону поднимает планку отношения человека к жизни, такой закон воспитывает личность. Когда люди не воспринимают закон, это значит, что закон опускает общество. А закон должен его подымать. И дай Бог, чтобы нравственные и интеллектуальные импульсы нашего Собора содействовали этому процессу.

Спасибо Вам большое, Владыко.

<http://www.mospat.ru/index.php?page=31862>

«Будущие поколения — национальное достояние»

Председатель Отдела внешних церковных связей Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл выступил на открытии XII Всемирного Русского Народного Собора: Собора детей и молодежи «Будущие поколения — национальное достояние России» (Москва, 20—22 февраля 2008 года).

— Ваше Святейшество!

Дорогие братья и сестры!

Сегодня на рассмотрение XII Всемирного Русского Народного Собора вынесена исключительно важная тема. Три дня будет длиться разговор между молодыми людьми и представителями старшего поколения о том, как молодому человеку строить свой жизненный путь.

Молодость — пора кипучей энергии и больших скоростей. Думаю, именно поэтому молодой человек ощущает, что современный мир высоких технологий и быстрых темпов — это его стихия. На мой взгляд, не случайно именно в молодости

человек обладает огромной жизненной энергией. В юные годы происходит активное созидание личности — ее самоопределение и развитие. В масштабах всего общества молодые люди являются энергетическим ресурсом, за счет которого оно развивается. Поэтому для общества молодежь — это бесценное достояние.

Однако в повседневной жизни найдется немало желающих воспользоваться гиперэнергией молодости в недобрых целях. Такое отношение больнее всего ранит юные души. В разные исторические периоды находились силы, стремившиеся подчинить волю и ум молодых, сбить их с верного пути, заставить их служить ложным целям. В наше время особенно часто приходится встречать утилитарное отношение к молодому поколению, когда в нем видят не цель, а средство.

Сегодня, в век информационных войн и технологий, манипулировать людьми стало особенно легко. Сила влияния, исходящая от телевидения, интернета, безбрежного моря аудио- и видеопродукции, во много раз превзошла влияние семьи, школы и других общественных институтов. Человеку — и молодому, и взрослому — стало непросто отличить свои собственные желания и мысли от тех, что навязаны извне.

Как разобраться в том, что правильно, а что нет, что хорошо, а что плохо, для чего стоит жить и ради чего стоит умирать? Очень важно, чтобы молодой человек

твердо знал ответы на эти базовые вопросы. А на них можно ответить, только зная Истину. К сожалению, сегодня многие, в том числе и молодые люди, ищут не Истину, а оправдания своих мыслей, желаний и поступков. Часто человек находится в плену безграничного доверия самому себе. Однако опыт показывает, что такое безграничное «само-доверие» нередко заканчивается трагедиями и разбитыми жизнями.

Истина же включает в себе такое знание о самом человеке и окружающем мире, которое способно утвердить и обогатить человеческую жизнь, а не разрушать ее. Об этой Истине я и хочу с вами поговорить.

Вера

В детстве и юности, даже если мы не получили никакого религиозного воспитания, каждый интуитивно ощущает духовное измерение мира. Молодой человек неведомым образом знает, что он не есть только материальное существо, а мир не состоит только из видимых вещей. Нельзя пренебрегать этой интуицией. Важно следовать ей. Как мы развиваем свою речь и мыслительную способность, так необходимо откликаться и на духовные движения нашей природы. Без усилий с нашей стороны эти способности останутся неразвитыми или искаженными. Их

уровень будет заметно снижаться вплоть до полной потери.

Просвещенные умы человечества никогда не отвергали духовной стороны человеческой природы. Например, известный немецкий философ Иммануил Кант в одном из своих произведений писал: «Признаюсь, что я очень склонен к утверждению о существовании в мире нематериальных существ и к причислению к этим существам собственной моей души». И далее он прибавляет: «Поэтому человеческую душу следовало бы считать одновременно связанной уже и в настоящей жизни человека с двумя мирами, из которых она пока образует со своим телом одно личное, целое, воспринимает ясно только мир материальный».

Религия содержит знания о мире и человеке не только как о материальных явлениях, но и как о творениях Божиих, имеющих высокую цель и предназначение. Именно этому учит православное христианство, к которому принадлежит большинство из присутствующих на Соборе. Жизнь Церкви является той формой, в которой люди совместно могут раскрывать свою духовную природу.

Но что такое Церковь? Церковь — это не здание определенной архитектуры, не священник или епископ. Это только ее элементы. Церковь — это форма жизни, возникающая из союза Бога и людей. Каждый верующий человек является пред-

ставителем Церкви. Церковь — это не нечто внешнее по отношению к человеку; он сам — ее часть. Иногда люди говорят, что у них «Бог в душе» и этого достаточно, а молиться с другими людьми в храме или разделять с ними общее дело во имя веры не нужно. А разве человеку не хочется разделить свою веру с другими? Человек — существо общественное. Более того, Сам Бог явил свое желание общаться с нами и давать Свою помощь при условии, что мы будем любить не только Его, но и наших ближних.

Сегодня многие молодые люди обращаются к вере, к Церкви. Но еще большее число их сверстников продолжает оставаться вне церковной жизни, несмотря на то, что они являются людьми крещеными, считают себя православными. Но почему же молодежь с таким трудом находит путь к храму, к живой, а не к формальной вере? Наверное, можно назвать много причин. Но главная, на мой взгляд, заключается в том, что, к сожалению, в Церкви недостает пастырей и людей старшего поколения, которые могли бы со вниманием отнестись к молодому человеку и помочь ему сделать первые шаги в вере. Из-за разрыва преемственности поколений в атеистическое время сами взрослые люди только недавно пришли к вере. Мало кто из них способен передать свой опыт молодому поколению.

Есть еще одна причина, о которой мне хотелось бы сказать особо. Некоторых

молодых людей Церковь и в целом религиозный образ жизни смущает тем, что он сопряжен с исполнением целого ряда правил. Кто-то думает, что священники только тем и занимаются, что выдумывают разного рода запреты. Наверное, для молодого человека нет ничего скучнее, чем разговор о нравственности. Ведь в молодости много энергии и сил, каждому хочется познать все в этом мире. А Церковь предлагает какие-то ограничения.

Представим себе, что кто-то из ребят решил заняться футболом. Он идет к тренеру, чтобы последний обучил его мастерству. И первое, чему учит его тренер, — правила игры. Он говорит: руками мяч не трогать! С мячом нельзя заходить за ограничительную линию! Не хватать противника за форму! И самое главное: если вы хотите не просто играть в футбол, но и выигрывать, то вы не должны курить, вам следует не ложиться поздно спать, не есть много сладостей, не употреблять спиртного. Много ограничений, очень много. Никто не спорит, можно всем этим себя не утруждать и пинать мяч без всяких правил, кому как нравится. Но можно ли будет назвать эту игру футболом? Конечно, нет. Ничего нельзя достичь в жизни всерьез без усердия, прилежания и подвига. Когда мальчик решается начать играть в футбол, его нисколько не смущают все эти правила, потому что он хочет научиться играть и даже стать профессиональным футболистом.

Заметим, далеко не все люди хотят стать футболистами, но все люди хотят быть счастливыми, успешными. По-настоящему счастливым человек может быть, только если он сумеет удовлетворить свои как духовные, так и материальные потребности. И здесь не обойтись без соблюдения определенных принципов и норм, хранительницей которых и выступает Церковь. Моральные нормы — это не внешние запреты, которыми кто-то захотел испортить нашу жизнь. Это — указатели того, где находится добро, куда направлять нашу свободу.

Но посмотрите на это с другой стороны. Именно потому, что у вас много сил и энергии, жалко ее тратить на вещи, которые завтра превратятся в дым и окажутся призрачными. Было бы правильно направить силы на что-то реальное, что останется с нами навсегда, в вечности. Нравственные принципы, которые хранит и проповедует Церковь, являются такими ориентирами для строительства полноценной человеческой жизни. Бог, обращаясь к нам, как бы говорит: «Я тебе помогу, человек. Не надо тратить время на поиск нормы жизни, она уже есть. Используй свою жизнь для созидания и творческой реализации этих принципов». Нравственные нормы приобщают к заботе о слабых, учат не гордиться имеющейся властью, не унижать другого человека, не лгать, не стремиться к бездумной наживе, не брать взятки. Открывается

широкая перспектива для положительной деятельности. Человек призван познавать этот мир, украшать его и поддерживать в нем жизнь. Нравственные нормы учат нас разрабатывать новые формы общения, проявления сотрудничества и дружбы, создавать семьи и растить детей.

Вера в Бога задает человеку предельную систему координат, как бы вручая ему карту видимой и невидимой вселенной, делает его способным пройти путь от земли до Неба.

Давайте ценить свою традицию, давайте защищать наше общее духовное наследие и строить личную и общественную жизнь, руководствуясь нормами веры. Вдохновляясь именно верой, наши предки сумели создать великую культуру и великую державу.

Отечество

У молодости есть еще один талант, который помогает человеку познать Истину. В эти годы человек легко заводит друзей, легко жертвует своими благами и комфортом ради дружбы. Молодой человек не может быть один. Ему хочется делить свою жизнь с другими. Это совпадает с учением Церкви о том, что невозможно любить Невидимого Бога без любви к ближнему, которого ты видишь.

Именно любовь к Отечеству является исполнением заповеди Божией о любви к ближнему. Это значит, что надо строить свою жизнь так, чтобы принимать во внимание не только личные интересы, но и интересы других; быть участливыми, отзывчивыми, заботливыми, равнодушными. Есть такая мудрость: нельзя подняться на вершину лестницы, не преодолев нижних ступеней. Точно так же невозможно достичь Неба, не будучи способным сперва полюбить свой родной дом — страну, где ты родился, и народ, частью которого ты являешься.

Человек, который открыл для себя что-то хорошее, всегда желает разделить это с другими. В молодости особенно хочется распространить свое видение мира и найти побольше единомышленников. Однако, защищая свои взгляды, мы должны учиться признавать свободу другого человека. Потому что так делает Бог. Он не вторгается в нашу жизнь как тиран, но дает возможность людям проявить себя свободно. Так и мы должны походить на Него и уважать жизненный выбор других людей. В этом случае подходящим средством общения может быть диалог. Только в диалоге и сотрудничестве с другими мы сможем построить действительно гармоничное общество, способное вместить в себя все наличное множество культур, религий и традиций.

Самобытность нашей страны заключается в том, что она объединяет многие

народы, культуры и религии. Благодаря мудрой и взвешенной политике наших предков им удалось создать уникальное полифоническое пространство доверия и соработничества, известное как Русский мир, в котором разные народы, культуры и религии мирно уживались и который в отличие от Европы никогда не знал войн на религиозной почве. Сегодня в этом уникальном и позитивном историческом опыте нуждается не только Россия, пожалуй, еще больше в нем нуждается остальной мир. Мы должны сделать все зависящее от нас, чтобы не позволить расколоть мир на сей раз уже по религиозному и цивилизационному признаку.

Мы должны осознать, что все, кто призывает нас к национально-религиозной обособленности, на самом деле просто хотят, чтобы Россия как великое государство более не существовала. Все это не просто безответственное фантазирование, не просто конструирование абстрактных историософских схем. Это взрывоопасные идеи, которые могут обернуться катастрофой для нашей страны. Мы должны решительно отвергнуть их, потому что они ведут Россию и ее многонациональный народ к упадку и разрушению. Те, кто иногда критикует нас за добрососедские отношения с исламом, иудаизмом, буддизмом и некоторыми христианскими конфессиями, просто забывают опыт царской России. Взгляните на Санкт-Петербург — тогдаш-

ную столицу Российской империи. В этой столице находилось место для достойного присутствия тех религий, которые существовали на территории России на протяжении столетий.

Любовь к своему народу, религии и культуре не должна ограничивать приятие и доброе отношение к представителям других традиций и приверженцам других взглядов. Истинный патриот не пренебрегает духовными достижениями иных стран и народов, он стремится постигнуть и усвоить их, чтобы обогатить свою культуру.

Семья

В юные годы каждый человек открывает в себе еще одно сильное устремление. Несмотря на общение со многими людьми, он стремится иметь более тесные и доверительные отношения с тем единственным или с той единственной, кто разделял бы с ним его духовную и телесную жизнь. Исполнением этого желания является семья, в которой личность обретает полноту и цельность жизни.

Но может случиться и по-другому. Нередко молодые девушки и юноши используют заложенное в них природное стремление к другому полу только на малую долю, ограничив себя поиском телесного удовольствия. Что происходит в этом слу-

чае? Когда телесное общение ставится на первое место, то личность подруги или друга перестают играть главную роль. Захваченный страстью человек видит только внешнюю и эмоциональную привлекательность другого и остается безразличным к его внутреннему миру. В результате — как только проходит страсть, сразу теряется и интерес к человеку. Телесные связи вне семьи унижают человеческое достоинство.

Бывает так, что люди начинают жить вместе семейной жизнью, не желая брать на себя никаких обязательств ни перед Богом, ни перед людьми. Сегодня очень модны так называемые пробные, или гражданские, браки. Парень и девушка сходятся и живут совместно. Если у них складывается жизнь, то они остаются вместе и потом даже регистрируют брак, венчаются в церкви. А если нет, то расходятся. Многие считают, что в семейных отношениях, как и в других сферах жизнедеятельности, богатый опыт является основой последующего успеха. В отношении любой профессии это справедливое утверждение. Но к интимным отношениям оно неприменимо. Чем больше у человека было увлечений и связей, тем более он становится недоверчивым и подозрительным. У него теряется способность раскрываться перед другим человеком и доверять ему. Более того, такой человек не способен искать компромисс и преодолевать трудно-

сти в отношениях, потому что всякий раз, когда они возникали, он просто разрывал общение.

Семья предполагает ответственное отношение людей друг к другу. Семья — это совместный труд по достижению взаимопонимания, взаимопомощи, наконец, совместного счастья. Семья невозможна без детей. Они являются продолжением мужа и жены. Кто-то откладывает рождение детей, потому что желает пожить в свое удовольствие. При этом такие люди лишают себя большой радости воспитания и общения с детьми. Конечно, воспитание детей — это труд. Но, как говорит наш народ: «Без труда не выловишь и рыбку из пруда». Настоящей радости без усилий не бывает. Надо полюбить труд, который создает настоящее счастье.

Еще семья — это укрепление и поддержка связей со старшим поколением — родителями, дедушками и бабушками, дядями и тетями, со всеми другими родственниками. Крепкие семейные связи во много раз усиливают личность, придают ей устойчивость в этом бурном мире, дают для нее реальную опору. Конечно, проблема отцов и детей всегда будет оставаться актуальной. Для этого есть естественные причины, заключающиеся в несовпадении жизненного опыта разных поколений. Конечно, это несовпадение можно рассматривать как источник конфликтов, а можно — как повод для тесного общения. Важными

условиями такого взаимопользовательного общения являются почтение к старшим и одновременно внимательное отношение родителей к своим чадам. Обращаясь к отцам семейств, святой апостол Павел, между прочим, убеждает их *не раздражать своих детей* (см. Еф 6, 4).

Многие из вас уже сейчас работают. Кто-то еще учится в школе или университете. Мне хотелось бы, чтобы вы не только благополучно устроили свою личную жизнь, но и на месте своего служения всеми возможными силами стремились противостоять пропаганде насилия, жестокости, легкомысленного отношения к семье и браку. Мы были свидетелями того, как в нашем обществе на протяжении многих лет происходило, а подчас и сегодня происходит разрушение престижа семьи, дискредитация положительных образов женщины-матери и мужчины-отца. Нередко за всей этой «разлагаловкой» — чьи-то конкретные интересы и не в последнюю очередь — коммерческие. Обращаясь к тем, кто зарабатывает деньги на разложении людей через видеопродукцию, рекламу или печатное слово, хочется громко сказать: «Подумайте о своих собственных детях, а в конечном итоге о самих себе!» Ведь дети, жены и мужья этих развратителей — часть того же общества, на которое обращают они свое губительное влияние.

Мы все живем в новой молодой России, которая, как и вы, испытывает немало

сложностей на пути своего становления. Пройдя через горький опыт отторжения от собственных цивилизационных основ и корней, она вновь возвращается на свои исторические рельсы. Сегодня нам предстоит восстановить разорванную связь времен и традиций и уже на этой основе строить свое будущее. Как человек с жизненным опытом, хочу обратиться к вам, молодым людям современной России, с призывом блюсти веру отцов, быть преданными Отечеству, стремиться к созданию полнокровной семьи. Эти истины испытаны временем, на них нужно и должно опереться. Только так мы сможем добиться успеха в личной жизни и успехов великой страны.

Историческая Россия стала великой страной не потому, что она имела много ресурсов, но потому, что у нее была высокая цель — обустроить огромные географические пространства и построить великий русский многонациональный мир, достичь справедливости и согласия. А также еще и потому, что для большинства наших людей жизнь без Бога, без веры, без ориентации на высокие цели, одним словом, без вертикального измерения — была лишена смысла. Дай Бог молодому поколению усвоить и сохранить этот смысл.

*Служба коммуникации
ОВЦС/www.patriarchia.ru*

«Молодежь — это зрелая часть нашего общества»

В Универсальном спортивно-зрелищном комплексе Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК) в субботу 23 мая 2009 года в рамках XIII Всемирного Русского Народного Собора состоялась встреча Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с молодежью и студенчеством Москвы.

Предстоятель Русской Православной Церкви обратился к собравшимся с Первосвятительским словом.

— Дорогие друзья, я хотел бы прежде всего поблагодарить вас за то, что вы собрались на эту встречу. Для меня как для Патриарха и епископа Москвы очень важно видеть ваши лица и слышать ваши голоса. Церковь может успешно нести свое свидетельство миру, она может достигать человеческих сердец, реально помогать людям только тогда, когда ее служители

понимают запросы и чаяния, радости и скорби, надежды и разочарования своих современников.

Мы с вами живем в непростое время. С одной стороны, существует достаточно высокий жизненный уровень людей. Разве можно сравнить нынешний жизненный уровень и уровень потребления с тем, что было 50 и более лет тому назад? С другой стороны, возникает так много новых проблем, что лавина этих проблем часто затмевает в нашем сознании удовлетворение теми достижениями, которые существуют. Каждый знает, что большой интерес вызывает появление новых образцов техники, в том числе новые машины, самолеты, бытовая техника. Нам кажется, что с появлением новых видов техники, с новыми технологиями, с созданием современной инфраструктуры улучшится и жизнь людей. Некоторые придерживаются довольно прекрасодушного взгляда на человеческий прогресс: если будут лучше автомобили и самолеты, будут шире и качественнее дороги — значит, и жизнь будет лучше. Я хотел бы с вами поделиться своими мыслями по этому поводу.

Я начал работать в Москве 20 лет тому назад. Вначале сам за рулем был, а потом меня стали возить на машине, которая называлась «Волга» ГАЗ-24. Люди старшего поколения хорошо этот автомобиль знают — не очень комфортная машина. Но когда меня сегодня привезли к вам в шикарном «Мер-

седесе», это дало мне возможность спросить себя: «А когда я был более счастлив, когда я до работы за 20 минут доезжал на «Волге», или когда большинство людей в хороших машинах добираются до работы за 45 минут, за час, за полтора?» Мне вчера позвонил один священнослужитель и сказал, что он в неплохой машине до дома добирался четыре часа. Есть такое понятие — качество жизни. Понятие это, несомненно, связано с материально-техническим прогрессом, но было бы огромной ошибкой считать, что именно материально-технический прогресс, именно рост материального благосостояния обеспечивает должное качество жизни людей.

Можно привести и другие примеры. Так, все знают, что для того, чтобы экономика развивалась, непременно нужно развитие производства. Но производство требует ресурсов, в том числе и невозполняемых ресурсов Земли. Всякое производство связано с загрязнением окружающей среды. И хотя сейчас предпринимаются огромные усилия, чтобы снизить нагрузку на природу от хозяйственной деятельности человека, существует феномен деградации окружающей среды, и каждый человек на своем опыте может это ощутить, особенно в крупных городах. Давайте спросим себя: готовы ли мы выбирать новые машины, телевизоры, холодильники, инфраструктуру, жилища и при этом — загрязненную среду обитания, отсутствие чистой воды, свежего воздуха?

Конечно, технически и с этим можно справиться, но я привожу эти примеры только лишь для того, чтобы показать: взбираясь на гору и думая, что, достигнув этой высоты, мы будем иметь полноту жизни, мы видим, что там, на горизонте, — другие горы, во много раз выше, круче и опасней, и на них снова нужно взбираться. Но жизнь-то человеческая ограничена конкретным сроком, как в Слове Божиим сказано: *семьдесят, от силы — восемьдесят лет* (см. Пс 89, 10). И ведь каждая человеческая личность уникальна и ценна, и во время этих семидесяти, даст Бог, восьмидесяти лет должно осуществиться самое главное и основное, ради чего мы живем. Теория прогресса, которая питала в том числе и атеистическое мировоззрение, просто захлебывается в этих конфликтных схемах: развивая одно, мы губим другое; надеясь, что одно поможет стать счастливым, и очень многое ставя на это, в данном случае — на материальную сторону своей жизни, мы убеждаемся, что счастье человека в полной мере не зависит от всего того материального, ради чего зачастую мы живем и чему отдаем все свои силы.

Мне бы хотелось сказать еще об одном аспекте этой темы, и я считаю это очень важным. Обычно получается так, что человек, жизненная перспектива и мировоззрение которого ограничиваются сферой земного бытия, достигая преклонного возраста, сознает, что он многого не сде-

лал. Если у человека достаточно развито критическое мышление, то он понимает, что он чего-то сделать не успел, и у многих это связано с жизненной катастрофой. Совсем недавно я разговаривал с одним внешне благополучным человеком, который поделился своими мыслями и сказал: «Знаете, мне в жизни ничего не удалось сделать!» — «Но как же так? Вы занимаете неплохое положение, у вас есть хорошая зарплата, семья». — «Да. А по-настоящему мне ничего не удалось сделать». И ведь многие вместе с этим человеком могут так сказать. Речь идет не только о величайших достижениях — человек говорит, что ему ничего не удалось сделать, вовсе не обязательно потому, что он открытия мирового не сделал или олимпийским чемпионом не стал. И многие это понимают: не хватило времени жизни, сил не хватило, стечение обстоятельств привело к тому, что человек чувствует себя неудачливым.

Что же все это означает? В прежние времена, когда религиозной аргументации не существовало, нас убеждали в том, что человек живет ради будущих поколений; что бессмертие человека — не онтологическое, то есть не существует реально для каждой личности; но есть, так сказать, бессмертие относительное, бессмертие как образ, а реализуется этот образ в передаче следующему поколению неких ценностей. В связи с этим возникла идея, что мы живем ради следующих поколений.

Эта мысль иногда присутствует и в современном дискурсе: мы живем ради детей, ради будущего поколения. В каком-то смысле это правильно, а в каком-то — совершенно неверно. Разве каждое последующее поколение обладает большей ценностью, чем предыдущее? А поколение тех, кто защищал Родину во время Великой Отечественной войны, имеет меньшую ценность, чем поколение нынешнее? Конечно, отдавая себя другим, человек растет и, может быть, становится через это счастливым, но сводить жизнь человека к тому, что нужно делать все для следующих поколений и тем самым как бы обеспечивать себе бессмертие — неправильно.

Если мы замыкаем нашу перспективу жизни порогом смерти, если не верим в вечное существование человеческой личности, то очень многое из того, что мы делаем, становится бессмысленным. Поэтому вопрос, есть ли Бог или Его нет, верить или не верить — это не тот вопрос, который можно решать по остаточному принципу: вот я все остальное решу, а потом, на пенсии, подумаю, на пенсии и в церковь схожу. От того, как мы решаем этот вопрос, зависит наше мироощущение, зависит наша жизненная философия и в конечном итоге зависит наше счастье. И если Господь сказал: *Я есть путь и истина и жизнь* (см. Ин 14, 6), то я верю каждому этому слову, верю, что Он есть путь, истина и жизнь, а раз так, то нужно

идти этим путем, чтобы обладать истиной и иметь полноту жизни.

А теперь я хотел бы поговорить о некоторых конкретных вещах. Говоря о вопросах человеческой жизни, я не буду особым образом выделять молодежь. Выделяя молодое поколение, мы обнаруживаем некий патерналистский подход. Даже когда мы говорим о том, какая у нас прекрасная молодежь, в этом чувствуется взгляд сверху вниз. Не говорит же молодежь: «Какие прекрасные у нас старики». По крайней мере, я ни разу не слышал. А вот у пожилых людей, у людей зрелых есть желание сверху вниз посмотреть и сказать: «Какие вы милые, какие у вас глаза хорошие, какие вы все умные».

Мне кажется, что надо просто всерьез говорить о жизни — какая разница, молодой ты человек или старый? И молодой, и старый переживают боль, страдают от нанесенных ран. Молодежь — это зрелая часть нашего общества. Я думаю, что ошибки нашей педагогики и сводятся к неизменному патернализму. Мы смотрим сверху вниз, любим постоянно критиковать, очень любим поправлять, очень любим требовать, чтобы молодежь непременно жила так, как мы жили прежде или как живем сейчас.

На самом деле, молодежь — это органическая часть всего общества, и говорить о проблемах с молодежью надо тем же языком, которым следует говорить с людьми старших поколений. И не долж-

но быть никакого сюсюканья, никакого подыгрывания. Вспоминаю, как я впервые участвовал в большой молодежной конференции. Это было в далеком 1968 году в Праге, в Чехословакии. Первый раз я оказался на очень большой межхристианской ассамблее — я был послан туда как представитель православной молодежи Советского Союза. То был особый год — кто не помнит того времени, знает о нем по книгам: в августе месяце в Прагу были введены советские войска. Это было очень сложное время в истории нашей страны и Восточной Европы.

Конгресс, в котором я участвовал, проходил в марте, за несколько месяцев до этих событий. И я вспоминаю о чувстве, которое пережил: перед огромной молодежной аудиторией выступали различные деятели — общественные, политические, и я ловил себя на мысли, что каждый из них желает понравиться молодежи, а для этого пытается использовать молодежный жаргон, молодежную одежду. Вот выходит такой уже старчик, а пытается вести себя, как молодой человек, и выглядит комично, карикатурно.

С молодежью следует говорить абсолютно так же, как мы говорим со всеми остальными: в первую очередь, с большим уважением и любовью, ибо молодежь — это потенциал будущего, но одновременно — на совершенно серьезном языке взрослых людей.

Мне хотелось бы, не выделяя в данном случае молодежь как отдельную касту в обществе, говорить о наших проблемах, о проблемах нашей жизни. Есть большая опасность в том, какое влияние оказывает на человека информационное общество. Мы действительно живем в новой реальности, мы живем в другом мире, и эту инаковость создали, в первую очередь, новые картины общественной жизни, сформированные колоссальным потоком информации. Люди молодые, конечно же, к этому привыкли, потому что многие из них родились уже в условиях информационного общества. Люди же зрелого возраста видели все то, что произошло за последние 20—30 лет со страной, с людьми, и имеют возможность сравнить.

Информационное общество имеет много преимуществ по отношению к тем обществам, которые так не назывались и по сути таковыми не были. В первую очередь — это возможность получать информацию и интеллектуально расти. Сегодня только если человек очень ленив, он не будет расти интеллектуально. Но если лень под контролем, то появляются неограниченные возможности для интеллектуального роста: компьютерные технологии, которые выводят нас на любые источники знаний, научная работа, которая становится просто захватывающе интересной, потому что у человека, сидящего дома, открываются такие возможности, о которых

в прошлом даже помыслить было невозможно. Все это, конечно, подталкивает научно-технический прогресс, но, с другой стороны, в этом информационном потоке чего только нет!

Могучий поток информации оказывает колоссальное воздействие на психику людей, на состояние их душ. И вот здесь возникает вопрос: а как относиться к этому потоку, ведь он может действительно смести человека, разрушить его самобытность, некую его подлинность, идентичность — духовную, культурную, национальную. И так и происходит во многих случаях.

Именно поэтому очень важно выстраивать систему отсева информации, ставить перед собой некий фильтр, который помогал бы человеку не просто отбрасывать лишнее, но критически воспринимать все то, что на него обрушивается. Для этого необходимо внутренний критерий, используя который человек мог бы разумно воспринимать поступающую информацию и использовать ее во благо, отсеивая все то, что может разрушать человеческую личность.

Но чтобы иметь такой критерий, внутри себя нужно иметь некую норму. Понятие нормы — чрезвычайно важное, но норма опять-таки чем-то и как-то формируется. И вот здесь я хотел бы перейти к очень важному вопросу — вопросу о ценностях, ведь в первую очередь норма, основываясь на которой можно фильтровать поступающую информацию, — это система ценно-

стей, которая присуща человеку. Но ведь информационный поток, обрушивающийся на человека, и предполагает формирование неких ценностей — по замыслу тех, кто этот поток создает. Именно поэтому в информационном потоке идет борьба между ценностями, и человеку очень трудно сориентироваться, а современная философия, так называемая философия эпохи постмодерна, если она усваивается, создаст еще больше трудностей.

Постмодерн — это такая философия жизни, которая предполагает равнозначное положение всех идей и всех взглядов, — каждый человек может выбирать; не существует истины, истина субъективна. Конечно, существует научная, объективная истина: дважды два — четыре, но речь сейчас идет о ценностях. Для философии постмодерна не существует никаких ценностных систем, которые могли бы претендовать на то, чтобы быть истинными системами. Это создает релятивистский подход человека к восприятию информации.

Сейчас, как вы знаете, по указанию президента создается комиссия, призванная бороться с фальсификацией истории. Вот на примере Великой Отечественной войны мы видим, как действительно формируется такой подход к истории, который совершенно опрокидывает все достижения, в том числе нашего народа в победе над фашизмом. И это предлагается обществу как один из взглядов. А почему нет? Ры-

нок идей: что имеет большую привлекательность, что лучше рекламируется, что лучше поддерживается информационной машиной, то и выигрывает. И как легко потерять истину, как легко за нее принять ложь, когда в общественной философии эпохи постмодерна отсутствует само понятие истины.

То, что громко, на весь мир, говорит Церковь, сегодня мало кто говорит. И мы сознаем, какие риски связаны с этим свидетельством, потому что в этом смысле Церковь идет против течения. Мы говорим о том, что существует объективная истина в системе ценностей, потому что Бог, создав человека, вложил в его природу некоторые качества и свойства, определяющие эту объективную систему ценностей. Бог создал человека, даровав ему Свой образ, а неотъемлемой частью этого образа является нравственное чувство.

Нравственная основа человека является критерием истины. Нравственность — это способность отличать добро от зла посредством внутренней сигнальной системы. У нас есть такая сигнальная система — это голос нашей совести. Конечно, голос совести можно заглушить, можно пропить, и апостол Павел говорит о сожженной совести (см. 1 Тим 4, 2), но тем не менее существует удивительный факт: люди, живущие в разных культурных средах и даже в разные эпохи, имеют одно и то же понимание добра и зла — фундаментальное

понимание, не в деталях, а по сути, — которое опознается голосом человеческой совести.

Те философы, которые не согласны с таким подходом, которые придерживаются сугубо материалистических взглядов, в том числе и на происхождение совести, убеждают нас в том, что она является продуктом общественного развития, что на формирование совести влияет культура, образование, климат, география, социальное положение. Хорошо известен марксистский подход к этому вопросу: совесть формируется под влиянием классовой принадлежности, и поэтому ничего, мол, тут мистического нет.

Но если разобраться во всех этих подходах, то они оказываются не просто ошибочными, а очень опасными для человеческой жизни. Если совесть зависит от внешних обстоятельств, если понятия добра и зла в России не такие, как в Америке, если голос совести детерминирован внешними факторами, то нравственности действительно не существует. Но тогда в человеческих отношениях происходит что-то очень опасное. Давайте вспомним: «Хорошо то, что хорошо для рабочего класса» — и сколько миллионов жизней было погублено! «Хорошо то, что хорошо для великой Германии» — и сколько миллионов людей загубили!

Там, где существует нравственный релятивизм, нет нравственности. И если нас

сегодня учат, что совесть в Папуа — Новой Гвинее не такая, как во Владивостоке, — это не просто ошибка, это опасное учение, которое предполагает относительность нравственного чувства.

Фильтр, необходимый для того, чтобы критически воспринимать обрушивающийся на нас поток информации, — это, в первую очередь, наш нравственный голос. Мы должны по совести определять, что такое хорошо, а что такое плохо. Но сделать это очень непросто — помимо нравственного чувства должно быть еще некое мировоззрение, некий набор идей. Откуда же этот набор идей должен появиться, откуда должна к нам прийти система ценностей, которую мы могли бы налагать на информационный поток современного информационного общества? Есть такое понятие: предание, традиция. Я представляю, как на это слово многие реагируют: «Предание, что это такое? Плюсquamперфект какой-то, при чем здесь я и при чем здесь какие-то старые истины?» На самом деле традиция важна не потому, что она хранит прошлое — в прошлом ведь было много и хорошего, и плохого. Традиция не призвана сохранять все из прошлого. Мы с вами выметаем мусор из нашего дома, а мусор — тоже прошлое. Подлинная традиция не хранит мусора — она хранит только ценности.

Иногда хранение этих ценностей облекается в определенную культурную оболочку,

которая в одних случаях помогает современным людям эти ценности принять, а в других случаях — мешает. Когда мы говорим о традиции Церкви, о христианском Предании, которое идет от Господа Иисуса Христа, мы говорим о вечных и неизменных ценностях, которые сохраняются в Предании и последовательно передаются каждому последующему поколению. Это не архаизмы, это не старая философия, но ценности, проистекающие в том числе из нравственной природы человека и обогащенные человеческим опытом. Если мы отрицаем традицию как носителя этого критерия ценностной истины, то мы становимся абсолютно разоруженными перед огромным потоком информации, нам трудно отсеивать правду ото лжи, разбираться в том, что происходит. Поэтому быть христианином сегодня — это, в первую очередь, иметь критерий, используя который мы можем себя обогатить за счет информационного потока и защититься при этом от негативных и разрушительных тенденций и влияний.

А как овладеть этим критерием? Просто прочитать Евангелие? Наш высокоинтеллектуальный век требует от людей постоянной работы ума. Если эта работа прекращается, человек становится легко управляемым извне. Мы должны творчески воспринимать Предание, которое передается, в том числе и Церковью. Нужно не просто читать тексты, нужно думать,

нужно создавать систему общения, в которой мы имели бы возможность, беседуя, взаимно обогащать друг друга, обмениваться своим пониманием того огромного духовного и интеллектуального опыта, который передается нам через Предание.

Этого, пожалуй, сегодня не хватает в Церкви. Мы, конечно, произносим в храмах проповеди, в которых пытаемся помочь людям принять этот критерий истины. Но у нас еще до сих пор очень мало других возможностей, может быть, потому что пока плохо организована такая работа: у нас нет дискуссионных групп, нет молодежных и иных собраний, где люди живо обсуждали бы свою веру применительно к современным проблемам.

Невозможно иметь живую веру и тем более невозможно понять пользу от нее, когда эта вера ассоциируется с какой-то книгой, поставленной на полку. Но если вера становится частью постоянных размышлений, творческого напряжения личности, если вера используется для мотивации своих действий в личной, семейной, общественной, профессиональной, государственной деятельности, если вера сопрягается с реальной проблематикой современной жизни, она становится живой, эффективной, каждый человек видит ее пользу.

Хотел бы привести пример своей жизни. Я стал верующим человеком от самого своего рождения, потому что родился в та-

кой семье, но где-то в 14—15 лет стал очень увлекаться точными науками, тем более, что они мне легко давались; много читал популярной научной литературы, а в то время эта литература была очень идеологически ориентирована в сторону атеизма. Конечно, у меня стали возникать сомнения. И вот для того, чтобы с этими сомнениями справиться, ответить на многие вопросы, я стал читать. К счастью, у отца была прекрасная библиотека с замечательными книгами, которые для нашего народа стали доступны только в нынешнее время. Это мне помогло переоценивать и переосмысливать очень многое из того, чему я был научен родителями, и научило меня некоей богословской рефлексии, которой я живу до сих пор. Богословская рефлексия — это способность реагировать на окружающий мир не с точки зрения эмоций и чувств, а с точки зрения своих убеждений; способность подвергать информацию, которая на тебя обращена и которая тебя поглощает, критическому анализу, в основе которого — твои собственные убеждения.

Я не вижу другого пути для духовного возрождения нашего народа, кроме как перевести религиозный фактор исключительно из сферы фольклора, культуры в сферу реальных размышлений, в сферу реального творчества, чтобы религиозные истины помогали человеку справляться в том числе и с кризисными явлениями, которые существуют в современной цивили-

лизации и которые наверняка не исчезнут из этой цивилизации с окончанием текущего экономического кризиса. Другими словами, сегодня, чтобы сохранить себя, свою страну, свою культурную самобытность, чтобы нас не раздавил информационный поток, мы должны научиться сопрягать свои убеждения с реальностью.

А теперь последнее, о чем я хотел бы сказать. Мы как человеческая цивилизация действительно вошли в очень сложный период — период кризисного бытия. Большое заблуждение считать, что где-то какие-то ипотечные проблемы явились причиной обрушения мировой экономики. Это примитивный взгляд на нынешний кризис.

Я стараюсь задавать вопросы о происхождении этого кризиса, общаясь с людьми, которые компетентны в этом, — с политиками, с экономистами. Я не получил еще ясного и убедительного ответа, откуда же эта напасть. Как же получилось так, что деньги исчезли? Откуда спад производства? Ну, понятно, что спад производства обусловлен перенасыщением рынка, но ведь перенасыщения рынка нет и в помине. Классическая марксистская экономика говорила о том, что кризис — это результат перепроизводства. Но, может быть, где-то произвели что-то лишнее, но ведь каждый из нас этих излишеств не видел и не чувствовал.

Есть какие-то подспудные, для меня пока не очевидные причины мирового эконо-

номического кризиса. Поскольку я всегда стремлюсь к богословской рефлексии, то попытался свои религиозные взгляды, свое понимание мира и человека наложить на то, что сегодня происходит. У меня вырисовывается вот какой ответ: мир сегодня потрясает не только экономический кризис. Мы уже говорили о проблемах экологии, и Всемирный Русский Народный Собор, в рамках которого проходит сегодня эта наша встреча, обеспокоен данной проблемой. Совершенно очевидно, что мы проходим и через экологический кризис. Мы уже говорили о культуре постмодерна. А разве все то, что сегодня происходит в этой сфере, не является культурным кризисом? Кроме того, разве не существует кризиса национальной идентичности? Совсем недавно у нас в стране, везде — куда ни глянь — был кризис: и в экономике, и в культуре, и в образовании, и в спорте кризис. Но если сейчас кризис системный не только у нас, но и во всем мире, то, может быть, есть какая-то единая основа этого кризиса? Я отвечаю так: есть первопричина — это кризис человеческой личности, это кризис нравственного чувства, это кризис потери ценностей.

А если утрачены нравственные ценности, если затмевается нравственное чувство, то почему не криминализировать экономику и не только в масштабах этакого местечкового криминала? Почему ее глобально не криминализировать? Почему не напеча-

тать столько бумажек определенного цвета, который нам хорошо известен, чтобы это спровоцировало колоссальные инфляционные процессы и, конечно, послужило одной из причин экономического кризиса? Если нравственность оторвана от экономики, почему бы это не делать, тем более, если печатный станок в твоих собственных руках? Почему не торговать этими самыми бумажками? Деньги являются эквивалентом труда, и до недавнего времени товаром были только человеческие усилия и то, что в их результате люди, как говорят инженеры, имели на выходе, — реальные товары, реальные ценности. Но за последние десятилетия большинство капиталов формировалось на спекулятивной основе, потому что торговать стали деньгами, долговыми расписками и всем тем, что представляет из себя современный финансовый рынок. Люди богатели в одночасье, только лишь играя на курсах обмена валют или играя на бирже, покупая или продавая те или иные акции. Они практически из воздуха получали миллиарды, но ведь так не бывает! Деньги — это эквивалент реального труда и реальных ценностей. А если нет ценностей, какая же экономика может существовать? Так поступать могут только те личности и целые системы, которые напроць отторгают экономическую деятельность от нравственности.

То же самое и в области политики. Мы очень многое потеряли, в том числе и в 90-е

годы, когда декларировали одно, а делали другое. Это очень болезненный период истории нашей страны. Слава Богу, что эта страница была перевернута, и сегодня мы должны дорожить тем, что у нас есть. И Церковь, находясь вне политики и не отдавая никаких предпочтений тем или другим политическим силам, утверждает, что сегодняшней курс страны соответствует нашим национальным интересам. И не дай Бог, чтобы спекуляция на экономических трудностях, которые сегодня реально возникли в нашем обществе не по вине нашей страны, а были привнесены извне, вернула нас снова в реальность 90-х годов, когда мы с легкостью могли потерять Россию. Мы все должны быть очень бдительными, и богословская рефлексия важна, и голос совести тоже должен работать, чтобы уметь отличать правду от лжи, добро от зла.

Я глубоко убежден, — а как Патриарх я говорю не только о России, но о всей исторической Руси, о Святой Руси, — что если весь наш народ, народ исторической России сможет сопрягать небесное и земное, Божественное и человеческое, веру и знания, нравственность и проявления человеческой личности в социуме, мы будем очень сильными, мы будем сильнее всякого кризиса. Но если снова соблазнимся на очередные «-измы», на очередные псевдофилософии, которые в этом информационном потоке обрушиваются на нас знаменем постмодернистской ре-

альности, то, может быть, страна этого уже и не выдержит.

Мы с вами живем в ответственное время. У нас нет права на ошибку и вот почему: сегодня утром я служил Литургию на Бутовском полигоне, где были расстреляны более двадцати тысяч человек, многие из них — священнослужители, монахи, монахини, верующие люди. Это наша русская Голгофа, российская Голгофа, потому что там не только русские, православные. И, казалось бы, что мы можем полезного почерпнуть из этой трагедии? Есть нечто очень важное: трагедия XX века дала нам уникальный опыт жизни без Бога. Нигде в мире не было предпринято таких радикальных попыток построить человеческое счастье без Бога, и они завершались либо Бутовскими полигонами, либо созданием «сверхдержавы», которая в одночасье развалилась без единого выстрела. У нас имеется опыт, которого нет более ни у кого, вот почему мы не имеем права на ошибку.

Если же, отталкиваясь от этого исторического опыта, мы будем действовать, соединяя духовное и материальное, то действительно построим процветающее общество, которое может стать примером для многих.

Благодарю вас за внимание.

<http://www.patriarchia.ru/db/text/653345.html>

«Сила нации — в силе духа»

23 марта 2009 года, в заключительный день Первосвятительского визита в Калининград, Святейший Патриарх Кирилл встретился со студентами и курсантами калининградских вузов в Российском государственном университете им. Иммануила Канта и ответил на их вопросы.

— Я благодарю за эту возможность обратиться сегодня к молодежной студенческой аудитории и не только здесь, в стенах этого зала, но и с помощью соответствующих технических возможностей ко многим другим молодым людям.

Я вспоминаю свою встречу с вами в этих же стенах. Может быть, кто-то присутствует и сегодня из тех, кто слушал меня тогда. Конечно, я уже не помню, что говорил вам тогда, потому что мне после этого со многими людьми приходилось встречаться... Но я помню то душевное состояние, которое я обрел в этих стенах, общаясь со студентами, преподавателями, профессорами. Это было положительное чувство, чувство

уверенности в том, что, несмотря на множество проблем, с которыми сталкивается наша молодежь сегодня, мы имеем очень мощное молодежное национальное ядро. Это мыслящие сильные люди, способные действительно многого достичь в будущем. А значит, у России есть надежда, потому что те, кто сегодня молод, завтра возьмут бразды правления в свои руки, будут отвечать за экономику, за социальную жизнь, за духовную жизнь, культуру и многое другое. Поэтому я вступаю на эту кафедру и начинаю что-то говорить вам, как бы находясь в том настроении, которое вынес от нашей первой встречи.

Если говорить о специфике восприятия мира молодым человеком, то это восприятие отличается от восприятия человека зрелого, взрослого. Во-первых, молодые люди более динамичны, в них больше энергии, больше внутренней пассионарности. С другой стороны, есть еще некая психологическая особенность восприятия мира молодым человеком. Само сознание, психика молодого человека устроены так, что он как бы заточен на обучение, даже вне зависимости от того, учится этот молодой человек или не учится. Это ярко видно на примере ребенка. Дети постоянно задают вопросы. Это заложено в них природой. Они многого не знают. Они задают вопросы, получают ответы, воспринимают информацию. Эта информация закладывается в памяти и сознании ребенка, и так

формируется личность. Когда человек перестает задавать вопросы, это первый признак старения. Не цифры в паспорте важны, а вот эта мера ощущения, способность воспринимать информацию, впитывать ее и учиться. Это есть некий показатель молодости, духовной и интеллектуальной. Ну а в молодом возрасте это типично, это обычное дело. Так люди и учатся. В связи с этим у молодых людей открываются очень большие возможности для познания мира. Но именно из-за этого и возникают основные проблемы, которые отражаются на становлении человеческой личности.

Для молодого человека важен пример, образ. И одним из способов формирования личности является подражание. Вы даже себе представить не можете, насколько важно подражание в вашей жизни. Если сейчас кто-то скажет «нет, а я никому не подражаю, я сам по себе»... Я только один маленький пример приведу, чтобы вы поняли, насколько важно подражание, насколько большую роль оно играет в вашем формировании. Мода. Что такое мода? Это некий стереотип, который сегодня предлагается для подражания. И каждый воспринимает это абсолютно безоговорочно. Модно — значит красиво. Я хочу походить вот на этого киноактера, а я хочу походить вот на эту модель из глянцевого журнала, хочу походить на крутого соседа, который так поражает мое воображение. Эта под-

ражательная модель восприятия действительности в молодости играет чрезвычайно большую роль. Как я сказал, здесь заложены положительные моменты, потому что многое в мире достойно подражания. Но здесь есть и свои опасности, ведь молодому возрасту свойственно менее критическое отношение к объектам подражания, чем в зрелом возрасте. Вообще в зрелом возрасте люди практически уже никому не подражают, потому что они сами уже сформировались. Хорошо это или плохо, это другой разговор. Но у них есть внутренние стереотипы, которые они накладывают на окружающую жизнь. Подходит то, что соответствует моим убеждениям, подходит то, что соответствует моему образу мысли, подходит то, что соответствует моему вкусу. Не слушаю музыку, если она не соответствует моему вкусу, какие бы серьезные люди это ни предлагали. В молодом возрасте это не так. В молодом возрасте присутствует постоянная попытка бессознательного подражания. Хорошо, если сознательного. Чаще всего это идет на уровне инстинкта. Подражаю, вот и все. Даже не отдаю себе в этом отчет. Вот здесь, именно в этой сфере познания мира, и находятся основные проблемы для молодежи, потому что сегодня, живя в информационном обществе, мы имеем такое огромное влияние внешнего фактора на человека, что это может привести к очень опасным последствиям для человеческой личности.

И потому способность молодого человека выборочно воспринимать весь этот поток информации, подражать только тому, что соответствует некоторым внутренним его установкам, является очень важной.

И вот теперь позвольте мне перейти к самому главному. А как сделать так, чтобы у молодого человека возникли как можно раньше ценностные установки, которые он способен был бы использовать, выбирая модели для подражания, отсекая то, что не соответствует этим внутренним установкам? Если говорить обо всем этом в контексте глобализации, то речь, в конце концов, идет о способности народа и культуры оставаться самими собой. Для того чтобы молодой человек был способен критически воспринимать информацию, которая на него обрушивается, не только интеллектуальную, но и чувственную, эмоциональную, любую, очень важно, чтобы как можно раньше сформировался некий костяк, некая система ценностей в таком молодом человеке. Вот тогда человек становится сильным, и теперь он сам управляет информационным потоком. Он отсеивает то, что ему не подходит. Я не помню, в вашей аудитории или какой другой я рассказывал об одном замечательном американском ученом-химике русского происхождения, с которым я познакомился в далеком 1971 году в Соединенных Штатах Америки. Кстати, он был православным священником и одновременно

выдающимся ученым. И вот он научил меня одной премудрости, которой я с радостью делюсь с другими людьми. Он мне сказал примерно следующее: все то, что мы воспринимаем извне, состоит из шумов и сигналов. Шумов — 90%, сигналов — 10%. Мудрость человека заключается в способности отделять шумы от сигналов. Как бы отделяя шумы от сигналов, настраивая радиоприемник, уходя от помех и выходя на ту волну, которая несет в себе информацию. Так вот, что сделать для того, чтобы шумы отсеивать от сигналов? Какой фильтр нужно поставить внутри себя, чтобы творчески воспринимать информацию, которая к нам приходит?

Здесь мы переходим к очень важному вопросу формирования личности, формирования ценностей. Есть такие понятия: «базисная культура» и «субкультура». Думаю, очень важно методологически отличать одно от другого, базисную культуру от субкультуры. Существует молодежная субкультура. Она очень привлекательна для молодых людей. Это особый покррой одежды, украшения, даже манера говорить, способ проводить свободное время. Это молодежная субкультура. Когда молодой человек вращается только в этой субкультуре и видит примеры только этой субкультуры, у него может произойти очень опасное смещение понятий. Эту субкультуру он начинает воспринимать как базисную культуру, а все остальное — как пережитки

прошлого или нечто чужое. А на самом деле это субкультура. Ведь есть субкультура и у пожилых людей. Пожилые люди одеваются отлично от молодых людей, у них другой стиль жизни и поведения, другие интересы. Можете себе представить, чтобы субкультура пожилого человека была бы общей, базисной культурой? Это трудно себе представить, особенно молодому человеку. А пожилому человеку абсолютно невозможно признать молодежную субкультуру за базисную культуру. Вот отсюда и вырастает так называемый конфликт отцов и детей. И некоторые считают, что этот конфликт непреодолим. Я глубоко убежден, что это неверно. Все зависит от того, способны ли мы субкультуру отличать от базисной культуры и насколько глубоко базисная культура заложена в нашем сознании, в нашей жизни и нашем поведении.

До революции 1917 года была попытка сформировать базисную культуру на основе классической культуры. Базисным образованием была классическая гимназия с изучением латыни, древнегреческого языка. Почему? Потому, что латынь, древнегреческий язык, античная культура — это действительно базисная культура для европейской цивилизации. Из латинского языка вышли все романские языки: и французский, и итальянский, и португальский. И в основе многих архитектурных стилей лежали принципы, заложенные античным

искусством и античной культурой. И подход был такой: нужно дать молодежи базисную античную культуру, на основании которой можно развивать свою собственную национальную культуру, субкультуру, имея прочный и твердый фундамент. Это был методологически правильный подход. Специалисты-филологи скажут, что это абсолютно правильный подход. Философы скажут, что это был правильный подход. Это и есть базисное образование. Идеально было бы, чтобы все мы овладевали сначала этим базисным образованием, а потом уже становились бы физиками, математиками, врачами, архитекторами и так далее. Но в настоящее время все это невозможно, потому что невероятно усложняется процесс обучения. Увеличивается количество информации, которое обрушивается на человеческую личность, и никаких студенческих и школьных лет не хватит, чтобы от той античной культуры дойти до современности и еще стать хорошим специалистом. Поэтому сегодня, конечно, надо что-то менять, но не принципы. Замечательно, если у нас с вами будет возможность изучать латинский и древнегреческий язык, но для вас уже, для вашего поколения это дело невозможное. Этим надо заниматься с детства. Поэтому мы, говоря о формировании базисной культуры сегодня, должны внести коррективы в ту дореволюционную схему.

Сегодня мы должны овладевать базисной культурой, связанной с историей нашего

народа. Это то, что является базисным для нас. Это не исключает, конечно, возможности изучать античный базис, но в реальном измерении важно было бы знакомить детей и молодежь с базисной культурой своего народа. Почему? Да потому, что в этой базисной культуре заложена система ценностей. К базисной культуре, конечно, относится язык, литература, та часть литературы, которую мы называем классической русской литературой. К базисной культуре, конечно, относится религиозная культура.

Для меня всегда странно слышать, когда люди говорят, что не надо изучать религиозную культуру. Это все равно, что сказать, что в век электроники не нужно изучать таблицу умножения. Но ведь необходимо уметь делить, складывать, вычитать, умножать и не прибегая к помощи калькулятора. Есть вещи, которые человек обязан знать. Основы религиозной культуры, связанной с национальным культурным базисом, — это то, что непременно нужно знать. Вот именно из этой базисной культуры произрастает система ценностей, национальных ценностей, которые формируют личность и общество. Если, владея этими ценностями, мы будем способны к тому, чтобы, накладывая эти ценности на информационный поток, отделять шумы от сигналов, мы будем очень сильными. Сильной будет личность, сильным будет общество и сильным будет государство.

Мы не потеряемся тогда на этих развилках и перепутьях глобализации. Мы не будем Иванами, не помнящими родства. Мы будем носителями яркого и сильного духовного и культурного самосознания. Такой человек будет способен критически использовать подражание, подражая тому, что соответствует его основе, его становому хребту, и отвергая все, что ему не соответствует.

Думаю, у нашей страны нет иного пути, если мы хотим сохраниться как страна и народ в эпоху глобализации. Ведь невозможно защитить сегодня нашу молодежь и детей от информации, которую они потребляют. Только внутри самого человека должны быть выстроены эти рубежи обороны, причем выстроены должны быть очень творчески. Эти рубежи обороны в масштабах личности, семьи и государства не должны отождествляться с охранительной политикой. Человек должен быть достаточно открыт к восприятию того, что несет ему современный мир, и одновременно быть способным защищать самые сокровенные глубины своей жизни, сохраняя свою национальную, духовную, религиозную, культурную самобытность, а вместе с этой самобытностью сохраняя нравственную систему ценностей. Вот это последнее очень трудно дается современной молодежи, потому что современная массовая субкультура оказывает настолько сильное влияние на молодежь, что выстро-

ить разумную оборону против ее влияния очень и очень тяжело. Я объясню, почему тяжело. Потому что массовая субкультура в абсолютном своем большинстве, за исключением каких-то выдающихся проявлений, апеллирует не к разуму, не к интеллекту, а к человеческому инстинкту. Если мы посмотрим на рекламу, на те же самые глянцевого журналы, если мы повнимательнее посмотрим на тот информационный поток, который идет с телеэкрана, то мы увидим, что все направлено на то, чтобы, используя человеческий инстинкт, добиваться конкретных целей — коммерческих, идеологических, может быть, даже политических, хотя и в меньшей степени.

Человек так устроен, что голос инстинкта очень силен, но не будь инстинкта, не заложи Бог эту инстинктивную силу в нашу природу, не было бы продолжения человеческого рода, мы бы все умерли от голода, от жажды, от холода. Следуя инстинкту, мы защищаем сами себя. Инстинкт есть некая сигнальная система, обеспечивающая самосохранение, выживание личности. Ведь именно так существует животный мир — животные существуют, размножаются и выживают только благодаря голосу инстинкта. Человек отличается от животного именно тем, что ему Богом дана еще одна внутренняя сила, которая не дана животным — нравственное начало. Ученые спорят в отношении происхождения нравственности и никогда не

могут окончательно сказать, что это такое и почему. Потому что если нравственность отделяется от трансцендентного начала, от Божественного начала — она практически повисает в воздухе. Это совсем не значит, что люди неверующие являются безнравственными, это глубочайшее заблуждение так говорить. Неверующий человек может быть нравственным, но не потому, что он неверующий, а потому, что в нем сильно развито нравственное чувство, которое познается через совесть. Но с агностической, атеистической точки зрения объяснить наличие нравственности невозможно. В самом деле, почему я должен жертвовать собой во имя другого? Жизнь-то одна дается. Почему я должен отдавать что-то другому, когда нужно как можно больше приобретать для самого себя? Если мы отрываем нравственность от реальной жизни, то люди действительно превращаются в зверей, они живут на основе инстинкта.

Так вот, опасность влияния определенной части массовой культуры на молодежное сознание заключается в том, что эта культура эксплуатирует инстинкт, в первую очередь, половой инстинкт, разрушая нравственное начало человека. Все, что связано с реализацией полового инстинкта, в молодости чрезвычайно активно и соблазнительно. И тормоза срываются. Нужно быть очень зрелым, сильным человеком, чтобы контролировать свое поведение, особенно если внешняя среда постоянно прово-

цирует срыв этих тормозов, развивая очень опасную философию: а я, что, хуже другого? Массовая культура, которая срывает эти тормоза, напоминает мне человека, который пилит под собой сук, на котором сидит. Как-то я сказал одному человеку, который в то время был не последним на нашем телевидении: «Когда я смотрю ваши фильмы, у меня такое впечатление, будто у вас нет собственных детей, будто у вас нет жены. Вы же раскачиваете не только других, не только у других вырываете способность управлять тормозами, но и у самого себя, у жены, у детей».

Человеческая цивилизация, живущая по закону инстинкта, нежизнеспособна. Никакая правовая культура, никакое мощное правовое поле и развитое законодательство не способны регулировать человеческое поведение ежечасно — лишь голос совести. Когда нам говорят: живи как хочешь, только других не обижай (а такова сегодня философия современного либерализма), нас тем самым подталкивают к жизни по закону инстинкта. Именно поэтому в современной либеральной философии отсутствует понятие греха, есть лишь плюрализм поведенческой модели, а нравственность — не более чем условное понятие: «то, что нравственно для тебя, безнравственно для меня». Вот эта философия, которая инкорпорирована в законодательство очень многих стран и во многом формирует контрсовременные

массовые культуры, является убийственной для человеческой цивилизации.

Чем раньше человечество поймет, что нравственность — это способ выживания коллектива, семьи, личности, общества, всей человеческой цивилизации, тем лучше. Если это поймет наша молодежь — мы будем самыми сильными, потому что сила нации — в силе духа.

Каждый из вас хочет быть сильным, вы спортом занимаетесь, поэтому так друг перед другом показываете себя, и это нормально, это заложено в нашу природу. Мы хотим быть сильными. Но каждый человек должен понять, что не от гантелей только сила, хотя и этим нужно заниматься. В первую очередь, это сила духа. Наш народ выигрывал войны не потому, что мы были сильнее, обладали более мощным оружием, и не потому, что наши полководцы были умнее других. Особенно последнюю, Великую Отечественную войну, мы выиграли потому, что оказались сильнее духом, мы сломали адскую военную машину, во много раз превосходившую наши возможности. Мы понесли большие потери, но победили. Мы прошли через тяжелейшие 90-е годы. Чудом мы сохранили свою внутреннюю силу, когда все центробежные силы заработали на разрыв нашего общества и исторической России. Сегодня некоторые боятся кризиса и говорят: «Кризис — что будет?» Да ничего не будет, если мы сами не подвергнем себя разрушитель-

ному нравственному кризису. Если будем внутренне сильными — мы соберемся, мы будем лучше работать, лучше учиться, у нас будут ясные цели, мы будем понимать, что мы должны защищать, и преодолеем кризис, с улыбкой будем на него смотреть и говорить: «А поучительное было время, мы стали сильнее».

Задача Церкви, как я это понимаю, заключается в том, чтобы постараться затормозить те опасные процессы, которые сегодня идут в мире. Есть некая тенденция в мировой цивилизации — самораспад. Это особенно зримо на примере благополучных обществ в других странах, о которых нам говорят: «Вот пример для подражания». То, что происходит внутри многих благополучных обществ, является признаком невероятной слабости и угрозой существованию самого общества.

Я глубоко убежден в том, что необходима коррекция этого цивилизационного развития. В наших условиях эта коррекция может быть достигнута только через сохранение наших базисных ценностей, через формирование личности, способной критически воспринимать и оценивать происходящее и достигать тех целей, которые стоят перед этой личностью, а также и перед всем обществом.

Я уже сказал о том, что вижу главную, может быть, задачу Церкви именно в том, чтобы содействовать этому процессу, о котором мы говорим, — не процессу разруше-

ния, а процессу создания сильной личности, крепкой семьи и сильного государства. Дай Бог осознать всем нам важность переживаемого момента, особенно вам, мои дорогие молодые люди. В каком-то смысле линия фронта проходит через ваши души. Достоевский говорил о том, что Бог с дьяволом борется, а поле битвы — в сердцах человеческих, и, в первую очередь, это сердца молодых. И никто, кроме вас, этой победы не одержит. Только одни могут помочь вам одержать эту победу, а другие толкать к тому, чтобы дьявол захватил ваше сердце. А где дьявол, там смерть, там нет жизни, в какую бы красивую отделку дьявольские соблазны ни оборачивались.

Самая великая мудрость человека — это мудрость уметь различать духов, уметь отличать добро от зла и держаться добра, потому что там, где добро, там жизнь.

Благодарю вас за внимание.

Неожиданно было увидеть на сайте Патриархии раздел «Наука и образование». Так как с наукой? Спор науки и религии окончен?

— Вы знаете, никакого спора между наукой и религией нет и быть не может по определению, как не может быть спора между наукой и живописью. Ошибка заключалась в том, причем ошибка, как со стороны Церкви, так и со стороны науки, что Церковь на Западе, Католическая Церковь, инкорпорировала в свою догматику, в свое вероучение определенные научные

схемы средневековья — например, геоцентрическую систему мира. Когда Коперник сказал, что не вокруг Земли крутятся планеты, а вокруг Солнца, это стало не очередной гипотезой или научной теорией, а вызовом вероучению. И Католическая Церковь стала защищать не веру в Бога, не догматику свою, а одну из средневековых научных гипотез, ложно догматизированную. Но в научном споре становилось совершенно ясно, что Церковь не права, а наука права. Церковь стала употреблять не только аргументы интеллектуального убеждения, но что-то и похлеще, вы знаете. Так на Западе вырос конфликт между наукой и Церковью, чего никогда не было на Востоке.

Вторая очень опасная ошибка — когда наука идеологизирована. В нашей стране наука была частью мощного идеологического аппарата государства и потому могла интерпретироваться исключительно в контексте атеистического мировоззрения и никак иначе. Она стала фактором идеологического воздействия на сознание. Конечно, какая тут вера? Тут при помощи науки нужно было доказать, что вера — это обскурантизм, что это вчерашний день, что это не соответствует научной доктрине мира.

Если Церковь не вмешивается в науку и не выносит своего суждения о том, насколько данные гипотезы или теория соответствуют или не соответствуют рели-

гиозной доктрине, а наука не подвергает религиозные знания критике, используя свой инструментарий, вот тогда каждый остается в том поле, в котором он призван работать. Но это не изолированные поля. Наука и религия, Церковь и знание должны взаимодействовать. Церковь не может ни догматизировать, ни критиковать, с догматической точки зрения, научные гипотезы, но у Церкви может быть право выносить нравственное суждение не только об отдельных научных идеях, как, например, клонирование, но и об отдельных технологиях, связанных сегодня, в первую очередь, с генными технологиями. Осуществлять такого рода нравственную экспертизу научных исследований Церковь, конечно, должна в тесном взаимоотношении с научным сообществом, что сейчас, слава Богу, начинает развиваться. Полагаю, что в ближайшее время мы будем очень активно развивать наш диалог с научным знанием.

Ваше Святейшество, Русская Православная Церковь всегда осуществляла духовное наставничество как в русской армии, так и на флоте. Как Вы считаете, необходимо ли ввести пастырскую службу на штатной основе при современном опыте в вооруженных силах? И как Вы относитесь к женщинам-офицерам, проходящим службу в вооруженных силах? Спасибо.

— Начну с последнего вопроса. Я положительно отношусь к тому, что женщины

принимают активное участие в деятельности вооруженных сил, потому что целый ряд должностей женщины могут занимать с большим успехом, чем мужчины.

А что касается пастырского окормления военнослужащих, я выступаю за то, чтобы в армии были, конечно, капелланы, священники. Это общемировая практика, и мне трудно понять, почему в России до сих пор этого нет.

Но возможно, есть обстоятельства, которые оправдывают наше отставание от общемировой практики. С одной стороны, это неполная готовность вооруженных сил, с другой — не в полной мере готовность Русской Церкви. Ведь для того, чтобы в армии на постоянной основе работали священнослужители, нужно много таких священнослужителей и нужно их хорошо подготовить. Но и сейчас осуществляется пастырское окормление армии и флота, и ответственность за него несут местные приходы. Я думаю, еще какое-то время эта практика просуществует, но постепенно нужно будет переходить к профессиональному окормлению военнослужащих священниками, которые не имели бы другого послушания, кроме армейского, что, еще раз хочу сказать, соответствует мировому опыту и что соответствует сегодняшним потребностям Вооруженных Сил России — по крайней мере, очень многих офицеров и солдат, которые нуждаются в таком пастырском окормлении, особенно в труднодоступных гарнизонах.

Ваше Святейшество, как Вы считаете, не вызовет ли введение уроков истории Православия в школе межрелигиозных трений? Все-таки наше государство многонациональное и многоконфессиональное?

— Вот еще одна из мифологем. Дело в том, что никто не предлагает в обязательном порядке ввести уроки Православия для всех школьников. Мы предлагаем, чтобы на основе альтернативы, в рамках учебной программы, преподавался ряд предметов по выбору.

Но те учащиеся (или для начальных классов — их родители), которые желают ознакомиться с основами православной культуры, имеют право на такой выбор. А те, кто хочет ознакомиться с основами исламской (католической, протестантской, иудейской) культуры, имеют право на свой выбор.

Кроме того, некоторые люди считают, что вообще лучше изучать не основы той или иной религиозной культуры, а некий религиоведческий курс. Если есть такие люди, то пускай они изучают религиоведческий курс. Но изучение кем-то религиоведческого курса не должно закрывать возможность для тех, кто хочет изучать основы православной культуры.

Есть люди совершенно неверующие, для которых религиозная аргументация не очень убедительна, в том числе и в воспитательном плане. Мне кажется, для таких людей нужно преподавать основы светской этики, тоже на выбор.

Духовно-нравственную область, которая должна обязательно присутствовать в наших учебных программах, необходимо строить на вариативной основе, предоставляя возможность каждому человеку выбирать в соответствии с его потребностями. Причем я не исключаю, что молодые люди могли бы переходить из одного курса в другой на протяжении, допустим, обучения в средней школе.

Поэтому все эти разговоры о межрелигиозной вражде — это все от лукавого. Схема, которая предлагалась и предлагается Церковью, не несет в себе ни малейшей опасности для сохранения веры и согласия в нашем обществе.

Сейчас ни для кого не секрет, что большинство молодых людей, даже окончив вузы, не получает достойного духовного образования. Хотелось бы узнать, собирается ли Церковь делать дальнейшие шаги для развития культурного, духовного образования молодежи. Спасибо.

— В своем выступлении я пытался говорить о том, что необходимо формирование базисных ценностей, нравственных, культурных ценностей. Мне кажется, Церковь должна принимать участие в формировании этих ценностей. Исходя из своей позиции и предлагая свой инструментарий, Церковь, конечно, должна участвовать в образовательном процессе. Но здесь все должно быть увязано с нашей Конституцией, с нашим законодательством таким об-

разом, чтобы присутствие Церкви — через священнослужителей или через светских педагогов — соответствовало законодательным принципам нашего государства. Я глубоко убежден, что без особого труда можно и даже нужно разработать модели такого взаимодействия Церкви и высшей школы.

Ваше Святейшество, как Вы относитесь к вопросу о создании теологических факультетов в светских университетах?

— Положительно отношусь. Теология — это область знания. Сегодня идут споры о том, является ли теология наукой. Меня немножко удивляет этот подход, потому что, допустим, изучение истории на светском факультете называется наукой, а изучение истории Церкви в духовной академии называется псевдонаукой. Изучают примерно по одним и тем же учебникам, используя одни и те же источники, но как будто вывеска на фасаде здания может определять — правильный или неправильный подход используется.

Я думаю, сегодня богословие поставлено в такие условия, при которых отсутствие научного подхода просто обрекает богословие на нежизнеспособность. Сегодня одна из очень важных задач, которые стоят перед высшей богословской школой, — повышение научного уровня богословских исследований в области философии, истории мысли, церковной истории и во

многих других областях богословского знания. Если все эти дисциплины преподаются на светской площадке, то здесь есть свои преимущества, потому что в закрытых учебных заведениях мы готовим, в первую очередь, священнослужителей. Однако богословские знания как раз относятся к числу фундаментальных знаний — недаром все западные университеты начинались с богословия.

Богословие, философия и языки — вот три фундаментальных дисциплины, на которых выросла вся современная европейская и мировая образовательная система. Поэтому, конечно, преподавание, изучение теологии в светских учебных заведениях не было бы ничем новым. Это было бы просто повторением того опыта, который существует в мире, но это дало бы возможность желающим студентам познакомиться с этой очень важной частью фундаментальных знаний и базисной культуры.

Как Вы относитесь к такому явлению, как всемирная сеть Интернет? Известно, что открыт и активно функционирует официальный сайт Московской Патриархии. Какие задачи Вы возлагаете на него?

— Такой извечный вопрос. В свое время спрашивали у архиереев, как вы относитесь к электричеству (*смех в зале*), можно ли в церкви проводить электричество или нужно, чтобы в паникадилах были свечи. Потом почему-то именно архиереев спра-

шивали, как вы относитесь к возможности ехать на службу в автомобиле, а не в упряжке лошадей. Сегодня нас спрашивают, как мы относимся к Интернету. Так же, как вы относитесь к Интернету.

Интернет — это инструментарий. Как всякий инструментарий, его можно использовать во благо или во зло. Здесь мы как раз возвращаемся к теме внутреннего фильтра. Каждый человек сам должен определять, отталкиваясь от своего представления о мире, от своих базисных ценностей, что для него хорошо, а что плохо.

В определенных случаях эту обязанность должно брать на себя государство, потому что мы знаем, что некоторые интернет-сайты несут в себе очень опасную, провокационную информацию, толкающую людей на преступления. Вот здесь, конечно, нужно уже проявлять бдительность и государству. Но Интернет — это научное достижение, которое, конечно, должно было когда-то появиться. Оно появилось, и важно, чтобы оно было использовано во благо.

Ваше Святейшество, в последнее время появляется много сериалов про студентов, в которых молодежь предстает в не самом привлекательном виде. На Ваш взгляд, насколько этот образ соответствует действительности и каково влияние этих сериалов на саму молодежь?

— Я за всю свою жизнь не посмотрел ни одного сериала. *(Смех в зале, аплодис-*

менты.) Я не хочу тем самым сказать, что это низкого уровня продукция, я далек от критики. Я просто никогда не выдерживал больше двух серий. *(Смех в зале)*. Если кто-то выдерживает, значит, во-первых, слишком много свободного времени. Я бы посоветовал студентам, конечно, не сериалы смотреть бесконечные, а читать, работать, думать, молиться, если хотите, спортом заниматься, формировать свою личность. Сериал ничего не сформирует, это развлекаловка низкого уровня. Когда человеку уж совсем делать нечего, пусть включает телевизор, смотрит сериалы, но это не для молодых людей, мне так кажется.

Ваше Святейшество, чисто студенческий вопрос: списывать на контрольных — это грех?
(Смех в зале, аплодисменты.)

— Эти аплодисменты для меня не очень ясны, это поддержка этого тезиса или что-то другое?

Актуальность, видимо.

— Я хотел бы сказать так: если мы обманываем — это плохо, но я далек от того, чтобы вообще исключить всякую возможность, допустим, написания неких конспектов перед экзаменами, которые мы иногда называем почему-то шпаргалками. Вот пишет человек самостоятельно эти конспекты, это же тоже процесс обучения. Конечно, желательно потом повторить

материал по этим конспектам так, чтобы, может быть, и не использовать их никогда. Это часть обучения. Но всегда и при всех обстоятельствах мы все-таки должны помнить: исключения могут быть из правил, но ни шпаргалка, ни списанные контрольные не могут становиться правилом. Иначе правилом вашей жизни всегда будет дармовщинка, тогда вы будете слабыми, а не сильными, тогда это будет работать против вас, формировать ложные ценности, что можно все стянуть: если можно украсть интеллектуальную собственность, то почему нельзя украсть иную собственность? Я не являюсь крайним ригористом и еще раз хочу сказать: бывают иногда такие обстоятельства, когда у человека остается только одна возможность, чтобы не отстать от курса. Всякое в жизни бывает, иногда какие-то потрясения, трудности, не справился с чем-то — в качестве какого-то исключения сделать это, может быть, и нужно, покаявшись перед Господом, но ни в коем случае не возводить это в правило. *(Аплодисменты.)*

<http://www.patriarchia.ru/db/text/595733.html>

«Я верю в духовную силу народа»

В ходе Первосвятительского визита в Смоленск Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл ответил на вопросы корреспондента РТР Евгения Ревенко. Интервью вышло в эфир в программе «Вести недели» 8 февраля 2009 года.

Ваше Святейшество, Ваша первая поездка в новом качестве состоялась именно в Смоленск. Почему сюда?

— Потому что почти 25 лет я был правящим архиереем Смоленским и Калининградским. Именно из этой епархии я был напутствован на Поместный Собор, который избрал меня Патриархом Московским и всея Руси. С жизнью в этом городе связан очень большой и важный этап моей жизни.

Четверть века?

— Четверть века.

Теперь в основном Вы будете служить, надо полагать, в Москве? Насколько здешняя жизнь и здешнее служение отличаются от столичного?

— Я приехал в Смоленск из Петербурга — тогдашнего Ленинграда. Был ректором ленинградских духовных школ. Время от времени посещал Москву, работал за границей. Других мест в России не знал. И Россию я узнал через Смоленск. Для того чтобы узнать нашу страну, нужно знать не только столицы, которые являются некой «витриной» жизни государства, — нужно обязательно знать жизнь глубинки. Нужно знать жизнь простого человека, тех самых бабушек-пенсионерок, которые живут в наших деревнях порой в полном одиночестве. Нужно знать, какие дороги ведут в эти деревни. Нужно знать, о чем люди думают, как они питаются, как они одеваются. И тогда открывается очень реалистическая картина того, что происходит в стране. А зная эту картину, можно выстраивать и некую пастырскую стратегию. Потому что знания помогают выстроить реалистическую программу действий и определить приоритеты. Поэтому я благодарю Бога за тот жизненный пример, за тот опыт, который я получил здесь, находясь почти 25 лет на Смоленской кафедре. Думаю, что без этого опыта Церковь не вручила бы мне ответственность Патриарха.

Ваше Святейшество, тяжелая тема — тема кризиса. Он как-то затронул людей? Что го-

ворят те, с кем Вам по долгу службы приходится общаться и в Смоленске, и в столице?

— Одна из истин, которую я почерпнул, в том числе из опыта общения с простыми людьми на Смоленщине, заключается в том, что народ наш очень терпеливый. К сожалению, в истории это наше национальное качество очень недобросовестно эксплуатировалось. И, казалось бы, что после всех неудачных исторических экспериментов, которые осуществлялись на народном энтузиазме и с опорой на народное терпение, этому терпению должен был прийти конец. А он не приходит. Я во многом это объясняю сильным внутренним стержнем, способностью сопротивляться внешним неблагоприятным обстоятельствам. Правда, есть и опасные последствия такого постоянного сопротивления. Например, проблема алкоголизма, которую многие психологи называют «взрывчатой релаксацией», когда человеку нужно разрядиться. Иногда эта «разрядка» происходит каким-то экстремальным образом. Все это, конечно, ответ на непростые условия жизни. Тем не менее заложенная, в том числе и в Православии, на протяжении веков в душу нашего человека способность сопротивляться внешним неблагоприятным обстоятельствам является очень важной. Наш народ не потерял эту внутреннюю силу, эту пассионарность. И я верю, что мы справимся с кризисом. Для нас отключение водопровода, особенно в глубинке, не потрясет основ национальной жизни. Перебои

с электричеством преодолеем. Даже проблемы с регулярной выплатой зарплаты. Потому что умеем терпеть. Но очень важно, чтобы это замечательное качество нашего народа никого не соблазняло на такие поступки, которые бы чрезмерно его эксплуатировали. Я верю в духовную силу нашего народа, в его терпение, в его способность преодолевать трудности. И здесь, в провинции, я это вижу очевидным образом. Люди знают, что есть кризис. И, конечно, есть определенные проблемы, которых не было еще вчера. Но общее самочувствие людей радикально в худшую сторону не меняется. Дай Бог, чтобы мы с этим самочувствием нашего народа и преодолели новые испытания, которые, к сожалению, выпадают на нашу долю.

С Вашим восшествием на престол многие задаются вопросом: в какую сторону будет развиваться Русская Православная Церковь? И, если угодно, выражаясь мирским языком, каким языком Вы будете разговаривать с людьми?

— Мы будем говорить человеческим языком, понятным. Вот мы с вами сейчас говорим ведь не в категориях Древней Византии и не в категориях средневековой России — мы говорим на языке, понятном народу. Вот этот понятный язык и должен быть средством общения Церкви с окружающим миром. Речи не идет о богослужебном языке. И не нужно путать одно с другим. Речь идет о тех культурных категориях, с помощью которых священник, пастырь, а тем

более архипастырь передает Евангельское послание миру. И здесь очень важно помнить, может быть, следующее: вера человеком усваивается настолько, насколько этот человек способен сопрягать веру, ее основополагающие истины со своей реальной повседневной жизнью. Если вера становится востребованной, если на веру человек опирается, преодолевая жизненные невзгоды, да вообще устраивая свой жизненный путь, вот тогда религиозность становится живой, действенной. Тогда меняется образ жизни людей. Тогда меняется к лучшему человеческая личность. Церковь призвана делать все для того, чтобы поддержать духовную жизнь современного человека, помогать ему проходить через стрессы, неприятности, срывы, в том числе и психологические, через искушения и соблазны. Оставаться внутренне сильным, чистым и честным. И тогда Бог будет жить в наших сердцах. Потому что только чистые сердцем Бога узрят. А жизнь с Богом — это и есть то, что мы называем спасением. Церковь служит делу спасения людей. И больше никакой другой цели не существует у Церкви.

Ваше Святейшество, до Вашего восшествия на престол многие запомнили Вас особенно в последнее время — довольно активная миссионерская работа, выступление на майдане Незалежности в Киеве. Беспрецедентная поездка по Южной Америке. В качестве Патриарха Вы будете продолжать свое служение?

— Патриарх — это, в первую очередь, епископ города Москвы. И он должен осуществлять свое пастырское, в том числе и миссионерское, служение для своего народа, то есть для своей епархии. Но Патриарх является руководителем всей Церкви. Поэтому его забота не должна ограничиваться только его собственной епархией. Поэтому с помощью Божией я буду продолжать все то, что делал ранее: путешествовать, молиться с людьми, служить, проповедовать, общаться во имя той самой цели, о которой мы только что говорили.

Кроме Смоленска, куда Вы в ближайшее время собираетесь поехать?

— Я хочу посетить Калининград — вторую часть моей епархии. Затем у меня есть желание посетить Санкт-Петербург — мой родной город, помолиться у раки с мощами святого благоверного князя Александра Невского, моего святого покровителя, чье имя я отстаивал, в частности, и на том форуме, который был организован телеканалом «Россия».

«Имя России».

— «Имя России». Благодарю Бога, что сегодня именем России является имя этого святого человека. Затем я бы хотел посетить мать городов русских — Киев, нашу древнюю столицу и центр русского Православия. Вот такие планы на ближайшее время. А там — как Бог даст.

«Вести недели»/www.patriarchia.ru

«Религиозное воспитание в эпоху постмодерна»

Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл выступил на проходивших в 2007 году в Москве XV Международных Рождественских образовательных чтениях «Вера и образование: общество, школа, семья в XXI веке».

— Процесс религиозного воспитания не является одномерным. Он включает в себя несколько измерений, которые в равной степени необходимы для формирования целостной личности. Иными словами, в религиозном воспитании важно то, что в современной педагогике называется холистическим, то есть целостным подходом. Какие же аспекты включает в себя холистический подход применительно к воспитанию в духе религиозной традиции? Несомненно, в процессе религиозного воспитания очень важным является привитие навыков благочестия, религиозного образа жизни, в том числе во внешних формах и проявлениях.

Ребенка нужно приучать ходить в храм, соблюдать посты, знать и любить церковную культуру. Его нужно наставлять в Священном Писании и Законе Божиим. Однако может ли только этим исчерпываться религиозное воспитание? Убежден, что нет. Это лишь одна из сторон воспитания, которая не может быть единственной. Вспомним, что корнем слова «образование» является образ. С точки зрения нашей традиции — это образ Божий в человеке. Подлинное воспитание как раз и должно способствовать проявлению, раскрытию этого образа в жизни человека. Человек, получивший такое образование, думает и действует в соответствии с началом, заложенным в него Богом; в каждом своем поступке и суждении он пытается соответствовать мировоззрению, в котором центральное место занимает Бог. Главным вопросом воспитания, таким образом, становится вопрос формирования мировоззрения.

Именно такой холистический подход к воспитанию важен в современной России. Сегодня, согласно статистике, свыше 60% населения нашей страны тем или иным образом связывают себя с православной традицией. Однако процент тех, кто регулярно ходит в храм, значительно меньше. В связи с этим важно понять, что следование определенным нормам жизни, диктуемым православной традицией, — это не только принятие «православной бытовой субкультуры», которая связана

с внешними формами религиозной жизни: бытом, лексиконом, способом одеваться и так далее. Религиозное воспитание не может быть направлено лишь на включение человека в эту субкультуру. Само по себе это включение, конечно, важно, однако его недостаточно, поскольку значительное количество наших соотечественников, которые хотя и идентифицируют себя с Православием, тем не менее не достаточно воцерковлены и поэтому окажутся невосприимчивыми к такому религиозному воспитанию. Тому большинству наших соотечественников, которые хотя и не ведут пока активной церковной жизни, тем не менее ассоциируют себя с православной традицией, важно получить некую мировоззренческую опору в жизни. Это и должно стать целью современного религиозного образования и воспитания.

В связи со сказанным мне представляется важным разделить задачи религиозного воспитания. С одной стороны, подрастающему поколению необходимо прививать любовь к православной культуре во всех ее проявлениях, включая богословие, богослужение, иконопись и так далее. Эту задачу должны взять на себя воскресные школы, кружки и иные приходские организации. С другой стороны, упор должен делаться на формирование мировоззрения молодежи согласно тем фундаментальным принципам, которые лежат в основе нашей православной традиции.

Задача формирования мировоззрения чрезвычайно сложна, особенно в наше время, которое еще иногда характеризуют как эпоху постмодерна. Для постмодерна характерно отрицание какой-либо идеологии и единого мировоззрения. Сегодня многие у нас сетуют, что страна не имеет своей идеологии. Раньше идеология была, и она служила началом, объединявшим общество. Сегодня же общество, оставшись без идеологии, как многим кажется, лишается консолидирующего начала. Однако все дело в том, что в наше время, эпоху постмодерна, идеология отступает на задний план, и каждый человек самостоятельно решает, что ему надо. На фоне отсутствия идеологии возникают новые силы, которые объединяют людей. Сюда может быть отнесена, например, мода — в самом широком смысле этого слова, обозначающем моду не только на одежду, но на определенный образ или стиль жизни, который включает в себя следование неким интеллектуальным и эстетическим стандартам. В эпоху постмодерна определяющую роль в жизни людей играет не идеология и даже не определенные философские воззрения, но поведенческие и эстетические стандарты.

Далеко не всегда эти стандарты обогащают внутренний мир человека. Чаще наоборот, они бывают разрушительными. Яркий пример навязывания человеку определенных стандартов представляют современные электронные СМИ. Задумавшись,

что означает колоссальное количество транслируемых сегодня развлекательных телепрограмм, совершенно несоизмеримое с реальными потребностями тех, кто эти программы смотрит по телевидению? С одной стороны, это свидетельствует о духовном вакууме, который такими программами заполняется. С другой стороны, эти программы формируют определенные стереотипы, создают иллюзию некоего идеального мира — блестящего, самодостаточного, мира без страданий — мира, где даже смерть является не более чем развлечением. Огромную роль в том, что человек подпадает под очарование этого иллюзорного мира, играет реклама. Реклама, помимо того, что вводит человека в виртуальную псевдореальность, пробуждает в душе потребительские чувства, которые также формируют определенное — далеко не самое правильное — отношение к жизни, некий поведенческий стандарт.

На фоне отсутствия какой-либо идеологии и даже невозможности самой идеологии, подмененной модой на определенный стиль жизни и поведения, сформированный телевидением и рекламой, Церковь на сегодняшний день остается единственной силой, которая способна формировать жизненное мировоззрение, потому что она может затрагивать самые глубокие стороны человеческой души, недоступные ни идеологии, в которой рано или поздно всегда наступает разочарование, ни мод-

ной поп-культуре, которая всегда скользит по поверхности и неспособна даже близко подойти к ответу на фундаментальные вопросы человеческого бытия. Чтобы понять, почему в наше время возник кризис идеологии и почему именно религиозное мировоззрение может его заполнить, необходимо обратиться к истории. Еще в конце XVIII и особенно в XIX веке идеологии возникали как попытки вытеснения религиозного мировоззрения, в рамках «укрощения религии». Идеологии, по сути, становились некими суррогатами религии; они занимали место религии, превращаясь в секулярную псевдорелигию. В отличие от религии, однако, идеология не имеет глубокой укорененности в человеческом естестве, не может охватить собой всех сторон человеческого бытия.

Идеологии не могут удовлетворять требованиям человеческой природы, созданной по образу Божию, потому что никакая идеология не способна проявить и раскрыть этот образ в человеческой жизни. А почему?! Потому что идеологии не могут одновременно удовлетворить требованиям свободы и нравственности, ибо свобода и нравственность — от Бога, именно в этих силах и способностях особо отображается в человеческой природе образ Божий. Идеологии, как показывает исторический опыт, стремятся либо к ограничению человеческой свободы (тоталитаризм), либо к минимизации или даже игнорированию

нравственного начала (либеральный секуляризм). Идеологиям не дано объединить одно и другое в синтезе, преображающем человеческую личность.

Поэтому рано или поздно приходит конец всякой идеологии, что мы и наблюдаем в наше время. Преодолеть кризис идеологии можно лишь вернувшись к тому, что идеология попыталась собой подменить — религиозному мировоззрению. То же относится и к современной массовой культуре, или поп-культуре, которая также представляет из себя некий суррогат мировоззрения — безусловно, более примитивный, чем идеология. Рано или поздно и такая культура исчерпает себя, как исчерпали себя идеологии. Подобно идеологии, поп-культура обречена на то, чтобы оставить после себя в душах людей лишь пустоту. Религиозное мировоззрение может стать реальной альтернативой и поп-культуре, и идеологии. Поэтому важно, чтобы современный человек, особенно в период своего формирования как личности, имел возможность получать религиозное воспитание, которое способно уберечь его от множества кризисов, связанных с разочарованием в идеологии и современной культуре.

Основной средой, в которой закладываются основы мировоззрения подрастающего поколения, является школа. Именно благодаря школе молодой человек может научиться преодолевать соблазны эпохи постмодерна, получить в противовес поп-

культуре, с которой он соприкасается через телевидение, глянцевого журналы и рекламу, нравственный стержень, на основе которого сможет сформироваться его мировоззрение. Поэтому мы считаем очень важным, чтобы в школах осуществлялось преподавание основ православной культуры. И мы не понимаем логики Министерства образования, которое пытается сейчас ликвидировать региональный компонент образования, в рамках которого во многих регионах России преподаются основы православной культуры. Представляется очевидным, что попытки ликвидировать региональный компонент направлены прежде всего против этого предмета, поскольку в ответ на возражения из регионов: а как же быть с преподаванием местной истории и культуры, — из министерства отвечают, что все это останется, но вот основы православной культуры уже не будет. Такая политика министерства противоречит воле самих регионов, пожелавших ввести данный предмет в школьный курс, а также позиции авторитетных общественных организаций, таких как Общественная палата. Нам сейчас очень важно выступить за сохранение возможности преподавать основы православной культуры в школах, и начинающиеся Рождественские чтения — это та высокая трибуна, с которой это может быть сделано.

Помимо школы, Церковь должна выполнять свою воспитательную функцию

в сотрудничестве с наукой, особенно гуманитарной наукой, образованием, литературой и искусством. Примером такого сотрудничества является деятельность Всемирного Русского Народного Собора. На мой взгляд, наиболее весомым и полезным для общества плодом соработничества Церкви и общественных сил, вовлеченных в деятельность Собора, стала принятая в апреле прошлого года Декларация о правах и достоинстве человека. В этом документе представлена оценка таких фундаментальных категорий современной общественной и политической жизни, как права человека и свобода. Причем оценка этих категорий дана именно с точки зрения православного мировоззрения.

Хотя многие из здесь присутствующих имели возможность ознакомиться с текстом Декларации, этот документ еще не был представлен церковной аудитории. Пользуясь случаем, я хотел бы предложить сейчас вашему вниманию основные мысли, изложенные в Декларации. В первую очередь, в ней утверждается ценность любого человека как носящего в себе образ Божий; также констатируется наличие у всякого человека свободы, которой его наделил Бог. Наряду с этим в Декларации говорится о том, что человек должен уметь различать добро и зло. Проводить такое различие ему помогают врожденное нравственное чувство и религиозная традиция. Однако мало знать различие между добром

и злом — нужно еще на деле применять это знание, сознательно устраняясь от злых дел и творя добрые дела. Необходимой предпосылкой выбора в пользу добра и устранения от зла является Богом данная свобода выбора, используя которую человек достигает высшей свободы — свободы от греха. В Декларации по этому поводу сказано следующее: «Мы различаем две свободы: внутреннюю свободу от зла и свободу нравственного выбора. Свобода от зла является самоценной. Свобода же выбора приобретает ценность, а личность — достоинство, когда человек выбирает добро. Наоборот, свобода выбора ведет к саморазрушению и наносит урон достоинству человека, когда тот избирает зло». Декларация, таким образом, не отрицает идею свободы, но связывает ее с нравственной ответственностью: «Права и свободы, — я вновь цитирую документ — неразрывно связаны с обязанностями и ответственностью человека. Личность, реализуя свои интересы, призвана соотносить их с интересами ближнего, семьи, местной общины, народа, всего человечества». Наконец, в религиозном контексте высший смысл приобретает и идея прав человека. Права человека — это не самодостаточная величина; она обусловлена нравственным содержанием: «Мы — за право на жизнь и против “права” на смерть, — декларирует Всемирный Русский Народный Собор, — за право на созидание и против “права” на

разрушение. Мы признаем права и свободы человека в той мере, в какой они помогают восхождению личности к добру, охраняют ее от внутреннего и внешнего зла, позволяют ей положительно реализоваться в обществе».

Подавляющее большинство людей положительно восприняли идеи, заложенные в Декларации. Эти идеи нашли отклик далеко за пределами Всемирного Русского Народного Собора и даже за пределами России и Русской Православной Церкви. В частности, в мае прошлого года нами совместно с Папским советом по культуре в Вене была проведена конференция «Дать душу Европе». Участники этой конференции, в том числе с католической стороны, поддержали идеи, выраженные в Декларации, и приняли собственное коммюнике, которое созвучно с Декларацией ВРНС. В частности, здесь идея прав человека увязывается с идеей нравственной ответственности. Именно в этом залог решения тех проблем, которые стоят сегодня перед Европой и в целом перед человечеством. Чтобы проиллюстрировать созвучность Декларации Русского Собора и православно-католического коммюнике, позволю себе процитировать один абзац из послания конференции: «Народы Европы, если они не вдохнутся глубокими нравственными принципами, характерными как для европейских религиозных традиций, так и для многих светских течений мысли, — они не смогут достойно ответить на вызовы, ко-

торые ставит современный мир. Только прочное соединение принципов свободы и нравственной ответственности поможет обеспечить настоящее и будущее Европы, ее общественное благо». В июле того же года в Москве состоялся Всемирный саммит религиозных лидеров, на который собрались лидеры основных мировых религий. На саммите было принято коммюнике, которое по основным своим мыслям также совпадает с идеями, выраженными в Декларации ВРНС. В частности, религиозные лидеры заявили: «Человек — венец творения Всевышнего. Поэтому права личности, их защита и соблюдение на национальном, региональном и международном уровне являются важной заботой для нас. Тем не менее наш опыт также показывает, что без морального стержня, без понимания наших обязанностей ни одна страна или общество не свободны от конфликтов и упадка. Грех и порок разрушают и личность, и общество. Поэтому мы убеждены, что закон и общественный уклад должны в плодотворном согласии соединить приверженность правам и свободам с пониманием нравственных устоев, лежащих в основе человеческого общежития». Не только религиозные общины, но и часть секулярного сообщества выразила заинтересованность в идеях, озвученных в Декларации. В частности, мы это видим на примере Совета Европы, который пригласил Святейшего Патриарха Московского и всея Руси

выступить в Страсбурге. Надеемся, что обсуждение Декларации, в том числе с представителями светского сообщества, будет продолжаться, и идеи, выраженные в ней, найдут еще более широкую поддержку. Данная Декларация содержит взгляд православного человека на процессы, происходящие в современном обществе. Поэтому важно, чтобы она изучалась в школах, в том числе общеобразовательных.

Подводя итог сказанному, можно с уверенностью утверждать, что нравственный кризис, который поразил наше общество, может быть преодолен путем сотрудничества здоровых общественных сил. Консолидирующую роль в этом процессе должна играть Церковь. Особое внимание и Церкви, и тех государственных и социальных институтов, с которыми она сотрудничает, должно быть уделено формированию мировоззрения у подрастающего поколения — не скоропреходящих идеологий, не поведенческих стереотипов, определяемых массовой культурой, но таких убеждений, которые, сочетая свободу с нравственной ответственностью, возвышали и преобразовывали бы человека, а через человека — и общество. Поэтому борьба за возможность воспитания на этих началах есть борьба за будущее России и в каком-то смысле борьба за будущее всего рода человеческого.

<http://www.patriarchia.ru/db/text/189897.html>

«Не бойтесь быть собой! Не стесняйтесь верности своим духовным и нравст- венным ценностям!»

Местоблюститель Патриаршего престола Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл ответил 21 января 2009 года на вопросы журналиста газеты «Аргументы и факты» Юлии Тутиной.

Владыка, за последние 20 лет число храмов и приходов в России увеличилось в десятки раз. Огромное число россиян стали посещать храмы. Естественно, что роль Церкви в жизни страны возросла многократно. К мнению священнослужителей прислушиваются не только простые люди, но и государственные институты. Таким образом, ответственность Церкви за путь, по которому идет страна, также резко возросла. По силам ли ей такая ноша?

— Наша Церковь никогда не искала легких путей, не стремилась создать для себя социальную нишу, в которой было бы уютно и тепло. Мы, православные христиане, прекрасно понимаем, что именно сегодня,

когда идет борьба за умы и сердца людей, нам надо заботиться о каждом, кто с нами рядом, обо всем народе. Нужно просвещать тех, кто далек от веры, укреплять тех, кто уже обрел ее. Церковь не может не чувствовать своей ответственности перед ныне живущими и грядущими поколениями. Ведь от того, каким будет общество, зависит и будущее самой Церкви.

Россия не раз попадала в последние месяцы в сложные конфликтные ситуации. Будь то война с Грузией, возросшее напряжение в отношениях с США или финансовый кризис. В подобные моменты должна ли позиция Церкви быть активной?

— Позиция Церкви должна быть активной всегда, а не только в трудные времена. Ведь мы помним слова Священного Писания: *«Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских»* (Еф 6, 11). И поскольку беды и конфликты всегда становятся следствием греха, христианин призван ему противостоять. Кто-то может, например, утверждать, что финансовый и экономический кризис — не дело Церкви. Но не ее ли долг свидетельствовать о том, что жажда наживы, эгоизм, неумеренное потребление не могут не привести к катастрофе, причем в жизни как отдельных людей, так и всего мира? То есть сделать несчастными миллионы людей, которые потом спросят: почему же Церковь нас не предупредила?

Конечно, активность Церкви не должна превращать ее в средство для политической борьбы, для решения каких-либо сиюминутных задач. Церковь уважают именно потому, что любой ее шаг в обществе делается не из эгоистических побуждений, а для блага людей. И если Церковь этому призванию изменит — уважать ее перестанут.

Одно из важнейших событий в истории Православия — объединение Русской Православной Церкви с Зарубежной. А каковы перспективы отношений с остальным христианским миром, в частности с Ватиканом?

— В наших отношениях с инославными конфессиями все стороны понимают имеющиеся принципиальные различия, и сам факт общения не означает, что мы стремимся стать единым целым. Так же, как, например, Россия, поддерживая отношения с США, вовсе не стремится стать одним из американских штатов. Увы, различия в вероучении и религиозной практике между Православием и инославными конфессиями сейчас только увеличиваются. Например, с некоторыми из протестантских общин — Лютеранской Церковью Швеции и Епископальной Церковью США — дело дошло до полного разрыва из-за официального одобрения ими гомосексуализма.

Позиция Римско-Католической Церкви по многим вопросам жизни общества более близка к православной точке зрения. Впрочем, мы помним о целом ряде расхождений

в вероучении и практике Православной и Католической Церквей, и в этой области не может быть никаких компромиссов. Православная Церковь и есть Единая Святая Соборная и Апостольская Церковь, через которую Бог открывает человеку дорогу в вечную жизнь. Вот почему для нас так важно хранение той веры, которая передана нам Самим Христом, Его апостолами и раннехристианской общиной. Мы свидетельствуем об этой вере ближним и дальним. Впрочем, это не мешает нам быть открытыми и доброжелательными к людям других взглядов, с которыми мы живем в одном обществе. Ведь христианин должен помнить слова апостола Павла: *«Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми»* (Рим 12, 18).

История нашей страны сложилась так, что немалая часть ее граждан была воспитана вне веры. Но при этом многие такие люди стараются жить по совести, по сути соблюдая библейские заповеди. Что Вы можете сказать им: насколько нужно быть верующими?

— Еще в I веке апостол Павел писал: *«Язычники, не имеющие закона, по природе законное делают»* (Рим 2, 14). Каждый человек, даже не слышавший о Христе, носит в себе образ Божий — такими создал нас Творец. Одним из проявлений образа Божия является совесть. Если человек прислушивается к ее голосу, то это приносит пользу как ему самому, так и окружающим. Но голос сове-

сти можно заглушить. Тогда человек теряет нравственные ориентиры и становится опасен для общества и для самого себя.

Да, человек может жить по совести, но он не может без помощи Божией реально справиться со злом, которое присутствует не только в мире вокруг нас, но и в самом сердце человека. Именно поэтому мы и объединяемся в Церковь, основанную Богом. Она является *Телом Христовым* (см. 1 Кор 12, 27), и каждый, кто становится ее членом, приобщается Христу. «*Богу же всё возможно*» (Мф 19, 26), а значит, Он может очистить нас от зла, если мы сами этого желаем и просим Его о помощи.

Прекрасно понимаем, что Ваша деятельность отнимает почти все время. Но если выдается свободная минутка, то чему Вы ее посвящаете: читаете книги, газеты, слушаете музыку, смотрите фильмы, ходите в театр? Что Вам особенно запомнилось из последнего?

— Стараюсь быть в курсе происходящего, хотя, как вы точно заметили, времени катастрофически не хватает. Посмотрел фильм «Остров» — очень понравилось. Фильм «12» — тоже по-настоящему христианский, хотя о Христе там вроде бы нет ни слова. На концерты хожу только тогда, когда уж очень усердно приглашают и никак нельзя не откликнуться на эти приглашения. Но замечаю, что в России становится все больше серьезной, одухотворенной музыки современных композиторов.

Газета «Аргументы и факты», № 4, 21 января 2009 г.

«Церковная жизнь должна быть служением»

11 мая 2009 года исполнилось сто дней со дня интронизации нового Предстоятеля Русской Православной Церкви. Традиционно эта дата — время подведения первых, предварительных итогов. О проблемах и успехах Церкви, о том, что уже сделано, что предполагается сделать и каков церковный взгляд на отношения с обществом, государством и миром, в интервью газете «Известия» рассказал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Ваше Святейшество, что оказалось самым тяжелым и самым радостным для Вас после избрания Патриархом?

— Самым сложным стало ощущение многократно возросшей ответственности, а самым радостным — та помощь словом и делом, которую я ощущаю ежеминутно. Особенно я благодарен всем православным христианам, поддержавшим меня главным — своими молитвами.

Поместный Собор центральной задачей объявил преодоление разрыва между христианством номинальным и настоящим. Насколько велик этот разрыв? Почему он возник? Ведь атеистический режим рухнул давно, открыты храмы, более 20 лет служители Церкви — желанные гости в газетах и на телевидении. Чего не хватает для успешной проповеди?

— Не будем забывать, что разрушение Церкви шло в нашей стране почти столетие, а возрождать что-либо всегда сложнее и дольше, чем рушить.

По разным соцопросам, от 60 до 80% россиян называют себя православными. При этом воцерковлены около 10—12% (это те, кто регулярно исповедуется и причащается), для остальных Православие остается формой культурной идентичности. Я не думаю, что это плохо само по себе, однако, восприняв Православие как культурную традицию, важно понять и принять ее духовно-нравственное основание. От внешнего необходимо двигаться к внутреннему. К этим «культурным» православным и обращена сегодня в первую очередь миссия Церкви. Конечно, перед нами стоит очень непростая задача. Наряду с субъективными причинами, мешающими приходу современного человека в Церковь, есть и какие-то особенности сегодняшней церковной жизни, которые требуют серьезного внимания, а возможно, и изменения. И все же количество людей, приходящих к подлинной вере, растет. А значит, испол-

няется главная задача Церкви — проповедь Евангелия и приведение людей не просто в храмы как памятники истории и шедевры искусства, а ко Христу.

Значит, нашу Церковь ожидают изменения?
Если да, то какие?

— О реформе вероучения речи нет и быть не может, ведь неизменен Сам Бог. Другое дело — и это еще одна из задач современных миссионеров и богословов — мы должны научиться озвучивать вечные истины применительно к сегодняшнему дню, открывая присутствие Христа в современной жизни, в обстоятельствах настоящего времени.

Изменения же могут произойти (и происходят) в части административного управления, форм и методов проповеди, способов миссионерского служения — важнейшей задачи Церкви.

Новые ответственные функции получил Отдел внешних церковных связей — визитная карточка Русского Православия в межцерковных, межрелигиозных и международных отношениях. Создана общецерковная аспирантура, призванная активизировать научную и образовательную деятельность внутри Церкви. Начал работу самостоятельный Отдел по взаимодействию Церкви и общества, миссия которого будет направлена в том числе и к тому большинству, которое делает пока первые шаги в сторону Церкви или внутри нее.

Церковь должна жить нуждами своего народа, привнося духовно-нравственное измерение в различные сферы общественной жизни.

В последнее время в печати появляется все больше пусть даже порою критических, но компетентных и неангажированных материалов о Церкви. Однако бóльшая их часть касается внешней стороны церковной жизни, а вот говорить языком современной журналистики о смысле христианской веры получается далеко не всегда. Возникает конфликт форматов. Скажем, можно сейчас вкратце объяснить, что для христианина главное — вечная жизнь и свобода от греха, обрести которые человек может, лишь соединившись с Богом. Но почему Церковь верит именно так и что это означает? Для ответов на такие вопросы не хватит и всего интервью, и всей газеты. Но в современном информационном обществе мы должны научиться говорить понятно и доступно, не утрачивая при этом важных смыслов и оттенков. Я уверен, что это возможно. В том числе и с этой целью создана еще одна синодальная структура — Информационный отдел.

Все эти изменения должны сделать Церковь более открытой, более близкой современному человеку. Мы не должны создавать себе уютный мирок «спасительного гетто», но обязаны идти к людям, входить в их жизнь — проповедью, делом, любовью...

Священники идут сегодня даже на рок-концерты. Разделяете ли Вы мнение о том, что наше юношество воспитывается с большими изъятиями? Как привлекать молодых к Церкви?

— И Церкви, и России сегодня нужна думающая молодежь, способная принимать решения и критически воспринимать ту информацию, которую обрушивает на нас современный мир.

Но это невозможно без получения качественного образования, частью которого должно стать воспитание личности и гражданина. Наша молодежь переживает кризис, она лишена четких ценностных ориентиров. У Церкви такие ориентиры есть. Яркий пример — история российских новомучеников, убедительного свидетельства о силе и правде Церкви. Всего 70 лет назад тысячи людей умирали за Христа, сохраняя для нас Его Слово и Его Церковь. А что знает молодое (да и старшее) поколение, например, о Бутовском полигоне, где в земле покоятся мощи сотен этих святых? А ведь это не единственное место в нашей стране, которое должно стать местом памяти, смысловой скрепой, соединяющей прошлое и будущее.

Мы обеспокоены нравственным климатом в школах, формирующих личность человека, его представления о добре и зле. Именно это является предметом нашей заботы, а не лоббирование какого-то отдельного предмета школьной программы, как часто пытаются представить. Мы — за

то, чтобы нравственное воспитание было обязательным, но разные мировоззренческие группы получали бы его в духе именно своих убеждений. Православные — в православном духе, мусульмане — в исламском, неверующие — в духе светской этики и так далее. Вместе с тем в стране, культурный код которой сформирован Православием, подрастающие граждане не могут не иметь базовых представлений о православной культуре. Об иконописи, церковной архитектуре, историческом пути Православной Церкви. Такие же знания о других традиционных религиях страны могут содержаться в курсах истории, обществознания.

А что касается рок-концертов... Мы готовы говорить с представителями разных субкультур, в том числе и молодежных. И говорить на понятном им языке. Однако Церковь — шире и глубже любой субкультуры, она является базисом национальной культуры нашего народа. И если мы говорим на языке молодежной субкультуры, мы помним главное — для чего мы это делаем. Как говорил апостол Павел: *«Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых»* (1 Кор 9, 22).

Вы сразу после избрания Патриархом в качестве принципа церковной жизни провозгласили: **«В главном — единство, во второстепенном — свобода, во всем — любовь»**. Что главное, а что второстепенное?

— На самом деле это очень древняя христианская формула. Главное для Церкви — это вера во Христа, наше евхаристическое единство, поэтому любые расколы воспринимаются нами, в первую очередь, как великая трагедия, как победа греховной человеческой сущности над тем, что заповедал Господь.

Вместе с тем немало вопросов внутри Церкви требует диалога, и мы приветствуем любую дискуссию, если она серьезна и ведется в уважительном тоне. Синод недавно постановил начать подготовку к созыву Межсоборного присутствия — особого совещательного органа, где не только духовенство, но и миряне смогут обсуждать важные для Церкви проблемы.

И наконец, я бы просил не забывать о последнем и самом главном компоненте упомянутой формулы — о любви, но любви не просто как эмоции, а как некоего фундаментального начала в отношениях между Богом и человеком, о той Любви, которой Библия называет Самого Бога. Без нее единство и разномыслие никогда не смогут сочетаться.

Под Вашим руководством были подготовлены вероучительные документы, отражающие православное понимание свободы. Об этом говорится и в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», и в «Основах учения о достоинстве, свободе и правах человека». Речь там идет о том, что свобода — это прежде всего свобода от греха. А нужны ли православ-

ному человеку политические свободы, свобода слова, собраний, выборы, наконец?

— Политические свободы, конечно, важны, но здесь все опять упирается в те два понятия, о которых говорят упомянутые вами документы. Церковь говорит о свободе от греха, обрести которую можно лишь во Христе, а также о свободе выбора, которая есть у каждого человека и является Божественным даром. Но стоит помнить, что, делая выбор в пользу зла, человек постепенно становится его рабом, в конечном итоге лишая себя свободы. Без нравственных ориентиров любая политическая свобода разрушительна для человека.

Еще один актуальный сегодня вопрос — отношения Церкви и государства. Говоря об этом, Вы не раз употребляли термин «симфония», применявшийся в православной Византии...

— ...Но так ни разу и не воплощенный за всю церковную историю, потому что симфония подразумевала как раз независимость светской и духовной властей друг от друга, их сотрудничество, но ни в коем случае не слияние. Когда же Петр I отменил Патриаршество и сделал Церковь государственным министерством, ни о какой симфонии и речи не могло быть. Тем более в Советском Союзе...

По-вашему, теперь это можно исправить?

— Отчасти, да. Конечно, в нашем испорченном грехом мире идеал всегда недо-

стижим, но сейчас мы имеем возможность максимально приблизиться к нему. При всех существующих трудностях Церковь сегодня сохраняет, с одной стороны, независимость, а с другой — дружественные отношения с государством. И мы должны использовать этот потенциал в самых разных сферах. К примеру, в образовании или в деле защиты прав человека.

Мне кажется важной прозвучавшая недавно идея подключить православное духовенство к решению вопроса о помиловании. Тот, кто годами посещает колонии, исповедует осужденных, знает души этих людей и специфику тюремной жизни, может стать таким ходатаем, которому доверяют обе стороны: и просители, и государство. Кстати, у Церкви здесь большой исторический опыт. Церковь издревле обладала правом «печалования», то есть заступничества за людей перед лицом государства. И сегодня Церковь готова отстаивать интересы своего народа, так же как готова помогать государству в его благих начинаниях.

Мы слышали, с какой болью Блаженнейший Митрополит Владимир призывал молиться за уврачевание раскола. Ваше Святейшество, поделитесь своей оценкой положения на Украине.

— Положение на Украине действительно сложное, в первую очередь, потому, что в основе раскола там лежит политический расчет, желание некоторых деятелей использовать Церковь и веру людей в своих

целях, никак не связанных с целями собственно христианскими. Это еще одно доказательство того, как аккуратны должны быть политики, касающиеся религиозных вопросов. И как опасно, когда кто-то пытается в своих корыстных политических целях разыграть «церковную карту».

Мы воспринимаем Киев как южную столицу Русского Православия. Отсюда берет начало единая для всей восточнославянской цивилизации традиция. И сегодня как никогда православные России, Украины и Белоруссии осознают важность духовного единения исторической Руси, разделенной политическими границами.

Вы часто встречаетесь с государственными деятелями. Зачем они к Вам приходят? Просят поддержки своих инициатив, советов, ждут ли утешения, жалуясь на непосильное бремя власти?

— Сегодняшнее общество не зря называют «постсекулярным»: я ощущаю большое внимание к христианству со стороны различных политических лидеров. После крушения идеологий XX века — фашизма, коммунизма и либерализма — люди, в том числе и политики, стали внимательнее относиться к тем ценностям, отказ от которых привел мир к эпохе мировых войн и кровавых гражданских конфликтов. А эти ценности — христианские.

Будет ли использован экономический кризис для выработки новой этики предпринима-

тельства, для нового понимания роли элиты в России — не потребителя роскоши, а ответственного строителя справедливого общества?

— Собственно, такое новое понимание уже предлагалось Церковью и рядом общественных деятелей еще в 2004 году, когда Всемирный Русский Народный Собор принял «Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании». Это довольно обширный документ, но я бы хотел выделить одно из понятий — служение. Сам Христос говорил о Своей миссии на земле как о служении, и Он пошел в нем до конца, приняв смерть за всех нас. Служением обязана быть и вся церковная жизнь.

Я был бы очень рад, если бы эту формулу усвоило и наше общество: от элиты до каждого отдельного гражданина. Если мы начнем служить друг другу, поддерживать друг друга и нести друг за друга ответственность — тогда мы достигнем жизненно важного для нас единства перед лицом нынешнего кризиса.

В заключение я бы еще раз хотел напомнить о том потенциале в преодолении кризиса, который есть у Церкви. А ей давно известно ноу-хау по выводу человеческих душ из кризиса. Как говорил святой XX века, исповедник Роман Медведь, мы должны «так воспитать душу, чтобы она сама могла стать пред Господом и вполне свободно и сознательно избрала добро...»

<http://www.patriarchia.ru/db/text/642516.html>

«Было сделано самое важное — Церковь вышла за свою ограду»

25 января 2009 года в Москве состоялся Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, который выдвинул трех кандидатов на Патриарший престол. В преддверии этого события Владыка Кирилл, отвечая на вопросы газеты «Известия», вспоминал о важнейших деяниях почившего Первосвященителя и рассказывал о том, как пройдут выборы нового Предстоятеля.

За время Патриаршего служения Алексия II число храмов выросло в два раза, а монастырей — на два порядка. В одной только Москве количество храмов увеличилось в восемнадцать раз (было 40, а сейчас — 725). В столице был 1 монастырь, сейчас — 8 и 16 монастырских подворий. Если в 1987 году во всей Церкви, то есть в России, Белоруссии и так далее, было зарегистрировано 6800 приходов, то сегодня их более 29 тысяч. Тогда по стране насчитывалось 19 монастырей, сейчас их более 800. Это важное материальное свидетельство усилий Предстоя-

теля. А каково, по Вашему мнению, его духовное наследие?

— Благодаря многим трудам и заботам Святейшего Патриарха Алексия II наша Церковь совершенно изменилась за годы его Первосвятительского служения. Она окрепла, возросла, активно включилась в общественную жизнь. Были не только построены или восстановлены дома Божии. На мой взгляд, было сделано самое важное — Церковь вышла за свою ограду. Она начала просветительскую миссию, занялась катехизацией, образованием, социальным служением и благотворительностью, издательской и информационной деятельностью, духовным окормлением воинства, сотрудников правоохранительных органов, заключенных.

Святейший Патриарх призывал людей к миру и единству. Он делал все для того, чтобы мы избежали скорбных ошибок гражданского противостояния 20-х годов прошлого столетия. Его миротворческие усилия, его горячие молитвы к Богу помогли нашей стране сохранить себя в нелегкие моменты испытаний, выпавших на долю народа в 90-е годы.

Важнейшим событием в жизни Церкви стало соборное прославление в лике святых сонма новомучеников и исповедников Российских, чей духовный подвиг явился примером мужества и непоколебимого стояния в вере. Святейший Патриарх навсегда вошел в историю как защитник

и хранитель церковного единства. Он сыграл неоспоримую роль в восстановлении канонической общности Церкви в Отечестве с Русской Зарубежной Церковью. Было преодолено длившееся десятилетиями вынужденное разделение братьев и сестер по вере и крови.

За время служения Святейшего Патриарха Алексия II произошли коренные перемены в церковно-государственных отношениях. Принятое в 1997 году законодательство о свободе совести позволило выстраивать свободный и равноправный диалог Церкви и государства, чуждый вмешательства во внутренние дела друг друга. Его плодами стали многочисленные совместные дела, осуществляемые в интересах общества и каждого отдельного человека. Святейший Патриарх сделал Церковь авторитетной духовной силой, к голосу которой прислушиваются и которую признают хранительницей совести народа, его наследия, самой его души.

Оставил ли Святейший Патриарх духовное завещание России? Даже если нет такого формализованного документа, то в чем, по Вашему мнению, такое завещание может читаться? Что должно сделать общество, чтобы достичь тех высот, которые хотел бы видеть Алексей II?

— Святейший Патриарх не оставил специального завещательного послания. В подобном документе, видимо, не было необходимости, так как все свои мысли,

наставления, стремления и чаяния он не раз выражал публично. И потому было бы глубоко неверно думать, что почивший Патриарх не оставил духовного завещания потомкам.

Вся его жизнь без остатка была посвящена Богу и служению людям. Приснопамятный Патриарх много сил и трудов положил на то, чтобы преодолеть былое средостение между Церковью, обществом и властью. Под его руководством Церковь вернула свое исконное место в жизни народов России и других стран постсоветского пространства. Именно в сохранении и приумножении цивилизационного своеобразия, созданного на основе Православия, мне видится главное завещание в Бозе почившего Святейшего Патриарха Алексия II. Он был Патриархом-созидателем, блюстителем духовного, исторического единства народов Святой Руси. Нам необходимо хранить это наследие и обогащать его.

Выступая перед отпеванием Предстоятеля Церкви, Вы назвали его человеком планетарного масштаба. Чем он запомнится в других странах? Какие, с Вашей точки зрения, его инициативы стали векторами развития международных отношений и получают дальнейшее развитие?

— После кончины Святейшего Патриарха Алексия II Священный Синод получил множество соболезнований от государственных и общественных деятелей многих

стран. Духовные лидеры христианства, ислама, иудаизма и буддизма также назвали кончину Предстоятеля Русской Церкви тяжелой утратой. У множества людей со всего мира нашлись добрые слова о покойном. Все были едины в том, что ушел из жизни сторонник мира и согласия между народами, который посвятил себя трудам ради блага окружающих.

Святейший Патриарх был автором многих важных международных инициатив. Большинство из них уже приносят или еще принесут свои благие плоды. Пожалуй, самым важным его делом была защита религиозных и нравственных ценностей на международной арене. Сегодня мировое сообщество секулярно по своей сути. Редко можно услышать упоминание о религии в большинстве международных организаций, на крупных межгосударственных форумах и конференциях. Еще сложнее говорить об учете интересов религиозных общин при принятии важных для всего мира решений. Поэтому по благословению Святейшего Патриарха Русская Церковь систематически выстраивала диалог с авторитетными международными организациями. Появились представительства Московского Патриархата при ООН, Совете Европы, Европейском союзе. Покойный Патриарх лично участвовал в этом процессе. Он встречался с руководителями международных организаций, подчеркивая жизненную необходимость включения

религиозных и нравственных ценностей в фундамент современного мироустройства. В последний год своей жизни он встретился с Генеральным секретарем ООН Пан Ги Муном и Генеральным директором ЮНЕСКО Коитиро Мацуурой. Особенно значимым стало его выступление в Парламентской ассамблее Совета Европы осенью 2007 года. В своей речи Предстоятель показал, насколько губительным может быть для европейского континента отказ от христианского духовного и нравственного наследия.

При этом Святейший Патриарх понимал, что свидетельство о традиционных ценностях перед мировым сообществом будет убедительнее, если оно будет опираться на межрелигиозное сотрудничество. Поэтому он прилагал немало сил для того, чтобы последователи традиционных религий всего мира смогли сообща заявлять о своей позиции по вопросам справедливого мироустройства, образования и воспитания, семейных ценностей. Убежден, что этот курс Русской Православной Церкви, осуществляемый с благословения Святейшего Патриарха Алексия II, получит развитие и окажет существенное влияние на международные отношения.

Исполнение важнейшей задачи воссоединения Церкви в практическом смысле происходило при Вашем непосредственном участии. Процесс продолжается — рискнем предполо-

жить, что Вам об этом удалось поговорить с приезжавшими в Москву зарубежными иерархами. Что нового в этой области?

— Единство Русской Церкви дает свои существенные плоды. Иерархи, клирики и миряне Русской Зарубежной Церкви теперь являются полноправными членами Русской Православной Церкви, активно участвуя в ее жизни, — и не только за границей, но и в Отечестве. В скором времени на Поместный Собор нашей Церкви съедутся делегации от всех епархий Русской Зарубежной Церкви, чтобы принять участие в избрании нового Патриарха Московского и всея Руси. А недавно завершились крупномасштабные мероприятия Дней России в странах Латинской Америки, во время которых в семи странах этого региона были совершены многолюдные богослужения, прошли интересные выставки, состоялись незабываемые для местных жителей концерты хора московского Сретенского монастыря. Делегация Русской Православной Церкви включала иерархов из России, Украины и Русской Зарубежной Церкви. Вот только один из многих примеров нашего успешного совместного служения. Очень важный результат свершившегося воссоединения — это изменившееся в сознании многих соотечественников за рубежом отношение к современной России как к подлинной Родине. В ее духовном возрождении, в ее жизни стремятся участвовать православные русские люди, как бы далеко они ни жили.

Какое значение Святейший придавал Всеправославным совещаниям, насколько результативными они являются с точки зрения Русской Православной Церкви?

— Святейший Патриарх Алексий II стоял у истоков современного процесса Всеправославных консультаций по актуальным для Церкви вопросам. Еще будучи епископом Таллиннским и Эстонским, он представлял Московский Патриархат на I Всеправославном совещании, состоявшемся в сентябре 1961 года на острове Родос. Встав у кормила Русской Церкви, Его Святейшество делал все возможное для возобновления этого процесса, приостановившегося не по вине Московского Патриархата из-за возникшей эстонской церковной проблемы. В беседах с Предстоятелями других Православных Церквей он неоднократно подчеркивал важность Всеправославных совещаний, высоко оценивая результаты трудов, осуществленных в их рамках. Отрадно, что усилия Святейшего Патриарха Алексия II увенчались успехом, и на прошедшей в октябре с его участием Стамбульской встрече Предстоятелей и представителей Поместных Православных Церквей было принято решение о восстановлении практики созыва Всеправославных совещаний в том формате, который считает для себя приемлемым Русская Православная Церковь.

Владыка, в преддверии проведения Поместного Собора расскажите читателям нашей

газеты о том, что такое Поместный Собор и кто имеет право его созывать? Кто определяет состав участников Поместного Собора и как происходят их выборы?

— Поместный Собор Русской Православной Церкви является органом высшей власти в области вероучения и канонического устройства. Собор входит в систему органов высшей власти и управления нашей Церкви наряду с Архиерейским Собором, Патриархом и Священным Синодом. Особенность Поместного Собора заключается в том, что он состоит не только из архиереев, как Архиерейский Собор и Священный Синод, а в его состав входят представители от клира, монашествующих и мирян.

Ныне действующий Устав указывает, что созывать Поместный Собор может Архиерейский Собор либо в исключительном случае Патриарх, а в его отсутствие — Местоблюститель Патриаршего престола и Священный Синод. Созыв и проведение Поместного Собора 27—29 января 2009 года как раз и вызваны исключительным случаем — кончиной Предстоятеля нашей Церкви.

Священный Синод Русской Православной Церкви принял специальный документ — «Положение о составе Поместного Собора», который определил, кто является членами Собора по должности, а кто и в каком количестве должен быть избран в качестве делегатов на Собор от Духовных семинарий, женских ставропигиальных

монастырей, епархий Московского Патриархата и Патриарших приходов в ряде стран ближнего и дальнего зарубежья. Для избрания делегатов на Собор не было установлено единой универсальной процедуры с тем, чтобы предоставить большую свободу в вопросе порядка и процедуры выборов делегатов на местах.

Соборным разумом участники Поместного Собора должны избрать нового главу Русской Церкви, который бы повел церковный корабль в грядущие годы, стал добрым и заботливым пастырем, мудрым наставником и руководителем, молитвенником, защитником верующих. В этот важный для нашей Церкви момент все участники Собора должны быть едины в осознании ответственности за будущее Церкви, руководствоваться в своем выборе благом Церкви Христовой.

Кто может выдвигать кандидатов на Патриарший престол и какие требования к ним предъявляются?

— В первую очередь необходимо отметить, что сами выборы Патриарха, будучи чужды предвыборной агитации, не имеют почти ничего общего с выборами в светские органы власти, а выдвижение кандидатов на Патриарший престол разительно отличается от баллотирования кандидатов на государственные посты.

Кандидатов на Патриарший престол может выдвигать Архиерейский Собор,

который специально проводится накануне Поместного Собора. Священный Синод Русской Православной Церкви определил, что Архиерейский Собор должен состояться 25—26 января текущего года. Архиерейскому Собору предложено избрать тайным голосованием трех кандидатов на Патриарший престол. Но и сам Поместный Собор также может избрать дополнительных кандидатов в Патриархи.

К кандидатам предъявляется ряд требований, связанных с высоким положением Предстоятеля Русской Церкви и с особой ответственностью Первосвященнического служения. Кандидат в Патриархи должен быть архиереем Русской Православной Церкви, которого отличают приверженность к каноническому порядку и церковной дисциплине, уважение и доверие со стороны архипастырей, пастырей и мирян, а также доброе свидетельство от окружающего общества. Кроме того, кандидат должен иметь высшее богословское образование, достаточный опыт управления епархией и быть не моложе сорока лет.

Как видим, требования к кандидатам на Патриарший престол, будучи достаточно взыскательны, не оставляют иллюзий относительно того, как тяжел крест Патриаршего служения. Именно поэтому сегодня все архипастыри, пастыри и верные чада Церкви призываются к сугубым молитвам о богоугодном устроении нашей Церкви, о даровании участникам Собора духа пре-

мудрости и разума, духа страха Божия, духа благочестия и ревности о славе Его.

Как будут реализовываться решения Синода по увековечиванию памяти Патриарха Алексия II? Что удастся сделать к его 80-летию?

— Синодальной библиотеке Русской Православной Церкви и ежегодной премии Фонда единства православных народов присвоено имя Святейшего Патриарха Алексия II. В музее Храма Христа Спасителя организуется постоянная экспозиция, посвященная жизни и деятельности почившего Предстоятеля. Труд Святейшего Патриарха «Очерки по истории Православия в Эстонии» переводится на английский и эстонский языки. Надеемся, удастся издать его к 80-летию автора. Также для студентов Духовных академий будет учреждена Патриаршая премия. Именем Патриарха Алексия II будут названы улицы и аллеи, площади и скверы в городах России и за рубежом. В феврале пройдут Дни памяти почившего Предстоятеля Церкви, приуроченные к 80-летию со дня его рождения.

Конечно, отдельными мероприятиями не исчерпывается главное: молитвенная память всех верных чад нашей Церкви о блаженнопочившем Святейшем Патриархе Алексии II, который все силы полагал ради служения Богу и людям, ради возрождения Церкви и духовного просвещения наших современников.

В трудные для нашего Отечества годы, когда распадалось пространство исторической России, когда многим казалось, что и в Церкви наступают подобные же настроения, голос Святейшего Патриарха Алексия II призывал нас к единству и миру. В сердцах миллионов верующих людей он останется примирителем враждующих и утешителем страждущих. И мне, когда я его вспоминаю, приходят на ум слова Господа Иисуса: *«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими»* (Мф 5, 9). Церковь, сильная своим единством в многообразии, — вот самое драгоценное наследие, которое нам оставил Святейший.

<http://www.patriarchia.ru/db/text/536334.html>

Газета «Известия», № 10/27781,
23 января 2009 г.

«Церковь по природе своей не может быть ни в оппозиции, ни во власти»

Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл в ноябре 2006 года, накануне 60-летнего юбилея, ответил на вопросы корреспондента газеты «Московские новости» Бориса Режабека.

Каковы сегодня взаимоотношения между Церковью и государством?

— На протяжении всей истории Церкви ее отношения с государством были одним из самых важных, если не сказать самым важным вопросом. Разумеется, основное для Церкви — дело человеческого спасения. Ничем другим она не занимается. Поэтому все проблемы, что ей приходится решать, должны рассматриваться с этой точки зрения.

Отношения Церкви и государства в любую эпоху были отмечены своими осо-

бенностями, даже драматизмом. С самого своего возникновения Церковь оказалась в подполье, была притесняемой властью по одной причине — христиане не были готовы почитать культ императора. Римская империя по своей природе была очень терпимой, иначе она не могла бы и состояться, она была...

...**Т**олерантной, как говорят сегодня.

— Да. Эта терпимость требовалась, чтобы присоединять новые земли, не отталкивать людей от метрополии. Поэтому поощрялась любая религиозная деятельность, разрешались любые культы. Но было одно общее правило: все принадлежавшие к Римской империи должны были почитать императора как божество. Христиане не стали этого делать, встав на позицию, если воспользоваться языком «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви», гражданского неповиновения. Кстати, когда наша Церковь сформулировала «Основы социальной концепции», со стороны некоторых политиков и представителей власти стали раздаваться голоса, что это опасная по отношению к государству доктрина. И в некоем высоком кабинете мне даже пришлось держать ответ по этому поводу. Я успокоил своего собеседника, сказав, что Русская Церковь ничего нового не изобрела, лишь повторила то, что было принято с первых дней существо-

вания христианства. Отказываясь воскуривать ладан перед статуей императора, первые христиане совершали акт гражданского неповиновения, хотя и не выступали против правителя и не были его политическими противниками.

Когда исчезла некогда могучая и огромная империя, на ее бывшем пространстве осталась всего одна организация — христианская Церковь. Примерно так, как на постсоветском пространстве сохранилась Русская Православная Церковь. Удивительно, но Римская Церковь стала брать на себя функции ушедшей империи. Римского епископа в какой-то момент воспринимали как императора. Папа даже принял императорский титул *pontifex maximus*. Католическая Церковь начала собирать налоги, у нее появились вооруженные силы. Она пошла во власть, и это явление получило название «папоцезаризм».

Но на Востоке шли по другому пути — построения симфонических отношений между Церковью и государством?

— Да, сферы влияния и области озабоченности у Церкви и власти на Востоке были разделены, но при этом они призывались гармонично взаимодействовать во имя решения общих задач. В полной мере симфония никогда не была реализована, ибо попытки ее осуществить наталкивались на противодействие со стороны византийских императоров, которые порой

вмешивались и в сугубо духовную сферу. И хотя все они были людьми религиозными, очень многое зависело от личности правителя.

Как развивались отношения Церкви и государства в России?

— Это особый вопрос. О нашей средневековой истории говорят менее всего. А именно тогда, точнее в допетровский период, Церковь играла важную роль. Патриарх был постоянно рядом с царем, как с царем была и боярская Дума, и это в определенном смысле уравнивало царскую власть. Когда западному человеку говоришь, что в средневековой России не было абсолютизма, для многих это звучит откровением. В России Церковь действительно уравнивала власть царя, и потому до определенного времени эта власть не была абсолютистской.

Петр ликвидировал Патриаршество, подчинил Церковь государству, лишил ее свободы и установил абсолютизм. Что касается Церкви, то она стала привилегированной частью государственного аппарата. Духовенство во многих случаях стало получать содержание от государства, хотя жило и от приходов. Кадровые вопросы, говоря современным языком, решались обер-прокурором Священного Синода — светским чиновником, который и стал руководить Церковью. Церковь потеряла возможность оценивать происходящее

в обществе вне рамок, которые ей предоставляло государство. Когда в XIX веке начались сложнейшие революционные процессы, Церковь реагировала на них так, как могла реагировать структура, возглавляемая государем-императором. Управляемая назначенным им чиновником, она говорила от имени власти, и в силу этого не смогла предотвратить страшные события начала XX века, в результате которых сама оказалась на грани уничтожения.

Но после войны положение Церкви несколько изменилось?

— Изменилось, сдвинувшись в сторону социального гетто. Церковная жизнь строго контролировалась, и вплоть до 1988 года главной установкой было не давать Церкви расширяться, не открывать новые приходы.

Так что идеальной модели взаимоотношений Церкви и государства и в России не было, за исключением средневекового периода, когда Церковь была независима и не контролировалась государством.

В 1991 году перед распадом СССР Церковь оказалась в гуще событий...

Как она вела себя во время августовского путча?

— Как надо было себя вести? Сейчас уже не тайна, что тогда на Церковь оказывалось сильнейшее давление с обеих сторон. И вот, если в такой ситуации дрогнуть и занять позицию, не следуя богословскому

взгляду, а исходя из некоего прагматизма, то возникает риск совершить ошибку. Модель церковно-государственных отношений новейшего времени закладывалась с 1991 года, когда Святейший Патриарх в дни известных событий не благословил поминать власть.

Это и случилось, как известно, в особый день — на Преображение, 19 августа.

— Совершенно верно. А потом был 1993 год, и снова нужно было определяться, как действовать дальше. Потому что Церковь по природе своей не может быть ни в оппозиции, ни во власти, ибо призвана быть голосом совести своего народа. Этот голос иногда звучит громко, как сегодня, а иногда тихо, но это всегда — голос совести.

Одна из сложных проблем в отношениях Русской Православной Церкви с внешним миром всегда была связана с Католической Церковью. Как они складываются сегодня?

— Все еще очень непросто. До 80-х годов были такие люди, как кардинал Виллебрандс, которые с огромным уважением и признательностью относились к Русской Церкви как к Церкви-мученице, сохранившейся в атеистическом тоталитарном обществе. Они понимали и ценили этот подвиг. Все осложнили драматические события 80-х — распад СССР, ухудшение отношений с греко-католиками на Западной Украине. Одно время там шла самая

настоящая война, несколько православных епархий было разгромлено. Мы прекрасно понимали, что Рим был не в состоянии остановить насилие, но он мог хотя бы его осудить. Однако даже этих слов не было сказано.

С Папой Бенедиктом XVI легче вести диалог, чем с его предшественником?

— Впервые я встретился с будущим Папой Римским еще в 1974 году, тогда он был профессором и священником, а второй раз — в начале 80-х, когда в рамках православно-католического диалога я общался уже с кардиналом Ратцингером, архиепископом Мюнхенским. Теперь он Папа Римский. Я очень высоко ценю его богословие, его дисциплину ума и слова. Свою ясную мысль он и выражать умеет абсолютно ясно. У него никогда не бывает зазора между убеждением и словом.

Не это ли привело недавно к такой вспышке Исламского негодования?

— Это уже проблема реакции тех, кто негодовал.

Приедет ли Бенедикт XVI в Россию? Полезен ли такой визит?

— Очень важно, что нынешний Папа Римский на нем не настаивает. Есть общее понимание того, что такой визит сам по себе не может изменить ситуацию к лучшему. А вот спровоцировать определенные труд-

ности способен. Полагаю, что нам следует воздерживаться от любых шагов, которые могут осложнить и без того не очень простые отношения. В свое время приезд Папы Иоанна Павла II на Украину, как известно, не исцелил существующих там ран. Важно, что Бенедикт XVI открыт к тому, чтобы Русская Церковь и Ватикан совместно вырабатывали ответы на те вопросы, которыми живет человек в нынешнем мире, откуда вытесняются общехристианские ценности. Православные и католики должны сказать нечто общее всей Европе, своей пастве, которая не слышит пока единого голоса по основополагающим вопросам нашей жизни. Это воистину дорогого бы стоило. Хотя определенные шаги на этом пути уже сделаны: и на прошедшей недавно двусторонней конференции в Вене, и на Всемирном саммите в Москве в начале июля.

Значительным шагом в этом направлении могла бы, вероятно, быть встреча в надлежащее время и в правильном месте Папы Римского и Московского Патриарха.

Что Вы скажете по поводу того, что в последнее время весьма осложнились отношения Московского Патриархата с Константинопольским Патриархом?

— Если считать, что это последнее время тянется уже почти сто лет, с той поры как Вселенскую кафедру занял Патриарх Мелетий (Метаксакис)... Да, Константи-

нопольский Патриарх всегда почитался как первый среди равных, он председательствовал на общих богослужениях, его имя поминалось первым и было окружено особым уважением. Но Патриарх Мелетий ввел такое новшество: Константинопольский Патриарх — еще и глава всех православных, которые находятся за пределами исторических границ своих Поместных Церквей. Так, сюда автоматически могут быть причислены и, например, православные приходы, созданные русскими миссионерами на Аляске...

Забавно.

— Не только забавно, к сожалению. Но и опасно для единства Православия. Ведь налицо повторение теперь уже Константинополем ошибки Рима — вторгаться в не свою юрисдикцию нельзя, это чревато новым разделением, если не сказать расколом. Поэтому мы так болезненно восприняли ситуацию с Сурожской епархией, когда Константинополь в нарушение канонических правил принял в свою юрисдикцию нашего епископа Василия и священников без отпускных грамот.

Кстати, что с ним будет?

— Если он в третий раз не придет на Синод — то будет суд архиереев.

Не может ли в таком случае случиться разрыва отношений с Константинополем?

— Мы будем делать все, чтобы сохранить единство. Мы предложили им незамедлительно встретиться. Нынешний глава Константинопольской Патриархии Варфоломей I — трезвомыслящий человек, озабоченный сложившимся положением. Я знаю его многие годы и уважаю и как церковного деятеля, и как богослова.

В скором времени будет подписан акт о воссоединении между Русской Православной Церковью и Русской Православной Церковью за рубежом, хотя, кажется, это не всем нравится. Звучат голоса, что не преодолена проблема «серианства».

— Декларация Митрополита Сергия сегодня должна рассматриваться лишь как исторический документ, рожденный эпохой и особенностями тогдашней общественно-политической жизни. Она не имеет отношения к сегодняшним реалиям. Некоторые соотечественники за рубежом боятся, что Церковь полагает в основу своей жизни этот документ. Однако в «Основах социальной концепции Церкви» сказано, что она живет, следуя нормам церковного предания. Но неудовлетворенные будут всегда, и это, по-моему, нормально.

Не считаете ли Вы, что пора подумать и об объединении со старообрядцами?

— Это трагическое разделение существовало на протяжении веков, рана уже

поддерживается своим преданием, своей традицией, и в ближайшее время вряд ли ее можно будет утратить.

Тем не менее следует помнить: мы принадлежим к одному духовно-культурному пространству, мы часть единой традиции. Это должны понимать обе стороны. Мы можем говорить об общем для нас — о молодежи, об интеллигенции, о культуре, о социальной озабоченности, можем найти общий язык для свидетельства о Христе народу. В последнее время на этом пути есть сдвиги. Когда-то самоизоляция воспринималась старообрядцами как добродетель, как неотъемлемая часть самоидентификации. Однако то, что говорили и почивший Митрополит Андриан, и нынешний глава Старообрядческой митрополии Владыка Корнилий, свидетельствует: сейчас старообрядцы готовы к диалогу не только с Русской Православной Церковью, но и с представителями светского общества.

Не кажется ли Вам, что в наше время болезнью многих, включая и значительную часть православного общества, стал фундаментализм? Что Вы об этом думаете как иерарх, которого принято относить к противоположному направлению — «либералов»?

— В Церкви не может быть ни либералов, ни консерваторов. Сегодня некоторые стали радикальными консерваторами не потому, что это заложено в православной доктрине, а потому, что встревожены ны-

нешним развитием человеческой цивилизации, нарастанием греха, забвением норм морали.

Это и порождает тревогу, апокалиптические настроения. Если они сопровождаются радикальной самоизоляцией, неприятием и агрессией — это грех, но если таким настроениям сопутствует рост духовной жизни, забота о своей христианской миссии, тогда эти опасения могут оказать и положительное влияние.

Системный духовный кризис общества вызван тем, что во главу угла поставлены права и свободы вне нравственной ответственности. Но без нравственности, без совести раскрепощается темное начало. Именно поэтому права и свободы необходимо дополнить нравственными ценностями — одинаковыми как для тех, кого мы называем консерваторами, так и для тех, кого именуем либералами.

Каково отношение Церкви к межнациональным конфликтам — едва ли не самой острой проблеме последнего времени?

— Прежде всего от такого вопроса нельзя уходить. Разве у нас нет этнической преступности? Есть. Или нет незаконной иммиграции? Она тоже, к сожалению, есть. И если мы будем открыто смотреть на проблемы, сколь бы они ни были трудны, будет и возможность их разрешения. Не должно быть какой бы то ни было этнической солидарности против кого-то,

против большого или малого народа: мы великое государство, которое не может не быть многонациональным. Все этносы и все народы должны хорошо чувствовать себя в России.

Конфликт наших соседей — Грузии и Абхазии — проник даже и в Церковь. В абхазских церквях не поминают Патриарха Илию II — главу Грузинской Церкви...

— Абхазская Церковь находится в канонической юрисдикции Грузии. И мы, придерживаясь принципов канонического права, не можем вмешиваться в дела Церкви в Абхазии без согласия Патриарха Илии II. В то же время, как известно, ни один грузинский архиерей не может сегодня служить в Абхазии. Де-факто не может. Тем не менее сегодня в Абхазии возрастает число православных. В наших духовных школах получали образование абхазские юноши, в связи с чем со стороны Грузии к нам высказывались определенные претензии. Но мы не можем отказывать молодым людям в приеме на учебу по национальному признаку. В свое время мы предлагали присылать в Абхазию наших священников, которые поминали бы имя Патриарха Илии II, но не получили поддержки. Думаю, две наши Церкви могли бы вместе найти какую-либо временную, промежуточную модель устройства православной жизни на территории Абхазии.

Бывает ли у Вас, Владыка, свободное время?

— Как говорится, больной вопрос. Недавно удалось посмотреть на DVD фильм «Остров». Когда же выдается свободная минута, хочется пройтись, подышать воздухом или посмотреть телевизор. Наше телевидение сегодня весьма отличается (в положительную сторону) от европейского прежде всего информационно-публицистическими программами. Порой смотришь и в ущерб сну.

Владыка, позвольте поздравить Вас с юбилеем, Вы совсем немного моложе Отдела, который успешно возглавляете уже не первый год... И пожелать многая лета!

<http://www.patriarchia.ru/db/text/164509.html>

«Церкви удалось добиться положительной динамики в построении отношений с обществом и государством»

Председатель Отдела внешних церковных связей Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл в своем интервью 21 июня 2008 года дал оценку работы возглавляемого им Синодального отдела, описал состояние отношений Русской Православной Церкви с другими Поместными Церквями и христианскими конфессиями, а также поделился своими воспоминаниями о прошедших Архиерейских Соборах.

Ваше Высокопреосвященство, по традиции Архиерейский Собор подводит итоги прошедшего четырехлетия. Какими были минувшие годы для возглавляемого Вами Синодального отдела?

— Отдел внешних церковных связей на протяжении последних четырех лет активно исполнял возложенные на него обязанности по поддержанию и развитию взаи-

мосвязей нашей Церкви с Поместными Православными Церквами, инославными конфессиями, нехристианскими религиями, государственными органами разных стран, общественными и политическими объединениями, международными организациями.

Несмотря на серьезное противодействие со стороны тех, кто не хочет активного присутствия Церкви в жизни народа, ей удалось добиться положительной динамики в построении отношений с обществом и государством. Церковные инициативы и предложения в своем большинстве находят отклик и понимание со стороны властей. Конечно, еще остается нерешенным ряд вопросов, связанных с социальным партнерством Церкви и государства, введением в школьный образовательный процесс изучения религиозной культуры. Но и в этих областях наблюдается постепенный прогресс.

Важнейшей задачей Церкви, исполняемой в том числе и нашим Отделом, продолжает оставаться свидетельство миру о вере Христовой, о непреложности Евангельского нравственного идеала. Именно это свидетельство лежит в основе взаимоотношений сотрудников Отдела с внешним для Церкви миром, а также их участия в различных событиях общественной жизни. Важнейшим инструментом свидетельства Церкви служат средства массовой информации. И поэтому труженики Отдела

стараятся как можно чаще доносить до аудитории СМИ православный взгляд на многие вопросы и ситуации.

Мы ведем диалог с международными организациями по вопросам прав и достоинства личности и связанного с этим нравственного измерения человеческой жизни. На протяжении последних лет различные встречи на международных площадках позволили нам доносить до международного сообщества нашу озабоченность насаждением нравственного релятивизма. Для того чтобы наш голос не звучал одиноко, мы стремимся к объединению усилий с приверженцами традиционных религий и конфессий — людьми веры, разделяющими нашу озабоченность секуляризацией общественного сознания, попытками вытеснения религии из публичной сферы в частную. При этом мы не приемлем доктринальной и религиозно-этической унификации.

В прошлом году состоялось воссоединение Зарубежной Церкви с Матерью-Церковью в России. Чем, по Вашему мнению, это событие запомнится нашим современникам?

— В двухтысячелетней истории христианства мы можем видеть множество расколов, разделений или длительных разномыслий. Разделение между Церковью в Отечестве и Русской Зарубежной Церковью возникло в основном по политическим причинам: из-за революционных событий

разделился русский народ. Всякое разделение горестно, в особенности, когда оно проходит не по границам государств, а через сердца людей, через семьи. Поэтому столь отрадно, когда по милости Божией разделение бывает преодолено. Такие случаи в истории редки, но тем сильнее они запоминаются.

Церковное единство, когда верующие *соединены в одном духе и в одних мыслях* (см. 1 Кор 1, 10), является отражением будущей жизни в Царстве Небесном. Это единство — пример для любого человеческого сообщества, будь то государство или семья. На мой взгляд, подписание Акта о каноническом общении 17 мая 2007 года запомнится нашим современникам как воодушевляющий символ Божественного Промысла о единстве не только Церкви, но и человечества в целом. Но в большей степени воссоединение Русской Церкви — это знак победы над темными силами, которые во имя идеологической утопии вовлекли Россию в десятилетия губительного безбожия и ужасающих репрессий.

Какие изменения произошли в сфере взаимоотношений Русской Православной Церкви с братскими Поместными Православными Церквами? Насколько тема церковного единства важна и актуальна для этой сферы церковной жизни?

— Упрочение единства братских Поместных Православных Церквей — это одна из

приоритетных задач работы Отдела внешних церковных связей. Прошедшее четырехлетие было достаточно сложным для выполнения этой задачи. Православие испытывает все возрастающее давление со стороны окружающего секулярного мира, дух которого порой проникает и в церковную ограду. Все это негативно отражается на межцерковных отношениях, приводя к появлению противоречий, имеющих не церковные, а другие — к примеру, политические или националистические причины. Тревожным симптомом этого явления стали предпринимаемые в последнее время попытки некоторых церковных деятелей пересмотреть канонические устои, на которых строится вся система межцерковных отношений. Такая тенденция очень опасна, так как без единых, освященных Преданием Церкви правил эта система погрузится в хаос. Вот почему становится очевидной актуальность темы всеправославного единства и важность обсуждения ее на предстоящем Архиерейском Соборе.

Как бы Вы охарактеризовали нынешнее состояние диалога Русской Православной Церкви с Римско-Католической Церковью и протестантскими сообществами?

— Поддерживая отношения с католиками, протестантами и представителями других инославных Церквей и сообществ, Русская Православная Церковь исходит из своей главной задачи, определенной

в основных принципах ее отношения к инославию следующим образом: «Православная Церковь является хранительницей Предания и благодатных даров Древней Церкви, и поэтому главной своей задачей в отношениях с инославием считает постоянное и настойчивое свидетельство, ведущее к раскрытию и принятию истины, выраженной в этом Предании» (П. 3.1).

Практическим образом это свидетельство выражается в усилиях нашей Церкви по отстаиванию и проповеди традиционных христианских ценностей перед лицом многочисленных вызовов, которые ставит перед христианством современный мир. Это, в частности, наступление идеологии воинствующего секуляризма, о чем уже говорилось, и проблема обвальная либерализации многих христианских сообществ.

В данном смысле наиболее перспективным видится диалог с Римско-Католической Церковью. Он несет в себе большие возможности для совместного отстаивания традиционных христианских нравственных ценностей, для правильного устройства социальных и семейных отношений, для защиты прав человека. В этих областях позиции наших Церквей практически полностью совпадают.

Между тем, необходимо отметить, что в наших отношениях до сих пор сохраняется ряд нерешенных проблем. Сюда следует прежде всего отнести неурегулированный конфликт между православными и

греко-католиками на Западной Украине, а также неоправданное распространение миссии Украинской Греко-Католической Церкви в традиционно православных регионах. Еще одним непростым вопросом является миссионерская деятельность некоторых представителей Римско-Католической Церкви среди православных людей в России и других странах СНГ. Для решения подобных проблем в России с 2004 года действует совместная православно-католическая рабочая группа. Надеемся, что ее работа принесет результаты.

Отношения нашей Церкви с протестантскими Церквями и сообществами носят в силу различных обстоятельств более сложный характер. С одной стороны, среди протестантов у нас есть многолетние партнеры по богословскому диалогу и совместному социальному служению. Это Евангелическая Церковь в Германии, с которой мы ведем богословский диалог с 1959 года, и Евангелическо-Лютеранская Церковь в Финляндии, с которой мы проводим такие же собеседования с 1970 года. Кроме того, мы поддерживаем с немецкими и финскими лютеранами совместные образовательные и социальные проекты.

Но есть и другая сторона православно-протестантских отношений. К нашему глубокому сожалению, в последние годы некоторые протестантские Церкви и общины демонстрируют тенденцию крайней либерализации многих сторон своей

жизни. Наибольшую тревогу вызывает радикальное изменение их представлений о нормах христианской морали. Напомню, что в начале 2000-х годов некоторые протестантские Церкви в угоду секулярным настроениям отступили от христианских нравственных законов, основанных на Священном Писании, и начали публично благословлять так называемые «однополые союзы», рукополагать в пасторское и епископское достоинство открытых гомосексуалистов. В результате наша Церковь отказалась от контактов с общинами, идущими по этому антибиблейскому пути, — Епископальной Церковью в США и Церковью в Швеции.

К сожалению, подобная тенденция продолжает охватывать все новые и новые протестантские сообщества на Западе. Для того чтобы успешно противостоять этой попытке тотальной либерализации, возникает задача объединения усилий православных и тех протестантов, которые сохранили верность Евангельским традициям в вере и жизни.

В этом смысле больше оптимизма внушают наши отношения с протестантскими конфессиями в России и других странах СНГ. Мы имеем близкие взгляды по вопросам христианской нравственности и можем выработать общие позиции, чтобы дать достойный совместный ответ всем вышеупомянутым вызовам, которые ставит перед нами секулярный мир.

С другой стороны, проблемным вопросом является прозелитическая деятельность отдельных протестантских сообществ в отношении православных. Это создает непростые и зачастую даже конфликтные ситуации на местах. Каждый из таких случаев требует внимательного рассмотрения и разрешения. Для снятия остроты этой проблемы также необходим открытый и взаимоуважительный диалог.

Какие, на Ваш взгляд, явления современной общественной жизни требуют к себе особенного внимания со стороны Церкви?

— В числе наиболее тревожащих тенденций общественного развития можно назвать возрастающую секуляризацию общества и связанное с ней размывание основных нравственных ценностей народа. Современное общество неоднородно. С одной стороны, мы являемся очевидцами сознательного обращения к вере миллионов наших соотечественников, среди которых значительный процент составляет молодежь. С другой стороны, мы сталкиваемся с проявлениями религиозного и нравственного индифферентизма. Порой нам говорят, что постепенный упадок религиозности закономерен, что государство не должно связывать себя какой-либо идеологией, а в обществе нужно утверждать идейный, религиозный и даже этический плюрализм.

Однако на это мы отвечаем, что, уважая свободу мысли, мировоззрения и религи-

озного выбора наших соотечественников, общество не должно забывать свои духовные и культурные корни, на протяжении многих веков питавшие и продолжающие питать самосознание народа, его цивилизационную самобытность. Именно базисные духовно-нравственные ценности являются той основой, которая позволяет обществу объединяться перед лицом различных угроз и воплощать в жизнь созидательные замыслы. Единство народа в осознании своей цивилизационной уникальности, проникнутой верой предков, есть иммунитет, способный защитить общество от нравственного разложения и деградации.

Вы были участником многих церковных Соборов. Какой из них особенно запомнился Вам?

— Действительно, я принимал участие в подготовке и работе как Поместных, так и Архиерейских Соборов, начиная с 1988 года. Каждый из них оставил память о себе, поскольку не было Соборов, абсолютно похожих друг на друга. Осознание сопричастности соборному деланию Церкви всегда заставляло с особой ответственностью подходить к подготовительной работе, тщательно продумывать различные предложения. Безусловно, наследие каждого Собора различно, но все их объединяет принципиальная важность принятых решений для внутренней жизни и внешней деятельности нашей Церкви.

В общем ряду Соборов хотел бы выделить Юбилейный Архиерейский Собор, прошедший в год 2000-летия от Рождества Христова. Именно тогда совершилось прославление Собора новомучеников и исповедников, пострадавших от богоборческой власти, а также были приняты важнейшие документы, касающиеся различных аспектов церковной жизни. В числе последних нужно назвать Устав Русской Православной Церкви, который явился откликом на изменение внешних общественно-политических условий жизни Церкви и ее внутренних потребностей, и «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» — документ, давший с опорой на Священное Писание и Священное Предание ответ на актуальные вопросы, не имеющие оценки в святоотеческой мысли по причине отсутствия в прошлом различных явлений нашего времени. Собор 2000 года принял также документ, который сформулировал принципы взаимоотношений нашей Церкви с инославными Церквями и сообществами. Речь идет об «Основных принципах отношения к инославию». В этом документе обозначены цели и задачи нашего диалога с инославием, принципы участия в работе межхристианских организаций.

Говоря о Соборе 2000 года, нельзя не вспомнить торжественное освящение Храма Христа Спасителя, а также трагедию, которую переживала вся страна, — гибель атомной подводной лодки «Курск». Тог-

да все участники Собора вознесли свою молитву о членах экипажа подводного крейсера. Юбилейный Собор дал мощный импульс церковной жизни и открыл новые перспективы для широкого присутствия Церкви в обществе. Решения Собора во многом повлияли на процесс восстановления канонического общения и единства Русской Зарубежной Церкви с Московским Патриархатом.

<http://www.patriarchia.ru/db/text/424818.html>

«Только человек, не знающий России, может утверждать, что Православие в ней устарело, исчерпало себя»

Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл дал интервью журналу «Внутри Ватикана».

25 мая 2005 года в итальянском городе Бари кардинал Вальтер Каспер предложил провести заседание «собора», участниками которого стали бы православные и католики. Местом его проведения мог бы стать город Бари, темой — восстановление дружественных отношений между Римско-Католической и Православной Церквями и создание «альянса» для «нового открытия» «христианских корней Европы». Какое впечатление на Вас производит подобное предложение? Как Вы думаете, является ли проведение такого «собора» хорошей идеей? Почему «да» или почему «нет»? (Кардинал Каспер внес это предложение в выступлении

«Только человек, не знающий России, может утверждать, что Православие в ней устарело, исчерпало себя»

на Итальянском национальном евхаристическом конгрессе в Бари.)

— Идея кардинала Вальтера Каспера о проведении в Бари «собора» православных и католических иерархов, безусловно, представляет интерес. В то же время надо иметь в виду, что Собор как экклезиологическая реальность невозможен в условиях разделения. Поэтому речь может идти не о Соборе по образу Соборов Древней Неразделенной Церкви, а о собрании или ассамблее.

Полагаю, что на пути к любому значительному событию в сфере православно-католических отношений нужно озаботиться решением конкретных проблем, которые эти отношения осложняют.

Что же касается совместного обсуждения актуальных проблем современности, то такое обсуждение уже идет. В качестве одного из подобных примеров хотел бы привести организуемую Папским Советом по культуре и Отделом внешних церковных связей Московского Патриархата Международную конференцию «Христианские ценности в Европе», которая пройдет в Вене в мае 2006 года при содействии фонда «Про Ориенте».

Кардинал Каспер также заявил: «Я глубоко убежден, что после огромных усилий и значительных шагов, сделанных Иоанном Павлом II, новый Папа Бенедикт XVI будет расчищать путь для подобного плана на будущее». Как Вы относи-

тесь к новому Папе Бенедикту XVI? Общались ли Вы с ним раньше? Думаете ли Вы, что Вам предстоит встречи в будущем? Где и когда могла бы произойти подобная встреча? Отличается ли Бенедикт XVI от Иоанна Павла II, и если да, то чем?

— Я с большим уважением отношусь к новому Предстоятелю Римско-Католической Церкви Папе Бенедикту XVI и неоднократно встречался с ним до его избрания на Римскую кафедру. На следующий день после инаугурационных торжеств Его Святейшество принял меня в резиденции «Санта-Марта», где продолжал жить по окончании конклава. Наша беседа носила неформальный и теплый характер. Между тем, за это небольшое количество времени нам удалось обсудить основные вопросы отношений между Русской Православной и Римско-Католической Церквями и отметить совпадение точек зрения по вопросу необходимости взаимодействия православных и католиков в деле отстаивания христианских ценностей.

Я весьма благодарен Его Святейшеству за эту встречу и вижу в ней знак особого значения, которое новоизбранный понтифик придает отношениям с Православными Церквями и с Русской Православной Церковью как крупнейшей из них.

Мне не хотелось бы сравнивать личности двух Предстоятелей Римско-Католической Церкви — недавно усопшего Иоанна Павла II и нынешнего Папы Бенедикта XVI. Они оба — безусловно выдающиеся люди.

«Только человек, не знающий России, может утверждать, что Православие в ней устарело, исчерпало себя»

Но межцерковные отношения не всегда зависят от отдельных личностей, даже столь высокопоставленных. Как известно, существует целый комплекс достаточно сложных проблем, которые требуют, с одной стороны, срочного разрешения, а с другой — ответственного, вдумчивого подхода. Именно сочетание этих факторов должно помочь наиболее эффективно преодолеть существующие трудности. Важнейшей составляющей этой важной работы должен быть честный и открытый диалог между нашими Церквями. Поэтому я надеюсь на продолжение плодотворных встреч с руководством Римско-Католической Церкви.

Каковы главные трудности в отношениях между католиками и православными? Какие из них могут быть решены относительно легко, а какие нет? Можете ли Вы предложить какие-либо особые инициативы, которые могли бы помочь этим отношениям? Поддерживаете ли Вы создание «католическо-православного альянса» в Европе по вопросам нравственных ценностей, предложенное кардиналом Каспером и епископом Венским и Австрийским Иларионом (Алфеевым)?

— Проблемы в отношениях между Русской Православной и Римско-Католической Церквями хорошо известны. Прежде всего это ситуация на Украине, особенно на западе этой страны, где продолжаются притеснения православных верующих со стороны греко-католиков. К сожалению, в последние годы ситуация к лучшему не

изменилась. Наоборот, она имеет тенденцию к осложнению в связи с переносом кафедры кардинала Л. Гузара из Львова, с которым исторически связан центр украинского униатизма, в Киев, именуемый «матерью городов русских» и являющийся на протяжении веков кафедрой Предстоятелей Православной Церкви Руси, а затем Украины.

В России серьезное беспокойство и непонимание наших верующих вызывает миссионерская работа католического духовенства среди православного населения, в особенности среди детей и молодежи. Часто люди спрашивают меня, почему католические священники не столь активно работают в тех странах, откуда они приезжают в Россию, а предпочитают воспитывать в католической традиции российских детей из неблагополучных семей? Вряд ли эти проблемы могут быть разрешены быстро и легко. Но мы должны стремиться к их скорейшему преодолению, так как за ними стоят судьбы реальных людей, их тревоги и переживания.

Относительно идеи создания «православно-католического альянса» хотел бы сказать, что здесь необходимо правильно расставить акценты и договориться о терминах. Понятие «альянса» носит скорее политический, чем церковный оттенок. Поэтому я предпочел бы не употреблять это выражение.

Однако Русская Православная Церковь активно выступает за развитие взаимодей-

ствия с Римско-Католической Церковью, с которой у нас совпадают позиции по большинству вопросов, стоящих сегодня перед христианским миром. Хорошо известно, что обе Церкви одинаково обеспокоены вытеснением религиозных ценностей из жизни современного общества и необходимостью сохранения в нем норм христианской этики. Наше сотрудничество совершенно необходимо. Его ждут миллионы людей — верующих и духовно ищущих. Это взаимодействие может иметь далеко идущие последствия для Европы и, что особенно важно, для всей системы межхристианских отношений. Совершенно очевидно, что речь в данном случае идет не только о Русской Православной Церкви, но о всех Поместных Православных Церквях. Поэтому можно с уверенностью говорить, что от характера православно-католических отношений во многом будет зависеть место христианских ценностей по крайней мере на Европейском континенте.

Какое значение имеет Рим и епископ Римский для православных? На протяжении I тысячелетия епископа Римского почитали. Может ли это произойти вновь? Каким образом? Что следует изменить Риму и Святому престолу, чтобы помочь процессу общения с православными?

— К сожалению, в настоящее время у православных и католиков существуют различные представления о том, какова была роль Римского епископа в Древней Неразде-

ленной Церкви. Для Православной Церкви Римская кафедра всегда имела «первенство чести», а ее Предстоятель был «первым среди равных». Подобное отношение не предполагало признания верховной юрисдикционной административной власти Римского епископа, которой бы подчинялись остальные Предстоятели Поместных Церквей.

Как известно, подлинной причиной трагического разделения между Западной и Восточной Церквями явилось именно различие в понимании роли Папы Римского в Церкви. Поэтому важность этого вопроса для наших взаимоотношений очевидна.

Российский Президент В. В. Путин недавно заявил, что распад СССР был общенациональной трагедией огромного масштаба. Что Вы думаете о распаде СССР и последующей истории России?

— В этом я соглашусь с господином Президентом. Для верующих нашей Церкви распад СССР — это прежде всего не политическая и тем более не идеологическая проблема. Мало кто сокрушается об исчезновении государства, основывавшего свою политику на марксистско-ленинских идеалах, включая идею и практику государственного атеизма. Геополитической катастрофой явился распад исторической России, то есть той культурной и духовной общности, с которой связывало себя абсолютное большинство граждан Советского

Союза. Вспоминаю, как воспринималось это событие 15 лет назад. Были, конечно, люди, злорадствовавшие, пребывавшие в иррациональной эйфории при виде того, как рушится здание, на протяжении веков создававшееся десятками народов. Но на лицах большинства людей — а мне приходилось и приходится очень много встречаться с людьми — я видел тогда растерянность и недоумение. И еще, быть может, наивное упование, что все обойдется — никто попросту не верил, что единая страна может разлететься на осколки за считанные месяцы...

Отрезвление пришло потом, когда все это привело к многочисленным межнациональным конфликтам на постсоветском пространстве, разгулу преступности и терроризма, в том числе международного. Распад страны привел к обвальному снижению уровня жизни людей практически во всех бывших союзных республиках. Были разорваны многочисленные экономические связи, разрушена промышленность, наука. Численность населения во многих постсоветских странах стала стремительно сокращаться. Многие семьи были буквально по-живому разделены новыми государственными границами, и сегодня даже близкие родственники, живущие в разных постсоветских государствах, зачастую не имеют возможности встретиться.

Произошла трагедия не меньшая, чем разделение Германии в 1945 году. Я считаю,

что не только Россия, но и весь мир понес в результате крушения исторической России серьезную утрату. Мы сознаем, что в этих условиях Русская Православная Церковь зачастую остается единственной нитью, связующей воедино цивилизацию Руси. Это не следует понимать как вынашиваемые нами планы политического реванша или чего-либо подобного — к сожалению, такого рода оценки деятельности Церкви нередко приходилось видеть в западной прессе. Вовсе нет. Наша забота — о сохранении ими духовной и культурной идентичности, о сохранении всего того, что делает людей единым народом, а Церковь — единой Церковью.

Что же касается вопроса о будущем России, то я убежден, что оно, помимо прочего, в значительной степени зависит от нравственного выбора миллионов людей, и это вопрос нашей пастырской ответственности. Ибо история свидетельствует, что падению великих цивилизаций всегда предшествовал нравственный упадок, а их становлению — мощный духовный и моральный импульс.

Каково в среднем состояние христианства в России сегодня? Можете ли Вы привести примеры силы и слабости, позитивного и негативного развития событий? Как будет действовать Церковь, чтобы пережить кризис в российском обществе?

— Есть такая фигура высшего пилотажа, ее иногда называют «тюльпан». Это когда

несколько истребителей летят параллельным курсом и потом одновременно разлетаются в стороны. Следы их реактивных двигателей образуют при этом подобие распутившегося цветка.

С обществом и не только в России, но и во многих других странах сегодня происходит нечто подобное. С подвижническим трудом одних соседствуют расслабленность и безответственность других. Коррупция и безразличие, циничная эксплуатация человеческих страстей и безвольное следование за грехом — все это разрушает народный организм. Идеал человека потребляющего, раба собственных инстинктов активно насаждается в обществе, в первую очередь, среди молодежи.

Сохраняется настойчивое стремление определенных сил вытеснить Церковь и вообще религию на периферию социума, ограничить любые проявления религиозности узкими рамками личной жизни граждан. Думаю, эти проблемы хорошо знакомы не только нашим соотечественникам — мы явственно слышим серьезную обеспокоенность верующих, трезвомыслящих и дальновидных европейцев и американцев относительно того, что происходит в духовной жизни их народов.

Но, слава Богу, попытки отделить веру от жизни не удаются. Они вообще обречены, о чем мы знаем по опыту жизни при государственно-атеистической системе и последующего религиозного возрожде-

ния. Еще недавно наша Церковь в общественном сознании представлялась как некая резервация для неудачников, людей, не нашедших места в жизни. Типичный облик прихожанина православного храма, культивируемый тогда средствами массовой информации, — это либо старушка-пенсионерка, либо, в крайне редких случаях, «юноша бледный со взором горящим». О том, что православная вера может стать сильнейшим источником мотивации в любой сфере человеческой деятельности, никто всерьез говорить не хотел.

Однако сегодня положение дел иное. В обществе крепнет сознание того, что ни одна сфера человеческой деятельности не может быть полноценной, если она лишена религиозного и нравственного осмысления. Идут оживленные дискуссии о месте религии в обществе. И эти дискуссии не бесплодны: все больше людей из самых разных слоев общества — бизнесменов, государственных и общественных деятелей, ученых, педагогов, правозащитников, журналистов, даже рок-музыкантов — основывают свою жизнь, причем не только личную и семейную, но и профессиональную, на краеугольном камне веры. Это свидетельствует о том, что Русская Церковь жива и плодоносна; это позволяет смотреть в будущее с осторожным оптимизмом, вспоминая слова апостола Павла о том, что *«малая закваска заквашивает все тесто»* (Гал 5, 9).

В чем состоит непреходящая красота русской православной традиции? Сохранила ли она способность привлекать современную российскую молодежь?

— Русское Православие складывалось в живом опыте веры, явленном поколениями христиан на нашей земле. Православию мы обязаны всем. Принятие христианства вызвало нас к историческому бытию, способствовало становлению русской государственности, формированию нашего национального характера. И только человек, не знающий России, может утверждать, что Православие в ней устарело, исчерпало себя. Ведь те наши соотечественники, которых мы почитаем сегодня в лике святых, стояли в своей жизни на тех же распутьях, на которых стоим сегодня мы; они боролись с грехом и с Божией помощью побеждали, к чему призываются и наши современники. Мы не трудимся на пустом месте — у нас за плечами тысячелетняя традиция. И именно сознанием того, что мы не одиноки в этом мире, что мы имеем сонм небесных заступников, которые молятся Богу о своем земном Отечестве, вдохновляются сегодня миллионы людей.

Что касается привлекательности православной традиции для современной молодежи, могу сказать: о силе и красоте Православия свидетельствует тот факт, что уже несколько лет люди среднего и молодого возраста составляют большинство прихожан наших храмов, по крайней мере в горо-

дах. Причем такое изменение в возрастной структуре нашей паствы не обусловлено никаким внешним обновлением богослужения, никакими пропагандистскими акциями и попытками сообразоваться с духом века сего. Возрождение Русской Церкви — это поистине чудо Божие, хотя нельзя умалить и значения трудов всей церковной Полноты — епископата, духовенства, монашествующих и мирян. Я благодарю Бога за то, что и мне Он судил потрудиться ради этого возрождения.

Иногда говорят о некоей моде на религию. Но мода не может быть явлением долгосрочным; следование моде никогда не пронизывает всю жизнь человека. Откровенно сказать, когда я впервые узнал о том, что в крупных супермаркетах в дни Великого поста появляются отдельные витрины с постными продуктами, а продажа мяса, например, резко сокращается, я был приятно удивлен. Этот частный пример красноречиво свидетельствует о том, что религиозный выбор людей стал значимым фактором жизни общества, повлек за собой изменение потребительских предпочтений граждан, и даже торговля, не ограниченная напрямую какими-либо идеологическими рамками, среагировала на это.

Кто Ваши любимые писатели и почему? Чему они нас учат и что хотят донести до нас?

— Мне сложно ответить на этот вопрос. Наверное, потому, что с детства привык

к чтению — я читал и читаю много. Поэтому, назвав какого-нибудь писателя любимым, я погрешу против многих и многих, чьи произведения также оказали на меня влияние.

Обобщая, могу сказать: мне как верующему человеку всегда было интересно отображение в литературном творчестве невидимой брани человека с грехом, со злом в себе и в мире. Это не значит, что круг моего чтения ограничивался только церковной или даже шире — религиозной тематикой. Дело в том, что опыт жизни во Христе, накопленный столетиями, победы и поражения в великой битве дьявола с Богом, в которой участвует и человек, — все это неизбежно отражалось в классической европейской и русской литературе.

Я прекрасно помню время атеистических гонений, помню последовательную политику по созданию вакуума вокруг вопросов жизни человеческого духа. Помню, какой редкостью была даже Библия в домах людей, не говоря уже о творениях Отцов Церкви и богословских сочинениях. Правда, мне, сыну священника, было проще — в нашем доме было большое собрание святоотеческих творений, трудов по богословию, истории, в том числе произведения русских философов и богословов, большинство из которых стали доступны широкому кругу читателей только в последние годы. А ведь многие люди были лишены такой возможности и черпали

крупницы духовной мудрости из произведений русских классиков — Пушкина, Достоевского, Тургенева, Лескова, даже Льва Толстого, несмотря на то, что он в последние годы жизни отошел от Церкви. То есть классическая русская и европейская литература для многих, а в какой-то степени и для меня самого стала поистине школой христианского мировоззрения. То же самое, кстати, можно сказать и об изобразительном искусстве, и об архитектуре, и о музыке. В этом, на мой взгляд, заключается великая миссия культуры — свидетельствовать человеку о его Небесном Отечестве, о его богоподобном достоинстве, пусть даже и сокрытом до времени под пеплом греха и несовершенства.

*<http://www.patriarchia.ru/db/text/106489.html>
Журнал «Ватикан», № 18/06, апрель 2006 г.*

«Не избежишь радикального ответа»

В газете «Московские новости» в 2007 году было опубликовано интервью обозревателя издания Василины Орловой с Председателем Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата Митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом. Владыка Кирилл рассказал об итогах недавнего визита Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II во Францию, дал оценку современному состоянию православно-католического диалога, высказался о восстановлении и сохранении единства внутри Русской Православной Церкви и по ряду других вопросов.

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев) — один из тех церковных деятелей, о которых принято выражаться обтекаемо — неоднозначный. Его слова и действия вызывают резонанс далеко за пределами церковной ограды. Одних они возмущают,

других восхищают. Митрополит Кирилл давно стал фигурой политической, но также его можно назвать религиозным социальным философом, поскольку он предпринимает мыслительные штурмы тех ценностей, в которых в современном мире сомневаться не принято. На стене в приемной у него живописное полотно — изображение среднерусского пейзажа, а на рабочем столе, помимо бумаг, — небольшой глобус, свечи в каменных подсвечниках, хрустальные сувениры... В книжных шкафах — неброские корешки плотно стоящих старинных изданий.

Права человека как цивилизационная догма

Вы сопровождали Патриарха Московского и всея Руси Алексия II во время визита во Францию. Каковы, на Ваш взгляд, основные итоги этого визита?

— В связи с вашим вопросом следует сказать по крайней мере о нескольких вещах. Ну, во-первых, речь Святейшего Патриарха в Парламентской ассамблее Совета Европы имеет историческое значение. Впервые светская международная организация такого уровня слышит послание главы нашей Церкви. Совет Европы — это организация, в которой формируются мировоззренческие и правовые стандарты

объединенной Европы. И долгое время дискуссия осуществлялась исключительно в светской системе координат. Религиозный фактор не принимался во внимание. Сейчас Совет Европы открывается к тому, чтобы слышать позицию Церквей, и этот факт в том числе явился результатом работы Русской Православной Церкви в Страсбурге. Мы открыли несколько лет назад представительство, через которое активно пытаемся влиять на работу Совета. Все то, что сказал Святейший, явилось свидетельством от всей нашей Церкви, причем по вопросам, которые имеют жизненное значение сегодня не только для Европейского континента, а для всей человеческой цивилизации.

Тема прав и свобод, связанная с нравственной ответственностью, с нашей точки зрения, является сегодня самой важной темой. Потому что без развязки проблем, которые существуют в этой области, бесконфликтно человеческая цивилизация развиваться просто не сможет. В конфликт входит светское и религиозное понимание прав. Чтобы этот конфликт не приводил к потрясениям и человеческая цивилизация устойчиво развивалась, его нужно преодолеть. Его невозможно преодолеть победой одних над другими. К сожалению, до недавнего времени светским людям казалось, что вполне возможно заставить верующих людей мыслить так, как мыслят они, и построить верующих людей под си-

стему ценностей, которая была сформирована в недрах в том числе и международных светских организаций. Теперь становится ясным, что это не получается. И наступает время диалога — не политкорректного, а реального. И свидетельство Святейшего Патриарха было свидетельством о начале такого диалога. Его речь не была политкорректной, это была речь, в которой адекватным образом была представлена позиция Русской Православной Церкви. Очень надеюсь, что результатом этого визита явится усиление диалога светского мира с религиозным.

Противоречия между христианским и светским пониманием прав и свобод должны быть сняты с философской точки зрения. Но это конфронтационные воззрения, несмотря на то, что у них в какой-то мере общие корни. Так возможно ли в принципе решение этого конфликта?

— Если бы невозможно было, так мы бы, наверное, не выступали. Тогда нужно было бы просто сказать, что мир во зле лежит, и никакого диалога с ним быть не может. Но поскольку мы глубоко убеждены в том, что возможно гармонично соединить одно и другое таким образом, чтобы не навредить человеческой личности, чтобы не умножать зло, — поэтому мы и находимся в диалоге со светским миром, в том числе с международными организациями. Нас не оставляет уверенность — или, скорее, надежда — на то, что диалог возможен.

Встречают ли понимание у представителей других конфессий и светских общественных деятелей те подходы к правам человека и нравственным ценностям, которые Вы провозглашаете? Насколько можно судить, для Европы права человека — все-таки несомненная догма.

— Учет нравственных ценностей при реализации прав человека — основная гарантия использования богоданной человеческой свободы во благо личности и общества. Надо сказать, что права человека в историческом прочтении никогда не мыслились как орудие борьбы с традиционной нравственностью. Напротив, все международно-правовые документы допускают ограничения прав человека по соображениям морали. Несмотря на то, что моральные представления общества в наше время очень не однообразны, это не значит, что они относительно и ситуативны. Если мы откажемся от моральной оценки реализации прав человека, то разрушится механизм этих прав в том виде, в котором он создавался на протяжении веков. Последствия могут быть самыми неблагоприятными. Вот почему мы призываем обратиться к нравственному опыту религиозных традиций, который дает разделяемое многими людьми представление о достойном и постыдном.

Что касается содержания моральных норм, то традиционные мировые религии здесь во многом сходятся. Ценности семьи и брака, милосердия, сострадания, воздер-

жанности имеют во многом непреходящий характер. Не все общественные деятели готовы нас поддержать, но многие из них, как и мы, понимают, что только нравственно здоровый, а не падший человек может быть «мерой всех вещей».

В своих выступлениях я неоднократно заявлял, что категория догмы неприменима для общественно-политической жизни. Это имеет прямое отношение к правам человека. Права человека — явление, обусловленное историческим, культурным, религиозным контекстом. Догма — это, наверное, утверждение о свободе человеческой личности, имеющей в себе образ Божий. А права человека — производное из этой догмы со всеми вытекающими последствиями и относительной, а не абсолютной ценностью. Сделать из них догму — значит превратить в квазирелигиозный институт. А если и навязывать эту «догму» всему миру, попытки чего, увы, предпринимаются, то не избежишь радикального ответа.

Православно-католический диалог в развитии

Визит во Францию, с обсуждения которого мы начали разговор, во многом, наверняка, скажется на отношениях между Православной и Католической Церквями. Можем ли мы ожи-

дать встречи Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Папы Римского Бенедикта XVI? Такое ощущение, что к этому приблизились.

— Святейший Патриарх неоднократно сам говорил, что никогда не исключал возможности такой встречи. Сегодня эта возможность не менее реальна, чем это было некоторое время тому назад, а может, даже более реальна. У нас на повестке дня есть множество вопросов, над которыми мы совместно работаем, и в случае если их обсуждение завершится успехом, то тогда откроется возможность для такой встречи.

Уровень диалога сегодня между нашими Церквями гораздо выше, чем это было некоторое время тому назад. И действительно, мы достигаем большего взаимопонимания, в том числе и по тем проблемам, которые еще недавно нас разделяли. Речь идет не о тех богословских проблемах, которые разделяли православных и католиков, а о тех проблемах, которые возникли после распада Советского Союза в связи с появлением иерархических структур Католической Церкви на территории бывшего Советского Союза.

То есть речь идет об активной миссионерской, другими словами «прозелитической», деятельности на так называемых канонически православных территориях?

— Вы знаете, можно так формулировать, а можно иначе. Мы считаем, что все, что касается миссии одной Церкви на тер-

ритории другой, должно осуществляться таким образом, чтобы не разрушать отношения между Церквями. Потому что миссия может оборачиваться прозелитизмом. И мы глубоко убеждены в том, что в данном случае необходимо договориться о взаимоотношениях, в том числе и в связи с миссионерским служением.

И как Вы оцениваете перспективы активизировавшегося диалога между Русской Православной Церковью и Римско-Католической Церковью?

— Полагаю, что в свете многочисленных вызовов, ответов на которые ожидает от христиан современный мир, сотрудничество между Русской Православной и Римско-Католической Церквями имеет перспективу. В условиях развития религиозного и нравственного релятивизма общая позиция наших Церквей по многим проблемам жизни общества побуждает нас действовать вместе там, где это возможно.

В частности, обе Церкви противостоят вытеснению христианской веры и морали на обочину общественной жизни, указывают на неприемлемость для христианского сознания пересмотра нравственных норм, выступают против аборт и эвтаназии, осуждают легализацию однополых союзов, совместно вырабатывают позицию по вопросам биоэтики, излагают свой взгляд на проблему прав и достоинства личности, на общественное устройство.

Регулярно проводятся представительные международные встречи, на которых выработывается согласованная позиция по этим вопросам на уровне богословов, священнослужителей, журналистов, ученых, общественных и политических деятелей. На международной арене наши Церкви представляют христианский взгляд через церковные представительства в Страсбурге, Брюсселе и при ООН.

Однако для того чтобы православно-католический диалог развивался на основе искренности и полного доверия, необходимо разрешить трудности, которые все еще осложняют отношения между нашими Церквями. На повестке стоит вопрос о непростых взаимоотношениях между православными и греко-католиками на Украине. Нашу серьезную озабоченность вызывает продолжающаяся экспансия греко-католиков в традиционно православные области этой страны, в которых унии никогда исторически не существовало.

Христианство в мире и в России

Как Вы считаете, каково вообще положение христианства в современном мире?

— В различных странах мира это положение складывается по-разному. В каждом случае есть свои особенности, обусловлен-

ные историей и культурой того или иного народа. Но, на мой взгляд, некой общей тенденцией являются попытки вытеснить христианство и религию вообще из общественной жизни. Некоторые страны намеренно отказываются от своей христианской идентичности. В этих государствах нередко верх берет линия «религиозного нейтралитета», которая, честно говоря, не способствует утверждению христианских ценностей в образовании, культуре, социальной и политической сферах.

Часто такая линия объясняется желанием обеспечить свободу совести для людей с различными мировоззренческими взглядами и, таким образом, поддерживать межрелигиозный мир в обществе. Полагаю, что это «благовидный» предлог для того, чтобы бороться с религией вообще. Общество, большинство которого принадлежит к христианской традиции и которое проявляет свою религиозную идентичность во всех публичных сферах, вполне может обеспечить мирное и процветающее положение для религиозных меньшинств. Тому пример — дореволюционная Россия. Однако нас пытаются убедить, что межрелигиозный мир напрямую связан с наименьшей религиозностью людей. Другими словами: нет религии — нет проблемы.

Совершенно не согласен с тем, что вакуум религиозности полезен, потому что «нейтрален». Сфера смысла жизни не терпит пустоты. На место истинной веры

и высокой нравственности в «нейтральном» обезбоженном обществе неизбежно придут и уже приходят самодовлеющие, жаждущие слез и крови кумиры — радикализм, гордыня, культ потребления, эгоизм. Не хочешь служить Богу и ближнему — окажешься их рабом.

Что Вы думаете о взаимоотношениях Церкви и государственной власти? Будут ли уточняться соответствующие формулировки в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», в которой фактически долгом православного человека названо непослушание власти, когда она принуждает его отречься от Христа? Не есть ли эта жесткая позиция своего рода историческая реакция на «сергианство», соглашательское сотрудничество с властью, которое часто ставили и продолжают ставить в упрек Русской Православной Церкви?

— На этом направлении не стоит ждать сенсаций. Православная Церковь всегда будет держаться учения, которое она исповедует с апостольских времен: мы должны сотрудничать с властью в добрых делах и нравственно противостоять ее греховным действиям, особенно если речь идет о принуждении к отречению от Бога и веры. Церковь осознает свою инаковость по отношению к власти больше, чем какое-либо другое сообщество. Об этом подробно говорится в «Основах социальной концепции». Но Церковь также понимает, что ее миссия заключа-

ется в благотворном влиянии на этот мир и в призыве ко спасению всех людей, в том числе государственных деятелей. Об этом пишет святой апостол Павел в Послании к Тимофею: *«Итак прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины»* (1 Тим 2, 1—4). А такую миссию невозможно совершать, если не занимать конструктивную позицию в отношениях с властью. Наша задача состоит не в низвержении власти, а в поддержании положительных перемен в ней.

Внутренние и внешние направления церковной деятельности

Интересно, что Вы поддержали философов, которые разработали «Русскую доктрину», при всей ее спорности.

— Да, там много спорного, и это не значит, что мы поддерживаем в ней каждое слово. Но мы поддерживаем направление — поддерживаем серьезную дискуссию о будущем России. И Собор создавался как место для такой дискуссии. И поэтому, конечно, появление «Доктрины» не могло

нас оставить в стороне. И второе, что, я считаю, очень важно при всех спорных моментах, которые в ней содержатся, общее направление очень оптимистическое и правильное. А поправки в «Доктрину» всегда следует вносить — если доктрина превратится в догму, она перестанет быть доктриной.

Оправдывает ли ожидания состоявшееся 17 мая воссоединение Русской Православной Церкви и Русской Зарубежной Церкви? Не слишком ли много расколов сопровождало это воссоединение? Не выльется ли в тотальное осуждение всех семидесяти лет советской власти грядущее составление списка «новомучеников, пострадавших за веру от большевиков»?

— Единство — сама суть бытия Церкви. Господь Иисус Христос для того ее и создал, чтобы люди в ней достигали единства с Богом и друг с другом. Поэтому восстановление единства, разрушенного страшными событиями XX века, конечно же, является великим торжеством Церкви. И наш народ в целом проявил очень большое внимание, большую отзывчивость к тому, что произошло 17 мая.

Да, есть немногочисленная часть клириков и прихожан Зарубежной Церкви, которые не захотели эту радость разделить. Мотивация у них не духовная, а личная или политическая. Ведь главным образом речь идет о нескольких священниках, которые ушли в свое время из Московского

Патриархата, как правило, со скандалом. И вдруг теперь оказывается, что им надо посмотреть в глаза прежним собратьям. Легче создать новую «церковь» — истинно-зарубежную или какую-нибудь еще. А есть и те, кому просто не любо укрепление Русской Церкви, России. Те, для кого холодная война никогда не заканчивалась. У них свой взгляд на происходящее, но он не имеет ничего общего с историей Зарубежной Церкви, с надеждами ее основателей, которые были уверены: как только безбожие рухнет — мы снова все будем вместе.

Наконец, есть и те, кто просто еще не до конца осмыслил происшедшее. Из таких некоторые клирики, ушедшие было в раскол, по зрелом размышлении возвращаются к единству Церкви.

Церковь, прославляя своих мучеников и составляя их мартирологи, движима отнюдь не чувствами мщениия. Она стремится сохранить свидетельство силы благодати Христовой, которое явили верные Богу люди, совершившие христианский подвиг в годы безбожных гонений. В общенациональном значении это также помогает хранить память о нашей истории.

Тщательная работа в этом направлении длится в Русской Церкви уже почти 20 лет, и ничего принципиально нового здесь не планируется: просто в продолжение собирания памяти о нашей истории мы теперь примем во внимание все, что было сделано в этой области Русской Зарубежной Церковью.

Как бы Вы прокомментировали постановление епархиального собрания Анадырской и Чукотской епархии, которое подтверждает нашумевшее в марте нынешнего года «Обращение» епископа Диомида (Дзюбана)? Не сыницируют ли эти документы раскол в Русской Православной Церкви?

— Спровоцировать раскол в нашей Церкви желают и пытаются многие силы. Ради этого они готовы использовать любые возможности, в том числе разномыслия, которые присутствуют в нашей Церкви, что, кстати, отличает ее от тоталитарной секты. Такие разномыслия, например, по политическим темам или по вопросам отношения к другим религиям и конфессиям, были в Церкви всегда, даже среди святых.

И дискуссия по тем вопросам, которые ставятся в «Обращении», является нормальным элементом жизни Церкви. Уже появилось, кстати, немало богословских отзывов на это «Обращение», что позволяет взглянуть на поднятые проблемы с разных углов зрения. Считаю такое обсуждение естественным и нормальным.

С другой стороны, недопустимо переводить внутрицерковные разномыслия во «фракционную борьбу», соединять ее с ненавистью и неправдой, с уничтожением собратьев, с жадной властью и славой. Это инородная для Церкви стихия, и я надеюсь, что она не захлестнет церковную жизнь.

Ислам сейчас политизируется и, видимо, будет политизироваться. Будет ли Православная Церковь вести, помимо политического, какой-то богословский диалог с исламом?

— Мы уже ведем такой диалог. С иранцами. Для нас чаще всего проблемным является подыскание адекватных партнеров. Очень важен уровень, теоретический уровень такого диалога. И мы удовлетворены тем, на каком теоретическом уровне идет диалог с Ираном. Мы открыты и к диалогу с суннитской частью ислама. И у нас традиционно хорошие отношения с мусульманами Сирии, Иордании, Египта, с палестинцами. И я, конечно, хотел бы все-таки подчеркнуть, что и с очень многими мусульманами России мы находимся в диалоге — может быть, не столько в богословском, сколько в практическом. Мы придаем этому очень большое значение. Построение отношений между православными и мусульманами в России и вообще на постсоветском пространстве в этот сложный переходный период нашей общей истории является весьма высоким для нас приоритетом.

Бетонная стена

Интересная у Вас тут библиотека. Что в ней за книги?

— Справочные в основном. Энциклопедии, богословские справочники... В этом

кабинете читать не удастся, а вот быстро найти какую-то справку иногда нужно.

Я обратила внимание, что у Вас здесь на этаже стоит скульптурное изображение Митрополита Новгородского и Ленинградского Никодима (Ротова). Я знаю, что Вы с ним работали...

— Я был его секретарем.

Для Вас это важная фигура?

— Очень важная не только для меня — для всей нашей Церкви. Просто одни люди это понимают, другие, может быть, не очень хорошо знают его жизнь и не очень понимают его исторический вклад в историю, в жизнь нашей Церкви в трудные годы XX столетия. Владыка был очень живым, естественным и простым человеком, при этом очень одаренным от Бога. Он неплохо владел тремя языками, практически никогда их систематически не изучая. Это тоже показатель способностей человека. Он обладал памятью почти феноменальной — например, специально не заучивая, знал наизусть весь православный календарь. Вам достаточно было назвать число, а он перечислил бы всех святых, память которых в этот день. При этом огромная воля. Я думаю, он имел такой же склад — если говорить о складе личности — такого же типа, как маршал Жуков или академик Королев. Это такой типаж. Про него говорили, что он был способен пробивать бе-

тонные стены. И действительно, он был способен это делать, но, к сожалению, это дорого обошлось — он умер, как известно, в 47 лет от седьмого инфаркта. Практически он был исповедник, потому что принимал на себя многие удары, которые наносились по Церкви все время.

На каждого, кто способен пробить бетонные стены, однажды находится бетонная стена...

— Которую пробить невозможно.

<http://www.patriarchia.ru/db/text/314095.html>

*Газета «Московские новости»,
№ 42, 26.10—01.11.2007.*

Свобода вне нравственной системы ценностей опасна

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл в прямом эфире 2 июля 2005 года ответил на вопросы ведущего телепрограммы «Вести. Подробности» Дмитрия Киселева.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, недавно отметивший 15-летие своей интронизации, не смог встретиться с посланником Папы Римского Бенедикта XVI. Во время своего визита в Москву кардинал Вальтер Каспер провел переговоры с Председателем Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата Митрополитом Кириллом. Таким образом, межцерковный диалог был все же продолжен. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл — в гостях у программы «Вести. Подробности».

Владыка Кирилл, Вы недавно побывали с визитом в Ватикане, где лично встречались с новым Папой Римским Бенедиктом XVI. Какое впечатление произвел на Вас этот человек? Хотя Вы, кажется, и раньше были с ним знакомы — еще в те времена, когда он не считался непогрешимым.

— Если говорить, так сказать, о «сухом остатке», то впечатление хорошее. Новоизбранный Папа Римский относится к числу выдающихся богословов. Думаю, что на протяжении последних 100—150 лет богослова такого уровня не было на Папском престоле. И в этом смысле мы имеем дело, конечно, с явлением особенным, выдающимся. Папа обладает совершенно самостоятельным богословским мышлением, он независим в этом своем мышлении. И это чрезвычайно важно, ибо у этого человека есть свои собственные, хорошо обоснованные богословские взгляды, в том числе и на отношение к Востоку, и на отношение к Православной Церкви.

Но это еще не означает объединения?

— Я полагаю, что у Папы положительное отношение к идее развития отношений Православной и Католической Церквей. И, как мне кажется, мы имели возможность прикоснуться к самому важному вопросу: где и как такое сотрудничество и взаимодействие сегодня могли бы осуществляться.

Так где и каким образом?

— Я полагаю, что самой главной проблемой сегодня и для католиков, и для православных, и вообще для христиан, которые остаются верными своей религи-

озной традиции, является тема вытеснения традиционных и религиозных ценностей из жизни современного общества.

Если мы возьмем западноевропейскую цивилизацию в контексте объединяющейся Европы, то увидим, что там практически не оставлено места для религиозных ценностей. Человек может быть верующим, и его никто не будет притеснять, никто не будет дискриминировать по религиозному принципу. Но само общество задает такие условия жизни и деятельности этого человека, что религиозную мотивацию его поступки могут обретать только в сфере личной, в лучшем случае, семейной жизни. Ибо современным обществом не приветствуется религиозная мотивация в профессиональной деятельности, в политическом выборе, в области экономики и так далее. Это означает, что постепенно, но реально христианские ценности маргинализуются в европейском обществе. И это очень ясно понимает Католическая Церковь, понимаем это и мы.

Видимо, отчасти поэтому Франция прогословала против, провалив проект европейской Конституции, где не было упоминания о христианских ценностях как основе европейской цивилизации. Вы, кажется, даже направляли в Европу специальные послания по этому поводу, и, в общем, Вас услышал скорее французский народ, нежели руководство Европейского союза.

— Я обращался к Валери Жискару д'Эстену — у нас была такая возможность — с выражением недоумения по поводу того, что ссылка на христианские ценности была исключена из преамбулы документа. Конечно, прежде всего по этому поводу, но не только.

Я думаю, что самый главный вопрос для Европы сегодня — это вопрос ценностей. Во имя чего объединяются ее страны? Замечательную фразу произнесла руководитель германской партии ХДС госпожа Ангела Меркель во время нашей встречи. Она сказала, что в Германии начинают понимать, что есть некий предел потребительских возможностей человека, некий предел роста. Немцы сегодня уже живут так, что лучше жить практически невозможно. Дальше некуда. Дальше — уже вопрос истощения ресурсов. В связи с этим в повестку дня встают очень серьезные проблемы. Исходя из этого, собеседница формулирует насущную задачу: каков должен быть сегодня призыв к нации? Каково должно быть политическое послание к народу, который не может жить материально лучше, чем он живет? И поневоле возникает тема духовных ценностей. Итак, объединяется Европа. Но ведь немцы и так хорошо живут, и англичане неплохо, и французы. Если вы выдвигаете сугубо экономический лозунг во имя идеи Общего рынка, интенсификации обмена информацией, облегчения перемещения капита-

ла, то людей это не убеждает. Это никуда их не зовет.

В таком случае, если определена некая общая духовная основа, то можно ли говорить, что отношения с Ватиканом сейчас становятся более динамичными?

— Я полагаю, что у нас по крайней мере есть ясная цель, понимание того, как мы должны строить сотрудничество. В первую очередь, это совместное свидетельство о христианских ценностях в Европе и в мире. Я полагаю, что к этому сотрудничеству мы будем привлекать интеллектуальный потенциал не только Церкви, но и общества. У нас есть планы, связанные с проведением крупной конференции, по всей вероятности, в Вене. И думаю, что наше совместное свидетельство будет достаточно впечатляющим.

Скажите, почему Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II не нашел времени встретиться с кардиналом?

— Это была чисто техническая проблема. Здесь нет никакого жеста, который нес бы некий смысл. Святейший Патриарх очень хорошо комментировал избрание нового Папы, и мне лично известно это мнение Святейшего. Он тоже связывает с новым понтификатом улучшение отношений между Востоком и Западом.

Вы вроде бы нашли духовную основу, но остаются традиционные разногласия. Например, то, что Ватикан называет миссионерством, а Русская Церковь именует прозелитизмом, то есть «похищением душ». Однако в своей первой проповеди за пределами Ватикана Папа Римский заявил буквально следующее: в начале III тысячелетия Церковь вновь с особой ясностью осознает, что миссионерский мандат Христа как никогда актуален. Это останется пунктом противоречия?

— Это и наш вопрос к Католической Церкви. Мы тоже считаем, что миссионерский мандат сегодня является приоритетным. Если Церковь отказывается от миссии, то она перестает быть Церковью. Но при этом возникает вопрос: а зачем же вести миссию друг против друга? Зачем нужно устраивать соревнование в деле свидетельства о Христе, зачем истощать в таком соперничестве свои и чужие ресурсы, зачем создавать конфликтную ситуацию, зачем приводить в смущение людей, которые с одинаковым уважением относятся и к Католической Церкви, и к Православной Церкви? Мы считаем, что миссия не может быть полем для соревнования между Церквями Востока и Запада. Мы должны искать возможности совместного подхода, в том числе и к миссионерской теме. Ибо миссия категорически не может сопровождаться тем, что вы назвали прозелитизмом. Потому что прозелитизм приводит к глубочайшему разочарованию, к потере доверия, к невозможности сотрудничества.

Ну хорошо, если миссионерство столь важно, то как обстоят дела с миссионерством в самой Русской Церкви? Многие считают, что наша Церковь замкнулась в своих храмах.

— Некоторые считают так, а некоторые считают иначе, например, что мы слишком сильно развернулись. Я недавно имел возможность встретиться с протестантскими руководителями, послушал их выступления, и у меня создалось впечатление, что Русская Церковь в их сознании — такая доминирующая сила, которая настолько далеко вышла из пределов своих храмов, такое колоссальное влияние оказывает на общество, что неправославным в этом обществе уже вроде как не очень и место-то находится. Как одна, так и другая позиции далеки от истины. Православие, конечно, вышло за церковную ограду. Но его утверждение в народной жизни еще не столь, может быть, активно, как этого ожидали бы многие в нашем обществе. И, может быть, не столь еще энергично, как это было бы необходимо. Но первые шаги уже сделаны. Я думаю, то обстоятельство, что мы с вами сидим в этой студии, — тоже некая часть этого нового подхода.

Без сомнения. Но вот все-таки о каком общественном влиянии Русской Церкви можно говорить, если православные — против абортот, а в России делается два миллиона абортот в год? То есть по этому показателю, и притом на фоне демографического спада, мы чуть ли не впереди планеты всей. В чем здесь дело?

— Да в том-то и дело, что в тяжелейшем прошлом. И на это тяжелейшее наше прошлое, прямо скажем, безбожное прошлое, наслаиваются новые проблемы и новые вызовы, связанные с бездуховностью человека, с потерей им нравственных ориентиров. Если угодно, можно откровенно сказать, проблема нравственности, проблема отношений между полами — это кричащая проблема в нашем обществе. Перед нами стоят проблемы разрушения семьи и сокращения рождаемости не потому, что мы бедные. Бедность не является причиной сокращения рождаемости. Африка, Азия, Латинская Америка, да и дореволюционная Россия тому примеры. Совершенно очевидно, что люди не заводят детей по другим соображениям. Мы перестаем быть способными на жертву. Мы перестаем быть способными себя другому отдать: пожертвовать своим временем, своими доходами, своим отпуском, своим комфортом. Гораздо комфортнее, если у тебя один ребенок, а может быть, когда и вовсе нет детей, совсем комфортно. И люди предаются этому необременительному наслаждению жизнью...

Вы хотели сказать — гедонизму?

— Да, но не хотел употреблять это резкое слово. Так вот, люди предаются наслаждениям жизни, игнорируя свои очень важные обязанности по отношению к Богу и друг к другу.

Вот Вы говорите о тяжелом прошлом. Ну, а как Вам такая парадоксальная мысль, высказанная философом и социологом Александром Ципко, который, кстати, очень высоко оценил в своей рецензии Вашу книгу «Слово пастыря». И вот что он говорит вот по поводу этого прошлого: «В советское время, во времена государственного атеизма в целом, моральная и духовная атмосфера в обществе больше способствовала формированию веры, религиозного чувства, чем нынешняя поистине свободная, свободная от всего Россия. Совести в старой советской России все же было больше». Так что же, нужен теперь нам государственный атеизм?

— Нет, не надо. Но вы знаете, ведь очень интересная вещь произошла в советское время. Ведь марксизм заимствовал христианскую мораль. И «Моральный кодекс строителя коммунизма», который мы с вами в отличие от многих наших телезрителей хорошо помним, заимствовал очень многие важные христианские постулаты. Он не апеллировал к религиозной вере, потому что в основе марксизма лежат атеистические убеждения, но чисто формально мораль коммунистической партии более или менее соответствовала тем нормам, которые проповедовала вера.

Смелое высказывание.

— Наверное, но оно соответствует истине. Однако в чем, как выяснилось, оказалась проблема? В том, что такая мораль, которая

является по сути христианской, в отрыве от религиозной веры жить не может. Поэтому все это выродилось в лицемерие и, в конце концов, рухнуло. Но с точки зрения формирования ценностей в обществе, да, была некая скоординированная система: школа, писатели, поэты, ученые, телевидение — все работало в определенной системе ценностей, которые по фактическому признаку были отражением христианской системы.

В Вашей новой книге «Слово пастыря. Бог и Человек — история спасения. Беседы о Православной вере», которая, кстати, переводится сейчас на европейские языки, Вы пишете следующее: «На наших глазах мало и худо-бедно контролируемое зло возросло, превратившись в угрозу национальной безопасности страны и будущему». Можете ли Вы расшифровать Ваше заключение, привести некоторые примеры, потому что наверняка не все прочтут столь солидный богословский текст?

— Да, может, и не надо всем читать солидные богословские тексты. Суть проблемы в следующем. В Советском Союзе очень большую роль играла дисциплина, в том числе партийная дисциплина. Если офицер разводился с женой, бросал детей, заводил какую-то подружку, то он не получал очередную звезду на погоны. То же самое и в случае с чиновником. Они понимали, что с точки зрения господствующей морали, в том числе и партийной, они должны себя держать в рамках. А затем пришла свобо-

да. И то, что еще недавно представлялось предосудительным деянием, проступком и даже грехом, потом, в условиях свободы, когда человека не связывают никакой страх, никакие условности, произошла взрывная самореализация того маленького демона, который в каждом сердце живет.

В условиях отсутствия духовности.

— В условиях отсутствия духовности и присутствия полной свободы. И это нас возвращает к той теме, которую мы уже однажды обсуждали: свобода без нравственной системы ценностей — это опасная штука.

Последний вопрос. Недавно православные отметили славную дату — 15-летие интронизации Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Как Вы оценили бы главный итог этого периода?

— Главный итог — это то, что Церковь действительно вышла из некоего культурного гетто, в которое она была помещена усилиями той политической системы, в которой мы жили. Это тема колоссального значения и огромного, я думаю, поистине исторического звучания. Святейшему Патриарху удалось таким образом организовать церковную жизнь, что она сегодня является значительной и важной частью жизни нашего общества.

По материалам www.mospat.ru

«Единство превыше всего»

28 июля 2008 года в агентстве «Интерфакс» состоялась пресс-конференция по итогам участия делегации Московского Патриархата в праздновании 1020-летия Крещения Руси.

Ведущий: Добрый день, коллеги! Приветствую в пресс-центре информационного агентства «Интерфакс» вас и наших гостей.

Они не нуждаются в подробном представлении. Это Владыка Митрополит Кирилл, Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, и протоиерей Николай Балашов, секретарь ОВЦС МП по межправославным связям.

Оба они только что вернулись из Киева и любезно согласились прийти к нам, чтобы поделиться своими впечатлениями о Первосвятительском визите Святейшего Патриарха Алексия II на Украину.

Попросим Его Высокопреосвященство сказать вступительное слово.

Митрополит Кирилл: С 26 по 28 июля 2008 года в связи с празднованием 1020-летия Крещения Киевской Руси проходил визит Святейшего Патриарха на Украину. Этого

события ждали, в первую очередь — на Украине, которая проходит через очень непростое время в своей новейшей истории. Я даже не имею в виду нынешнюю политическую ситуацию на Украине. Ведь самое дорогое, что может быть у человека, — это его вера, и именно она проходит сегодня через серьезные испытания. Это же можно сказать и о церковной жизни в целом.

Известно, что сразу после распада Советского Союза под влиянием известных политических сил на Украине был учинен церковный раскол, который все эти годы пытался легализовать себя. И особенно в последнее время прилагались огромные усилия для того, чтобы это наконец произошло. Существовала реальная опасность того, что это могло случиться в связи с празднованием 1020-летия Крещения Руси. По милости Божией, того, что несло в себе опасность и грозило тяжкими последствиями для религиозной жизни Украины, для целостности нашей Церкви, не произошло. Напротив, празднования в Киеве явили истинное Торжество Православия.

В воскресенье 27 июля на Владимирской горке состоялось совместное совершение Божественной Литургии Святейшим Патриархом Константинопольским Варфоломеем и Святейшим Алексием II, Патриархом Московским и всея Руси, в сослужении более ста архиереев, половина из которых

представляла епископат Украинской Православной Церкви, а другая половина — архиереев, съехавшихся в Киев из России, Молдовы, Белоруссии, из бывших среднеазиатских республик Советского Союза. И это воистину соборное сослужение, в котором приняли участие представители других Поместных Православных Церквей, явило миру единство Православия, его каноническую твердость, став недвусмысленным ответом всем тем, кто связывал с празднованием 1020-летия Крещения Руси надежды на совершенно иное развитие событий.

Хотел бы выделить из множества важных фактов и обстоятельств этих трех дней, самое, быть может, важное и трогательное — то, как встречал народ Святейшего Патриарха Алексия II. Людей, приветствовавших Предстоятеля Русской Православной Церкви, никто не созывал, не организовывал, не свозил в автобусах. Тысячи встречающих вышли на улицы по велению своих сердец. И когда прибыл автомобиль со Святейшим Патриархом Алексием II, сначала несколько голосов, а потом с каждым мгновением все больше и все громче, начали скандировать его имя. И вскоре под небом древнего Киева уже звучало убежденное, дружное и громогласное, выдыхаемое тысячами людей в едином порыве: «А-лек-сий — наш Пат-ри-арх!» И под это многократно повторяемое приветствие Патриарх Алексей II проследовал через

главную площадь Киево-Печерской Лавры, благословляя народ. И в дальнейшем везде, где бы он ни появлялся, мы все, а вместе с нами и весь мир, слышали эти слова, совершенно ясно и твердо свидетельствующие о выборе людей и их позиции в церковном вопросе. Это было, если угодно, импровизированное и единодушное народное волеизъявление в пользу единой Церкви под водительством Патриарха Московского и всея Руси.

Другим замечательным событием стало совершение Божественной Литургии в понедельник 28 июля, в день памяти святого равноапостольного великого князя Владимира, когда на площади перед Успенским собором Киево-Печерской Лавры и на прилегающих улицах, запруженных народом, собралось до 20 тысяч верующих. И по окончании Литургии все мы, участники и гости киевских торжеств, услышали тот же глас народа Божия: «Алексий — наш Патриарх!»

Я также хотел бы обратить внимание на выступления Святейшего Патриарха, которые имели место во время праздничных мероприятий в столице Украины. Мне представляется, что слово, сказанное им на Владимирской горке, имеет историческое значение. Остается сожалеть, что именно в этот момент была отключена трансляция украинских телеканалов, и народ не услышал Патриарха Алексия II, обращающегося, в первую очередь, к Украине, но не

только к ней. Хочу поблагодарить российские средства массовой информации, в частности, телеканал «Вести-24», который вел прямую трансляцию этого богослужения. Таким образом, те, кто желали и имели для этого возможность, могли видеть и слышать все происходившее на Владимирской горке.

Хотел бы также отметить, что состоялась встреча нашего Патриарха со Святейшим Патриархом Варфоломеем. Это была братская беседа. Вы хорошо знаете, что на повестке дня наших переговоров с Константинопольской Церковью стоит много важных вопросов. Я полагаю, что встреча двух Патриархов задала очень правильные параметры ныне имеющим место и будущим переговорам, ибо обе наши Церкви засвидетельствовали свою готовность и желание развязывать те узлы, которые завязались в ходе мировой истории.

Не хотел бы быть неоправданно оптимистичным: жизнь есть жизнь, и место уже решенных проблем порой занимают новые. Но, принимая во внимание нынешнее состояние дел, я думаю, мы все вздохнули с облегчением. И не только на Украине и в России. Чувство облегчения испытывают и православные во всем мире. Потому что не произошло самого печального, не случилось самого опасного. Мы не разделились, но засвидетельствовали свое единство, которое превышает все.

Ведущий: Владыко, в дни киевских торжеств много говорилось и писалось о том, что визит Святейшего Патриарха Алексия II на Украину проходил на весьма недружественном политическом фоне. Создавало ли это ощущение, что вы приехали в страну, где вас не ждут, где вы чужие, где вы нежеланные гости?

Митрополит Кирилл: Я не могу давать оценок каким-то внешним обстоятельствам, о причинах которых доподлинно не знаю. Мне известно только то, что Святейший Патриарх был официально приглашен на торжества в Киев Президентом В. А. Ющенко и Украинской Православной Церковью. Я не физиономист и по выражению того или иного лица не пытаюсь делать каких-то выводов.

Однако я своими глазами наблюдал другое — то, о чем свидетельствую сейчас. Я видел многие тысячи православных людей, которые приветствовали Святейшего Патриарха с энтузиазмом, любовью и надеждой. Я вообще не припомню за всю свою жизнь, чтобы кого-нибудь где-либо так встречали. Кто-то из стоявших рядом со мной под впечатлением увиденного даже заметил, что это напоминает ему известные кадры военной кинохроники, запечатлевшей встречу народом своих освободителей. Такое же ликование, такие же счастливые слезы я видел в сегодняшнем Киеве. Такова была сила чувств православных украинцев, принадлежащих нашей Церкви, а может быть, и не только

их. Это было действительно замечательно, а самое главное — это было зримое свидетельство того выбора, который сделал для себя православный народ.

Я хотел бы сказать еще об одном событии, которое осталось, может быть, не очень замеченным, но которое было чрезвычайно важно в свете последовавших за ним событий. 23 июля, накануне юбилейных торжеств, в Киево-Печерской Лавре под председательством Блаженнейшего Митрополита Владимира состоялось внеочередное расширенное заседание Синода Украинской Православной Церкви. Я приезжал в Киев на один день, чтобы принять участие в этом заседании.

Должен сказать, что на протяжении последних лет на Украинскую Православную Церковь Московского Патриархата с самых разных сторон оказывается систематическое и сильное давление с целью склонить ее к тем или иным шагам по изменению своего нынешнего канонического статуса. На заседании Синода Блаженнейший Владимир предложил архиереям еще раз со всей определенностью высказаться по поводу того, следует ли изменять канонический статус Церкви.

Должен признаться, что пережил тогда очень трепетные мгновения, однако, за исключением единственного архиерея, все присутствующие выступили с горячей поддержкой сохранения единства нашей Церкви и заявили о том, что никакого из-

менения ее канонического статуса они не допустят. Это был голос Церкви, выраженный ее епископатом.

А несколькими днями позже в храмах и на площадях Киева уже звучал голос Церкви, выраженный народом. Полное совпадение позиций епископата и народа в судьбоносном вопросе о будущем Украинской Православной Церкви стало впечатляющим свидетельством воистину соборной воли всех верующих, которые твердо заявили перед всем миром о своем намерении оставаться верными историческому единству с Русской Православной Церковью.

Если говорить о более широкой общественной поддержке этой позиции православных Украины, то не могу не упомянуть о замечательном рок-концерте, который состоялся на Крещатике и собрал, по различным оценкам, от 130 до 200 тысяч человек. Никогда ранее не видел такой огромной массы людей. Весь Крещатик, ширина которого, наверное, соизмерима с масштабами Ленинского проспекта в Москве, оказался заполнен людьми до отказа, так что край этого человеческого моря терялся из виду где-то в районе майдана Незалежности. И нужно было видеть эти молодые лица и молодые глаза, нужно было ощущать ток нашего общего чувствования, нашего общего отклика, нашего общего согласия с той простой истиной, которая некогда была замечательно выражена в немногих словах одним преподобным и богоугодным

человеком: «Россия, Украина, Беларусь — это и есть Святая Русь». Это сознание исконной принадлежности к единой духовно-цивилизационной системе ценностей растворено в крови у всех нас.

Однако вышесказанное вовсе не означает отмены идеи государственного суверенитета. Ведь если вы возьмете германоязычную культуру, то она окажется общей и для суверенной Германии, и для суверенной Австрии, и во многом для суверенной Швейцарии. Это единое духовное пространство, имеющее общий для этой части Европы культурно-цивилизационный код. И ни одна из стран этого германского микрокосма отнюдь не стремится скомпрометировать или разрушить его, апеллируя к своему национальному суверенитету. И то, что мы все вместе пережили в эти дни на Украине, свидетельствует: наконец-то россияне, украинцы и белорусы тоже начали осознавать свою ответственность за сохранение единства этого уникального цивилизационного пространства, которое именуется Святой Русью.

Радиокомпания «Голос России»: Владыко, означает ли столь очевидная демонстрация церковного единства, что раскольники потерпели поражение, от которого не скоро оправятся? И что теперь ожидает православных Украины в дальнейшем, в ближайшей перспективе?

Митрополит Кирилл: Я не думаю, что все страсти по расколу успокоятся в одночасье.

Не думаю также, что нашу Церковь ждут на Украине легкие времена. Более того, я полагаю, что кое-кто даже захочет взять реванш за то, что ныне свершилось на Украине. И поэтому хотел бы остудить некоторые горячие и плохо помнящие историю головы. Нужно понимать простую вещь: Церковь существует в согласии со своей внутренней логикой на протяжении двух тысяч лет. Каких только политических катаклизмов ни произошло за эти столетия, как только ни изменялась карта мира, как только ни перекраивались границы, какие только государства ни возникали и ни исчезали, а Церковь по воле Божией остается тем же, чем она была два тысячелетия назад и чем пребудет до конца времен.

Отсюда следует единственный вывод для политиков, которые желали бы использовать Церковь в качестве инструмента для достижения своих узко прагматичных целей: не нужно вторгаться с подобными намерениями в церковную жизнь, ибо для них же самих в конечном итоге никакого добра от этого не будет. Мы хорошо знаем об этом на примере того, что произошло после революции в нашей стране, когда большевики вознамерились «упразднить» каноническую Церковь, заменив ее подконтрольной им карманной церковной структурой. Так был спровоцирован обновленческий раскол 20—30-х годов.

Однако верующие «проголосовали ногами» против этого плана и отвергли раскол.

Соборы, переданные государством раскольникам, стояли пустыми и безлюдными, а в маленькие отдаленные храмы, где поминалось имя Святейшего Патриарха Тихона, стекалось такое множество народа, что внутрь войти было невозможно. И верные чада Церкви победили, несмотря на то, что на стороне раскольников были вся политическая и пропагандистская мощь, весь материальный потенциал, все ресурсы государственной системы принуждения и подавления тогдашнего Советского Союза. А ведь в те времена бороться с расколом означало добровольно идти на Голгофу. И люди шли. А ведь с тех пор в душе верующего человека ничего не изменилось.

Ибо православный человек всегда дорожит своим спасением, а в расколе спасения нет. Потому что испокон века известно: грех раскола не смывается даже мученической кровью раскольника. Раскол — это не Церковь, а ее муляж, это внешняя декорация, в которой не может обитать Дух Святой, это, если угодно, цирковое представление, во время которого только по видимости совершаются некие действия, имитирующие церковную службу, но где не действует сила благодати Божией. И поэтому подобная искусственная конструкция не может быть ни жизнеспособной, ни спасительной.

И дай Бог, чтобы это скорее поняли люди, которые были увлечены в раскол разбойниками, сознательно расхищающими

стадо Христово. Ведь помимо расколоучителей и расколочальников есть и люди, которые плохо понимают смысл того, что происходит с ними и вокруг. Одним не хватает правдивой информации, другие не могут самостоятельно разобраться в ситуации, третьи не способны уверенно отличать правду от лжи. И некоторые идут к раскольникам не потому, что сознательно поддерживают их, а потому, что просто не подозревают о том, что то место, куда они приходят со своей верой, вовсе не есть Церковь.

Дай Бог, чтобы раскол был преодолен как можно скорее. Но достичь этого можно только церковными средствами. Никакие политические схемы здесь никогда не сработают. Напротив, вмешательство политиков только породит еще одно, два, три разделения. Ничего доброго из этого не выйдет.

Итак, раскол возможно уврачевать только каноническим путем. А канонический путь заключается в следующем: нужно возвращаться с покаянием в Церковь и трудиться для спасения своей души и душ близких своих. Вот и вся простая логика церковной жизни.

Мы очень надеемся, что так и будут развиваться события. Мы также очень надеемся, что Вселенское Православие, которое сегодня однозначно выразило свою солидарность с канонической Украинской Православной Церковью Московского

Патриархата, и далее будет поддерживать наши усилия по умирению раскола. Наконец, мы очень надеемся, что эта поддержка в будущем не утратит твердости и последовательности.

Газета «Время новостей»: Можно ли говорить о каких-то практических следствиях этой встречи Святейшего Патриарха Алексия II со Вселенским Патриархом Варфоломеем, в частности, в том, что касается отношения Константинопольского Патриархата к ситуации на Украине, а также усилий по сохранению канонического единства? И второй вопрос: обсуждалась ли двумя Патриархами активность Католической Церкви на Украине, в частности, роль униатов в общественно-политической жизни этой страны?

Митрополит Кирилл: Очень важен факт этой личной встречи сам по себе. Ведь встретились два Патриарха, которые давно не виделись. Это было на повестке дня наших двусторонних отношений, которые до сего времени ни на минуту не прерывались, потому что между Москвой и Константинополем поддерживается постоянный диалог. Полномочные представители двух Церквей время от времени встречаются в тех или иных странах по той или иной конкретной проблематике. В одних случаях мы приходим к каким-то договоренностям, в других — о чем-то не можем пока договориться, и это в общем-то нормально для динамичного переговорного процесса. Но личной встречи Святейшего Патриарха

Алексия II со Святейшим Патриархом Варфоломеем не было с 1997 года. За это время много воды утекло. И было важно, чтобы два Предстоятеля встретились с глазу на глаз, по-братски побеседовали.

Что касается дальнейшей практической работы, то она будет осуществляться в русле постоянного рабочего взаимодействия между Московским и Константинопольским Патриархатами. С каждой стороны определена постоянная делегация, имеется конкретная повестка дня. Но я считаю, что именно эта встреча в день празднования 1020-летия Крещения Руси стала очень важным духовным фактором двусторонних отношений. И, конечно, она всех нас очень ободрила и поддержала, дала новый импульс переговорному процессу.

Темой беседы Патриархов были двусторонние отношения, это не был разговор по максимально возможному кругу существующих вопросов.

Агентство «Интерфакс»: Обсуждалась ли на встрече двух Предстоятелей болезненная эстонская проблема? И каким образом она теперь, в свете наметившегося улучшения двусторонних отношений, может быть, по-вашему, разрешена?

Митрополит Кирилл: Насколько я знаю, к этой теме прикоснулись, ее обозначили. Как известно, у Константинополя и у Москвы имеются различные подходы и к этой теме. Но я думаю о том духовном уроке,

который все мы вынесли из факта личной встречи двух Патриархов, из их совместного праздничного богослужения, из их участия в юбилейных торжествах в Киеве.

Да, в двусторонних отношениях могут быть те или иные проблемы, могут различаться подходы и оценки, но при этом необходимо как зеницу ока беречь единство Православной Церкви. Можно по поводу чего-то не соглашаться друг с другом, можно в чем-то даже творчески противостоять друг другу, но ни в коем случае нельзя разделять то, что апостол Павел именует *«тело Церкви»* (Кол 1, 18). Ибо впасть в этот грех очень просто, а изжить его крайне трудно. Вспомним 1054 год: папские легаты прибыли в Константинополь, положили свои анафематизмы на престол собора Святой Софии и отъехали восвояси. И что же в итоге? А то, что более 1000 лет христианство разделено.

Раскол всегда движим своей внутренней динамикой. Зародившийся конфликт быстро обрастает слухами, кривотолками, мифологемами, возгревая в людях взаимную ненависть. Ибо всякий раскол в конечном итоге есть явление утраты братской любви. И у него, как уже говорилось, есть собственная страшная внутренняя логика развития. Поэтому ни в коем случае нельзя допускать раскола.

Ибо пока мы способны вместе совершать Святую Евхаристию и причащаться от общей Чаши, у нас будут силы на противо-

стояние всем существующим вызовам, на преодоление всех имеющихся разногласий. Но если мы перестанем питать свою душу от единой Чаши Тела и Крови Спасителя, если мы дерзнем остаться наедине с живущими в каждом из нас человеческими страстями, то последствия этого могут быть самыми опасными. Поэтому оба Святейших Патриарха, будучи во многом ответственны за судьбы Вселенского Православия, это прекрасно понимают. Надеюсь, поняли это во время их совместного богослужения в Киеве даже очень далекие от богословия и церковной истории люди.

Газета «Известия»: Владыко, почему, по Вашему мнению, сегодня Ватикан никем не рассматривается как верный союзник Итальянского государства, тогда как Московский Патриархат постоянно представляют миру как один из внешнеполитических инструментов Кремля? Надо ли что-то менять в этой ситуации, и возможно ли это в принципе?

Митрополит Кирилл: Благодарю вас за этот вопрос. Мы говорим сейчас о жизни современных мифологем. Согласно одной из них, к сожалению, весьма активно поддерживаемой и распространяемой в западных средствах массовой информации, Русская Православная Церковь якобы является составной частью государственной структуры в России, поскольку якобы контролируется властью и выполняет ее политический заказ.

Я не знаю, что еще можно предпринять в дополнение к уже сделанному Русской Православной Церковью на протяжении последних 15 лет, чтобы доказать неправду подобных утверждений. Но даже если вопреки совершенно очевидным и неопровержимым фактам, вопреки положениям принятых нами и четко прописанных «Основ социальной концепции», вопреки реальным деяниям нашей Церкви в России и за рубежом — если вопреки всему этому в мире остаются силы, продолжающие настаивать на подобных подозрениях, то это означает, что кто-то извлекает определенную политическую выгоду из подобных мифов. Этот миф распространяют, например, и наши недруги на Украине. И, конечно, во всем этом есть ясно читаемая политическая подоплека и вполне определенная политическая цель.

А что касается сравнения Православной и Католической Церквей в контексте их присутствия на Украине, то честный анализ ситуации действительно способен привести непредвзятого наблюдателя к довольно неожиданным выводам.

Почему-то никого из наших критиков не смущает то обстоятельство, что украинские католики, включая униатов, находятся в духовно-каноническом подчинении у Папы Римского, местом пребывания которого, как известно, является государство Ватикан, расположенное в черте города Рима. И почему-то в данном случае никому

не приходит в голову протестовать против того, что известная часть украинских граждан оказалась в юрисдикции зарубежного религиозного центра.

Более того, определенные круги политического истеблишмента Украины испытывают жгучее желание переподчинить остающуюся часть своих православных сограждан еще одной заграничной церковной структуре, которая находится в черте Стамбула, также вполне зарубежного города.

Никто из тех, кто, ссылаясь на государственный суверенитет Украины, пытается навязать православным верующим подобный политический сценарий, не испытывает ни малейшей аллергии ни на итальянский Ватикан, ни на турецкий Фанар. Напротив, эти люди демонстрируют самое горячее желание подпасть под зарубежную церковную юрисдикцию и даже испытывают трогательное умиление по этому поводу.

Но тогда возникает вопрос: а чем мотивированы их же гневные протесты против того, что имеющая самую широкую автономию Украинская Православная Церковь входит в состав Московского Патриархата? Совершенно очевидно, что эти протесты отнюдь не богословского и не канонического происхождения, да и с простой человеческой логикой отнюдь не дружат.

Ибо речь здесь идет о политической оценке ситуации и политическом же выборе, и только так к этому следует относиться. Но

если это политическая оценка и политический выбор, то к внутренней жизни Церкви это не имеет никакого отношения.

Телекомпания «РЕН-ТВ»: Владыко, во время визита Патриарха Алексия II на Украину много говорилось о необходимости сохранения единства Церкви. А может ли у нас история с епископом Диомидом привести к расколу и кто, по Вашему мнению, за всем этим стоит?

Митрополит Кирилл: Это совершенно несоизмеримые явления. Если результатом возможного разделения православных на Украине могут стать реальные геополитические и цивилизационные катаклизмы мирового масштаба, то от того факта, что епископ Диомид и поддерживающая его группа людей имеют то или иное частное мнение, ничего подобного, конечно, произойти не может.

Разумеется, всякое разделение и всякий раскол в лоне Церкви — это для нас боль и печаль. У меня лично еще остается какая-то доля надежды на то, что Владыка Диомид приедет на заседание Синода, куда он вызван, как это и полагается, в соответствии с каноническими нормами, что он принесет покаяние и воссоединится с Церковью. Для него дверь еще не закрыта.

Кое-кто критиковал Архиерейский Собор нашей Церкви за то, что его решение о лишении сана епископа Диомида было якобы канонически неправильно оформлено. Должен разочаровать этих крити-

ков: решение Собора было канонически абсолютно безупречно. Ибо Собор не может созываться каждый месяц, и потому, естественно, было невозможно ждать следующего Архиерейского Собора, чтобы в соответствии с буквой канонических правил трижды пригласить Владыку Диомида на суд собратьев-архиереев. Поэтому Собор вынес решение в отсутствие не явившегося епископа Диомида на основании всех тех материалов, которые имелись в распоряжении Собора, а также исходя из собственных высказываний и заявлений Владыки Диомида, неоднократно им подтвержденных.

Но поскольку сам Владыка Диомид не предстал в качестве свидетеля или обвиняемого перед отцами Собора, то ими было наложено эмбарго на собственное решение до заседания Священного Синода, куда епископ Диомид приглашается в соответствии с нормами канонического права.

Если же он не явится на заседание Синода, то тогда эмбарго будет снято и решение Архиерейского Собора войдет в силу.

Но если Владыка Диомид приедет на заседание Синода, то разбор его дела состоится. А результат будет во многом зависеть от позиции самого Владыки Диомида. Поэтому вне зависимости от того, насколько несоизмеримо с темой Украины его дело, мы тем не менее хотели бы по-братски посоветовать Владыке встать на тот путь, по которому и должен идти православный

архиерей, а отнюдь не уподобляться тем расколоучителям, имена которых сегодня звучат в связи с украинской проблемой.

«Русская служба новостей»: Владыко, в Пензенской области объявились новые затворники, 20 человек укрылось от мира. Они как раз выступают в поддержку епископа Диомиды и утверждают, что грядет конец света, что будет война, в которой погибнут все, кроме них. Насколько это опасно и что предпринимает Церковь? И вообще, с чем связана активизация таких группировок в последнее время?

Митрополит Кирилл: Бедные люди с помысленным религиозным сознанием. К прискорбию, не они первые, не они последние.

С самых ранних времен существования христианства возникали подобные апокалиптические настроения. В какой-то момент Церковь их осудила, но они продолжают возрождаться время от времени. Причем, объективно рассуждая, у проявляющихся сегодня апокалиптических настроений имеются некоторые поводы.

Ведь далеко не все благополучно в жизни рода человеческого, даже на самый поверхностный взгляд. А приглядевшись, мы обнаружим некие грозные знаки серьезного кризиса, который ныне переживает человеческая цивилизация. До сих пор никогда и нигде, даже в языческой Римской империи, грех не оправдывался публично, никогда и нигде до сих пор грех не подкре-

плялся нормой закона. Такого в человеческой истории еще не бывало. И вот мы дожили до времен, когда грех подкрепляется нормой закона, а значит, и силой власти.

Такое развитие событий генерирует в некоторых умах апокалиптические настроения. Трезвое религиозное сознание способно их преодолеть, потому что у глубоко верующего и религиозно образованного человека есть ответы на эти мучительные вопросы нашего бытия, но многие другие люди таких ответов не находят. И они чувствуют свою беспомощность, неспособность на что-либо повлиять. Отсюда — самокапывания в пещеры, бегство от этой жизни, бесплодные поиски спасения вне Церкви.

Поэтому нужно, конечно, прежде всего молиться за этих людей, пастырски работать с ними, если только они способны слышать пастырское слово. Эта тема шире, чем история о 20 затворниках в Пензе. Это вызов пастырской деятельности Церкви, ибо она призвана учить и вести людей по пути спасения, невзирая ни на какие обстоятельства жизни.

А что касается конкретно этих людей — я бы их не тревожил. Если хотят в пещере посидеть, пускай посидят, лишь бы, сохрани Бог, не обвалилась эта их пещера.

«Коммерсантъ»: Вы сказали, что не исключается попытка реванша со стороны

раскольников. Каковы, на Ваш взгляд, могут быть их шаги в этом направлении? Допускаете ли Вы, что раскольники все-таки попытаются убедить Константинополь признать их и принять под свое покровительство, чтобы, в конце концов, таким образом осуществить свои планы? Или же украинские власти попробуют другими методами добиться для них той же цели? Как Вы видите всю эту проблематику, чего ожидаете и чего опасаетесь?

Митрополит Кирилл: Конечно, такие попытки взять реванш еще будут. Я не исключаю ни одного, ни другого, ни третьего варианта. У меня нет прекраснодушно-оптимистического взгляда в будущее, жизнь не дает для него оснований. Потому что существует много реальных опасностей, и всегда актуально предостережение апостола: «*Блюдите како опасно ходите*» (Еф 5, 15). Но наша задача заключается в том, чтобы противостоять всем этим опасностям, опираясь на нашу веру, на наши убеждения, на всесильную помощь Божию. Страшен сон, но милостив Бог. Этот сон вражья сила пытается нам навевать вот уже две тысячи лет, а Бог пребывает со Своей Церковью. Думаю, так будет и в том случае, о котором мы с вами сейчас говорим.

РИА «Новости»: Владыко, хотелось бы уточнить: можно ли сказать, что в Русской Православной Церкви, несмотря на существовавшие до начала этого визита опасения, его рассматри-

вают как успех? И можно ли в целом определить его как победный?

Митрополит Кирилл: Я бы избегал этой триумфалистской риторики — победный и тому подобное. Скажем проще: мы увидели своими глазами то, что на самом деле есть сегодня на Украине. Это означает, что все это существовало и до 26 июля 2008 года, и настроения людей были именно таковы на протяжении всех этих 17 лет. С какими проблемами сталкивались наши верующие, какое давление на них оказывалось! А они все вынесли и засвидетельствовали Патриарху и Церкви свою верность. Мы говорим сейчас не об отдельных верующих, и не о тысячах православных, которые по зову своего сердца пришли на православное богослужение под открытым небом в Киеве, и даже не о тех десятках тысяч молодых людей, заполнивших Крещатик.

Украинская Церковь — это ни много ни мало одиннадцать тысяч православных приходов, это древние Лавры и монастыри. Нужно знать и помнить, что во всех этих приходах, монастырях и Лаврах верующие люди со слезами молят Бога помочь им сохранить единство Церкви. И как человек верующий я вам говорю, что Бог эту молитву слышит. И в Его силах провести нас через все испытания, через все искушения. Хотя мы и просим Господа: «...Не введи нас во искушение...», — однако иногда для нашего же спасения

как раз следует проходить через те или иные искушения и трудности. Но Бог ведет Свою Церковь. А самое главное, что от нас требуется, — не делать ошибок и отдать себя в руки Божии, и тогда Святой Дух все управит. Важно, чтобы мы своим грехом или своим неразумием не создавали тех проблем, которые затем, как это не раз бывало в прошлом, приходилось бы преодолевать иногда ценой героических усилий.

Ведущий: Отец Николай, Президент Ющенко в течение всего этого визита и практически на протяжении всего своего президентства говорил о том, что он не вмешивается и не станет вмешиваться в дела Церкви. Однако же, если говорить о данном визите Патриарха Алексия II на Украину, то все помнят, как были запрещены плакаты с его изображением. Их практически не было в Киеве, о чем много писалось.

Скажите, не пришлось ли Вам, будучи в Киеве, стать свидетелем каких-либо иных случаев, когда власть откровенно вторгалась бы во внутри-церковные дела? Можно ли привести другие примеры?

Протоиерей Николай Балашов: Должен заметить, что Виктор Андреевич Ющенко в своей речи, обращенной к украинской нации, на Софийском майдане 25 июля снова говорил, что государство не будет вмешиваться в жизнь Церкви. Однако не далее, как накануне, во время вечернего богослужения, которое совершал в Софий-

ском соборе Патриарх Константинопольский Варфоломей, именно президентская служба протокола взяла на себя функцию определять, где будут находиться те или иные представители Церкви. В частности, не было допущено, чтобы глава канонической Украинской Церкви Блаженнейший Митрополит Киевский и всея Украины Владимир занял на этой службе то положение, которое считали необходимым представители самой Украинской Православной Церкви: его кресло президентские чиновники отодвинули в глубину, в задний ряд. И вообще число представителей канонической Украинской Православной Церкви, которые были допущены на это богослужение протокольной службой Президента, не достигало 10 человек.

В связи с этим управляющий делами Украинской Православной Церкви архиепископ Белоцерковский и Богуславский Митрофан заявил на пресс-конференции, что его удивляет подобное вмешательство государства в религиозную жизнь и, в частности, попытки светских людей организовывать процесс богослужений.

Действительно, были трудности с размещением портретов Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на улицах Киева, и спасибо российским тележурналистам, которые показали сюжет о том, как перед приездом Константинопольского Патриарха спешно сворачивались портреты Патриарха Московского.

Кроме того, перед прибытием Святейшего Патриарха Алексия II в киевский аэропорт было даже, вопреки общепринятой практике, запрещено поднять флаги Патриарха, России и Украины. И вот свое первое обращение к встречавшим его украинцам Святейший Патриарх вынужден был произносить на фоне трех голых флагштоков.

Таким образом, имеется расхождение между повторяющимися декларациями и практическими делами некоторых представителей государственной власти на Украине, и это вызывает сожаление.

Вместе с тем я думаю, что в восприятии киевлян все это только добавило симпатий по отношению к Предстоятелю нашей Церкви, имя которого они без устали скандировали в эти дни: «Алексий — наш Патриарх».

Ведущий: Скажите, а на той вечерне, о которой Вы упомянули и где светской властью регулировался допуск архиереев на богослужение и утверждалась их расстановка в храме, видимо, согласно некоей государственной разнарядке, — поминались ли там на службе имена Святейшего Патриарха Алексия II и Блаженнейшего Митрополита Владимира, как того требуют церковные каноны?

Протоиерей Николай Балашов: Нет, к сожалению, этого не произошло. Поминалось одно только имя Патриарха Константинопольского. Но на тех совместных бо-

гослужениях, которые затем совершались на Владимирской горке, все происходило в соответствии с каноническими правилами Церкви.

Институт стран СНГ: Известный православный журналист Василий Анисимов в своей книге «К истории автокефального и филаретовского расколов» показал, что так называемый Киевский Патриархат является не столько церковным расколом, сколько, по сути, криминальной террористической организацией, которая, в частности, занималась вербовкой боевиков в Чечню.

В какие неразумные головы могла прийти идея сделать эту структуру каким-то субъектом каких-то переговоров, включать ее в «план Кравчука», передавать через нее Константинопольскому Патриарху уже после окончания торжеств какие-то бумажки по уже, кажется, закрытому вопросу об автокефалии...

Не компрометирует ли Киевский Патриархат тех, с кем он контактирует, поскольку вообще не является, на мой взгляд, религиозной организацией?

А теперь главный вопрос: нынешний визит Святейшего Патриарха теперь как бы разбит на две части: осенью ожидается новый приезд на Украину и посещение Донецка. Планируется ли в рамках второго визита Патриарха в Донбасс общественная презентация документов социальной, миссионерской и правозащитной концепций Русской Православной Церкви, которые продемонстрировали бы интеллектуальное достоин-

ство канонической Церкви и идейное убожество расколов?

И, наконец, когда и как будут реализованы решения Архиерейского Собора об учреждении Патриаршего подворья в Киеве и подворья Киево-Печерской Лавры — в Москве?

Митрополит Кирилл: Все, что касается распространения на Украине общецерковных документов, является важной задачей, которую нужно решать, причем распространять их следовало бы не только порусски, но и по-украински. И вы совершенно правы, что знакомство с этими документами показывает уровень современной богословской мысли Московского Патриархата и не может не быть привлекательным для мыслящих людей. Но распространение этих материалов должно осуществляться силами Украинской Православной Церкви.

Что касается взаимного открытия подворий в Москве и в Киеве, то соответствующее решение, принятое на Соборе, будет осуществляться. О конкретных же сроках говорить еще рано.

Радиостанция «Радонеж»: Известно о заявлении МИД России по поводу неуважения, выказанного официальными властями Украины к Русской Православной Церкви в ходе визита ее Предстоятеля в Киев.

Также имело место внушение от имени правительства Турции Патриарху Варфоломею в связи с тем, что его политическая активность в сопре-

дельных странах не отвечает национальным интересам Турции, государственным служащим которой он, согласно тамошней Конституции, является.

Что Вы можете сказать о международном политическом фоне состоявшегося визита?

Митрополит Кирилл: Я не хотел бы в связи с церковными торжествами углубляться в политическую проблематику. И вообще, чем мы меньше говорим о политике, тем меньше делаем ошибок. И я также не хотел бы делать ошибок, тем более, что с этой темой мне еще придется, наверное, какое-то время жить.

Но вместе с тем оторвать церковную жизнь от политической невозможно. Особенно в переходные исторические эпохи, порождающие в жизни общества политические турбуленции огромной силы. Украина как раз проходит сейчас через такой период. Мы же видим, что происходит в этой стране и на уровне парламента, и на уровне исполнительной власти, на уровне регионов. И все это, конечно, накладывает свой отпечаток на церковную жизнь.

Поэтому задача заключается в том, чтобы в интересах всех сторон максимально деполитизировать церковный вопрос на Украине. Однако сегодня он, к сожалению, очень политизирован. Общеизвестно, что раскол в Украинском Православии был создан под влиянием определенных политических сил, и он

продолжает оставаться их оружием, их рычагом давления.

Так что если этот раскол лишится политической поддержки, то он сойдет на нет сам по себе, подобно тому, как сгинул обновленческий раскол в советской России. Вот об этом нужно молиться и все делать для того, чтобы постараться деполитизировать церковную ситуацию на Украине.

Служба коммуникации ОВЦС/www.patriarchia.ru

«Победить кризисы может духовно сильный»

Православные христиане отмечают Светлое Воскресение Христово. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл поздравил с праздником Пасхи всех верующих. В эксклюзивном интервью каналу «Вести» 20 апреля 2009 года Предстоятель Русской Православной Церкви рассказал, какое значение имеет главный христианский праздник в современном мире.

Здравствуйте, Ваше Святейшество. Какие традиции в праздновании Пасхи наиболее важны в современной жизни? И вообще — каково место Воскресения Христова в современном секулярном мире?

— Я думаю, что место Пасхи в человеческой жизни, вне зависимости от того, живем мы в секулярную эпоху или в какую другую эпоху, это место всегда очень значительно. Потому что тот духовный опыт, который человек получает от прикосновения к Божественной благодати, дарующейся нам через пасхальные бо-

гослужения, совершенно уникален. Этот опыт преобразует внутреннее состояние человека. Он запечатлевается в памяти, в сознании, и в тяжелые минуты жизни, когда у человека скорбь на душе, когда он сталкивается с несправедливостью, особенно, когда он сталкивается с торжествующим злом, именно пасхальный опыт дает силы преобладать это зло. По одной только причине, что Воскресение Христово есть победа над злом. Поэтому когда мы переживаем радость Воскресения, то испытываем не только добрые хорошие эмоции, что свойственно человеку, но всегда этой радостью пленяется разум человека. Запечатлевается в сознании нечто очень важное и существенное для жизни. И вот это важное и существенное важно и существенно всегда, для всех народов и для всех эпох.

Сегодня, в самый первый день праздника, Вы приехали к самым обездоленным, социально неустроенным людям — бездомным. В то же время в нашей Церкви иногда слышится такой миссионерский голос, что Церковь должна обращаться прежде всего к социально активным слоям, к благополучным людям, к молодежи. **Есть ли какой-то приоритет миссионерской проповеди у Церкви сейчас по категориям людей?**

— Церковь призвана обращать свое слово ко всем людям. Мы несем спасение каждому человеку, вне зависимости от его социального положения, от материально-

го достатка, от того, какое место в социальной иерархии он занимает. Душа каждого человека обладает совершенно уникальными характеристиками. Каждый человек уникален. И что еще очень важно помнить: мы все равны перед Богом. Это все наши человеческие игрушки — внешние и социальные отличия, богатство, одежда. А когда мы предстанем перед Господом, то вот этих атрибутов внешних, которые отличают нас одного от другого, не будет. Мы предстанем перед Господом такими, какие есть, и будем рядом стоять — вне зависимости от того, министр это или бомж. Но еще очень важно помнить замечательную пословицу русскую — не надо «от сумы и от тюрьмы», что называется, «зарекаться». Даже самый благополучный человек, находящийся на вершине социальной пирамиды, богатый, преуспевающий, во мгновение может стать бедным, несчастным и лишенным крова. Ведь этому учит нас Книга Иова — замечательный образ богатого человека, который в одночасье оказался на помойке — израненный, изничтоженный, всеми брошенный, умирающий от болезней. И эта же самая книга, кстати, она читается на Страстной седмице, перед Пасхой, учит нас тому, как человек должен встречать вот такого рода личные катаклизмы. Внешние обстоятельства жизни никогда не должны разрушить внутреннюю жизнь человека. Он должен сохранить свое самочувствие духовное, он должен сохранить свою веру, а с верой

вместе — и надежду. Вот поэтому, мне кажется, очень важно людям благополучным помнить, что рядом с ними — люди неблагополучные, что эти неблагополучные люди, может быть, раньше были тоже преуспевающими, а сегодня таковыми не стали. Поэтому протянуть руку нашим братьям, которые страдают, я думаю, — и христианский долг, и просто общечеловеческий долг. Чем больше мы будем делать добра для других, тем больше добра Господь на нас обратит.

Ваше Святейшество, сейчас вообще много признаков того, что взаимодействие Церкви и общества будет усиливаться. Даже создан специальный Синодальный отдел с таким названием. В каких направлениях это взаимодействие представляется Вам наиболее важным? И, например, может ли Церковь как-то способствовать нашей стране в преодолении кризиса мирового?

— Когда мы говорим о взаимодействии Церкви и общества, мы, в первую очередь, имеем в виду сферу мысли. Вот именно в этой области нужно усилить взаимодействие. Потому что и так наша Церковь хорошо работает в социальном плане. Как известно, осуществляется взаимодействие и с армией, и с заключенными, и с учебными заведениями. Но ведь очень много людей в нашем обществе, которые очень плохо понимают — что такое Церковь, каково ее место в мире, каково их отношение к Церкви. И вот все эти вопросы надо про-

яснять. Кроме того, надо еще помнить, что очень многие из наших граждан сердцем и умом — в прошлом, в том самом атеистическом прошлом, в котором они сформировались, в том самом атеистическом прошлом, которое сформировало некие стереотипы, в том числе и стереотипы поведения, и отношение к Церкви, к вере. Как можно эти стереотипы снять? Как можно пробудить у людей реальный, живой интерес к вопросам, которые имеют не скоропроходящее, а вечное значение? Через серьезный и вдумчивый диалог. Поэтому те учреждения, которые сейчас создаются в Церкви и которые будут работать на стыке церковно-общественных отношений, в первую очередь, должны работать в сфере мысли. Это должен быть интеллектуальный диалог. И одновременно духовный диалог. Вы сказали о кризисе. Кризис, конечно, — опасное явление. Кризис надламывает экономику. Благодаря тем усилиям, которые сегодня предпринимаются, в том числе и властями, многие еще не чувствуют холодного дыхания этого кризиса. Хотя очень многие уже и почувствовали. Так вот для того, чтобы справляться с кризисом, нужно ведь не только хорошо организовывать экономические какие-то действия и выстраивать экономическую политику. Для того чтобы справляться с кризисом, надо быть внутренне сильным человеком, хорошо организованным. И вот для того, чтобы народ наш был способен этот кризис преодо-

леть и любые другие кризисы — и внутренние, и внешние, духовно народ должен быть сильным. Только сильная нация способна решать задачи, которые перед ней стоят. Откуда взять эту силу? Из рекламы и все повышающегося уровня потребления? Из наслаждений, которые нам этот безбожный образ жизни предлагает? Никогда. Человек, которые живет таким образом, становится мягкотелым, слабым, неспособным не то что кризисы препобеждать, неспособным даже с легкими стрессами справляться. Смотрите, какие сейчас все раздражительные. Едем на машине. Кто-то там перестроился не так. Ну, готовы же растерзать! Открывают окно — кричат страшные слова. Дай такому человеку оружие — стрелять начнет. Это о чем свидетельствует? О слабости, о надломленности, о неспособности даже легкий стресс преодолеть внутренней своей силой. Что ж говорить о кризисах. Так вот для того, чтобы сильными мы были, нам надо научиться друг с другом общаться, друг с другом мирно жить. А все это возможно, когда в сердце — вера, когда человек воспитывается в совершенно конкретной системе нравственных ценностей. Вот для того, чтобы применительно к каждой конкретной ситуации иметь ясное понимание того, как нужно себя вести, что нужно делать, и необходим реальный диалог Церкви и общества. Не по отвлеченным вопросам, а по тем конкретным, которые касаются жизни людей.

Ваше Святейшество, последний вопрос — обратим внимание во внешний мир. Каковы сейчас важные принципы межхристианского и межправославного диалога? Ожидаете Вы какого-то существенного развития отношений с другой крупнейшей Апостольской Церковью — Римско-Католической — в ближайшее время?

— На протяжении десятилетий у нас уже осуществляется диалог, и он идет по нескольким направлениям. В последние годы усилилось наше взаимодействие в сфере общего свидетельства христианских ценностей вот этому безбожному современному миру. Духовный кризис на Западе очень глубокий. Там не было вот того атеизма, через который мы прошли. Там было внешнее благополучие, в том числе благополучно выглядела и религиозная жизнь. Но в какой-то момент все стало рушиться. И вот это духовное обрушение основ жизни сегодня очень ослабляет западное общество, которое проходит тоже через стрессы, переживания. Современная цивилизация бросает огромные вызовы человеческой личности. И вот эти вызовы можно принять, только будучи сильным, духовно сильным. И христиане на Западе, к сожалению, не всегда способны поддержать свой народ. Я не буду долго распространяться на эту тему. У меня есть собственные ответы, почему это происходит. Но я хотел бы сказать, что сегодня очень многие верующие люди на Западе понимают необходимость усиления религиозных основ жизни. И вот на между-

народной арене вместе с представителями Католической Церкви мы очень активно свидетельствуем о важности сохранения этих религиозных основ жизни и о сохранении христианской системы ценностей в европейской цивилизации.

Спасибо, Ваше Святейшество!

— Я хотел бы еще и еще раз поздравить всех со светлым и радостным праздником Святой Пасхи! Христос Воскресе!

«Вестни»/www.patriarchia.ru

«Самая большая проблема сейчас — это кризис человеческой личности»

Митрополит Кирилл ответил на вопросы газеты «Комсомольская правда». Ниже приводятся самые яркие фрагменты интервью с Владыкой, подготовленные Екатериной Рожасевой (27 января 2009 года).

О кризисе

Греческое слово «кризис» на русский язык переводится как «суд». Всякий кризис в жизни есть Суд Божий, а Суд Божий отделяет правду ото лжи, обнажает неправду. И если сегодня мир переживает экономический кризис, значит, этот Суд обнаруживает некую глобальную человеческую неправду. Кризис начался не в нашей стране, и сейчас мы чувствуем его холодное прикосновение, но тем не менее должны знать, что это Суд

Божий над человеческой неправдой, над алчностью, непомерным желанием иметь как можно больше, потерей контроля над своим потреблением, Суд над стремлением богатеть любыми средствами, забывая подлинные ценности и идеи.

О лжебатюшках и женщинах в храме

Владыко, что это за «батюшки» ходят по улицам и собирают деньги на строительство храмов?

— Это стопроцентное шарлатанство. Ни один священник не станет собирать пожертвования у метро, в электричках, между машинами на светофоре.

Иногда прохожу мимо храма, хочу зайти, но боюсь: в брюках, без платка и губы накрашены, а бабушки, которые там служат, будут ругаться...

— И заходите. К сожалению, пожилые женщины в храмах иногда ведут себя довольно жестко. Вот вы вошли, по виду беспроблемная, модно одетая, а у этой женщины свои горести в жизни. Она вас увидела такую и еще больше расстроилась — мол, и здесь мне покоя нет.

Почему женщины должны надевать в храме платок?

— Надевать головной убор или нет — это вопрос нашей национальной православ-

ной культуры и традиции. Если вы будете каждое воскресенье ходить в храм, то вы не заметите, как сами начнете надевать платок. Как это делают, допустим, мусульманки. Помню, служил я в Тегеране, в нашем храме. Смотрю, стоят женщины в одеждах до полу, в платочках, тихие, скромные, как ангелы. Я служу, у меня такое благодатное настроение. Оказалось, жены наших дипломатов. А вечером меня пригласили на прием. И там я увидел тех же женщин, но совсем в другом виде: такие модные и нарядные, что и вообразить нельзя. А уж такие были только что скромницы в платочках. Почему в храме нужен платочек? Потому что мысли людей в храме должны быть сосредоточены на молитве. Появление красивой женщины, естественно, привлекает внимание — и отвлекает от богослужения.

О Божественном в искусстве

Как Вы относитесь к тому, что некоторые рок-музыканты, в частности, Константин Кинчев, лидер группы «Алиса», чрезвычайно мощно пропагандируют православную религию на своих концертах?

— Слово «пропаганда» мне здесь не очень нравится. Но я понимаю музыкантов, я хорошо понимал, например, Свиридова, который через свое искусство выражал

свою религиозность. Каждый музыкант, если он человек верующий, имеет право на выражение своих взглядов, своей нравственной системы ценностей. И в этом смысле рок не должен быть исключением. А вот насколько рок может быть использован для христианской проповеди, учитывая специфический характер жанра и аудитории, это, конечно, большой вопрос.

Я никогда не слышал, как это делают Кинчев и Шевчук, но встречался с ними, и дискуссия была очень интересная, общение с ними произвело на меня хорошее впечатление. Оба они искренние люди, православные, что очень хорошо. Каждый из них считает, что говорить о своих убеждениях, особенно о своих нравственных принципах, можно и нужно через их искусство. Не думаю, что кто-то может это опротестовать. Это все равно что опротестовать тот факт, что Рафаэль написал «Мадонну» или Моцарт замечательные мессы, которые до сих пор на Западе исполняются в храмах.

О суетных просьбах к Богу

А можно ли креститься человеку неверующему?

— Нельзя, ни в коем случае. Надо прежде уверовать, открыть душу навстречу Богу.

А как же детей крестят? Они же еще не веруют?

— А кто приносит детей? Крестные отцы и матери. Кто дает обещание Богу от имени младенца во время крещения, когда священник спрашивает: «Отрицаешься ли сатаны, и всех дел его, и всех ангел его, и всего служения его, и всея гордыни его, и сочетаваешься ли Христу?» И за этого младенца-несмышлениша крестные родители говорят: «Отрицаемся зла и беса». «Сочетаваешься Христу?» — «Сочетаваюсь». — «Веруешь во Христа?» — «Верую». А младенец у них на руках. И это означает, что крестный отец и крестная мать берут на себя обязательство воспитать этого ребенка так, что, став взрослым, он повторит сознательно все то, что они сказали за него в момент крещения. В Церкви нет ни одного действия, лишённого смысла. Хотя и не стоит обязательно искать символическое значение в каждом элементе богослужения, в каждом обряде. Иногда спрашивают: а что означает то или другое? Но Церковь не театр, она ничего не изображает, в ней происходит реальное соединение людей с Богом.

Может ли взрослый человек, не имеющий стопроцентной веры, пройти обряд крещения?

— Стопроцентной веры, наверное, никто из нас с вами не имеет. Всегда наступает момент какого-то сомнения.

Неужели и у Вас тоже?

— Но не в отношении Бога. Если человек никогда ни в чем не сомневается, это плохой признак. И поэтому если есть сомнение, но одновременно есть и желание прояснить «последние вопросы», о которых задумывается каждый человек, если есть стремление к духовному росту, к самосовершенствованию, то, конечно, надо креститься. Самое ужасное, когда человек ни во что не верит и не желает уверовать, но говорит себе: ладно, пойду, поучаствую в этом спектакле.

И он может быть наказан?

— Несомненно, он будет наказан.

А если крещеный человек в храме молится: «Господи, дай мне много денег», — Бог его может наказать?

— В лучшем случае Господь отнесется к такой просьбе как к величайшей глупости.

Если некрещеный ставит свечку, это тоже грех?

— Здесь нет никакого греха. Некрещеный и помолиться может прийти. У нас и некрещеные люди хорошие, вообще у нас хороший народ.

Владыко, какова, на Ваш взгляд, особенность эпохи, в которой мы живем, каковы главные проблемы человека сегодня?

— На мой взгляд, самая большая проблема сейчас — это кризис человеческой личности, а совсем не вопросы экономики. Даже в 90-х, когда было совсем плохо, нечего было есть и не платили зарплаты, я настаивал, что экономические проблемы при всей их остроте не являются для нас по-настоящему опасными, стратегически опасными. Потому что такая страна, как Россия, не может быть бедной. И человеческий, и интеллектуальный потенциал, и ресурсы, которые нам Бог дал, при правильном сочетании одного с другим, несомненно, будут давать результат. И сейчас мы видим, что потихоньку страна выходит из экономических трудностей. А вот то, что действительно имеет отношение к стратегии человеческой жизни, и не только в России, а во всем мире, — это кризис личности.

В чем проявляется этот кризис?

— Главное отличие человека от других существ — это даже не интеллект, потому что и в животном мире есть впечатляющие проявления интеллекта. Я не перестаю удивляться тому, как мои собаки строят друг с другом отношения. Думаю, какая же у них

дипломатия, просто человеку поучиться можно!

У Вас случайно не лабрадоры? Сейчас ведь модно заводить лабрадоров, как у Путина...

— Нет. У меня азиатские овчарки. Так вот, люди не имеют оснований гордо заявлять, что они единственные, кто способен осмыслять реальность. А вот чего нет в животном мире — так это нравственного начала. Поведение животных подвластно инстинкту. У человека не так. Когда люди жертвуют своей жизнью ради других, они руководствуются нравственным чувством. Если оно разрушается, то есть человек не может отличать добро от зла, он перестает быть человеком. Тогда он — лишь носитель интеллекта. Этот интеллект может совершенствоваться, равно как человек может наращивать свои мышцы. Но если при этом разрушается его нравственное начало, сила человека становится смертельно опасной для него и окружающих. Мы сейчас видим знаки этой катастрофы — жестокость, криминал, коррупция...

О добре и зле

Почему же такое произошло с человеком?

— Грешного человека провозгласили мериллом добра и зла. Причем в каком-то

смысле это правильно, потому что сам человек определяет, что хорошо и что плохо. Но вот самый важный вопрос: а критерий в определении добра и зла — его что, тоже сам человек определяет для себя?

А почему нет?

— Если так, тогда нет объективной нравственности. Потому что все становится произвольным. Что хорошо и обязательно для меня, может не оказаться таковым для вас. Наши оппоненты-либералы говорят: мол, Церковь хочет иметь верховное право решать, что есть добро, а что зло, быть всем судьей, получить власть над всеми людьми. А мы, мол, не хотим этого, мы желаем быть свободными, и пускай каждый определяет для себя, что есть добро, а что зло. Мы согласны с нашими либеральными коллегами в том, что человеку тоже дана власть определять, что есть добро и что зло. Но он должен опираться на критерии, которые Бог заложил в его природу. А если он сам для себя мерило всех вещей? Тогда он может решить: считаю правильным убить, ограбить человека лишь потому, что у него другая вера или национальность...

Но ведь у каждого человека есть еще и своя совесть?

— Еще апостол Павел сказал, что совесть может быть сожжена. Человек сам может разрушить в себе нравственный критерий.

Если вы убеждаете себя, что ваш дурной поступок объясним и оправдан, то в конце концов сами начинаете в это верить. Если мы разрушим нравственные критерии, то мы способны на все. И тогда никакой борьбы с криминалом, никакой борьбы с коррупцией — ничего не получится. Люди должны не воровать и не убивать не потому, что в государстве строгие законы, а потому, что нравственное чувство человека не позволяет этого сделать. Церковь и апеллирует к этому нравственному началу, заложенному в природе человека.

О Божественном в человеке

Любого человека? Где бы он ни родился, какой национальности ни был бы?

— Любого. Возьмем героев литературы. Ведь если нравственность относительна, то положительный герой в Америке был бы другой, чем в России или Папуа — Новой Гвинее. Но ведь нет же. Ну, попробуйте представить положительным героем насильника, убийцу, вора, обманщика? Не получится! Даже американские боевики и те имеют хэппи-энд — торжество добра. Хэппи-энд — общий для всех: белых, черных, богатых, бедных. А почему так? Потому что есть общие для всех критерии. А откуда они берутся? Из природы человека. Бог так создал нас.

И только Церковь способна сохранить нравственную природу человека?

— Меня вот не покидает чувство, что сегодня Церковь в одиночку с этими задачами справиться не может. В прошлом были наша великая литература, образование, которые формировали одни и те же ценности. Сегодня мы наблюдаем дробление этого идеала: в школе говорят одно, дома — другое, на улице — третье, по телевизору — четвертое. И ребенок воспитывается с таким лоскутным сознанием. И вот здесь важно взаимодействие Церкви со всем обществом. Главное сейчас — не борьба за удвоение экономики, а борьба за человека.

О демократии

Как Вы относитесь к демократии?

— Для меня демократия — это, в первую очередь, гармонизация интересов. Все остальное вторично. Я не признаю взгляда на Россию сверху вниз, как это иногда позволяют себе на Западе. Если главное содержание демократии — гармонизация интересов, каждая страна должна идти к демократии, сообразуясь со своими особенностями. А нам говорят: нет, вам не надо учитывать свои особенности, вы должны просто воспроизвести у себя мо-

дель — желательно Соединенных Штатов Америки.

Мы говорим: но ведь у нас разные история, культура, традиции. Нет, отвечают нам, вы должны строго соблюдать единые параметры. А если не соблюдаете, то вас за это надо долбить.

Но ведь так быть не должно! Поэтому люди и отторгают такую демократию. Спросите у среднего россиянина, как он относится к демократии. Он скажет: плохо. Потому что у нас демократия зачастую ассоциируется с неким идеологическим вторжением Запада. А на самом-то деле демократическая идея замечательная — люди призваны взаимодействовать и сочетать свои традиции. Тогда демократия тоже получает нравственное измерение.

О религиозности Путина

Связано ли активное возрождение Православия в России с религиозностью Владимира Путина, который посещает храмы, часто встречается с Патриархом?

— Может быть, для кого-то, кто пришел в Церковь, примером стал президент. И слава Богу. Президент всегда внешне очень сдержанно и тактично проявляет свою религиозность. Поэтому, я думаю, факт его личной религиозности играет определенную роль, но не является решающим для России.

А часто ли Вы сами ходите в Кремль, в администрацию президента?

— У меня не слишком много времени, чтобы общаться просто так, без дела. Но по делам, конечно, иногда прихожу. Обсуждаем вопросы церковно-государственных отношений. Но это бывает не так часто, как вы думаете.

Об уроках Православия

Сейчас много споров о том, нужно ли Церкви идти в армию, школу...

— Я думаю, что во многом эти споры не очень добропорядочны. Принятые Россией законы уже предполагают, что каждый гражданин имеет право на религиозное образование в школе. Практически во всех школах Запада тоже преподаются основы религии. Наши оппоненты возражают: Россия — многонациональное, многорелигиозное государство, а как же мусульмане, а как же неверующие? Но это придуманные «страшилки». Речь не идет о том, чтобы основы православной культуры навязывались всем подряд и без вариантов. Это должен быть предмет по выбору. Должна быть и альтернатива. Если в классе есть мусульмане, для них могут вестись основы исламской культуры. Другой разговор, если в классе 98% православных, 1 мусульманин и 1 атеист, то я не думаю, что

для преподавания этим единицам нужно за счет государства приглашать отдельных учителей.

Ссылки на нашу многоукладность нельзя использовать для того, чтобы запретить абсолютному большинству народа изучать основы своей религиозной культуры.

То же в армии. Мы провели в Калининграде военные сборы духовенства, которое работает в Российской армии пока еще не на постоянной основе. И пригласили на эти сборы представителей ислама, иудаизма, буддизма. Православный военнослужащий имеет право попросить, чтобы с ним общался православный священнослужитель, а другие верующие имеют такое же право со своими священнослужителями.

Об исламе

Не представляет ли угрозу Православию приток в Россию мигрантов-мусульман?

— Здесь важно, что за люди приезжают к нам и с какими намерениями. Если у нас будут появляться ваххабиты, которые силой оружия станут насаждать свои убеждения, это опасно. Если же у нас будет процветать умеренный российский ислам, с которым мы живем бок о бок тысячу лет без всяких конфликтов, никакой опасности я в этом не вижу. Наоборот, наша страна может стать примером для тех государств, где

льется кровь в братоубийственных конфликтах. В России никогда не было религиозных войн. Это дорогого стоит.

О расколе на Украине

Что Вы думаете о церковном расколе на Украине?

— Если украинские власти будут продолжать использовать политику, чтобы поддерживать раскольников и бороться с канонической Православной Церковью, это будет беда для Украины. Это приведет только к большему расколу украинского народа.

Но раскол уже есть, и вряд ли его можно в одночасье преодолеть...

— Поскольку раскол был организован политическими, а не церковными силами, то как он был совершен в одночасье, так он может в одночасье и прекратиться. Без политической поддержки никакого раскола на Украине не будет.

О Папе Римском

Когда в Россию приедет Папа Римский?

— Когда это будет целесообразно с точки зрения логики развития двусторонних от-

ношений. Обе наши Церкви ясно понимают, что многие проблемы в одиночку мы решить не сможем. В частности, важную проблему сохранения религиозных ценностей. С одной стороны, мы видим рост религиозности в России и во многих других странах. С другой — наблюдаем политику вытеснения религии из общественной жизни, стремление представить религию исключительно как явление из сферы частной жизни. Это абсолютно неправильно по сути. Потому что верующий человек не может быть верующим дома и неверующим на работе. Он не может признавать важность заповедей Божиих в общении с женой и с детьми, но отрицать их, когда садится в кресло президента компании или главного бухгалтера. Люди говорят: я хочу быть христианином везде — и дома, и на работе, и в отношениях с властями, с природой.

У Католической Церкви, как и у Православной, высокий уровень согласия по этим вопросам. После избрания Папы Бенедикта XVI наш диалог стал более интенсивным. И поэтому у меня намного более положительное отношение к уровню православно-католических отношений, чем это было раньше. Будем их развивать, смотреть, что это реально принесет нашим Церквам. Ну а потом уже решим, когда, где и как должны встретиться Предстоятели наших Церквей.

Вам не кажется, что Католическая Церковь гораздо больше пропагандирует себя?

А Православная, говоря современным языком, мало себя «пиарит»?

— Спасибо вам за эти слова. Потому что недавно я выслушал прямо противоположное мнение — утверждалось, что Православная Церковь якобы чересчур себя «пиарит». Это было в начале июля, когда мы собрали в Москве Предстоятелей всех мировых религий из разных стран.

О возрождении нации

Есть ли в Церкви какая-то статистика, которая свидетельствует о религиозном возрождении нации?

— Это заметно даже чисто визуально. Я вспоминаю, как выглядел храм в Пасхальную ночь лет 15 назад и как он выглядит сейчас. Тогда это была подвыпившая молодежь, которая приходила поразвлечься, пошуметь, покуражиться. А теперь это весь наш народ, мужчины и женщины, молодого и среднего возраста. Часто можно увидеть совершенно трогательные сцены, когда родители держат маленького ребенка на руках в течение 3—4 часов, пока идет служба.

У меня в Смоленске в гостях был один известный швейцарский юрист с женой. Они попросили, чтобы я привел их в храм на Пасху. За богослужением я посматривал на них и понимал, что им трудно будет выстоять до конца. Он стоял смертельно

бледный, вцепившись в поручни ограды, она тоже была близка к потере сознания. Рядом были стулья, они могли сесть. Но не сели. После службы я спросил, почему они не дали себе отдохнуть. «Мы так устали, — говорят они, — как никогда в жизни. Хотели сесть, но когда увидели ребят из православного детского сада, которые в свои 5—6 лет стояли всю службу, то не могли себе позволить присесть».

Я не люблю оперировать цифрами, процентами, но все-таки значительно более 60% людей в России заявляют о том, что они православные. Мне часто приходилось тестировать в Москве большие аудитории людей, перед которыми я выступал, состоящие из светских людей. Я просил поднять руки тех, кто считает себя православным. Поднимали процентов 95.

О «Код да Винчи»

Что Вы думаете об успехе произведения «Код да Винчи»? Некоторые считают, что он объясняется некоторой исчерпанностью религиозной идеи, в результате чего Христа надо было представить человеком, сделав его ближе и понятнее. Другие полагают, что сама Церковь своими запретами способствовала популярности книги и фильма «Код да Винчи».

— Вы знаете, что Русская Православная Церковь не требовала никаких запретов,

хотя высказала свое отрицательное отношение к книге и экранизации. Мы не пошли по тому пути, по которому пошла Католическая Церковь. Увы, человек так устроен — ему обязательно надо хоть одним глазком взглянуть на то, что от него скрывают.

Образ Иисуса Христа, как он представлен в Евангелии, не оставляет никаких сомнений в том, что он Богочеловек. И именно человеческий образ Спасителя предстает как самый привлекательный и совершенный на протяжении всех времен. Поэтому тот, кто хочет увидеть Христа таким, каким он был действительно, должен просто еще раз прочитать Евангелие.

Но в книге «Код да Винчи» — заведомая ложь, ничего подобного никогда не было, это однозначно доказывается на основании древнейших текстов. Евангелие изучено так хорошо, как никакой другой памятник мировой литературы. И вот какой-то один человек заявляет: нет, все было не так, а вот так. Но ведь это же ложь, выдумка, фантазия. А главное — какие колоссальные деньги были вложены в раскрутку этого проекта, в том числе и в России!

Полагаю, возникло такое противодействие Церкви под прикрытием «Кода да Винчи» потому, что в мире наблюдается большой рост религиозных настроений. В том числе и среди молодежи. И я думаю, что речь идет об одной из очередных попыток повлиять на эту тенденцию.

Но чем плоха версия, что у Иисуса могла быть жена?

— Это ложь. Потому что если бы так было на самом деле, то это не было бы необходимости скрывать. В еврейском обществе семейные отношения были уважаемыми и почитаемыми, а чадородие воспринималось как благословение. Одиночество же рассматривалось как нечто такое, что не укладывается в обычные нормы человеческой жизни. С этой точки зрения, совсем не нужно было бы скрывать в Евангелии то, что всячески поощрялось тогдашним обществом. Но этого реально не было, а в Евангелии отражается реальность. Христос был одиноким, это не подлежит сомнению, и до XXI века по этому вопросу не возникало никаких сомнений.

Об останках царской семьи

Почему Церковь не признала, что останки, найденные в Екатеринбурге, — это останки царской семьи? Может, у вас есть свой архив, свои знания?

— Чтобы точно ответить на вопрос, кому принадлежат данные останки, нужно иметь, во-первых, высокого уровня генетическую экспертизу. А во-вторых, надо, чтобы организация, производящая генетическую экспертизу, пользовалась доверием всех участников процесса идентификации. И третье — обладать точной уверенностью в том, что как

исследуемые ткани, так и те, которые используются для сравнения, являются аутентичными. Мы просили, чтобы эти три условия были соблюдены. Во всех трех нам отказали.

Мы предлагали на выбор лаборатории в Лондоне, Нью-Йорке или в Японии. Мы не знаем, какие останки исследовались. Нам остается только верить тому, что нам сказали. Но в таких вопросах одного честного слова мало. Здесь нужны неоспоримые доказательства. Останки, найденные под Екатеринбургом, сравнивали с останками родственников Государя Императора и его семьи, взятыми из могилы в Петропавловской крепости. Мы настаивали на получении образцов и тех, и других, с тем чтобы мы вместе с представителями государственной комиссии могли их передать в независимую исследовательскую лабораторию. Нам отказали...

В итоге Священный Синод принял решение не признавать «екатеринбургские останки» принадлежащими императорской семье. Сейчас и японские ученые-генетики, проведя собственные исследования, выступили в поддержку позиции Русской Православной Церкви.

Об экстрасенсах и колдунах

Сейчас развелось столько знахарей, магов, колдунов, которые утверждают, что имеют

благословение Церкви. Даете ли вы им такие благословения?

— Церковь не только не дает им благословения, но и категорически выступает против шарлатанства, особенно в медицине, а также всяческих суеверий. Суеверия — это суетная вера. Она переориентирует человеческое сознание с важных вопросов бытия, нравственности, полноты жизни, цели существования на некую манипуляцию с предметами, образами и словами. Оккультизм и магия к духовной жизни человека, к его нравственному возрастанию не имеют никакого отношения. В чем различие между магией и оккультизмом, с одной стороны, и религией — с другой? Оккультизм обещает мгновенное достижение неких целей при помощи манипуляций. А религия предполагает достижение жизненных целей через нравственный рост личности, через ее внутреннюю работу, через борьбу со своими грехами. Это всегда трудно. Религия, апеллируя к нравственному сознанию человека, как бы говорит: ты должен веровать и подниматься вверх по лестнице. А колдун говорит: все это чепуха, я устрою так, что все твои проблемы разрешатся автоматически. Ты и пальцем о палец не ударишь. Что произошло на заре человеческой истории? Бог сказал первым людям Адаму и Еве: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею». Он призвал людей к нравственному совершенству, богоподобию. А диавол на-

шептывал: «Все это лишнее, съешьте этот плод от дерева и будете, как боги». Вот пример оккультизма.

А как же желание верующих исцелиться посредством приложения к мощам?

— Это исцеление произойдет только в том случае, если человек вкладывает в акт религиозного поклонения свою горячую веру и искреннюю молитву. А если он подошел и просто чмокнул, ожидая, что вот сейчас сработает, — то может сработать и в обратную сторону. С этим никогда нельзя шутить.

К ак это — в обратную сторону?

— Если человек приходит в храм без веры, а ставит свечку только ради того, чтобы что-то за него сработало и автоматически устроило его дела, то Господь может такого человека наказать.

Страшно ли нам сближение с Америкой?

В последнее время в России много тревог и даже злобы по поводу сближения русских с американцами. Насколько, по-вашему, страшен для нас этот процесс?

— Повода для страхов я не вижу. Плохо, когда подозрительность, отчуждение, и под это раскручиваются все новые военные программы, а если есть развитие

взаимопонимания, понижение агрессивности с обеих сторон, то это лишь надо приветствовать!

Но патриоты боятся, что такое сближение может свернуть нас с истинного пути, так сказать, и засосать с головой в омут западной культуры!..

— Это проблема диалога цивилизаций. И если у одной стороны нет уверенности в силах своих, то возникает боязнь. А в диалоге, я считаю, если один сильнее, другой слабее, то это уже диалог всадника с лошастью. Я за диалог равносильных партнеров и очень хочу, чтобы с нашей стороны выступали люди, вооруженные высокой национальной культурой и интеллектом. Такие могут говорить без опаски хоть с западной цивилизацией, хоть с исламской.

Мы не скоты, скоты не мы

Очень много вопросов поступает по поводу программы «За стеклом».

— Я бы ответил так. Мы категорически против подобного рода экспериментов на нашем телевидении. Не просто осуждаем, а более чем осуждаем. Думаю, что в ближайшее время у нас будет какое-то заявление по поводу этой программы, потому что слишком много в наш адрес людей обращаются.

А теперь бы я хотел сказать господам, которые сочинили всю эту историю. Что достигается вот такими программами, что достигается порнографией, что достигается эротикой? Раскрепощается человеческий инстинкт.

Бог дал человеку разум, волю и нравственное чувство для того, чтобы, опираясь на свои убеждения и нравственное чувство, человек мог бы управлять инстинктами. Инстинкт вложен в нашу природу для того, чтобы человек мог существовать. Если не будет инстинктов, не будет выживания человеческого рода, не будет его продолжения. Но в отличие от животного мы призваны управлять инстинктом. А животное не управляет инстинктом, оно и живет по инстинкту. Вот то, что нам предлагается на телевидении, что сейчас предлагается массовой культурой, это раскрепощение инстинкта, это снятие всякого волевого мировоззренческого контроля за инстинктом.

Живи, как хочешь. Но ведь это же призыв жить всем в стойле, в поросятнике! Это же просто попытка сделать из человека животное! Ну если человек живет столь раскрепощенно, скажите, на основе каких сдерживающих факторов он будет себя ограждать от того, чтобы убить, ограбить, если ему захочется это сделать? Поэтому господа, которые ставят на телевидении эксперименты, — пилят сук, на котором сидят. Ведь у них же тоже дети: дочери

и сыновья. Или они думают, что они сами живут за стеклом от всего общества? А потом это просто, простите, скотство — эксплуатировать половой инстинкт людей.

Кто такие талибы?

Вилли из Хельсинки спрашивает по Интернету: как Вы относитесь к талибам?

— Я отношусь к числу тех людей, которые сегодня громко говорят о необходимости сделать правильные выводы из трагедии 11 сентября. Я был одним из первых, кто заявил, что американцы имеют моральное право ответить террористам силой. Поднявший меч от меча и погибнет. Правда, с самого начала мы говорили о том, что этот ответ не должен быть борьбой с религией, с исламом, с исламскими государствами, с исламскими правительствами. Что касается вопроса, как я отношусь к талибам... Талибы — это что? Это политическая партия, это форма правления, это что, талибы? Я очень отрицательно отношусь к террористам. И если талибы и террористы — это синонимы, тогда я плохо отношусь к талибам. Если талибы и террористы — это не синонимы, тогда я не стал бы конкретизировать свой ответ.

Но позвольте мне сказать о тех выводах, которые мы должны сделать после траге-

дии 11 сентября. Конечно, можно напугать — ответить силой так, чтобы больше, упаси Бог, ни у кого, никогда не возникало желания сделать что-то подобное. Но, мне кажется, нужно докопаться до ответа на вопрос: почему все это произошло? При этом никак не оправдывая терроризм, не оправдывая эти страшные взрывы в Манхэттене или в Москве. И я думаю, мы должны начать очень серьезный разговор о том, как должна быть устроена человеческая цивилизация в XXI веке.

О браке и женщине в брюках

В своих посланиях святой апостол Павел, назидая супругов, пишет: *«Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим. Неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим. Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы»* (1 Кор 7, 5, 14). Таким образом, главное в семейной жизни — это согласие и единомыслие, которое достигается терпением и мудростью на основе взаимной любви. Молитесь за мужа в простоте сердца и мудро призывайте его включиться в ритм церковной жизни.

Также хочу сказать, что в Церкви не существует официального запрета на ношение женщиной брюк, однако существуют сложившиеся веками традиции, в том числе и в том, как должен выглядеть христианин или христианка. Поэтому на богослужение лучше все-таки приходить в традиционной одежде, дабы своим внешним видом не смутить молящихся. В пользовании косметикой также нет ничего греховного, если она подчеркивает красоту вашего лица, Церковь осуждает лишь излишества, которые могут проявляться в любой области человеческой жизни.

<http://kp.by/daily/24233/434175/>

«Борьба между Богом и дьяволом в первую очередь проходит по молодым сердцам»

Святейший Патриарх Кирилл 18 февраля 2009 года встретился в Свято-Даниловом монастыре с православной молодежью. Он приехал в монастырь на открытие «Сретенских встреч православной молодежи». Из светских изданий только «Комсомольской правде», корреспонденту Анне Велигжаниной, посчастливилось оказаться на этом мероприятии. Сразу же приятно удивила довольно демократичная и благожелательная атмосфера, царившая вокруг. Гостям раздавали подарки, угощали пирожками. А приехавший на черном патриаршем автомобиле Его Святейшество Кирилл быстро всех расположил к себе. Стремительный, энергичный, уверенный, он вел себя очень просто, улыбался и назвал всех присутствовавших представителей православных молодежных организаций своими

союзниками. Общался со всеми легко, как бы на равных. На просьбы желающих сфотографироваться с Патриархом согласился, предложив сделать общее фото на память.

Ваше Святейшество, в сегодняшнюю эпоху развития интернет-технологий, у Вас будет свой блог в Интернете?

— Нет, моего блога в Интернете не будет. Потому что будет невозможно каждый день его вести, отвечать на вопросы. В Интернете действуют официальные православные сайты.

Говорят, Вы хотите провести общецерковный православный Всемирный день молодежи в Москве?

— Я был бы счастлив, если бы мы могли начать молодежный съезд в Москве в Лужниках, в котором бы собрали сто тысяч молодежи. Но для того, чтобы такой съезд собрать, нужно очень хорошо работать. Развивать молодежную работу на уровне приходов, благочиний, епархий, построить сеть молодежной работы в каждом бюджетном учебном заведении. Молодежные съезды, которые собирают десятки тысяч людей, оказывают огромное влияние на саму молодежь и, особенно, на те общества, страны, города, в которых эти съезды происходят... Когда я еще был Митрополитом Смоленским, я послал нашу небольшую подгруппку в Австралию на один из

всемирных молодежных съездов. Вернувшись, они мне рассказали много интересного...

...Мы живем в условиях свободы, в замечательном открытом обществе, где все это позволительно, возможно. Я думаю, нам нужно начинать, а если не начинать, то продолжать молодежную работу, в первую очередь, укрепив наши ряды на низовом уровне. И тогда молодежные съезды, объединяющие десятки тысяч молодых людей, будут не показушными, не шоу, а реальным проявлением нашей работы. Они будут свидетельствовать о том, что происходит в жизни Церкви и общества. Дай Бог, чтобы молодежные, массовые, многочисленные встречи проходили. Я понял, что один из самых важных факторов воздействия — массовость...

Когда наступит время, мы не искусственным образом по приказу из Москвы, а естественным образом под давлением молодежной энергии проведем такой съезд, что, может быть, и в Лужниках будет тесно!

Подробно о молодежной работе, почему идея свободы вытеснила идею покаяния и о воздействии рекламы, Патриарх рассказал на встрече с молодежью.

— Когда я задумался о том, что я должен буду сказать Церкви нашей да и всему миру после избрания меня Патриархом, то первая мысль, которая возникла, это мысль

о молодежи. Я бы остановился на двух причинах, почему считаю молодежную работу в церкви приоритетной для всей Церкви. Первая и самая главная причина заключается в том, что линия борьбы между светом и тьмой сегодня, между Богом и дьяволом, линия борьбы особым образом проходит по сердцам юных людей, молодых людей.

Мы живем в такой культуре, из которой усилиями мыслителей, философов, политиков была изгнана идея греха. И вместо идеи греха появилась идея прав и свобод. С одной стороны, свобода является величайшим Божиим даром. Во имя свободы люди шли на баррикады, жертвовали своей жизнью, отдавали свое здоровье. Если мы с вами выйдем на улицу и спросим любого, кто нам встретится по дороге, — вы за свободу или против? — мы не найдем ни одного человека, который бы сказал, что я против свободы, что я хочу быть рабом. И удивительно, что в истории получилось так, что эта замечательная идея, этот Божий дар, это Божие благословение было использовано таким образом во вред человеку, что свобода раскрепостила человеческий инстинкт и раскрепостила человеческий грех.

Идея прав и свобод вытеснила идею нравственной ответственности человека. И, что самое главное, вытеснила идею греха. Церковь робко всегда настаивала на том, что в центре человеческой жизни должно быть покаяние. Почему робко? А потому что,

даже если эти слова произносились не робко, а громко и сильно, они мало кем усваивались. Потому что ведь призыв быть свободным и раскрепостить себя, особенно в сознании молодых людей, конечно, был более привлекательным, чем призыв к покаянию.

Свобода всегда связывалась с внутренней динамикой человека, со способностью к развитию, к совершенствованию, к овладению, к движению вперед, а покаяние требовало обращения вовнутрь. Покаяние всегда требует некой остановки. Нужно остановиться и подумать. А вот эти призывы, особенно в молодежной среде, они, конечно, если взять в масштабах страны нашей, в масштабах человеческой цивилизации, для многих еще остаются не очень понятными. Вот и получилось так, что одна ценность — ценность свободы, непрерываемая ценность — была каким-то странным образом использована для того, чтобы вытеснить другую ценность. Но получилось так, что, вытесняя нравственную ответственность, осознание греха и покаяние, идея свободы опустошила саму себя.

В конце 90-х годов наша Церковь стала все сильнее и сильнее настаивать на том, что нужно переосмыслить наше отношение к свободе. Что мы не можем бессмысленно поддерживать некие политические и философские стереотипы, не вкладывая своего собственного содержания в то, что есть человеческие права и человеческая

свобода. Слово Церкви вначале многими игнорировалось, осмеивалось.

А вот сегодня по милости Божией происходит нечто очень важное. И не только в нашей стране, но и во всем мире. И, может быть, кризис, в который погрузилась сегодня человеческая цивилизация, экономический кризис стал очень сильным доказательством того тезиса, который во всеуслышание формулировала, предлагала людям Русская Православная Церковь. Тезис о том, что человеческая свобода во всех ее проявлениях, в том числе и в экономике, в том числе и в политике, в социальной жизни, в культурной жизни, должна сопровождаться нравственной ответственностью. И когда люди, не принимающие этой идеи, лукаво спрашивают нас о том, а что такое нравственность, а кто судья, не хочет ли Церковь занять место некоего судьи и указывать людям, что нравственно, а что безнравственно, не попахивает ли это клерикализмом, попытками оккупировать человеческое сознание и держать его в некоем плену, мы отвечаем: нет. Церковь не принимает на себя роли судьи, Церковь не судит, а исповедует, принимает исповедь и покаяние.

Церковь — не карательная институция, а любящая мать. Но Церковь призвана очень ясно свидетельствовать людям, что полнота жизни и подлинная свобода человека в любой сфере общественного бытия всегда связаны с нравственной ответственностью и с осознанием греха. Ну а кто же судит? А судит

Бог. Причем не только на своем Страшном Суде. Он будет судить нас, и не только после смерти Он будет судить нас, Он судит нас во время нашей земной жизни. И есть некие механизмы, некий инструментарий, посредством которого человек судим Богом. И самым важным инструментом этого Божия голоса, Божия Суда является человеческая совесть. Только очень важно сохранять эту совесть в состоянии, когда она способна отличать добро от зла и судить нас. Конечно, Господь судит еще и иным образом. Он наказывает нас за наши грехи.

Любой человек, внимательно наблюдающий за своей жизнью, может точно сказать, когда он был Богом наказан. Как он может сказать точно, когда он был Богом и поощрен. Страх Божий — это, конечно, не эмоциональное состояние, это не тот страх, который испытывает водитель, которого останавливает милиционер. Это не выброс адреналина в кровь. Страх Божий — это очень важная этическая категория, которая тем не менее связана с пониманием того, что Божия справедливость и Божий Суд неотвратимы.

Почему я обо всем этом говорю вам, молодые мои братья и сестры? Потому что борьба между светом и тьмой, между добром и злом, между Богом и дьяволом, действительно, в первую очередь проходит по молодым сердцам. Во-первых, в силу того, что молодой человек очень восприимчив к окружающим. Он способен учиться. Это замечательная

способность. Кстати, когда человек перестает быть способным учиться, наступает старость. Эта старость не связана с возрастом физическим, с цифрами, которые в паспорте. Старость — это понятие, которое связано с мироощущением. Если человек способен все время учиться и впитывать новое, он не старый человек. Даже если и возраст у него почтенный. Так вот молодость — это то время, когда человек способен впитывать новое. Но есть здесь и некая опасность. С возрастом вырабатывается свой взгляд на жизнь, своя философия жизни, даже если человек совсем и не философ, свое понимание того, что происходит с личностью, с миром, с обществом. Вырабатывается своя жизненная позиция. И в зрелом возрасте, если эта жизненная позиция в процессе обучения или просто через восприятие окружающего мира сталкивается с чем-то, что входит в конфликт с этой позицией, то у людей зрелых чаще всего хватает сил переоценить поступающую информацию, накладывая на нее свое собственное мировоззрение, и свою собственную жизненную позицию, и свой собственный опыт.

Поскольку у молодежи небольшой опыт, и поскольку молодежь в силу физических и физиологических своих качеств и способностей как бы заточена на восприятие, то вот такого внутреннего критерия часто у молодежи нет. Именно поэтому молодежь не только воспринимает новое более интенсивно, чем его воспринимают люди

среднего и старшего поколения. Но еще есть проблема в том, что молодежь менее критически воспринимает то, что ей говорит старшее поколение.

Я вспоминаю свои годы учебы. То, что говорил преподаватель, профессор, это было почти законом. Но уж если, простите, совершенную ахинею человек несет, да и то воспринимаешь с удивлением, но с готовностью разобраться. А вообще воспринимается все то, что дается с кафедр, то, что обращено в молодежную аудиторию, как некая ценность. Вот здесь есть некоторая опасность. Сегодня к вам обращаются, к сожалению, ведь не только профессора и духовники, родители и наставники. Но колоссальный информационный поток через масс-медиа. И вот у молодого человека, еще не сформировавшего свой собственный критерий оценки всей этой информации, априори существует опасность быть в плену этого информационного потока, увлекаться тем, что ему представляется привлекательным.

Если проанализировать вообще все то, что сегодня происходит в области воздействия на человеческое сознание, то я думаю, что не нужно быть особым умником, чтобы понять, что значительная часть информации призвана воздействовать не только на сознание, но и на инстинктивное начало человека. Инстинкт, который сам по себе призван обеспечивать выживание человека, его существование, в современной системе коммуникаций является очень важным

приемником информации. Вот такого, пожалуй, не было никогда, как сегодня. Посмотрите на рекламу. Реклама направлена на то, чтобы обеспечивать сбыт товаров. На что ориентирована реклама? В первую очередь — на человеческий инстинкт. Я не буду цитировать хорошо известные телевизионные рекламы, вы их хорошо знаете.

Если вдуматься в текст, то полная бессмыслица. Как можно быть достойной той или иной пудры или того или иного одеколona? Но ведь это говорится и проходит мимо ушей. А почему проходит мимо ушей? Потому что расчет на другое. Не на то, что сознанием человек этот посыл, по сути своей абсолютно глупый, принял. Но эта глупая идея завернута в такой фантик, когда она достигает не сознания, а чувств. Чувства поработаются этой информацией. Богом дан инстинкт продолжения человеческого рода, который тесно связан с духовной жизнью человека; без плотского начала не может быть настоящей любви, семейной любви. Это великий Божий дар, который дается человеку не только для продолжения рода, но и для полноты жизни, для счастья. Он эксплуатируется в коммерческих и идеологических целях, разрушая способность человека сопрягать это мощное инстинктивное начало с любовью. Божий замысел заключался в том, чтобы продолжение человеческого рода проходило в атмосфере любви. Нельзя одно оторвать от другого. Иначе одно и другое

разрушается. Вся современная псевдокультура направлена на то, чтобы одно оторвать от другого. Воспитать человека в сознании того, что жизнь по закону инстинкта является жизнью правильной.

Слово «добродетель» не присутствует в этой лексике. Никто не говорит о добродетельной жизни. Культура работает на то, чтобы образ плотской чистоты был полностью изжит из сознания современного человека, забывая о том, что с разрушением этого образа разрушается интегральность, целостность человеческой личности. Вот почему молодежь — это передняя линия фронта борьбы не только за будущее, просто за человека. Если мы одерживаем победу, если мы вырываем из этих цепких лап греха молодые души, то мы совершаем великое дело служения Господу.

Церковь не может не иметь молодежной темы в качестве своего приоритета именно в настоящих условиях, в условиях нравственной болезни человеческой цивилизации. И мы это делаем не только для того, и будем делать, чтобы как можно больше молодежи и детей было в наших храмах. Хотя это тоже важная цель. Но это не конечная цель. Мы это делаем и будем делать для того, чтобы изменилась жизнь человеческого общества. И чтобы такие замечательные понятия, как целомудрие, чистота, сила духа, снова стали не просто добродетелями, а замечательно притягательным идеалом для молодежи.

Поэтому молодежная тема имеет, если хотите, очень сильное и напряженное эс-

хатологическое измерение. Ведь речь идет о будущем. Человеческая цивилизация жизнеспособна настолько, насколько в ней добро превалирует над злом.

Если добро исчезает, если зло наступает, то цивилизация перестает быть жизнеспособной. Если в мировом масштабе зло будет господствовать над добром, то это будет означать закат человеческой истории... Есть такое банальное и расхожее понятие — молодежи принадлежит будущее. Это понятие перестает быть банальным в том случае, если молодежь способна обеспечить будущее. Так вот, очень важно, чтобы нынешняя молодежь была способной обеспечить будущее. Не только Церкви, но и страны, и всего мира, всей человеческой семьи.

Я вот только что имел замечательную встречу с духовенством в храме Знамени иконы Божией Матери у Рижского вокзала. Мы хорошо помолились, пообщались с людьми, а потом имели очень хорошую беседу с духовенством.

Мне рассказали о том, что делают священники, церковные работники, помогая инвалидам-колясочникам, помогая сиротам, посещая наши онкологические учреждения. Это все замечательно. Но тем не менее меня не покидает чувство, и я хотел бы это чувство с вами разделить, что у всего нашего общества есть какие-то сегодня особые ожидания в отношении Церкви. Есть какая-то тревога. Вот об этом мы сегодня говорили со священниками. С одной стороны, есть готовность

принять христианское, Евангельское послание. С другой стороны, есть некоторое опасение, а способна ли Церковь будет это послание передать людям, способна ли она будет действительно реально воцерковить ту значительную часть общества, которая сегодня, по крайней мере на интеллектуальном уровне, готова к принятию этого христианского послания.

Такая тревога и такие вопрошания существуют. И вот для того чтобы мы оказались достойными нашего призвания, для того чтобы действительно проповедь, которая сегодня достаточно сильно произносится и которая сегодня достигает многих людей, чтобы эта проповедь привела к реальным переменам в жизни личности и общества, нужна очень интенсивная работа. И, в первую очередь, на стыке Церкви и светского общества. Я думаю, что работать на этом стыке, в этой пограничной зоне молодому человеку православному сподручнее, чем человеку старшего возраста. Во-первых, потому что православная молодежь говорит на том же языке, на котором говорят не православные сверстники. Вы во многом являетесь частью одного общего, с точки зрения молодежной субкультуры... Я думаю, что именно молодежь должна быть передовым отрядом Церкви, которая бы и несла миру свежее, светлое послание, в центре которого — свидетельство о том, что именно во Христе человек обретает полноту жизни.

<http://kp.by/daily/24246/445207/>

Как человеку сохранить православный образ жизни и норму веры?

Людям верующим хорошо известно, что следовать религиозному образу жизни в современных условиях чрезвычайно непросто, православный человек нередко оказывается перед лицом выбора между представлениями, санкционируемыми светским общественным сознанием, и велением своей христианской совести. Как в этих условиях сохранять и возгревать в себе верность принципам веры?

— Прежде всего — что такое религиозный образ жизни? Религиозный образ жизни — это способ существования в мире человека, чей выбор мотивируется и определяется принципами его веры.

Религиозный образ жизни, а в данном случае речь идет о православном образе жизни, укоренен в Предании Церкви, в традиции. Причем речь идет не о мудрствованиях отдельных людей, даже просвещенных богословов, которые могли иметь и собственные частные мнения по каким-то вопросам.

В Священное Предание Церкви входит Священное Писание и согласованное и принятое Церковью святоотеческое толкование Писаний. Так что Предание, как и любое согласованное мнение святых отцов, тоже можно считать частью Священного Писания — это своего рода святоотеческий консенсус, святоотеческое соглашение. Сюда относятся основы христианской нравственности во всей их совокупности. Сюда же можно отнести основы нашей богослужebной жизни. Итак, Предание есть совокупность вероучительных и нравоучительных истин, которые через святых апостолов приняты и сохраняются Церковью и развиваются применительно к тем проблемам, с которыми сталкивается Церковь, и в ответ на вызовы времени.

Иначе говоря, Предание есть живой благодатный поток веры и жизни в лоне Церкви. И этот поток является нормативным, ибо Предание — это норма веры. Я не раз говорил об этом и еще раз хочу подчеркнуть, потому что чаще всего, к сожалению, мы об этом не говорим даже в духовных школах. Вера имеет такое измерение, как норма. И всякий отход от Предания означает, прежде всего, нарушение нормы веры, или, говоря кратко, ересь. Православие — это то, что соответствует Преданию, а ересь — это то, что Преданию не соответствует.

Православный образ жизни — это не только видимые миру поступки человека, не только культурные проявления нашего

исторического опыта, но, в первую очередь, содержание нашего индивидуального бытия. Лишь жизнь в соответствии с Преданием как нормой веры и есть истинно православная жизнь.

Сегодня перед многими нашими соотечественниками возникает проблема не только усвоения и сохранения веры, но еще в большей степени — сохранения нормы жизни, образа жизни, определяемого верой.

Для того чтобы обрести эту норму, нужно не только знать вероучение и историю Церкви, нужно жить ее благодатной жизнью, Таинствами — тогда эта норма становится естественной, как дыхание. Только в этом случае следование норме веры не обернется для человека «бременами неудобноносимыми» или, того хуже, фарисейством, убивающим самый дух веры, но будет, подобно благодатному покрову, осенять его в продолжение всего жизненного пути. Следование этой норме не стесняет, не ограничивает, не нарушает свободы, а поддерживает и помогает духовному возрастанию, одновременно ограждая человека от гибели, подобно тому, как материнское лоно ограждает от гибели развивающуюся жизнь.

Как нам сохранить этот образ жизни, как утвердить эту норму в обществе в качестве величайшей ценности? Это задача каждого сознательного члена Церкви, но также и задача для современного богословия. Эта норма столь же прочна, сколь и хрупка. В опыте жизни отдельного человека и це-

лых сообществ людей в результате соприкосновения с иными стандартами и нормами жизни она может быть либо повреждена и даже разрушена, либо сохранена и укреплена. Так бывает, когда мы сталкиваемся с иным образом жизни, живем с людьми иных взглядов и убеждений — скажем, с мусульманами, католиками, протестантами, с людьми, которые не разделяют принципы нашей жизни в полной мере.

Содержит ли соприкосновение и взаимодействие с иноверным и инославным миром угрозу нашей православной идентичности? Всегда ли столкновение различных вероисповеданий оборачивается религиозными конфликтами и противостояниями?

— Надо сказать, что в России исторически это столкновение никогда не было опасным. Удивительно, но русские люди всегда жили с инородцами, с неединоверными людьми в мире. Если эти иные образы жизни других народов основывались на их собственных преданиях, то чаще всего это не представляло опасности для ценностей православного образа жизни. Исключения бывали только в тех случаях, когда чужая вера и чуждые стандарты жизни навязывались нашему народу силой или посредством прозелитизма, похищения душ, — вот тогда мы все как один вставали на защиту нашего образа жизни, нашей веры.

Такие попытки были связаны, в первую очередь, с иностранной агрессией. И потому

вся наша история отмечена борьбой не только за сохранение политической самостоятельности, свободы и независимости страны, но и за сохранение нормы веры и связанного с ней образа жизни. Русское воинство шло в бой за Веру, Царя и Отечество. Мы всегда боролись за право жить в соответствии со своим отеческим преданием.

Ну, а если нам не пытались навязывать силой иной образ жизни, то мы удивительно мирно, я бы сказал, гармонично, сосуществовали с людьми иных взглядов. Православные русские люди с интересом, с любопытством, а нередко и с искренним уважением относились к инородцам и к инославным, часто высоко ценя их профессиональные качества или военные навыки, нередко усваивая иноземные культурные реалии, бытовые навыки и приемы работы.

Возможно, именно благодаря тому, что Ф. М. Достоевский называл «всемирной отзывчивостью» русского человека, наша земля не оросилась кровью религиозных войн. Скорее наоборот, можно говорить о сложившейся в далекой древности модели мирного сочетания этих разных религиозных и жизненных стандартов. Поэтому в российской армии бок о бок сражались православные и мусульмане, защищая свое общее Отечество. Было уважение к опыту друг друга, невмешательство в этот внутренний опыт.

Однако в XX веке произошло принципиальное изменение ситуации, и норма нашей

веры ныне подвергается угрозам, которые были неизвестны предшествующим временам Православия...

— Точнее сказать, ситуация начала изменяться еще 200 лет назад, но особенно радикально — в минувшем XX веке, в частности, во второй его половине. Средства сообщения и коммуникации поразительным образом изменили мир — так, что никакие границы не способны более ограждать культурно-историческую самобытность отдельного народа от влияния других цивилизаций, культур и народов.

Истекшее тысячелетие и в особенности его последние века многократно усилили возможности сбора, хранения и распространения информации. Появление книгопечатания, прессы, радио, телевидения, компьютерных технологий и информационных сетей, а также развитие транспорта, облегчившее перемещение людей и грузов, породили феномен информационной и культурной глобализации. Вместе с религиозным, этническим и мировоззренческим многообразием человеческого сообщества современные технологии стали предпосылкой ныне совершающегося активного взаимопроникновения и взаимовлияния народов в планетарном масштабе. Это приводит к колоссальным культурно-этническим сдвигам, последствия которых мы еще не способны осознать в полной мере.

Никакая граница сегодня не способна оградить наш религиозный образ жизни от

воздействия на него извне иных стандартов и образов жизни — мир идет именно в этом направлении. Люди с легкостью перемещаются по всему земному шару, многие из них уже избирают место жительства и работы там, где хотят. Уходят, видимо, в прошлое, моноэтнические государства. Мусульманское присутствие на Европейском континенте стало социокультурным фактором, который невозможно игнорировать. Мир сделался открытым, взаимопроницаемым, диффузным. Каков должен быть ответ отдельной личности и человеческих сообществ на этот вызов времени?

Человеку, в чьей жизни нет стержня духовной нормы, легко поддаться влиянию чуждых ценностей, более того — он вовсе не замечает, что становится несвободен. Тем более, что культурно-этнические сдвиги весьма способствуют этому.

Некоторое время мне пришлось жить и работать в Бирмингемском университете в Англии. Когда я ходил по университету и улицам этого города, то никак не мог уловить, что же это за город, где здесь английская культурно-религиозная традиция — она становится почти неразличимой. Очевидным же становится проявление иных культурных традиций и, в первую очередь, — мусульманской. Огромное количество мечетей! А недавно шел по улицам Вены и видел, как мальчишки, играя в футбол, выбили стекло в католическом храме. Оттуда выбежал молодой священник и стал их укорять. В ответ

один мальчик, оказавшийся мусульманином, сказал:

— Не надо так сильно переживать, все равно эта церковь скоро станет нашей.

Действительно, мусульманская община в Европе расширяется фантастически быстро. И подобные примеры можно умножать до бесконечности. Таких мест, где происходит процесс активного этнокультурного взаимопроникновения, становится все больше, в том числе и в нашей стране. И этих реалий нельзя не учитывать, если мы не хотим утратить духовно-нравственные основы нашей жизни.

Как свидетельствует исторический опыт России, соприкосновение и взаимное влияние культурно-религиозных традиций при определенных условиях (отказ от прозелитизма, агрессии и тому подобного) могут быть не только безопасными для сохранения национально-религиозной идентичности, но и взаимообогащающими. Проблема видится в другом: сегодня не существует преград, которые могли бы обезопасить духовное здоровье народов, их религиозно-историческую самобытность от экспансии чуждых и разрушительных социокультурных факторов, от нового образа жизни, возникшего вне всякого предания и формирующегося под влиянием постиндустриальной реальности.

Из книги «Вызовы современной цивилизации. Как отвечает на них Православная Церковь?». М., Даниловский благовестник, 2002 г.

О духовной колонизации

Владыко, Вы говорили, что отход от церковного Предания означает ересь. Правомерно ли в связи с этим говорить о ереси католицизма, в связи с которым у нас высказывается столько негативных мнений?

— Православная Церковь устами святых отцов утверждает, что спасение может быть обретено лишь в лоне Церкви Христовой. Но в то же время общины, отпавшие от единства с Православием, никогда не рассматривались как полностью лишенные благодати Божией. Разрыв церковного общения неизбежно приводит к повреждению благодатной жизни, но не всегда к полному ее исчезновению в отделившихся общинах. Именно с этим связана практика приема в Православную Церковь приходящих из инославных сообществ не только через Таинство Крещения. Несмотря на разрыв единения, остается некое неполное общение, служащее залогом возможности возвращения к единству в Церкви. В разделенном христианском мире есть некоторые признаки, его объединяющие: это *Слово Божие, вера во Христа*

как Бога и Спасителя, пришедшего во плоти (см. 1 Ин 1, 1—2; 4, 2, 9), и искреннее благочестие.

В Православии существует три чина присоединения к Православной Церкви: через Крещение, через Миропомазание, через Покаяние. Их наличие показывает, что Православная Церковь подходит к инославным конфессиям дифференцированно. Критерием является степень сохранности веры, строя Церкви и норм духовной христианской жизни.

Первый чин предполагает присоединение к Православию через Крещение — если присоединяют нехристианина — мусульманина, буддиста, сектанта (например, бывшего мунита, свидетеля Иеговы или сайентолога).

Второй чин присоединения к Православию — через Миропомазание. Вера в неизгладимость Крещения исповедуется в Никео-Цареградском Символе Веры: «Исповедую едино Крещение во оставление грехов...». 47-е Апостольское правило гласит: «Епископ или пресвитер, аще поистине имеющего Крещение вновь окрестит... да будет извержен». Поэтому если к Православию присоединяется протестант, крещенный своей Церковью во имя Отца и Сына и Святаго Духа, то присоединение происходит не через Крещение, а через Миропомазание. Ибо через Таинство Миропомазания совершается личная Пятидесятница над этим человеком, и ему сообщается дар Святаго Духа.

Третий чин присоединения к Православии — через Покаяние. Если присоединяется к Церкви старообрядец поповского согласия или католик, то над ним не совершают ни Таинства Крещения, ни Таинства Миропомазания, но приводят к Покаянию. Это предполагает, что человек заблуждался, пребывая в ином церковном общении, что вероучение этого церковного сообщества не в полной мере соответствует вероучению Православной Церкви, но одновременно чин присоединения через Покаяние свидетельствует о признании Православной Церковью действительности Таинств Крещения и Миропомазания как у старообрядцев, так и у католиков.

Что касается отношения к Римско-Католической Церкви, то оно во многом может быть прояснено историей разделения Единой Древней Церкви на восточных и западных христиан. Как известно, великий церковный раскол связывают с 1054 годом. Если проанализировать причины разделения между Востоком и Западом, то среди них мы не найдем ни одного собственно богословского аргумента. Причины разделения были такими: пост в субботу, который тогда соблюдали католики (теперь его нет); использование ими лисьих хвостов для оторочки священнических облачений; использование при совершении богослужений не квасных, а пресных хлебов. Все эти причины не носили богословского,

вероучительного характера и были скорее предложениями.

Истинные же причины имели церковно-политический характер. Папа Римский возжелал распространить свою юрисдикцию на Болгарию, расположенную в восточной части Римской империи, которая составляла каноническую территорию Константинопольского Патриархата. Вот с чего все началось. Причем это разделение было не единственным — подобное случилось и прежде. Но после того как разделение западных и восточных христиан стало официально признанным фактом, постепенно стали привлекать задним числом аргументы богословского характера. Например, «проблема *filioque*» («филиокве»): католики трактуют Символ Веры отлично от православных, исповедуя Духа Святаго, исходящего не только от Бога Отца, но добавляя: «... и от Сына».

Известно, что понятие «*filioque*» существовало задолго до разделения Древней Единой Церкви. Оно возникло в Испании как ответ испанских, православных в то время, епископов на попытку реанимировать арианство. Ответ богословски очень неудачный, можно сказать, еретический. Но Церковь мирилась с этим. Заметим, что «*filioque*» родилось в V веке, а разделение Церкви произошло в XI веке. Тогда же был поднят и вопрос о «*filioque*».

После разделения XI века связи Рима с другими частями Вселенского Право-

славия, в частности, с Русской Православной Церковью, сохранялись. Мы знаем, что инок по имени Антоний, приехавший в Новгород из Рима, основал монастырь и впоследствии был прославлен как святой нашей Церкви с именем преподобного Антония Римлянина, Новгородского чудотворца. Таким образом, мистическое, духовное разделение двух Церквей произошло не сразу, но только после того, как случилось нечто страшное — крестовые походы, когда Запад с оружием пришел на Восток, когда западные христиане стали уничтожать своих православных братьев.

Затем Запад отверг православную иерархию, поставив в Константинополе своего латинского Патриарха, и это же повторилось в захваченных крестоносцами Иерусалиме, Александрии и Антиохии. Отвержение Западом Православия пробиралось до того, что крестоносцы попирали Святую Евхаристию, оскверняли и разоряли православные монастыри и совершали убийства восточных христиан. А кровь разделяет на века. С этого момента процесс религиозного и культурного разделения Востока и Запада принял трагический и необратимый характер. В дальнейшем он лишь усугублялся.

Поскольку епископ Римский являлся одновременно и главой светской власти, очень скоро развилось совершенно неприемлемое для Православия учение о первенстве епископа Римского, или так называемая идео-

логия цезарепапизма. Два элемента этого учения категорически неприемлемы для Православия: догмат о папской непогрешимости, сформулированный Первым Ватиканским Собором в XIX веке, и учение о вселенском характере папской юрисдикции, в соответствии с которым Рим якобы имеет прямую власть над любым епископом в мире. Все это, конечно, не соответствует Преданию Православной Церкви.

При этом никогда во Вселенском Православии на официальном уровне расхождение с западными христианами не квалифицировалось как следствие их ереси, ибо сделать это был бы правомочен только Вселенский Собор. Однако Вселенских Соборов в новейшей истории, как известно, не было. Кроме того, ни один из Поместных Соборов Православных Церквей богословски не анализировал католические догматы с точки зрения уклонения в ересь, хотя их отличие от православного вероучения существенно. И поэтому в общецерковном сознании разделение православных и католиков воспринимается как нечто большее, чем просто раскол. И так будет продолжаться до тех пор, пока тысячелетняя проблема разделения Церквей не получит того или иного решения.

Имеющиеся трудности в отношениях между Русской Православной и Римско-Католической Церквями могли бы быть преодолены на путях отказа Ватикана от политики прозелитизма на канонической

территории нашей Церкви. Пока же три православные епархии на Западной Украине: Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская — в результате униатского натиска фактически разгромлены, а наши приходы остались в полном смысле слова на улице.

Неоднократно наша Церковь предпринимала попытки через переговоры нормализовать ситуацию и содействовать справедливому разделению храмов между православными и греко-католиками. Мы настаиваем на том, чтобы были исключены случаи дискриминации, были восстановлены равные права для всех верующих на Западной Украине, была предоставлена возможность православным совершать богослужения там, где они ныне этого лишены. Однако все наши усилия отвергаются противоположной стороной. Эта рана кровоточит и отравляет отношения с Римом. Отсюда — позиция нашей Церкви, которую неоднократно выражал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II: возможность личной встречи Предстоятеля Русской Православной Церкви с Римским понтификом в принципе не исключена, однако такая встреча должна быть предварительно хорошо подготовлена, дабы могла принести реальные плоды взаимного уважения и нелицемерного согласия. В противном случае речь будет идти лишь о всемирном телевизионном шоу на фоне непреодоленных трудностей.

Как вести себя православному миру в случае, если инославные проповедники практикуют прозелитизм — совершают духовную агрессию в отношении наших соотечественников, пытаются распространить сферу своего влияния на детские дома, школы, училища, нередко прикрывая свою деятельность по уловлению душ распределением гуманитарной помощи среди неимущих? Как православные могут противостоять им в этой ситуации?

— Проблема прозелитизма приобрела особую остроту в связи с происшедшими и продолжающимися переменами в странах Восточной Европы. Это нечто большее, чем чисто богословская проблема или проблема отношений между Церквями. Это, прежде всего, проявление культурно-религиозных и национально-исторических расхождений, ибо вновь пришедшие пытаются навязать свою культурно обусловленную форму христианства другим христианам. В последние три десятилетия существования советской власти Русская Православная Церковь, несмотря на жесткое ограничение религиозных свобод, имела постоянную, живую связь с христианами других конфессий. Контакты развивались, прежде всего, внутри самого СССР, где христиане разных конфессий мирно уживались друг с другом. Солидарность перед лицом общего гонителя сплачивала всех нас: православных, католиков, протестантов, ибо только так можно было выжить в условиях господства системы государственного атеизма.

Одновременно контакты развивались и на международном уровне. Международная христианская солидарность была не последней причиной того, что Православную Церковь в Советском Союзе не удалось полностью разгромить. В самые трудные годы поддержка инославных христиан из-за рубежа помогала Церкви в ее борьбе за выживание. Мы глубоко благодарны тем христианам, которые во времена гонений и утеснений проявили солидарность с нами и, опираясь на влияние мирового общественного мнения, не дали безбожным силам разгромить нашу Церковь.

С приходом религиозной свободы мы надеялись, что эти связи получат дальнейшее развитие, что инославные христиане поддержат нас в новой, не менее трудной ситуации, в которой мы оказались. Ведь перед Православной Церковью неожиданно открылись небывалые возможности и свободы, открылось огромное поле для миссионерской деятельности среди народа, для участия в общественной жизни страны. И мы искренне надеялись, что в этой деятельности нас поддержат.

Но наши надежды не оправдались. Как только в СССР открылась свобода для миссионерской деятельности, в крестовый поход против нашей страны двинулись легионы зарубежных проповедников, воспринимавших Россию и другие республики бывшего Советского Союза как бескрайнюю духовную пустыню, жаждущую

их слова. Они действовали так, будто здесь не существовало ни многовековой христианской истории, ни древних Поместных Церквей, будто слово Христовой Истины никогда не звучало на нашей земле. Не потрудившись приобщиться к наследию великой христианской культуры, выучить язык, на котором она создавалась и на котором говорит наш народ, они начали свою проповедь, во многих случаях движимые не желанием привести людей ко Христу и Евангелию, но стремлением оторвать наших верующих от их Церкви и привлечь в свои общины. Быть может, эти горемиссионеры искренне полагали, что имеют дело сплошь с нехристианами или убежденными атеистами, не подозревая о том, что культура нашего народа всецело созидалась на основаниях христианства, что сохранение Православия в годину гонений было выкуплено кровью мучеников и исповедников, мужеством иерархов, богословов и мирян, отстаивавших свою веру.

После долгих десятилетий заточения в «социальном гетто» Русская Церковь была подобна выздоравливающему, сошедшему с одра болезни и делающему первые шаги в большом мире. Казалось бы, собратья-христиане должны были поддержать нашу Церковь при начале ее общественного служения, помочь ей в организации ее собственной миссии. На деле они вступили в борьбу с нашей Церковью. Годовой бюджет некоторых миссионерских орга-

низаций, устремившихся на нашу землю, исчисляется десятками миллионов долларов. Все это привело к почти полному разрыву экуменических отношений, складывавшихся на протяжении предыдущих десятилетий, к неприятию абсолютным большинством населения миссионерской деятельности зарубежных проповедников, оскорбляющей национальные и религиозные чувства народа, игнорирующей его духовно-культурные традиции.

В массовом сознании людей, в большинстве своем не имеющих религиозного образования, отсутствует различие между воинствующими миссионерами, о которых идет речь, и просто людьми другой веры, другой конфессии. Для многих в сегодняшней России «неправославный» — это тот, кто пришел разрушать духовное единство народа и православную веру, это религиозный колонизатор, всеми правдами и неправдами отрывающий народ от Матери-Церкви. Ныне совершающееся в России и некоторых других странах Восточной Европы привело к тому, что можно назвать экуменической катастрофой конца XX века, во многом перечеркнувшей те невероятные усилия, которые предпринимались в течение 40 лет на поприще формулирования принципов межхристианского диалога и единства. Причем в прозелитизме на нашей территории замешаны не только секты, но даже наши партнеры, в том числе некоторые Церкви, входящие в ВСЦ.

В связи с этим хотел бы сказать со всей ясностью, что экуменизм и прозелитизм несовместимы. Ибо несовместимы миссия и духовное порабощение, проповедь Христа и насилие над совестью человека, Евангельское благовестие и похищение людей. Вообще всякая соревновательная, параллельная миссия чревата опасностью для единства Церкви и братских отношений между христианскими Церквями. С глубокой болью мы наблюдаем, как зарубежные миссионеры создают в нашей стране свои церковные структуры, вовлекая в них людей, изначально крещенных в православной вере и принадлежащих к православной культурно-исторической традиции. Подобная политика может свидетельствовать о чем угодно, но только не о братской солидарности с Русской Православной Церковью. При этом не только наносится ущерб Русскому Православию, но и сводятся на нет огромные усилия во имя обретения христианского единства перед лицом наступающей угрозы разрушения христианских ценностей жизни. Можно сказать, что общая экуменическая работа во имя будущего всего человечества ныне блокируется безудержным инославным натиском на православный Восток.

Но что еще страшнее — падает доверие к христианскому свидетельству в секулярном мире, который наблюдает за конкуренцией, враждой и взаимными нападками различных христианских сообществ. Про-

зелитизм — это не узко религиозное явление, связанное с неверным пониманием миссионерских задач. Прозелитизм — это факт вторжения другой культуры, пусть тоже христианской, но развивавшейся по своим законам, имеющей собственную историю и традиции. Миссионерская ситуация, складывающаяся в России и республиках бывшего СССР, выглядит тупиковой.

Однако выход из тупика существует. Он заключается в том, чтобы в основу миссии положить фундаментальный принцип древнехристианской экклезиологии — принцип Поместной Церкви, основанный на том, что историческая Церковь данного места всецело ответственна перед Богом за находящуюся в ее попечении паству. Это относится не только к ситуации в современной России, но и вообще к христианской миссии в мире: никто и нигде не должен игнорировать Поместные Церкви. Потому что пренебрежение неотъемлемыми правами Поместной Церкви означает дробление целого на части, раздиранье хитона Христова. Миссионерские усилия из-за рубежа должны осуществляться в данной местности только в качестве поддержки и помощи местной Церкви или местным Церквам. Только на этом принципе может основываться миссионерская стратегия XXI века. Ибо христианская миссия — это миссия «единой надежды», миссия ради спасения, ради духовного преображения человечества в целом и отдельного человека,

ради утверждения Царствия Божия в душах людей. Если мы будем следовать за Христом без оглядки, если станем соединять наши усилия в общем свидетельстве перед миром, поддерживая при этом друг друга, а не соперничая, то тогда и Господь поддержит нас и даст нам новые силы, вдохнет новый дух во вселенскую христианскую миссию. Только так мы сможем воссоздать дух Христов в отпавших от Церкви, в теплохладных и ищущих.

Проблема прозелитизма должна решаться посредством диалога, свидетельства Истины Христовой перед лицом иноверного и инославного мира, как бы ни омрачалась возможность этого диалога и свидетельства обстоятельствами нового времени. В частности, тем, что на повестке дня Всемирного Совета Церквей стали появляться такие темы, которые оказались абсолютно неприемлемыми для Православного Предания. Стало совершенно правомерно говорить о нарастающем кризисе ВСЦ, связанном, в свою очередь, с кризисом значительного числа протестантских деноминаций — членов ВСЦ и кризисом экуменического движения в целом.

«Православные относятся предельно ответственно к своему участию в ВСЦ и именно поэтому предупреждают: нынешнее развитие ВСЦ идет в опасном и недолжном направлении, — сказано в определении Юбилейного Архиерейского Собора «Основные принципы отношения Русской Право-

славной Церкви к инославию”. — Они констатируют кризис Всемирного Совета Церквей и призывают к пересмотру всего нынешнего этоса, принципов ВСЦ. Поэтому радикальное реформирование ВСЦ должно подразумевать не изменение “формы” при неизменности содержания, не реформирование, а изменение именно сути ВСЦ. Всякий новый шаг в направлении усиления протестантской экклесиологии в ВСЦ будет духовным самоубийством ВСЦ. Православные, требуя “реформирования” ВСЦ, настаивают на том, чтобы в ВСЦ была возможность полновесного православного свидетельства об Истине Церкви, о принципах единства. Если нет возможности для такого свидетельства, если деятельность ВСЦ все дальше уходит от первоначальных целей экуменического движения — стремления к восстановлению христианского единства, — то тогда ВСЦ утрачивает свою духовную ценность».

Юбилейным Архиерейским Собором рассмотрен вопрос об участии Русской Православной Церкви в международных межхристианских организациях, в частности, во Всемирном Совете Церквей. Для разрешения вопроса об участии или неучастии Русской Православной Церкви в ВСЦ Освященный Архиерейский Собор принял решение провести всеправославное обсуждение этой проблемы. Как сказано в определении Собора: «По результатам всеправославного решения

иметь суждение на Архиерейском Соборе об участии или неучастии представителей Русской Православной Церкви в двусторонних и многосторонних межконфессиональных богословских диалогах, а также в работе ВСЦ и других международных христианских организаций. В настоящее же время продолжить участие представителей Русской Православной Церкви в работе международных христианских организаций, отмечая особую важность в переживаемый момент православного свидетельства в разделенном грехами христианском мире».

«Собором одобрены результаты межхристианских диаконических проектов и признано полезным продолжение сотрудничества с христианами иных конфессий в сфере благотворительности, социального служения и диаконии, а также в образовательной и иных областях, — сказано в определении “О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви”. — Собор подчеркнул, что христиане разных конфессий должны сообща выступать против продолжающейся секуляризации общества, распространения атеизма, пропаганды насилия и разврата, натиска сект и “новых религиозных движений”».

Для успешного противостояния прозелитизму первоочередную важность имеет проповедь Православия среди тех наших соотечественников, которые пока не вернулись

в Церковь, — без этого никакие сдерживающие меры не принесут результата...

Надо осмыслить еще один момент, который требует от нас воли не к разделению, но к соработничеству. Ключевым понятием нашего времени становится кризис. Слово «кризис» по-гречески означает «суд». Мир, сползающий в пропасть, возникшую в результате греха и всеобщей дехристианизации, судим Божиим Судом. Но сами христиане не судят никого. Перед ними стоит задача служения миру. Христиане всего мира, принадлежащие к разным исповеданиям, сегодня в равной мере стоят перед лицом острейшего нравственного кризиса, поразившего наши общества, в которых драматически исчезают важнейшие этические ориентиры, стоят перед лицом общей опасности и определяемых ею общих задач по противодействию духовному самоубийству мира.

Из книги «Вызовы современной цивилизации. Как отвечает на них Православная Церковь?». М., Даниловский благовестник, 2002 г.

Самоизоляция Церкви — путь в добровольное изгнание

Как сохранить от посягательства нормы нашей веры, их чистоту, не отвергая при этом возможности взаимодействия с греховным миром во имя его спасения?

— В первую очередь, мы не должны допустить новых церковных разделений, чтобы не ослабить нашу Церковь. Я уже говорил о том, как произошло наше разделение с Римом, когда политики, совершив великий грех против заповедей Христовых, раскололи Единую Древнюю Церковь... Когда кризис межправославных отношений в Эстонии привел к временному приостановлению наших связей с Константинополем и прекращению Евхаристического общения между двумя Церквами, я вдруг остро почувствовал: если нам не удастся справиться с этой проблемой именно теперь, то события могут выйти из-под контроля и начать развиваться по модели 1054 года. Ибо, как говорится, лиха беда начало. Церкви прекратили общение в Евхаристии, затем политические кланы, националистические

силы и враги Православия разожгут пламя непримиримости, ожесточения и вражды, и вскоре, сами того не желая, мы будем внутренней логикой развития событий приведены к новому церковному разделению. Только на дворе будет стоять не XI столетие по Рождестве Христовом, а XXI век. Что же касается богословских обоснований неизбежности разделения, то они, как всегда, впоследствии отыщутся.

Жизнь христианства в условиях разделения есть трагическая реальность нашей истории, это рана, которая кровоточит доныне. Так должны ли мы делать вид, что ничего этого нет? Надлежит ли нам добровольно затвориться в церковной ограде, ограничившись общением в пределах своего «малого стада», а остальному миру высокомерно заявить: мы — сами по себе, мы спасаемся, а вы — как хотите? Но ведь это стало бы предательством завета Христова идти проповедовать и научать все народы.

Некоторые наши издания постоянно призывают православных добровольно замкнуться в своего рода «социальном гетто» и жить собственной внутренней жизнью. Однако авторам подобных призывов следует хорошо помнить: если мы поддадимся этому искушению и сами войдем в клетку, то всегда найдется тот, кто захлопнет за нами дверь и повесит на нее свой замок. И скажет: «Вы сами этого захотели. Бог вывел вас на волю, в большую жизнь. После семи десятилетий несвободы и тотального

контроля ваши храмы сделались средоточием духовной жизни и нравственного возрождения общества, но если теперь вы вдруг собрались в затвор, — ступайте. Но только мы сделаем все для того, чтобы вам никогда уже оттуда не выйти».

Я глубоко убежден в том, что имеющиеся проблемы надо обсуждать свободно и гласно. Главная обеспокоенность экуменическим вопросом, как я ее понимаю, у честных людей (а не у тех, кто использует жупел экуменизма в собственных целях) состоит в том, сохраним ли мы верность своей Церкви, не повредим ли своей вере. У этих людей есть опасения, что в процессе экуменических связей могут размываться основы православного вероучения, что возможны компромиссы в той области, где их быть не должно, что вероятно угроза частично утратить великое духовное наследие, которым мы обладаем. И потому мы должны делать все для того, чтобы основы нашей веры ничто не могло подточить, чтобы чистота ее ни на йоту не помрачалась — вне зависимости от того, кто участвует в диалоге с нами: атеисты, протестанты, католики или мусульмане. Ибо Церковь призвана свидетельствовать Истину перед лицом всей вселенной. И христиане не должны ставить свещницу под спудом, но ярко светить всему миру.

Но как нам практически вести себя в нынешней ситуации? Как выстоять в брани против века сего, не покоряясь ему, но побеждая?

— Вопрос совершенно правомерный. Мы можем сделать выбор из нескольких моделей поведения.

Первая — самая ясная и простая — изоляционистская, когда нам говорят: давайте воздвигать преграды между собой и миром, давайте уйдем в глухую оборону, изолируемся от внешних обстоятельств, от всей этой внешней по отношению к нам скверны, от чуждых и тлетворных влияний века сего. Давайте жить так, как жили наши предки, — а для этого возведем новые стены. Не кирпичные и не железобетонные, но такие, которые сделали бы наш избранный мирок непроницаемым для окружающей культурной и социальной среды, и проживем без лишних забот в созданной нами замкнутой сфере. И поскольку за наши религиозные взгляды нас пока никто особенно не преследует — да веруйте, как хотите, нам дела нет! — православные порой готовы принять такие правила игры, готовы не без уюта устроиться на избранной ими обочине жизни. Ибо в распоряжении верующего огромные запасы духовных ценностей, накопленных предшествующими поколениями христиан, и это, по мнению изоляционистов, скрасит нам ожидание апокалипсической катастрофы, угрожающей человечеству, которое движется ей навстречу мимо нас своей дорогой «прогресса». Определенное влияние эта точка зрения имеет не только в нашей православной среде, но и среди не-

которых политиков: мы не желаем видеть того, что происходит с миром, оставьте нас в покое!

Если кто-то воспринимает священника за компьютером как шокирующее проявление модернизма и экуменизма, то Бог ему судья. Мы же веруем и исповедуем, что, по слову апостола Павла, *«Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же»* (Евр 13, 8). В том числе и в нашей душе. И потому мы не можем не учитывать, что мир, условия существования нашей веры изменяются... Может ли быть эффективным и жизнеспособным изоляционизм в условиях открытого и взаимопроницаемого мира, вступившего в эпоху научной, экономической, информационной, коммуникационной и даже политической интеграции? И вправе ли мы поддаваться искушению бежать от социальной, культурной, политической действительности? *Мы посланы Христом в этот мир ради его спасения* (см. Ин 17, 18). Господь велел нам не бежать от мира, не прятаться от него, но *побеждать мир верой нашей* (см. 1 Ин 5, 4), *идти по всему миру, проповедуя Евангелие* (см. Мк 16, 15), *быть светом миру и солью земли* (см. Мф 5, 13, 14). Конечно, это возможно лишь в том случае, если мы, оставаясь в мире, будем людьми *«не от мира»* (Ин 17, 16), *будем жить не по безбожным обычаям мира сего* (см. Еф 2, 2).

Можно искусственно оградить от внешнего мира незначительную группу людей где-нибудь в пустыне или в тайге, хотя

даже старообрядческому роду, спасавшемуся в Сибири от мира сего в продолжение многих десятилетий, не удалось сохранить ни своего уединения, ни самой жизни. Но возможно ли, что называется, своими руками отправить в изоляцию, в некий затвор великую Церковь и великую страну? И не означал бы к тому же подобный выбор для Церкви отказа от завещанной ей Самим Христом Спасителем миссии свидетельствовать Истину перед лицом всего мира?

Есть и другая точка зрения, также широко присутствующая и в нашем обществе, и в нашей Церкви (к счастью, в Церкви очень незначительно). Нам предлагают взять либеральную цивилизационную модель в том виде, в каком она сложилась к настоящему времени на Западе, и механически перенести ее на русскую почву, если надо, силой укоренив ее в народной жизни. Для этого вполне достаточно использовать влияние СМИ, вездесущее присутствие рекламы, возможности системы образования и так далее. Нам говорят: а что тут особенного? Все новое нужно не просто принимать, но и самим искать этих перемен! Бог с ней, с этой нашей культурно-исторической традицией, которая изжила себя. Это вчерашний день, а сегодня надо открываться навстречу новому, идти путем мировой интеграции и унификации. Зачем изобретать велосипед — все уже открыто на Западе! Посмотрите на его процветание, на его возможности и свободы. Давайте же

этот образ жизни перенесем на нашу российскую почву — и все будет в порядке, будем так же хорошо жить. Православные, правда, немного не вписываются в светлое западное будущее на русский манер, но мы им покажем их место!..

Что же нам делать в этой ситуации, как себя вести? Совершенно очевидно, что изоляционизм не работает. Нет никакого сомнения, что православные и в этом случае также окажутся в духовной резервации. Только в первом сценарии подобный исход мыслится как добровольный выбор, здесь же изоляция станет наказанием за отказ продать право своего религиозного первородства за чечевичную похлебку постиндустриальной цивилизации. Нетрудно предсказать, что при таком развитии событий судьбу православных неизбежно разделят и приверженцы иных религиозно-культурных моделей. Повторяю: не можем мы обречь на такое великую страну, великую Церковь. Но совершенно очевидно, что две приведенные выше модели исключают друг друга. И спор между фундаменталистами и обновленцами, будь он на уровне политики или внутри Церкви, — это спор людей, не понимающих, о чем они говорят. Я думаю, что существует только один путь — взаимодействия...

*Из книги «Вызовы современной цивилизации. Как отвечает на них Православная Церковь?».
М., Даниловский благовестник, 2002 г.*

Свобода для падшего человека

— В чем опасность нового стандарта жизни, связанного с западными культурными ценностями, который нам сегодня предлагается? В основе этого современного стандарта западного происхождения лежит либеральная идея, об антихристианской сущности которой мы уже говорили.

Этот стандарт жизни сегодня отталкивает многих. И не в последнюю очередь потому, что его утверждают в качестве универсального стандарта. Людям говорят: православный стандарт не универсален, основанный на нем образ жизни годится только для самих православных — вы же не можете предложить его мусульманину. А мусульманский образ жизни не примут евреи. Иудейский стандарт тоже не универсальный — разве подойдет он буддистам? Значит, нужен некий всеобъемлющий, общепризнанный, универсальный стандарт, который устроил бы всех. Тем более, что мир объединяется, границы становятся условными, и, таким образом, человечеству предстоит жить на основе

принятого всем мировым сообществом культурно-цивилизационного стандарта, общих для всех народов базисных положений.

И такой либеральный стандарт стал на Западе общей абсолютной ценностью — он положен в основу всех международных деклараций, пактов, соглашений, а также национальных законодательств, включая российское.

Как мы должны относиться к тому, что именно либеральная идея положена в основу этого стандарта, параметрами которого сегодня определяются рамки дозволенного для целых государств и отдельных людей? В основе либеральной идеи лежит идеал свободы — освобождение человеческой личности от всего, что сковывает, ограничивает, стесняет ее. Считается, что все, лимитирующее свободную личность, должно быть отменено, ибо свобода человека — высшая, абсолютная и непрекаемая ценность... Многие люди, в том числе даже православные богословы, с легкостью повторяют это. Что же не так в этих рассуждениях? Ведь свобода человека — дар Божий, и жизнь в соответствии со свободой предопределена Божиим замыслом о мире. И человек — действительно абсолютная ценность, ибо Господь сотворил его и призвал жить по образу и подобию Своему. Значит, жизнь в категориях свободы предопределена волей Божией. Все верно — но только до этой черты. И по-

тому, идя в своих рассуждениях вдоль этой черты, мы с вами не погрешаем против истины.

А вот по ту сторону этой черты начинается царство кривды. И не просто кривды, а дьявольской, губительной лжи. Ведь апостол Павел тоже призывает нас к свободе — но к свободе от греха, к тому, чтобы человек стал свободным во Христе. И потому подлинная свобода обретается человеком в освобождении от власти греха, от тяготеющих над ним могущественного инстинкта и злого начала. Эта свобода подразумевает нашу способность подчинить свою волю единственно благой, свободной и абсолютной воле — воле Господа. Для того человеку и дана свобода, чтобы он свободно соединился с Богом, подчинил себя Его воле и, уподобившись таким образом Богу, соделался человеком святым. Ради этого и наделен человек даром свободы. Казалось бы, ничто не мешало Творцу «запрограммировать» всех нас на изначальное обладание этой благодатью, этим вечным счастьем, подобно тому, как мы с вами заводим будильник. Однако Он не сделал этого, потому что Бог, Сам будучи по природе свободен, этим даром свободы благословил и созданного Им человека. И такая свобода есть Богоданная свобода.

А что предлагает в противовес этому либеральная идея? Либеральная идея не призывает к освобождению от греха, ибо само понятие греха в либерализме отсутствует.

Она требует полной свободы для падшего человека — не спасенного, а падшего. Не должно быть ничего, что сковывает и ограничивает меня в проявлении моей самости, в утверждении моего «Я». Пусть оно греховно и даже преступно — это никого не касается до тех пор, пока я не совершаю преступных деяний. Либерализм полагает некую границу в утверждении греховного «Я» человека — в виде права и закона. Но в своей внутренней жизни человек признается свободным абсолютно и ни от кого, кроме самого себя, не зависящим. Значит, то, что как-либо ограничивает его в этой сфере, автоматически будет считаться нарушением его неотъемлемых прав, несправедливостью и злом. Как еще недавно говорили у нас, «пережитком прошлого», противоречащим достижению «великой» цели полного освобождения человека. Моя свобода кончается там, где начинается свобода другого человека, и всякий человек свободен в той мере, в которой его свобода не ограничивает свободу другого. Такова первая и главная заповедь либерализма.

*Из книги «Вызовы современной цивилизации.
Как отвечает на них Православная Церковь?».
М., Даниловский благовестник, 2002 г.*

Диктатура греха как норма жизни обезбоженного общества

Владыко, в соответствии с принципом либерализма человеку буквально навязывается грех как норма жизни. Это явление наблюдается буквально во всех сферах — в жизни, искусстве, образовании, языке. Насаждается «мода» на эстетизацию всего темного и низменного в природе человека, утверждается культ вседозволенности, грубого эгоизма, потребления и секса...

— Именно так и происходит. Нас поражает стремительное падение нравов в современном обществе. Человек может иметь по две-три семьи, это не считается чем-то из ряда вон выходящим. У человека может быть параллельно две-три внебрачных интимных связи, и это также воспринимается как норма. Не испытывая угрызений совести, люди избирают нетрадиционную сексуальную ориентацию — более того, демонстративно выставляют напоказ свою патологию, рекламируя ее как норму и образец для подражания.

Опасность заключается в том, что в либеральной идее отсутствует понятие греха.

Существует нарушение правил: нельзя игнорировать правила игры, нельзя преступать законы. Принцип тот же, что при следовании водителя в потоке машин по автотрассе или по городским магистралям: если существуют правила дорожного движения, то все должны их соблюдать. А вот в сфере личной, семейной или общественной жизни человек вправе поступать так, как он считает нужным, без какого бы то ни было соотнесения своего выбора с понятием греха. У нас иногда люди с ужасом говорят о том, что в Голландии официально разрешены гомосексуальные браки. А с точки зрения либеральной морали, ничего страшного здесь нет. Это одно из неотъемлемых прав свободной личности. Если кто-либо хочет так жить, это его дело. Нарушает ли чей-то гомосексуальный брак вашу свободу? Нет. Вот и молчите, не возмущайтесь и принимайте как должное.

Православные спрашивают: почему позволяется растлевать людей? Почему по телевидению свободно распространяется порнография? Им в ответ на это предлагают не смотреть тот или иной телеканал. Ведь никто никого не заставляет смотреть то, что ему не нравится. Но как быть с тем, что телевидение доставляет человеку соблазны и искушения прямо в его дом? А никак, — отвечают нам. — Действия владельца телеканала не ограничивают свободу телезрителя. В итоге общество

привыкает жить в условиях отсутствия понятия греха.

А ведь грех — это смерть. Через грех пришла смерть. Грех и смерть — это синонимы. Все знают, что грех — это зло, но не всегда принимают в расчет, что зло динамично. Оно никогда не остается в рамках, заранее определенных для него. Зло всегда стремится к экспансии — такова логика его существования в мире, таковы законы его бытия. Апогеем развития по пути зла становится смерть, небытие. Бог — это жизнь, диавол — смерть. Добро от Бога, зло от диавола. Значит, зло не успокаивается, пока не достигает своего апогея, торжества небытия. Значит, мир, живущий по закону греха, не имеет будущего.

Нам видеть такое дико и странно, потому что мы живем согласно Преданию. С точки зрения Предания, попираание его нормы есть ересь, преступление против веры. Между тем либеральная идеология, не ведающая понятия греха и воздаяния за него, видит в освобожденном от духовных ограничений человеке носителя его собственной, индивидуальной нравственной нормы. Телепередачи «Про это», «За стеклом» и подобные им — наглядное выражение этой идеологии и одного из способов навязывания ее современному российскому обществу. Либеральная идея несет нравственное раскрепощение греховному человеку, реализует греховный потенциал человеческой личности. И в этом

смысле либеральная идея является антихристианской, ибо диаметрально противоположна христианской идее.

Когда во главу угла поставляется человеческий эгоизм, когда либеральные институты защищают право на грех, то общество, лишённое представления о норме жизни, неизбежно обрекается на духовное вырождение, становясь ареной буйства темных страстей.

Кто может противостоять этому процессу? Сбережение и утверждение неповрежденной нормы веры есть миссия Православия в мире, ибо отказ от Предания на деле означает автоматическое признание утверждения о том, что человеку все дозволено. В сущности, согласие некоторых христианских деноминаций с допустимостью женского священства или благословение гомосексуальных браков, о чем мы уже говорили, есть не что иное, как практическое осуществление либерального стандарта прав человека и безграничной религиозной свободы. Это один из многих случаев последовательного и целенаправленного вытеснения из жизни современного общества апостольской нормы веры и замещения ее либеральным стандартом.

Трагедия современного протестантизма заключается в приятии этой подмены и соучастии в ней, что оборачивается перспективой утратить конфессиональное самосознание вплоть до полного растворения его в системе ценностей секулярного

мира. Именно в экуменическом движении и, в первую очередь, во Всемирном Совете Церквей эта тенденция стала очевидной для православных. Протестуя против женского священства и признания гомосексуальных браков, православные протестуют против самой идеи некоего приоритета либерального стандарта (как известно, имеющего не только христианские корни) над нормой церковного Предания. В кризисе экуменизма отчетливо обнаружилось стремление протестантского большинства использовать либеральную идею в качестве фундаментальной, во многом определяющей экуменическую этику и практику. Это привело к тому, что, несмотря на некоторые успехи в области достижения вероучительных консенсусов, православные и протестанты оказались перед лицом новых разделений, имеющих своей причиной некую «абсолютизацию» либеральных стандартов протестантским богословием...

Сегодня совершенно очевидной становится невозможность бесконфликтной экспансии либерализма, особенно в тех сферах общественного бытия, в которых наиболее прочно укоренены ценности, воспитанные национальной духовно-культурной традицией. Неявная для многих, но от того не менее реальная подоплека военно-политических, культурно-религиозных, национальных и иных противостояний, свидетелями которых мы являемся в пост-

коммунистическую эпоху, состоит именно в сопротивлении консервативного начала и традиционалистского мировосприятия форсированному, если не сказать насильственному, утверждению неолиберальных ценностей. В этом заключается внутренний сюжет идейной драмы наших дней.

Одним из наиболее ярких примеров этого является история с принятием нового российского «Закона о свободе совести и о религиозных объединениях». На Россию было оказано тогда беспрецедентное политическое давление. Тогдашние Президент США Клинтон и канцлер ФРГ Коль обратились к Президенту РФ Ельцину с посланиями протеста, Папа Римский потребовал от Кремля заблокировать новый Закон о свободе совести, американские конгрессмены в случае его одобрения угрожали России экономическими санкциями. Что же случилось, и почему ни одна другая внутрироссийская проблема не вызывала такой негативной, острой и согласованной реакции Запада? Причина проста — наш Закон о свободе совести был расценен как не соответствующий либеральному стандарту в сфере религиозных прав человека. Скромно устранились от участия в этом походе против внутреннего законодательства суверенной державы лишь те страны Запада, в которых Церковь в отличие от России имеет государственный статус или где формальная регистрация экзотических и чуждых местной культурной

традиции сект ставится в зависимость от куда большего количества условий, чем у нас. В сущности, от России тогда в ультимативной форме требовали приведения национального законодательства о свободе совести в соответствие с международными, а фактически западными либеральными стандартами.

Даже на одном этом примере мы видим проявление антихристианской сущности либеральной идеи. «Данный процесс сопровождается попыткой установления господства богатой элиты над остальными людьми, одних культур и мировоззрений над другими, что особенно нетерпимо в религиозной сфере, — говорится в “Основах социальной концепции Русской Православной Церкви”. — В итоге наблюдается стремление представить в качестве единственно возможной универсальную бездуховную культуру, основанную на понимании свободы падшего человека, не ограничивающего себя ни в чем, как абсолютной ценности и мерила истины. Такое развитие глобализации многими в христианском мире сопоставляется с построением Вавилонской башни...»

Постановка этих проблем — дело отнюдь не безопасное, поскольку речь идет о вопросах, решение которых во многом способно определить будущий облик человеческой цивилизации. Понятно, что наш анализ вызывает искреннюю заинтересованность одних сил и не менее искрен-

ний гнев других. Гневаются те, кто в силу определенных идеологических соображений отвергают самую идею постановки подобной проблемы, опасаясь возможного изменения или даже пересмотра в будущем либеральных идей, на которых основывается сегодня попытка сформировать облик человеческого сообщества в «плавильном котле» цивилизаций и культур. Гневаются при этом и ревнители религиозного и культурного фундаментализма, давно решившие для себя все проблемы и глубоко убежденные в том, что единственный способ спастись — это наглухо закрыть дверь своего дома. Тем не менее весьма отрадно, что многие как в России, так и за ее пределами проявили живейшую заинтересованность в дальнейшем обсуждении проблемы соотношения либеральных и традиционных идей и ценностей.

*Из книги «Вызовы современной цивилизации.
Как отвечает на них Православная Церковь?».
М., Даниловский благовестник, 2002 г.*

«Церковь вовсе не против новых открытий и прогресса»

Многих православных волнует, как относиться к новейшим медицинским технологиям, таким, как зачатие в пробирке, клонирование. Действительно ли научные изыскания в этой области не несут никакой опасности для нравственности человека, как утверждают некоторые ученые? И должны ли быть ограничения свободы научного поиска по религиозным мотивам?

— Опасное развитие науки и некоторых технологий бросает вызов самой целостности творения. Это, в первую очередь, относится к экспериментам в области биотехнологии, генной инженерии, клонирования, репродуктивных вариаций.

Церковь вовсе не против развития науки и техники, новых открытий и прогресса. И между душой и машиной нет противоречия до тех пор, покуда душа не машинизируется, а бездушный механизм не начинают любить больше, чем своего ближнего. Церковь выступает лишь за то, чтобы человек в обуявшей его страсти к бесконечному умножению существей

памятовал о самонужнейшей необходимости — заботиться о сохранении в себе образа и подобия Божия и быть верным заповедям Господним. Как мудро говорил один из Отцов Церкви, возлюби Господа — и делай что хочешь. Но в том-то и заключается спасительный парадокс, что человек уверовавший очень скоро обнаружит: все ему возможно, но не все полезно для спасения души. А будучи лишен чувства ответственности перед Творцом за свои дела или возомнив себя равным Ему, ученый неизбежно окажется в ситуации доктора Франкенштейна или строителя очередной Вавилонской башни.

Следует помнить вот о чем. Господь, сотворив мир, отдал его человеку, чтобы тот его возделывал. Возделывание — это своего рода соработничество с Творцом в усовершенствовании творения. Бог дал человеку возможность усовершенствовать мир и делать его более прекрасным в союзе с Богом. Именно на этом зиждется отношение Церкви к науке, к технике, к искусству. Но когда результаты науки не совершенствуют Божие творение, а разрушают и искажают его, тогда Церковь возвышает свой голос протеста.

Что касается самих исследований в области генетики, то Церковь не выступает против них, потому что всякие ограничения здесь будут неэффективными, ибо нельзя ограничить познавательную силу человеческого разума. Но относительно

использования результатов исследования у Церкви своя позиция. При помощи генной инженерии человек вторгается в творение таким образом, что может радикально его изменить. Причем никто сегодня не может предсказать отдаленных результатов этого вторжения. Поэтому первое требование Церкви — гласность и четкий общественный контроль. Так, весьма возможно, что при помощи генной инженерии можно будет предотвращать некоторые врожденные заболевания, например, слабоумие. С другой стороны, во многих случаях биомедицинские методы позволяют преодолеть недуг бесплодия. Хотя пути к деторождению, не согласные с замыслом Творца жизни, Церковь не может считать нравственно оправданными.

К допустимым средствам медицинской помощи в этом случае может быть отнесено искусственное оплодотворение половыми клетками мужа, поскольку оно не нарушает целостности брачного союза, не отличается принципиальным образом от других лечебных процедур и происходит в контексте супружеских отношений.

Манипуляции же, связанные с донорством половых клеток, нарушают целостность личности и исключительность брачных отношений, допуская вторжения в них третьей стороны. Недопустимыми также являются все разновидности экстракорпорального (внетелесного) оплодотворения, предлагающие заготовление, консервацию

и намеренное разрушение избыточных эмбрионов. Именно на признании эмбриона носителем человеческого достоинства основана моральная оценка аборта, осуждаемого Церковью.

То, что при помощи генной инженерии в будущем возможно предотвращение заболеваний, не значит, что человек не будет болеть другими болезнями. Господь всегда найдет возможность провести человека через страдания, если это страдание нужно для его спасения.

Но есть такие области генной инженерии, которые Церковью категорически отвергаются, и, в первую очередь, это касается клонирования человека (получения генетических копий), что уже встретило протест со стороны людей во всем мире и может послужить разрушению общества. Клонирование человека способно извратить естественные основы деторождения, кровного родства, материнства и отцовства. Замысел клонирования является несомненным вызовом самой природе человека, заложенному в нем образу Божию, неотъемлемой частью которого являются свобода и уникальность личности. В «Социальной концепции» дана четкая оценка опаснейшего замысла клонирования человеческих существ. Эта идея «является несомненным вызовом самой природе человека, заложенному в нем образу Божию, неотъемлемой частью которого являются свобода и уникальность личности».

Что же касается прогнозов насчет того, что можно будет «выращивать» писателей, художников, то такие заявления очень сомнительны. Ибо таковое действие есть вторжение в Божий замысел о человеке. «Тиражирование» людей с заданными параметрами может представляться желательным лишь для приверженцев тоталитарных идеологий.

«Клонирование человека способно извратить естественные основы деторождения, кровного родства, материнства и отцовства. Ребенок может стать сестрой своей матери, братом отца или дочерью деда. Крайне опасными являются и психологические последствия клонирования. Человек, появившийся на свет в результате такой процедуры, может ощущать себя не самостоятельной личностью, а всего лишь “копией” кого-то из живущих или ранее живших людей. Необходимо также учитывать, что “побочными результатами” экспериментов с клонированием человека неизбежно стали бы многочисленные несостоявшиеся жизни и, вероятнее всего, рождение большого количества нежизнеспособного потомства. Вместе с тем клонирование изолированных клеток и тканей организма не является посягательством на достоинство личности и в ряде случаев оказывается полезным в биологической и медицинской практике».

Речь может идти об использовании методов генной инженерии не для создания нового типа творения, а для того, чтобы

совершенствовать то, что не имеет полного совершенства, — в частности, исцелить болезнь.

По-видимому, к области вторжения в Божий замысел о человеке можно отнести и различные формы и виды так называемых психотехнологий, насильственно воздействующих извне на человеческое сознание и модифицирующих его. И особенно опасно, когда к подобным методам прибегают средства массовой информации в целях воздействия на коллективное и индивидуальное сознание наших соотечественников...

— Телевидение сегодня — одно из самых популярных и влиятельных средств массовой информации, поэтому было бы неправильно игнорировать его, пренебрегать им в деле церковной проповеди. Ведь часто путь человека к храму начинается с той или иной информации о Церкви и ее жизни, полученной, как может показаться на первый взгляд, совершенно случайно — из телепередачи, со страниц газеты или журнала. Поэтому очень важно присутствие Церкви и церковной проповеди именно в светских СМИ, потому что именно в этом случае наша проповедь становится «адресной», будучи обращена к тем, кто пока не слышал проповеди в храме, для кого пока недоступны собственно церковные издания, то есть к тем, кому слово назидания необходимо более всего.

Однако не может быть сомнения в том, что СМИ, как и почти всякое дело рук

человеческих, таят в себе и определенную опасность в случае, если используются кем-либо злонамеренно, с целью клеветы, лжи, подлога, да и просто манипулирования обществом или его частью.

Вообще же верующий всегда должен, по слову Отцов Церкви, «хранить свои чувства» от всего того, что может лишить душу христианского расположения, внутреннего мира. Поэтому нужно придерживаться принципа воздержания и умеренности, трезвого, разумного и рассудительного отношения к той информации, которую мы получаем посредством телевидения. Тогда эта информация не станет источником заблуждения и соблазна.

Озабоченность возможностью использования в средствах массовой информации, особенно на телевидении, психотехнологий для навязывания тех или иных идей, настроений и тому подобного существует в обществе давно. И здесь, я думаю, христиане должны обращаться к словам Спасителя, которыми Он напутствовал Своих учеников перед Вознесением: *«Уверовавших... будут сопровождать сии знамения... будут брать змей; и если кто смертоносное выпьет, не повредит им»* (Мк 16, 17, 18).

Что это означает? То, что человек стал подвластен стихиям мира сего только по причине греха и что эти стихии не имеют власти над человеком, с помощью Божией побеждающим грех. Это мы называем чудом и видим в святых людях, силой Божией

и силой своего духа удалившихся от недолжного пристрастия к материальному... А различные психотропные методы воздействия на человека — это именно стихии мира сего, это в чистом виде материальное воздействие. Это именно то «смертоносное», которое, по обещанию Спасителя, не вредит уверовавшим в Него. Поэтому христиане должны отогнать от себя всякий страх, всякую боязнь, кроме опасения преступить заповеди Божии.

*Из книги «Вызовы современной цивилизации.
Как отвечает на них Православная Церковь?».
М., Даниловский благовестник, 2002 г.*

Можно ли верующему заниматься политикой и участвовать в деятельности органов власти?

Можно ли православному мирянину заниматься политикой или он должен избегать этого как дела не чистого и небогоугодного? Каким Вам видится возможность участия православных в административном управлении и политических структурах государства?

— В «Социальной концепции» вновь подтверждается запрещение клирикам принимать участие в делах государственного управления, предписанное святыми канонами и решениями предыдущих Архиерейских Соборов. Но ничто не препятствует участию православных мирян в деятельности органов власти. Такое участие может и должно являться одной из форм христианской миссии в обществе, если будет осуществляться в соответствии с Преданием Церкви, с нормами Евангельской морали, со служением Отечеству, со стремлением к преобразению окружающей действительности по слову Христову.

Можно привести множество примеров благотворной политической деятельности христиан в истории. Все благоверные цари и князья, которых наша Церковь прославила в лике святых, так или иначе занимались политической деятельностью. В «грязное дело» превращают политику сами люди в том случае, когда в своей деятельности руководствуются не представлением о духовном и материальном благе народа, а личными своекорыстными целями или интересами различных групп влияния, что искажает смысл и содержание государственной и политической деятельности как общественного служения. Само бытование в общественном сознании стереотипного восприятия политики как «грязного дела» является свидетельством того, что политическая деятельность очень часто сопряжена с грехом и с попустительством греху, с заботой о благе меньшей части общества за счет ущемления прав и интересов большинства. И поэтому от политика-христианина требуются особая нравственная ответственность и чуткость, которых пока недостает, на мой взгляд, большинству современных политиков...

Священноначалие Церкви не дает специального благословения мирянам на создание политических партий и участие в политической борьбе, не благословляет вести эту борьбу от имени всей церковной Полноты, потому что Церковь является ковчегом спасения для всех людей без раз-

личия их политических позиций, а само слово «партия» происходит от латинского «pars», что значит «часть». То есть, участвуя в политической жизни государства, миряне делают это самостоятельно. Однако должен сказать, что это ни в коем случае не обесценивает содействия православных мирян благим начинаниям государства, их деятельности по установлению в обществе социальной справедливости, достижения всеобщего мира и процветания.

Да, Церковь не участвует в политической борьбе. Но если мы сведем ее позицию к формуле «Церковь вне политики», то не станет ли это на деле капитуляцией перед либеральным принципом, согласно которому религия есть сугубо личное дело гражданина, а влияние религиозных организаций должно быть исключено из политической и общественной жизни? В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» отмечено, что патриотизм православного христианина должен быть действенным. Он проявляется и в форме участия в делах государственного управления. Если мы будем вслед за другими повторять крылатую фразу, что политика — это слишком грязное для нас, нехристианское дело, то добровольно отдадим жизнь государства в руки людей, в лучшем случае равнодушных к христианским нравственным ценностям. Неужели у Церкви вообще нет позиции по политическим вопросам, неужели ей нечего сказать политикам, а пра-

вославленным людям нечего делать в политической жизни?

Но ведь мы хорошо знаем, что органами государственной власти в принципе могут одобряться законы и решения, противоречащие православному миропониманию и препятствующие миссии Церкви. После принятия «Основ социальной концепции Церкви» практическое взаимодействие православных политиков с государством и общественными структурами в решении многих спорных вопросов поднимется на новый духовно-содержательный уровень.

Особенно сложными можно назвать проблемы новых биомедицинских технологий, которые порой ставят перед нами такие этические и правовые вопросы, которые во времена Вселенских Соборов и вообразить было невозможно. Каков статус человеческого эмбриона, с какого момента он может считаться человеком? Каковы критерии физической смерти? Возможно ли использование внутренних органов умершего для пересадки другим людям? Диагностика болезней до рождения или «генетическая паспортизация» всех родившихся — хорошо это или плохо? Эти и многие другие вопросы встают не только перед медициной, юриспруденцией, обществом в целом и отдельным человеком, но и со всей непреложностью требуют ответа от нашей Церкви, соучастия народа Божия в их разрешении, в том числе и через

административные, политические и общественные структуры.

Именно поэтому мы не видим препятствий к взаимодействию Церкви со здоровыми политическими и общественными силами разной ориентации, к сотрудничеству с любыми благонамеренными людьми, в том числе инаковерующими и неверующими, при условии их готовности к честному, доброжелательному и заинтересованному диалогу с нами. Но это должно быть сотрудничество в конкретных делах, направленных ко благу народа, а не рекламная поддержка чьих бы то ни было частных интересов.

При этом надо помнить (подчеркну это еще раз!), что от православного политика или государственного деятеля требуется нравственная чуткость. «Христианин, трудящийся в области созидания государственной и политической жизни, призван стяжать дар особой жертвенности и особого самоотвержения. Ему совершенно необходимо быть внимательным к своему духовному состоянию, дабы не допускать превращения государственной или политической деятельности из служения в самоцель, которая питает гордыню, алчность и другие пороки», — как сказано в «Социальной концепции».

Хотелось бы коснуться и проблемы создания собственно христианских политических организаций. Это — безусловно положительное явление, способствующее

утверждению христианских принципов в практике государственной и политической жизни. Такие организации должны советоваться с церковным Священноначалием в своей деятельности, дабы их труды приносили пользу и государству, и Церкви.

Из книги «Вызовы современной цивилизации. Как отвечает на них Православная Церковь?». М., Даниловский благовестник, 2002 г.

О социальной активности прихожан

Несомненно, сама жизнь заставляет православных мирян занять более активную позицию за пределами церковной ограды. Но нельзя не учитывать, что у многих прихожан пока не выработался вкус к социальному деланию. Чтобы заняться, скажем, организацией общества трезвости, молодежного православного клуба, детского православного лагеря, ждут какого-то особого указания правящего архиерея, чуть ли не решения Священного Синода...

— Однажды мне задали вопрос: до революции Священный Синод рекомендовал настоятелям создавать и поддерживать народные общества трезвости при церковных приходах, а какова сейчас позиция Синода по этому вопросу?

Ответ однозначен: Церкви нужно заниматься и обществами трезвости, и молодежными клубами, и иными социально значимыми проблемами. Проблема здесь одна — в заинтересованности, инициативе, социальной активности самих приходов. Разве необходимо специальное указание Святейшего Патриарха или Священного Синода для того, чтобы

совершать добрые дела? Нужно развивать самодеятельную инициативу храмов и прихожан на местах. Приход должен стать центром христианской социальной активности в данной местности. Церковная община сильна не только твердым стоянием в вере, не только строем своей молитвенной жизни, но и совместным участием в делах милосердия, благотворительности, помощи ближним.

Ибо приход — это, прежде всего, общность верующих людей. Если эта общность неформальна, не исчерпывается обрядовой стороной церковной жизни, то на ее основе обязательно зародятся и будут развиваться различные инициативы социального служения. И тогда на одном приходе сосредоточатся на помощи страдающим от алкоголизма и пьянства, другой приход возьмет на себя попечение о сиротах, малоимущих и одиноких, третий станет заботиться о желающих вырваться из наркотической зависимости, четвертый озаботится летним отдыхом и православным паломничеством детей... Но пока приход у нас не станет общиной в полном смысле слова, ничего этого не будет, потому что верующие в равной степени объединяются совместной молитвой и совместным служением ближнему во исполнение заповедей Господних.

И потому одна из главных задач Церкви сегодня — объединить людей в рамках прихода, в том числе и помимо участия в уставных богослужениях. Для этого обязательно нужны специально выделенные приходские

помещения, где люди будут встречаться и совместно трудиться. Новосоздаваемые храмы должны строиться вместе с социальными центрами при них, где были бы зал для собраний, кухня для возможности организации совместных трапез, классы для занятий, библиотека. Ибо православный приход должен стать местом встречи, духовной жизни и социальной активности людей.

Необходимость такой ответственной активности отражена в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви»: «Церковь призывает своих верных чад и к участию в общественной жизни, которое должно основываться на принципах христианской нравственности. В Первосвященнической молитве Господь Иисус просил Небесного Отца о Своих последователях: *“Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла... Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир”* (Ин 17, 15, 18). Недопустимо манихейское внушение жизнью окружающего мира. Участие христианина в ней должно основываться на понимании того, что мир, социум, государство являются объектом любви Божией, ибо предназначены к преображению и очищению на началах богозаповеданной любви. Христианин должен видеть мир и общество в свете его конечного предназначения, в эсхатологическом свете Царствия Божия».

Из книги «Вызовы современной цивилизации. Как отвечает на них Православная Церковь?».
М., Даниловский благовестник, 2002 г.

От чего мы защищаем Церковь?

Почему возник этот феномен современных православных — видеть помеху спасению более во внешних обстоятельствах и других людях, нежели в себе самих? Не отсюда ли досужие толки о «хороших» и «плохих» архиереях, о «правильных» и «неблагодатных» приходах, о «радетелях» и «предателях» Православия... На Украине, например, иногда считают, что если иконы в храме не мироточат, то и благодати в нем нет. Не в этом ли мирском по своей природе суетности, не в этом псевдоправославном рвении (сродни магизму) коренится немыслимая для верующих предшествующих эпох дерзость — публичные обвинения и даже оскорбления епископов Церкви в так называемой независимой православной прессе, явные и скрытые нападки на церковную иерархию вплоть до Святейшего Патриарха. Слишком многие православные, считающие себя борцами за чистоту веры, пребывают в крайне немирном расположении духа, повсюду видя происки «врагов» — своих же братьев во Христе...

— Иногда в средствах церковной или околоцерковной информации случаются

всплески самой настоящей истерии — в частности, по поводу проблемы ересей. Казалось бы, вопрос ставится своевременный и важный. Да, очень нужно говорить о сохранении неповрежденности православной веры перед лицом сонма лжеучений, о защите Православия от ересей, от соблазнов, от тлетворного влияния «века сего».

Все правильно, однако не оставляет ощущение, что это доброе по своим целям дело осуществляется иногда весьма странным образом. Это уже не защита нашего Предания, а какое-то кликушество. К тому же борьба за чистоту Православия порой почему-то включает в себя весь набор безнравственных средств, к которым прибегают журналисты светской прессы, отрабатывая заказ своих «хозяев»: презумпция виновности «заказанного» человека, измышление компромата против него, неспособность слышать собеседника, игнорирование аргументов противной стороны и — непременно — личные оскорбления. Причем все это обрушивается не на злонамеренного сектанта, а нередко на православных людей, взявших на себя смелость отстаивать позиции, которые не устраивают отдельных богословов или группы лиц. Чаще всего речь идет о так называемых «новых» проблемах, по которым до сих пор не было общецерковного, а значит, и общеобязательного мнения. Неужели все это и есть защита Православия? Разве во имя утверж-

дения нашей веры обязательно выносить приговор тем, с кем мы не согласны, в предательстве Церкви, в вероотступничестве, в ереси? Или чем более бездоказательны и огульны наши обвинения, тем лучше мы защищаем Православие?

Я постоянно задаю себе вопрос: что это за явление, откуда оно пришло, чтобы утвердиться в нашей жизни, в чем причина его живучести?

Чаще всего роль наиболее непримиримых воителей за чистоту Православия присваивают себе люди, еще вчера пребывавшие вне ограды Церкви. Это вчерашние атеисты, нередко комсомольские работники. Слава Господу, просветившему их помраченный разум. Однако совершить такой поворот от безбожия к истинной вере способен только внутренне сильный, упорный, целеустремленный человек. Чаще всего подобный жизненный выбор делают вполне осознанно, хотя, конечно, существует в наше время и своего рода конъюнктура в этих вопросах.

И если впоследствии новообращенный избирает в качестве своего служения стезю церковной журналистики, то вполне очевидно, что этот крутой поворот судьбы был для него решением выношенным. Но что происходит далее? Человек, бывший до своего обращения неверующим, имевший вполне языческие понятия о допустимости блуда, прелюбодеяния, винопития и прочего, вдруг прилепляется к Церкви. А это

непросто — нужно менять образ жизни, преображаться внутренне. Это своего рода подвиг — так измениться, развернуть свою жизнь на 180 градусов! Он требует постоянной духовной работы, битвы против собственных страстей. Иными словами, человеку предстоит довершить подвиг внутреннего преображения. А сил на это не хватает, преображения не происходит, хотя чисто внешняя церковность присутствует. В душе человека начинает расти беспокойство, ибо такая ситуация испытывает его на разрыв.

И вот ему предлагается решение, на первый взгляд, снимающее все противоречия: защищать Православие от внешнего врага. Борьба с собственными «страстями и похотьми» может подождать, когда речь идет о битве за торжество истинной веры. Все силы духовные, вся внутренняя энергия отныне обращаются на борьбу со вселенским злом. А уж сверх того привносится все, чем богата наша натура: и оголтелость, и напор, и невысокий культурный уровень, и бытовое хамство. Чем менее преуспел человек в борьбе с самим собой, тем сильнее будет его натиск, обращенный вовне. Наверняка могут существовать и другие поведенческие модели. Например, из нашего общества никуда не исчезли силы, ненавидящие Церковь и боящиеся ее авторитета и влияния. Эти силы обладают необходимыми финансовыми средствами и хорошо организованы. Я отнюдь не ис-

ключаю, что иные из наших «бескомпромиссных» воителей, готовые «защищать» Русское Православие вплоть до раскола церковного единства, действуют не без внушения антицерковных сил.

Нынешний уровень полемики по вопросам внутрицерковной жизни нередко достоин всяческого сожаления. Он — порождение прошлого и в прошлое должен рано или поздно кануть, где память его «погибнет с шумом». Ибо то, о чем мы говорим, суть признаки нездоровья всего общества, а когда болезнь с Божией помощью исцелится, пройдут и сопутствующие ей явления.

Иногда меня спрашивают: почему вы не отвечаете на клевету и оскорбления? Я в таком случае говорю: некому отвечать. Я никогда публично не отвечал на критику еще и потому, что был поражен невысоким уровнем этой критики. В ней чувствуется не столько желание поспорить с какой-то идеей, найти истину, сколько иррациональное желание протестовать. Поэтому не надо слишком драматизировать это временное явление. Все это пройдет и очень быстро. Потому что это признак нездоровья. А когда болезнь с Божией помощью исцелится, то и явление это пройдет.

Но те, кто берут на себя ответственность говорить об этих процессах, о современных церковных проблемах — все пишущие и читающие, должны уяснить, что церковная пресса не вправе обращаться к сред-

ствам, которые противны духу Церкви. Церковная пресса не может также опираться на аргументы и мотивацию, которые выходят за рамки системы нравственных ценностей христианства. Если вы видите статью, автор которой демонстрирует заботу о чистоте Православия, но при этом прибегает к недостойным приемам современной светской прессы, языческой и безбожной по своей сути, то отложите написанное им как очевидный соблазн: это не церковное дело. В лучшем случае — ошибка, отражающая духовное нездоровье пишущего. В худшем случае — очередной заказ врагов Церкви Христовой.

Случается также, что на участие в антицерковной кампании человека подвигают попяляющие его душу демоны гордыни или неудовлетворенного тщеславия. Ничего нового для Церкви во всем этом нет: меняется время — меняются и методы борьбы с Православием. Сегодня одним из таких поводов является область межхристианских отношений, завтра появится какой-то иной повод и так далее, до скончания века...

Из книги «Вызовы современной цивилизации. Как отвечает на них Православная Церковь?». М., Даниловский благовестник, 2002 г.

Служить церковному единству

Многие полагают, будто все, что напечатано, — истина. Потому многие верующие готовы безоглядно верить любому, даже вздорному и суеверному утверждению, если оно появилось в издании, название которого содержит слова «православный» или «русский». В связи с этим возникает вопрос доверия к печатному слову в церковной прессе и об ответственности журналистов, пишущих на церковные темы.

— На вопрос, как можно отличить церковную прессу от не церковной, я бы ответил просто: исходя из духа и языка издания. Если утверждаемое в данном издании противно нравственным принципам христианства, то никогда этому изданию не быть православным, каким бы «правильным» названием оно ни прикрывало свою суть и свои истинные цели. Хоть двадцать раз напишите, что такая газета издается по чьему-то благословению, она не будет церковной газетой! Нельзя защитить Церковь и веру, используя язык и методологию безбожников и язычников. Зато и не найти

лучшего способа, дабы внести соблазн и нестроения в народ Божий. Ибо сказано: «По делам их узнаете их». А дело журналиста есть слово, которое он посылает в мир. И по этому слову с первого взгляда видно, исходит ли оно от христианина, близко к сердцу принимающего проблемы Церкви, или от человека нецерковного, желающего нанести урон Церкви.

Напомню слова Святейшего Патриарха Алексия II, сказанные на VIII Рождественских образовательных чтениях: «Именно слово является фундаментальной основой и стержнем всей человеческой культуры. Однако будем помнить: только истинное и чистое слово, исполненное смысла, исходящего от Бога, живоносно и животворно. Обезбоженное, выхолощенное, ложное слово несет в себе смерть и разрушение, не обладает зиждительной энергией и не поддерживает высокую гармонию бытия. Особенно остро это ощущается здесь, в России, в истории которой народ был воспитан на Слове Божиим, а потому привык относиться к слову с серьезностью и благоговением, придавая всему сказанному и написанному великое значение. Вот почему так страшна сила девальвированного слова, порою льющегося с телеэкранов и газетных статей. Перед этой силой люди, привыкшие доверять слову, подчас оказываются беспомощны... Ведь говорит Господь: *“От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься”* (Мф 12, 37) и *“за вся-*

кое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда” (Мф 12, 36)».

В связи с этим, может быть, наибольшим вызовом и наибольшей опасностью для нас является вопрос разрушения церковного единства. И не только потому, что разделение Советского Союза породило сепаратистские настроения в бывших республиках, что привело к созданию различных раскольнических организаций на Украине, спровоцировало церковный раскол в Эстонии, содействует церковному разделению в Молдове.

Но, помимо этих объективных причин, есть еще и внутренние проблемы, которые создают напряжения в церковном организме. Эти проблемы постоянно провоцируют церковное разделение. И потому одной из самых главных задач церковного журналиста, да и любого верующего православного человека, должно быть служение церковному единству. Потому что покуда Церковь едина, она обладает силой воздействия на общество. Церковь разделенная снижает возможность воздействия на общественную жизнь. Трагедия Украины сегодня — в разделении Православной Церкви. А там где есть единство, его нужно оберегать всеми силами.

И если нам что-то удалось сделать в течение последних десяти лет для изменения образа Церкви в общественном сознании, определить новое место Церкви в современном обществе, то это происходит толь-

ко потому, что Церковь сохраняет свое единство. Мы сильны, пока мы едины. Это залог того, что Церковь будет способна осуществлять свою миссию служения.

*Из книги «Вызовы современной цивилизации.
Как отвечает на них Православная Церковь?».
М., Даниловский благовестник, 2002 г.*

Бывает ли «независимая» православная общественность?

Сейчас верующим упорно навязывают представление о существовании наряду с церковной православной общественностью, якобы связанной по рукам и ногам дисциплиной и послушанием, некоей «независимой» православной общественности, претендующей на то, чтобы быть выразительницей невысказанных чаяний христиан, выступать в роли судьи иерархии и строя жизни Церкви. Не видите ли Вы здесь стремления внецерковных кругов оказывать давление извне на Священноначалие и прихожан, искусственно возгревая конфликты и разделяя народ Божий на внутрицерковные «партии»?

— Этот вопрос очень важен. Сравнительно недавно меня посетил бывший полковник КГБ, ныне занятый созданием Православной партии. Он пришел, чтобы в развернувшейся избирательной кампании заручиться поддержкой Церкви, которая через свои приходы могла бы, по его мнению, поддержать новую политическую структуру, содействуя ее успеху на выборах.

С полным уважением к собеседнику я задал ему один вопрос:

— Прихожанином какого храма вы являетесь?

— Я не являюсь прихожанином никакого храма, — отвечает он. — Мне не обязательно ходить в церковь, чтобы представлять православную общественность.

Я спрашиваю:

— Как же такое возможно?

Он в ответ:

— Это — политическая жизнь, а не церковная. Мы используем исторический авторитет Православия в народе для успеха нашего политического движения.

Я объяснил этому ходоку, что не может быть никакой «православной общественности» в отрыве от Православной Церкви. Либо вы являетесь членом Церкви Христовой со всеми вытекающими отсюда не только правами, но и обязанностями, в первую очередь, каноническими, либо пребываете вне церковной ограды и, следовательно, не можете представлять от имени Церкви. Ибо невозможно называть себя православным человеком, не будучи крещеным, не признавая в качестве основополагающих догматические и канонические позиции Православной Церкви. Поэтому использование в этом смысле понятия «православная общественность» я расцениваю как попытку кощунственной эксплуатации того огромного авторитета, который милостью Божией имеет Церковь в нашем

обществе, несмотря на все испытания, выпавшие на ее долю, вопреки всем историческим катаклизмам, через которые ей пришлось пройти в XX веке.

Скажу больше: провал на выборах всех так называемых православных партий ясно доказывает невозможность для какой-либо общественной силы пытаться опереться на авторитет Церкви, одновременно игнорируя церковные установления, отказываясь от принципа церковной дисциплины. Не приходится сомневаться, что время от времени подобные попытки будут, к сожалению, возобновляться. Появление так называемой «православной общественности» в средствах массовой информации — из их числа.

Из книги «Вызовы современной цивилизации. Как отвечает на них Православная Церковь?». М., Даниловский благовестник, 2002 г.

Колоссальный удар по воспитанию человека

Ваше Высокопреосвященство, Вы говорили о проповеди средствами массовой информации идей вседозволенности, всевластия греха. Проповедь эта, увы, весьма успешна. В итоге множество наших соотечественников уже впитало яд либеральных идей, и им кажется вполне естественным, что греховное начало утверждается во всех сферах современной жизни в качестве ее нормы и идеала. Для них понятие греха в христианском понимании уже не существует. Но начало эти процессы берут в средней школе...

— То, что происходит сейчас в школах, можно назвать неким нравственным помрачением: повсеместно пытаются внедрить такой неестественный, псевдонаучный предмет, как валеология, являющийся, по сути, пропагандой оккультизма и растлевающий наших детей. Сегодня школы уже переполнены американскими цветными учебниками, а в некоторых школах и педагогических вузах этот курс уже внедрен.

Сейчас в адрес Министерства образования направляются письма из епархий,

из школ с протестами против включения валеологии в качестве обязательной дисциплины в учебные заведения. И министру образования России направили коллективное письмо профессора и учителя, протестующие против внедрения валеологии.

Все это насилие над нравственностью и здравым смыслом происходит на фоне того, что Православие в российских школах может преподаваться только факультативно, причем вне учебного расписания и сетки часов. Что же касается валеологии, которую ее авторы именуют «религией XX века», то уже поставлен вопрос о включении ее в обязательную программу. Во многих школах даже открыты штатные единицы: преподаватель-валеолог. Я говорю об этом не понаслышке, а по опыту своей собственной епархии. Огромный протест сейчас зреет против внедрения этого предмета.

Известно, что валеология основывается на антропософии. К сожалению, многие из нас, духом не принимая эту идею, очень мало понимают суть проблемы.

В чем неприемлемость этого направления для нас? Валеология есть принципиальный отказ от религиозной нормы и церковного Предания. Основополагающий принцип педагогики валеологии есть свободное самоопределение ребенка, который не должен быть скован ничем, включая нормы веры и национальной традиции. Ребенок свободен в выборе того, что ему больше нравится. Если он желает начать половую

жизнь в 12 лет, ему не следует препятствовать. Долг взрослых — лишь обеспечить его соответствующими гигиеническими и защитными средствами. Хочет подросток избрать экзотическую сексуальную ориентацию — ни Церковь, ни родители, ни школа не вправе вмешиваться в его «свободный выбор»...

Почему-то валеология делает акцент именно на свободном сексуальном воспитании детей, и именно в этой сфере максимально обнаруживается сущность ее подхода к воспитанию ребенка.

Если валеология будет включена в качестве официального предмета в программу обучения в наших учебных заведениях, то мы станем свидетелями структурного изменения системы образования, решительного отказа от идеи значимости традиционных духовно-религиозных ценностей для формирования человека. Это будет колоссальный удар по воспитанию подрастающего поколения, и драматические последствия этого скажутся очень скоро.

Церковь должна принять самое активное участие в спасении наших детей. Во-первых, православные должны требовать от Министерства образования ввести преподавание религиозных дисциплин в рамках факультатива, предполагающего обучение школьников и студентов на основе их свободного выбора в урочное время, ибо трудно ожидать, что дети изъявят желание изучать дополнительный предмет во время

летних каникул или после шестого урока. Вариативность предполагает свободу выбора, а не исключение предмета из сетки часов. Во-вторых, наш долг состоит в том, чтобы не допустить преподавания валеологии в качестве обязательного предмета в наших учебных заведениях. Мы должны возражать не только против преподавания валеологии, но даже против того, чтобы она была признана учебной дисциплиной, равно как и против того, чтобы по ней готовились преподаватели в педагогических вузах. Поскольку валеология разрушает традиционный подход к образованию, целесообразно протестовать против признания валеологии научной дисциплиной.

И это будет маленьким, но реальным вкладом в то, что понимается под ролью религиозного образования в формировании образа жизни человека.

Чем опасна установка на «свободы и права» ребенка, а фактически — установка на свободу для греха в стенах учебных заведений? И если школа навязывает нашим детям греховный образ жизни и провоцирует «перевоспитание» родителей — выходит, мы обречены на войну со школой? Или на то, чтобы забрать своих детей из рассадника разврата, каким может стать школа в случае введения в нее преподавания валеологии и активного «полового просвещения»?

— Свобода предполагает ответственность, но способен ли маленький человек, который только начинает жить, ощутить

и нести ее в полной мере? Если в соответствии с либеральной идеей предоставить ребенку возможность наслаждаться полной, неограниченной свободой, то следующим шагом в этом направлении, по логике, должно стать применение к младенцам норм уголовного законодательства, взимание с них налогов и так далее. Надо сказать, что мы еще не вполне ясно представляем себе, во что вырастет индивидуум, сформированный в условиях полного отсутствия родительской и учительской опеки, влияния Церкви, общественных норм морали... Весьма возможно, что пройдет пять-десять лет — и мир ужаснется чудовищной жестокости, эгоизму, агрессии и торжеству бессмысленных страстей, которые валеологи вкладывают сегодня в души наших детей. Да, права ребенка должны соблюдаться и быть защищены, но это, прежде всего, право на целомудрие, право не быть развращенным, право быть воспитанным в той культурно-религиозной и национально-исторической традиции, к которой ребенок принадлежит по рождению. Ведь разрушение семейных связей неизбежно сопряжено с нарушением нормального развития детей и накладывает долгий, в известной мере, неизгладимый отпечаток на всю их последующую жизнь. Счастье полнокровной семейной жизни становится недоступным для блудника. Таким образом, грех против целомудрия влечет за собой и негативные социальные

последствия. Особенный вред неутвержденным душам детей и юношества наносит пропаганда содомского порока, когда гомосексуализм, к которому Церковь всегда относилась как к извращению, как к глубокому греховному повреждению человеческой природы, пытаются представить как «норму» и даже как предмет гордости и пример для подражания.

Повторяю, надо защитить право ребенка не быть развращенным! Однако авторы многочисленных телевизионных роликов о «правах ребенка» права эти понимают иначе...

Проблемы школьного образования, порожденные современной российской действительностью, чрезвычайно серьезны. И одним из путей их решения мне видится постоянное и непосредственное участие родителей в жизни школы, их реальный контроль за ее деятельностью, а не просто еженедельный просмотр дневника своего ребенка. Только в этом случае никто не сможет ввести в школе уроки по сексуальному просвещению и валеологии в обход мнения родителей, ибо их открытые, гласные протесты не позволят совершиться этому. Уже есть прецеденты успешных судебных процессов против развратителей в школах, и в крайних случаях можно прибегать к такому способу защиты своих детей. Наиболее же пагубным явлением в этой сфере нашей общественной жизни является родительское равнодушие к судьбам де-

тей. В «Основах социальной концепции» Церковь «призывает верующих в сотрудничестве со всеми нравственно здоровыми силами бороться с распространением дьявольского соблазна, который, способствуя разрушению семьи, подрывает основы общества»...

Что же касается «войны» со школой, то я не считаю этот путь продуктивным. Едва ли большинство родителей способно дать ребенку в домашних условиях то образование, которое он получает сейчас в школе, — традиция домашнего образования прервалась и, судя по всему, возродится не скоро. Более того, наша школа больна сегодня теми же болезнями, что все общество. И, подобно ему, нуждается в воцерковлении. Но разве возможно воцерковить того, с кем находишься в состоянии войны?

*Из книги «Вызовы современной цивилизации.
Как отвечает на них Православная Церковь?».
М., Даниловский благовестник, 2002 г.*

Придет ли молодежь в церковь?

Владыко, можно предположить, что воцерковление молодого поколения, нравственно дезориентированного ложными идеями свободы без берегов, будет более чем непростым. В связи с этим даже утверждается, что роль Православия в жизни общества в дальнейшем будет снижаться, поскольку современная молодежь живет представлениями, далекими не только от церковных канонов, но даже от элементарных принципов общественной морали. Неужели такова перспектива Церкви в ближайшем будущем?

— Думаю, что людям, выступающим с подобными оценками, нужно просто почаще общаться с молодежью. Это не всегда легко — ведь почти каждому человеку, достигшему известного возраста, приходится в процессе такого общения преодолевать сложившиеся стереотипы восприятия и мышления. Но если отказаться от предвзятых мнений, если найти в себе способность не только поучать, но и вслушиваться, то окажется, что встречи с молодыми и радуют, и обогащают. Современная молодежь, прежде всего, очень разная. Было бы

огромной ошибкой судить поверхностно и стричь всех под одну гребенку. Но все же я бы сказал, что тяга к высокому идеалу молодым свойственна даже в большей мере, чем людям старшего возраста, которые чаще бывают отмечены внутренней усталостью и цинизмом. Молодежь к тому же более чувствительна ко всякой фальши и проявлениям косности.

Кстати, если взглянуть на статистику, то картина окажется и вовсе не столь безотрадной, как видится некоторым: среди молодежи людей верующих оказывается больше, чем среди людей среднего возраста. И эта перспектива обнадеживает.

Но в то же время мы видим в молодежной среде разврат, наркоманию, стремление к обогащению и безудержному потреблению. Иногда общество как бы подталкивает юношу или девушку вступить на весьма скользкие стези, дабы заработать на жизнь. Можно ли противиться этому диктату душевредных обстоятельств? И как православному молодому человеку строить свою жизнь в подобных условиях?

— Лучше, чем Псалмопевец, не скажешь: *«Как юноше содержать в чистоте путь свой? — Хранением себя по слову Твоему»* (Пс 118, 9). Что это значит — хранить себя? Не поступаться личным достоинством, душевным миром ради денег и дешевых удовольствий — дешевых в том смысле, что их ценность несравнима с ценностью человеческой личности. Распутство, пьян-

ство, наркотики, нечестная нажива — все это разрушает человека духовно и физически. В конце концов человек теряет от такой жизни всякую радость: душа пуста и неспособна к счастью; все, что манило, оказалось иллюзией.

Чрезвычайно важно иметь в виду, что молодежь особенно подвержена такого рода воздействиям, потому что в молодом организме инстинктивные начала проявляются гораздо сильнее по причине возрастной физиологии человека, сопряженной с отсутствием у него достаточного жизненного опыта и ощущения опасности. Именно молодые люди становятся первыми жертвами пропаганды тотальной вседозволенности, разжигающей инстинкты и страсти, высвобождающей звериное и животное в природе человека. Опьяненные этим состоянием и нередко наркотиками, молодые люди становятся способными на преступление. Не убоюсь еще более сильного определения: мы имеем дело с попыткой создания небывалого доселе человеческого типа, воистину «нового человека», покорного велению своих инстинктов, живущего в мире, где все дозволено, и не ведающего смысла греха.

Желая подольститься к «продвинутой» молодежи, взрослые дяди и тети пытаются философствовать на тему о том, что все это вовсе не так плохо, что молодежная субкультура не должна отвергаться обществом, что таковы культурные коды нашего времени, над расшифровкой которых

должны трудиться культурологи... Полагаю, что в этом проявляется либо лукавство, либо недомыслие. Прошу заметить: мы говорим не о жанре, не о стилистике, не о музыкальных инструментах, потому что все это вполне могло бы содействовать пробуждению совершенно других эмоций и устремлений. Однако мы видим молодых людей, в результате внешнего воздействия превратившихся в одинокую толпу, утратившую человеческий облик. Таков результат воздействия антикультуры на личность.

Потому молодым сегодня приходится делать трудный выбор. За то, чтобы остаться самим собой, надо порой платить дорогую цену. Но дело того стоит.

Сейчас нередко говорят, что молодежь всеми брошена на произвол судьбы и никому не нужна. Порой не исключение и церковная молодежь — куда ей пойти вне храма, чем заняться? А если и создаются где-то православные организации для молодых, то тут же срabатывает возрастное отторжение любой формализованной деятельности — подобные организации кое-где уже окрестили «православным комсомолом». Что же может объединить верующую молодежь?

— Не думаю, что дело, организованное самими молодыми, действительно интересное для них самих (разумеется, не без совета и благословения Священноначалия), вызвало бы реакцию отторжения у их сверстников. Когда же церковные

молодежные организации создаются по указке сверху и просто ради отчетности, когда другие люди оттесняют молодежь в сторону, собираясь что-то делать за нее, вместо нее, от ее имени, — вот такая искусственная, я бы сказал — фальшивая организация действительно будет обречена на угасание. Я знаю примеры и одного, и другого рода...

Что есть сегодня молодежная работа в Церкви? Это, прежде всего, миссия среди молодых людей. Причем отнюдь не среди воцерковленных, но, в первую очередь, среди малоцерковных, малорелигиозных молодых людей, то есть среди тех, кто составляют большинство, все еще далекое от Церкви. Именно этот слой общества мы должны привлечь к Церкви.

Однако нет ничего более опасного для дела миссии в молодежной среде, чем нравоучения и назидания. У молодого человека это сразу ассоциируется с нотациями, которые им годами читают родители и учителя. И происходит рефлекторное отторжение такого рода проповеди. К тому же люди церковные слишком часто бывают склонны прибегать к непривычной и трудной для непосвященных схоластической риторике, нередко уснащенной цитатами на славянском языке. Не исключаю, что у какой-то части молодежи все это может вызвать интерес, но, скорее всего, речь будет идти о людях, уже нашедших дорогу к храму, а вот те, кто всецело захвачены

мирскими попечениями и поглощены страстями и соблазнами века сего, вряд ли откликнутся на подобное обращение к ним. Говорю об этом потому, что мне приходилось наблюдать реакцию молодежных аудиторий на такие выступления священников. И поэтому мы должны научиться разговаривать с современной молодежью на понятном и доступном ей языке.

Но и этот путь не свободен от соблазнов, искушений и трудностей. Уверен, что адаптация к молодежной аудитории не может и не должна простираться вплоть до использования людьми Церкви специфического молодежного жаргона, имеющих хождение в юношеской и подростковой среде образов и понятий. Православному, проповедующему среди молодежи, следует прежде всего оставаться в собственном достоинстве, избегая нарочитого и потому фальшивого стремления быть «современным» любой ценой, что особенно неуместно в случае, когда речь идет не о таком уж молодом по возрасту человеке.

Мы часто говорим о необходимости научиться говорить на языке, понятном для молодежи, я имею в виду не сленг, не жаргон, не принятые в молодежной среде мифологемы, не считающиеся в данный момент модными идеи и имена. Я говорю о способности священника, проповедника, обращаясь к молодежной аудитории, проникнуть в суть реальных жизненных и духовных проблем нового поколения и отве-

тить на них на основании слова Божиего. Ибо у нас с вами нет другого основания для диалога с миром. Но сформулировать свой ответ мы должны на простом и ясном языке. Таким образом, речь идет о форме нашего обращения к молодежи. Очевидно, что оно должно быть искренним. Оно должно быть сопряжено с реальными нуждами молодого человека. Оно должно быть проникнуто любовью к этим людям вне зависимости от того, насколько они приятны или открыты для общения. И если молодые люди почувствуют, что Церковь обращается к ним с искренней любовью, что наша братская благорасположенность к ним согрета теплым и открытым чувством, отмечена дружеской готовностью протянуть руку и не имеет ничего общего со стремлением навязать наш собственный выбор другим людям, воздействуя на их свободный выбор и систему ценностей, — вот тогда эти молодые люди будут нас слушать. Это, разумеется, еще вовсе не означает того, что наша проповедь среди них будет обязательно успешной, но, по крайней мере, нас будут слушать.

Как организовать дело, чтобы оно было живым, плодотворным?

— Конкретные формы и методы могут быть самыми разнообразными.

Что мешает нам во внебогослужебное время общаться с молодыми новоначальными прихожанами?

Надо использовать свойственную молодежи тягу к общению для создания при храмах крепких молодежных объединений, активно вовлекая их в приходскую жизнь. Где-то можно создать молодежный православный клуб, где-то — творческие студии, кружки художественных ремесел. Практиковать молодежные собрания. Тогда люди потянутся к нам сами. Я знаю, о чем говорю, ибо могу оценивать опыт возвращения людей к Православию из протестантизма, из всевозможных сект. Эти люди сегодня говорят нам: почему же ничего подобного у вас раньше не было, когда мы искренне пытались войти в православную жизнь, но нас никто не поддержал? Сложись все иначе, может быть, мы никогда и не ушли бы от православных...

Взгляните на опыт воскресных школ. Кого там больше — мальчиков или девочек? Конечно, девочек. А где мальчики? Они бегают по улицам, играют в футбол, катаются на роликах, на скейтбордах, на лыжах. Но почему бы в таком случае не создавать спортивные кружки при храмах, чтобы и мальчишки оказались в сфере заботы и внимания православных молодежных активистов? Мы не знаем, кто работает с мальчиками в светских спортивных секциях и какие идеи им там прививает. Так пусть дети получают спортивные навыки у нас в непосредственном общении с церковными людьми. Мы сумели бы одновременно воспитывать их как физи-

чески развитых людей и добрых христиан...

Стоит и о молодежных спортивно-паломнических лагерях подумать, и реставрационные бригады попробовать создать — все зависит от наличия сил, энтузиазма организаторов, материальной базы. Важно лишь, чтобы молодые не противопоставлялись старшим членам прихода, чувствовали себя членами единой церковной семьи — востребованными, полноправными ее членами. И главное — избегать безосновательного авторитаризма, не путая его с заслуженным пастырским авторитетом! Важно уметь откликаться на инициативу молодых, доверять им реальное дело, не сковывать проявления их дарований, не кормить одними поучениями. Но, конечно, и проверять, как они дело делают, вовремя давать нужный совет, а при необходимости и взыскивать за нерадение — с уважением, с любовью, но строго. Вот тогда на приходе у священника появятся многочисленные и энергичные помощники, на недостаток которых так часто жалуются пастыри.

Говорю это, исходя из опыта. Слава Богу, у нас и в епархии молодежь активная, и в Отделе внешних церковных связей, к моей радости, трудится немало молодых людей. Иногда, конечно, они ошибаются, но без них уже вся работа остановилась бы.

Думается, если мы действительно озабочены вопросом развития работы с молодежью в лоне Церкви начиная от прихода,

благочиния и епархии до общецерковного уровня, то нам нужно в первую очередь научиться читать в душах окружающих нас людей, замечать и пестовать духовные таланты в среде молодого поколения. Ведь религия, сознательно избранный религиозный образ жизни — это выбор сильных людей. Когда же такой выбор делается в молодые годы, то это значит, что мы имеем дело с людьми особенными. Религиозные молодые люди заслуживают бережного отношения, а их особый духовный дар и талант должны использоваться в полной мере. Этот духовный потенциал молодого поколения ни в коем случае не должен быть потерян для христианского свидетельства в мире, для дела Божия.

Хочется особо подчеркнуть роль инициативы в работе с церковной молодежью. Надо не ждать указаний сверху, но отчетливо понимать, что Церковь — это не «руководящий аппарат», не «директивный орган». Церковь — это все мы, и именно мы в ответе за то, что с ней будет завтра. Господь благословил нас огромными возможностями для творчества в сфере церковно-молодежной политики. Важно не упустить их, воспользоваться ими в полной мере на благо Церкви и молодого поколения народа Божия.

До понимания этого надо еще дорасти. Но часто первые шаги молодых в храме бывают невероятно трудны. Одна из проблем — как

уверовавшему молодому человеку строить отношения со старыми друзьями и привычным кругом общения...

— Отсутствие житейских проблем у верующего, насколько мне известно, не принадлежит к числу обетований Божиих...

Понимаю, как непросто дается порой решение возникающих перед молодыми вопросов. С одной стороны, круг неверующих или невоцерковленных друзей — самая естественная среда для проповеди, для свидетельства о Христе и Его Церкви. А подобное свидетельство может быть действительным только тогда, когда жизнь этих людей и их судьба тебе небезразличны, когда ты испытываешь к ним живой личный интерес. Фарисейское чувство превосходства: «*Этот народ невежда в законе, проклят он*» (Ин 7, 49), — перечеркивает всякую возможность послужить спасению окружающих. Дружеское общение с теми, кто во многом не похожи на тебя, может, кроме всего прочего, стать хорошей школой будущего пастырства. Как можно *идти по всему миру и проповедовать Евангелие* (см. Мк 16, 15), если ты не в состоянии найти нужные слова для просвещения тех, кого давно знаешь?

С другой стороны, инерция прежнего круга общения на каком-то этапе жизни иногда бывает непреодолимым искушением для человека, еще не утвердившегося в своей вере и в жизненном выборе. Может случиться, что не юноша, пришедший в

Церковь, помогает близким людям идти вперед, а они тянут его назад. Иногда всякая основа для дружбы утрачивается — например, когда объединяющим началом была приверженность общему греху. Тогда уж *«бегите из среды Вавилона и спасайте каждый душу свою»* (Иер 51, 6). В таких случаях продолжение прежних отношений может стать той самой дружбой с миром, которая, по слову апостольскому, *«есть вражда против Бога»* (Иак 4, 4). Новообращенным юноше или девушке таких людей чаще всего обратить не под силу, а вот своей душе повредить они могут.

Именно потому, что молодые наиболее подвержены воздействию негативных, часто разлагающих форм современной массовой культуры, они требуют особого пастырского попечения, хотя нужный подход к их душам найти труднее — ведь надо понять сложные психологические проблемы, возникающие в душе молодого человека, даже воцерковленного...

В молодом возрасте центр жизни человека по большей части заполняет его собственное «эго». Но ведь то, что находится в центре нашего существования, определяет и образ нашей жизни — религиозный или нерелигиозный. Если в центре жизни пребывает Бог, значит, человек живет религиозной жизнью. Если же Бог не занимает центрального места, такая жизнь определяется как нерелигиозная. Человек формально может считаться верующим,

быть крещеным и даже ходить в церковь, однако если в центре его индивидуального существования нет Бога, то он живет нерелигиозной жизнью. Это и происходит с большей частью молодых людей, даже воцерковленных.

Чтобы в этом разобраться, нужна, прежде всего, чуткость к голосу своей совести, честность перед Богом и перед самим собой. Хорошо бы найти опытного духовника, который мог бы помочь в такой ситуации. Но и он, если до конца честен, не даст готовых ответов на все случаи жизни. Человеку самому придется отвечать за свой выбор перед Богом.

Как раз с духовниками у молодых людей нередко бывают проблемы. При решении жизненно важных вопросов они иногда испытывают давление со стороны некоторых священников. Как в таких случаях поступать, чтобы, с одной стороны, не впасть в своеволие, а с другой — не искалечить себе жизнь исполнением явно не приемлемых благословений?

— Такая ситуация — большая беда, связанная с достаточно широким распространением недобросовестного и некомпетентного духовничества. Когда пастырь переступает границы своего церковного послушания, он и сам тяжело согрешает, навлекая на себя гнев Божий, и своих духовных чад может искалечить духовно. Об этом ясно сказано в принятом в декабре 1998 года «Определении» Священного Синода о духовничестве. Тогда

Священноначалие Церкви авторитетно напомнило духовникам, что «они призваны помогать своим пасомым советом и любовью, не нарушая при этом богоданную свободу каждого христианина».

Не следует переносить на отношения мирянина со священником тот образец беспрекословного послушания, который возможен лишь в монастыре, во взаимоотношениях между послушником и его старцем. Синод указал, в частности, что совершенно недопустимо для пастырей «вмешиваться в вопросы, связанные с выбором жениха или невесты кем-либо из пасомых, за исключением случаев, когда пасомые просят конкретного совета». И, разумеется, столь же недопустимо настаивать на принятии монашества или священного сана «за послушание». Это в будущем может обернуться трагедией.

Как поступать, если подобное давление все же имеет место? Об этом в том же «Определении» сказано совершенно недвусмысленно: если духовник «превысил данную ему Богом власть “вязать и решить”», надо обращаться к правящему архиерею». И еще Священный Синод напомнил пастве, что «советы духовника не должны противоречить Священному Писанию, Священному Преданию, учению Святых Отцов и каноническим установлениям Православной Церкви; в случае же расхождения таковых советов с указанными установлениями предпочтение должно отдаваться последним».

Владыко, Вы уже говорили о деятельности среди наших соотечественников зарубежных «миссионеров» всех толков, расхищающих стадо Христово. Чаще всего их жертвами становятся молодые люди — из-за своей неопытности, излишней доверчивости. Нередко они приходят в Православную Церковь, уже будучи искалеченными в тоталитарных сектах и псевдорелигиозных организациях. Как может православный пастырь уберечь молодых от этих губительных ловушек?

— Прежде всего, он должен быть именно пастырем, а не наемником, «которому овцы не свои», который отслужил, что положено, сказал отпуст и был таков, а в это время *«волк расхищает овец, и разгоняет их»* (Ин 10, 12). Иногда сектанты привлекают людей всего лишь тем, что они в отличие от нерадивых пастырей, которые *«насли самих себя»* (Иез 34, 2), просто-напросто уделяют людям элементарное внимание, проявляют готовность разговаривать с ними об их проблемах.

Сегодня православный священник должен заботиться не только о тех, кто приходят в храм, но думать и о тех, кто еще не нашли дорогу к храму. Движение навстречу людям есть неперемнное условие успеха православной миссии внутри страны, которая призвана остановить прозелитизм на нашей канонической территории.

Эта работа с людьми просто невозможна без той любви, которая является высшей ценностью человеческой жизни. Тема любви имеет чрезвычайно важное значе-

ние в жизни молодых людей. Однако современному человеку навязывается такое понимание любви, которое к этому чувству никакого отношения не имеет. Сегодня именно Церковь способна и обязана учить молодых людей тому, что наиболее ярко любовь проявляется в подвиге жертвенности. Ведь любить — значит отдавать себя другому человеку. Вне взаимного принесения себя в дар другому любви нет. А что такое отдавать? Это ведь всегда жертвовать. Кто такой хороший муж? Тот, кто отдает супруге время, заботу, финансовые средства. А плохой муж — тот, у которого нет для жены ни времени, ни денег, тот, чьи интересы и заботы ориентированы вовне. То же самое можно сказать о хорошей или плохой жене в зависимости от ее отношения к мужу.

Вообще хороший человек — это тот, кто отдает. Вы пришли в кабинет к начальнику. Он предложил вам сесть, он выслушал вас и поговорил с вами. То есть он отдал вам свое время. И потом что-то сделает для вас. То есть снова будет отдавать время, энергию, внимание. Соответственно, плохим человеком будет тот начальник, который вас не принял, а если принял, он не стал слушать и ничего не сделал, не захотел отдать себя вам.

Мы должны помочь людям это понять. Ибо любовь — не только дрожь в коленках, это еще и нечто другое, напрямую связанное с образом жизни. Подготовить людей к счастливой семейной жизни — значит

подготовить к жизни вообще. Кроме того, это означает сделать счастливым следующее поколение людей, которые вырастут в религиозных семьях, окормляемых Церковью. Но ради счастья людей и полноты их бытия Церковь и работает, потому что начавшееся на земле подлинное человеческое счастье не обрывается за гробом. Оно уходит в вечность. Оно становится жизнью в Царствии Божиим. Вот для этого Церковь и должна сегодня работать с молодежью.

*Из книги «Вызовы современной цивилизации.
Как отвечает на них Православная Церковь?».
М., Даниловский благовестник, 2002 г.*

Православный образ жизни — условие выживания цивилизации

Владыко, хотелось бы затронуть тему о необходимости утверждения в сознании самых разных людей православного образа жизни одновременно как нормы и как идеала, к которому надо стремиться, но которого так страшится мир, избравший путь греха и гибели. Если мы этого не сделаем сейчас, то нашим детям, скорее всего, предстоит выживать в саморазрушающемся обществе, не имеющем будущего...

— «Вникай в обстоятельства времени», — говорит священномученик Игнатий Богоносец. Этот завет особенно актуален сегодня. Да, обстоятельства нынешнего времени таковы, что равнодушие к утверждению православных ценностей жизни в окружающем нас мире может поставить цивилизацию на грань катастрофы.

И это не преувеличение, не досужие выдумки богословов. Мне иногда указывают на то, что я говорю о православном образе жизни, тогда как такого понятия в Библии нет. Но в Библии нет также и понятия христианского образа жизни. Эти

смыслы мы извлекаем не из буквы, но из духа Священного Писания. Задача богословия заключается как раз в том, чтобы, используя библейские идеи, развивать их применительно к пониманию и проблемам современного человека — в соответствии со святоотеческим Преданием.

В Калининграде установлен мемориальный знак в память о германском социологе и общественном деятеле Юлиусе Руппе. Надпись, выбитая на граните, неизменно привлекает внимание людей вне зависимости от их вероисповедной принадлежности: «Кто не живет согласно истине, которую он признает, тот сам опаснейший враг истины»...

Традиционные ценности необходимы нам как воздух во имя нравственного становления личности, полноты духовной жизни индивидуума и межличностных отношений. Если мы в России вслед за Западом утратим понятие греха, заместив его понятием свободы, то мы создадим совершенно нежизнеспособную цивилизацию, которая рухнет под бременем греховных страстей.

И потому либеральное и традиционное начала, православный образ жизни и западный секулярный стандарт могут сочетаться только при одном условии — при сохранении наших традиционных ценностей, нашего образа жизни, которым предусматривается возможность противостоять греху, начиная с его ясного именованя

и обозначения его опасности для человека и общества. Уже ради одного этого религиозному образу жизни должно быть гарантировано право существования в нашем мире и особенно в России.

Забота об этом должна стать не только церковным, но и государственным делом. Государство, положив либеральную идею в основу государственно-общественной модели развития страны, должно противопоставить ей утверждение в сфере воспитания, образования и межличностных отношений традиционные для России ценности — наш с вами православный образ жизни.

И поэтому вопрос, какими должны быть российское законодательство, образование, культура, социальные отношения, общественная мораль, — вопрос о том, сохранится ли наша культурно-цивилизационная модель в наступившем столетии, займет ли она свое достойное место в мировом сообществе и выживем ли мы как православный народ. Но это и вопрос о том, сохранится ли вообще на нашей планете человеческая цивилизация. Ибо, утверждая православный образ жизни, мы тем самым формируем принципы жизнеспособной цивилизации.

И потому мы говорим, обращаясь к людям на Западе, воспитанным на либеральных ценностях: «Подумайте о будущем человечества. Потому что, упразднив понятие греха, раскрепостив падшего человека, вы высвободили страшный разруши-

тельный потенциал человеческих страстей и инстинктов, которые в условиях либеральных свобод способны разрушить человеческую цивилизацию.»

И поэтому наш ответ миру должен быть таким: укорененная в Священном Предании Церкви жизнь человека, его православный образ жизни, предполагающий борьбу с грехом и освобождение от власти дьявола, — неперемненное условие выживания цивилизации в современных условиях.

Сегодня другого ответа и быть не может.

Безрелигиозное общество обречено. У него нет шансов на выживание. При всей развитости экономики, социальных и политических институций люди способны жить вместе только на основании нравственного закона. Если нравственность уходит из жизни общества, то оно превращается в волчью стаю, в банку со скорпионами, и люди начинают друг друга уничтожать. И никакие законы не помогают, никакие законы не работают, если уходит нравственное начало. Апостол Павел говорил: «Язычники естеством законное творят». И не нужно бабушке, которая живет в смоленской деревне, знать законы — ибо она никаких законов не нарушает, потому что христианским, нравственным естеством законное творит. И когда мы говорим, что в нашем обществе властвует криминал, поскольку у нас, видите ли, неразвитая правовая система, то позволительно спросить: а разве на Афоне она более развитая? И

когда мы говорим, что нужно деньги вложить в бюджет, чтобы повысить эффективность нашей правовой и правоохранительной системы, — то можем весь бюджет туда направить, а общество будет волчьей стаей. Невозможно добиться нормальной жизни, совместной жизни людей без поддержания нравственной составляющей.

Сам факт того, что, утверждая принципы православного образа жизни, мы тем самым формируем и жизнеспособную цивилизацию, означает очень многое. Россия своим трагическим опытом в XX веке предостерегла Европу и мир от многих бед, подсказав им о необходимости искать иные исторические пути.

В ответ на вызов глобализации христианам предстоит еще раз подтвердить своим примером Евангельскую истину о том, что *«не хлебом одним будет жить человек»* (Мф 4, 4). Ведь Священное Писание определенно свидетельствует о том, что умереть духовно личность может даже при самых благоприятных материальных условиях. Достаточно вспомнить притчу о богаче и Лазаре или слова Господа Иисуса Христа: *«Предоставь мертвым погребать своих мертвецов»* (Лк 9, 60). Наши народы на собственном опыте убедились, что всякое объединение людей и любые их усилия, предпринимаемые только во имя стяжания хлеба насущного, ведут к неизбежной моральной деградации и саморазрушению. Поэтому мы можем прогнозировать, что

падение нравственности, прогресс бездуховности и вседозволенности на фоне глобализации способны привести к вырождению и, возможно, самоуничтожению человечества, ибо *«светильник... нечестивых угасает»* (Притч 13, 9).

Таким образом, реальным выходом из тупиков либеральной идеологии будет возврат к сознанию религиозному, ибо только в перспективе вечной жизни человек может постичь смысл истинный своего пребывания на земле, перестроить характер своих отношений с ближними и природой на новых основаниях. Иными словами, от того, насколько гармоничны отношения человека с Творцом, зависит все многообразие его отношений с тварным миром, зависит в конечном счете само выживание человеческой цивилизации. Утрата религиозного сознания есть предпосылка деградации первоначальной целостности личности, поврежденной грехопадением и восстановленной вочеловечением Сына Божия; она чревата губительными последствиями для всего земного шара. Сказанное дает основание утверждать, что XXI век либо будет религиозным, либо он рискует стать последним веком человеческой истории.

С момента Пришествия в мир Спасителя наступило предвозвещенное пророками «лето Господне благоприятное». Господь Иисус Христос пришел *«благовествовать нищим... исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, сле-*

ным прозрение, отпустить измученных на свободу» (Лк 4, 18). Вступив в XXI век, все христиане призваны свидетельствовать миру об этом, уготовляя, подобно Иоанну Крестителю, «*путь Господу*» в сердцах людей. Нам необходимо объединить наши усилия ради того, чтобы понятия добра, справедливости и святости имели в жизни людей определяющее значение, «*дабы жили мы и дети наши*» (Быт 43, 8).

О первоочередной важности свидетельства перед миром шла речь на Всеправославном научном симпозиуме «Свидетельство Церкви в третьем тысячелетии», который проходил в Иерусалиме с 10 по 17 июня 2000 года в соответствии со Всеправославным решением по благословению приснопамятного Диодора, Блаженнейшего Патриарха Иерусалимского и всей Палестины. В общеправославном форуме приняли участие представители всех Поместных Церквей, подписавшие совместное коммюнике, в котором, в частности, говорится:

«Продолжение христианского свидетельства является необходимой обязанностью и служением Православной Церкви. Вечная весть Церкви есть Сам Христос, “Земля живых”. Это свидетельство становится еще более настоятельным ныне, когда мы переживаем время быстрых перемен, время, характеризующееся неопределенностью, напряженностью и насилием...

Весь народ Божий участвует в свидетельстве, которое Церковь возвещает наступаю-

щему миру третьего тысячелетия. Клирики и миряне, мужчины и женщины, пожилые и молодые — все они, каждый соответственно своему дару, ответственны за это свидетельство и призваны быть живыми образами Евангельской вести, передаваемой посредством слова и жития...

В нынешнюю эру глобализации высший долг православного богословия — нести миру незамутненное свидетельство Православия. Не ограничиваясь подготовкой клириков и новых богословов, православное богословие должно проявлять свое присутствие в богословских диалогах, экуменических и межрелигиозных консультациях, которые столь важны в настоящее время.

Православие, не увлекаясь демонизацией глобальных процессов и предвещением грядущих бед, но вместе с тем, не игнорируя опасных сторон глобализации, которая часто строится на антропоцентрических основаниях, не должно бояться, оставаясь верным в своем свидетельстве подлинной апостольской проповеди.

В связи с началом третьего тысячелетия Церковь снова призывает христиан бороться за осуществление Евангельского образа жизни, за преобразование жизни всего человеческого общества».

Надеюсь, и это наше размышление о будущем человеческой цивилизации, о роли и значении православных ценностей для человека, семьи и общества поможет всем

нам сделать выбор в пользу жизни. Верю, что по молитвам всех святых, в земле Российской просиявших, трагический и непосильный для любой другой страны опыт нашего многострадального Отечества в XX веке, как это доселе нередко случалось в истории, послужит ко благу всего рода человеческого, указав ему на серьезность грядущих опасностей и спасительность реальных путей их преодоления.

Из книги «Вызовы современной цивилизации. Как отвечает на них Православная Церковь?». М., Даниловский благовестник, 2002 г.

«Личное обогащение в ущерб интересам ближнего чуждо православному мировоззрению»

5—6 июня 2007 года в Кельне прошла конференция религиозных лидеров в связи с саммитом глав государств «Группы восьми», организованная по инициативе Евангелической Церкви в Германии. В работе конференции приняли участие Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл и заместитель Председателя ОВЦС протоиерей Всеволод Чаплин. Митрополит Кирилл выступил на конференции с докладом.

— Уважаемые религиозные лидеры!

Мировая экономика является сегодня предметом напряженных дискуссий. И Русская Православная Церковь стремится определить свой целостный взгляд на глобальные экономические проблемы,

среди которых огромное место занимают проблемы богатства, бедности, справедливости. Этого требует христианское мировоззрение, охватывающее все стороны жизни человека — не только личной, но и общественной.

Русская Церковь активно говорит об экономике с начала 1990-х годов. Мы протестовали против невыплаты зарплат и пенсий, говорили о социальных издержках экономических реформ. В 2000 году были приняты «Основы социальной концепции» нашей Церкви, в которых содержится несколько разделов, посвященных экономике. Через четыре года на Всемирном Русском Народном Соборе — общественном форуме с участием Церкви — был принят «Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании». В «Своде» представлена модель экономического поведения, соответствующая десяти Божественным заповедям.

К сожалению, мы живем в мире вопиющего неравенства. И в этих условиях долг Церкви — напомнить всем о том, что миллионы людей влачат нищенское существование, страдают от голода и социальной дискриминации, от последствий деградации окружающей среды. Во многом так происходит потому, что в доминирующей политической и экономической культуре ценность человека и народа нивелируется алчной погоней за материальным благополучием, властью, комфортом, развлечениями. В небольшом количестве стран строится

общество высокого, а может быть, и чрезмерного потребления. Многие считают, что это происходит за счет давней и нынешней эксплуатации стран второго и третьего мира. Мы как Церковь сталкиваемся с этой проблемой ежедневно. Это обсуждается в ходе международных дискуссий высокого уровня и одновременно затрагивает конкретного человека — например, нашего прихожанина, страдания которого Церковь всеми силами стремится облегчить.

Личное обогащение в ущерб интересам ближнего чуждо православному мировоззрению. Поэтому нашу Церковь особо заботит вопрос нравственного отношения к богатству и бедности, а также связанная с этим проблема социального неравенства. Прошедший в марте этого года при широком участии политиков и бизнесменов XI Всемирный Русский Народный Собор громко заявил, что экономика должна служить благу человека и общества. Да, она должна быть эффективной, иначе она перестает достигать своих целей. Неэффективная советская экономика привела к ослаблению и распаду страны, ко многим другим потрясениям. Но другим параметром экономики непременно должна быть справедливость. Итак, эффективность и справедливость.

Убежден: сегодня необходимо сформулировать позитивную альтернативу глобальному экономическому неравенству, вызванному неадекватным распределением вознаграждения за труд. Религиоз-

ные лидеры могут внести важный вклад в решение этой проблемы — как на уровне международных контактов, так и на уровне своей страны и конкретной общины.

Еще одной проблемой остается непрозрачность и неравноправность принятия решений внутри международных финансовых организаций. Это проявляется в фактическом устранении правительств экономически слабых стран от определения судьбы их народов.

Современный мир вообще переживает кризис народовластия, обычно обозначаемого словом «демократия». Важнейшие решения, особенно в экономической сфере, принимаются не избранными представителями, а международной бюрократией, руководством транснациональных корпораций, информационной элитой. Затем эти решения навязываются большинству народов мира как якобы безальтернативные. Налицо кризис демократии и на уровне национальных правительств, особенно в развивающихся странах. Многие из этих стран, кстати, фактически теряют независимость, становясь объектами безграничного влияния международных финансовых организаций.

Назрела необходимость демократизации принятия решений внутри международных финансовых организаций. Первый шаг к этому — неукоснительное соблюдение принципов международного права, в первую очередь, принципа суверенного равен-

ства государств. Только гармонично сочетая экономический рост и социальную справедливость, можно стабильно развивать мировую экономику. Новая стратегия мирового экономического развития должна учитывать положения Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Проблема борьбы с бедностью носит не только экономический, но и политический характер. Ведь общеизвестно, что крайней бедности всегда сопутствует фактическое ограничение прав человека. Поэтому новая стратегия мирового экономического развития должна непременно сочетаться с усилением реального народовластия, включая учет голоса беднейших слоев населения. Необходим и гражданский контроль над международными бюрократиями и транснациональными корпорациями.

В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» говорится: «Продолжая на земле служение Христа, Который отождествил Себя именно с обездоленными, Церковь всегда выступает в защиту безгласных и бессильных... Духовное благополучие и самосохранение общества возможны лишь в том случае, если обеспечение жизни, здоровья и минимального благосостояния всех граждан считается безусловным приоритетом при распределении материальных средств».

Русская Православная Церковь призывает международные организации, нацио-

нальные правительства и бизнес к нравственной ответственности за проводимую ими экономическую политику.

В заключение я бы хотел напомнить о важной роли христианских конфессий и мировых религий в борьбе с гонкой вооружений в эпоху холодной войны. Тогда верующие люди постоянно возвышали свой голос, протестуя против колоссальных затрат на вооружения, справедливо связывая бедность на нашей планете с расточительным использованием ресурсов для поддержания паритета между двумя военными блоками. Исчезновение одного из этих блоков и последовавшее затем сокращение ядерных и обычных вооружений вселили надежду на мирное будущее. События, которые сегодня происходят в Европе, способны разрушить эти надежды. Совершенно очевидно, что размещение в Чехии и в Польше элементов американской ПРО повлечет за собой ответ России, которая усматривает в этом размещении угрозу своей безопасности. Мы стоим на пороге возобновления гонки вооружений, способной разрушить хрупкий баланс сил, обеспечивающий безопасность Европы. Похоже, что настало время вновь вернуться к теме безопасности на Европейском континенте и выразить наше неприятие перспектив гонки вооружений, которая, как известно из прошлого, затрагивает не только вовлеченные в нее страны, но бросает страшную тень на всю планету.

<http://mospat.ru/index.php?page=36508>

Мировая торговая система. Свобода? Справедливость? Демократия?

На заседании круглого стола 15 апреля 2005 года на тему «Мировая торговая система. Свобода? Справедливость? Демократия?» вступительное слово сказал Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл.

— Сегодняшний круглый стол проходит в развитие инициативы Всемирного Совета Церквей (ВСЦ) по проведению международной христианской акции «Всемирная неделя действия по проблемам торговли». В течение многих десятилетий ВСЦ (в рамках этой организации Русская Православная Церковь ведет диалог с протестантским миром с 1961 года) изучает проблемы социально-экономического развития, международной торговли, экономических отношений между Севером и Югом. Еще в 80-е годы прошлого века Всемирный Совет Церквей приступил к реализации программы по изучению дея-

тельности транснациональных корпораций. Интересы нашей паствы в то время были далеки от подобного рода проблематики, поэтому обращение Всемирного Совета Церквей к вопросам, связанным с деятельностью глобальных надгосударственных экономических объединений, не вызвало реакции внутри Русской Церкви и осталось незамеченным.

Сегодня ситуация изменилась. Процессы глобализации и тесно связанные с ними вопросы международной торговли волнуют широкий круг людей в нашей стране, что и обуславливает активное участие Русской Православной Церкви в дискуссии, давно ведущейся в ВСЦ по этим темам.

Цель нашего круглого стола — дать моральную оценку базовым принципам, на которых строятся сегодня международные торговые отношения, выявить и проанализировать последствия их реализации для стран так называемого второго и третьего мира, а также России, имея в виду ее предстоящее вступление во Всемирную торговую организацию (ВТО).

Приходится констатировать, что жизнь современного мира характеризуется вопиющим социально-экономическим неравенством. Миллионы людей влачат нищенское существование, страдая от недоедания и разных форм дискриминации, от последствий деградации окружающей среды. Чтобы убедиться в этом, не нужно ехать в беднейшие страны Азии, Африки и Латинской Америки — до-

статочно посетить российскую «глубинку», где все эти явления сегодня можно увидеть воочию. Во многом они обуславливаются тем, что в доминирующей в современном мире политической и экономической культуре главенствует гедонистическое стремление к материальному благополучию и комфорту. Собственно же гуманистические ценности, коренящиеся в библейской нравственной традиции, девальвированы. В небольшом количестве государств строится общество высокого, а может быть, и чрезмерного потребления за счет эксплуатации народов, не вошедших в «золотой миллиард». Такой эксплуатации служат дискриминационные в отношении целого ряда стран торговые правила ВТО и экономически необоснованное, но политически ангажированное требование тотальной приватизации, которая охватывает и жизненно важные стратегические ресурсы — национальное достояние, принадлежащее не только нынешнему поколению, но и далеким потомкам.

Выполнение данного условия, по мысли руководителей всемирных финансовых институтов, является необходимым для устойчивого экономического роста в развивающихся странах и государствах бывшего социалистического лагеря, однако на практике оно далеко не всегда способствует достижению декларируемой цели.

К тому же практика убедительно показывает, что высокие темпы экономического развития сами по себе, без создания дей-

ственного механизма перераспределения материальных благ, основанного на нравственном отношении к слабым и обездоленным, не решают проблемы социальной несправедливости, что создает питательную среду для роста экстремизма и нетерпимости, крайней и все более распространенной формой которых является терроризм. Да и сама экономика, построенная лишь на стимулировании потребления, не может развиваться бесконечно в силу ограниченности природных ресурсов.

Поэтому сегодня возникает необходимость сформулировать позитивную альтернативу глобальному экономическому неравенству, порожденному сложившейся системой распределения материальных ресурсов. От того, сможет ли политическая и экономическая элита развитых стран выполнить эту задачу, во многом зависит, будет ли человечество поступательно двигаться к гармонично развитому общежитию, или же мир вновь ожидает череда кризисов и революций.

В ходе недавно завершившихся переговоров представителей ряда межконфессиональных организаций с группой экспертов Всемирного банка и МВФ, Всемирный Совет Церквей представил широкой общественности свое видение состояния мировой экономики и путей его улучшения, суть которых заключается в следующем:

— недопустимо разрушение локальных экономик и обществ под влиянием доми-

нирующей неолиберальной модели развития;

— рыночная экономика сама по себе, если она лишена какого-либо регулирования, в том числе и государственного, становится причиной маргинализации и исключения из активной жизни большого количества людей;

— необходимо повысить роль национальных правительств в управлении экономикой и, в первую очередь, теми ее отраслями, которые связаны с эксплуатацией природных ресурсов и имеют общегосударственное значение, поскольку ускоренная либерализация, проводимая в странах третьего мира под давлением международных финансовых организаций, дает очевидный отрицательный результат;

— недопустима приватизация публичного сектора экономики, поскольку она неблагоприятно сказывается на положении малообеспеченных слоев населения;

— необходимо усиление контроля за деятельностью транснациональных корпораций, так как зачастую страны, вступающие в ВТО, не имеют возможности принять необходимые защитные меры против экономической экспансии на их внутренний рынок, что приводит к разрушению многих секторов национальных экономик;

— ввиду того, что проблема оттока капиталов и инвестиций сохраняется, трансграничное движение капитала должно быть поставлено под жесткий контроль и

подвергаться «международному налоговому обложению»;

— проблема баланса платежей и стабилизации экономики должна решаться путем повышения внутреннего производства и сокращения импорта предметов потребления и промышленной продукции развивающимися странами, а не через увеличение ими экспорта природных ресурсов.

Помимо отсутствия эффективного механизма справедливого распределения мировых ресурсов, существует и другая важнейшая проблема, без решения которой невозможно установление справедливого экономического миропорядка. Это отсутствие прозрачности и равноправности при принятии решений внутри международных финансовых организаций, что приводит к фактическому устранению национальных правительств слабо развитых в экономическом отношении стран от участия в формировании международного экономического курса. Со стороны многих христианских Церквей и организаций это вызывает серьезную критику наднациональных экономических институтов за дефицит демократии.

Более того, зачастую правительства развивающихся стран, вовлеченных в мировую экономическую систему, утрачивают право голоса при решении внутренних хозяйственных вопросов. Часто экономическая политика таких государств определяется международными финансовыми структу-

рами, включая ТНК. Ответственность же за неудачу того или иного экономического эксперимента целиком ложится на национальные правительства. Двойственность политики международных финансовых организаций заключается также и в том, что оказываемая ими помощь бедным странам сочетается с концентрацией власти в этих организациях в руках нескольких развитых стран, доминирующих в их руководящих органах.

Многие религиозные организации настаивают на необходимости демократизации механизма принятия решений внутри Всемирного банка, МВФ и МТО, и, похоже, это будет определять позицию Церквей, входящих в ВСЦ, в диалоге с этими структурами.

В межхристианских кругах сегодня звучат требования большей подотчетности международных финансовых организаций мировому сообществу в лице ООН. Но осуществляемая формально такая подотчетность не приведет к открытости в их деятельности. Для этого необходим перманентный диалог с общественностью, в том числе и с религиозными организациями.

Христианские Церкви все чаще настаивают на необходимости гармоничного сочетания концепции экономического роста и принципов социальной справедливости, что воспринимается ими в качестве фундаментальной основы в подходе к решению проблемы бедности и дискриминации

в международной торговле. Новая стратегия глобального экономического развития должна быть основана на общих принципах международного права, в том числе и на положениях Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Крайней бедности всегда сопутствует фактическое ограничение прав человека. Поэтому новая стратегия мирового экономического развития должна, учитывая этот аспект, гарантировать практическое участие малообеспеченных слоев населения в принятии важнейших общественных решений.

Проблема борьбы с бедностью носит не только политический и экономический, но и духовный характер, ибо затрагивает область человеческой нравственности. Отсутствие условий для достойной жизни, нищета, ставшая следствием несправедливого общественного устройства, являются почвой для развития порока.

Русская Православная Церковь заинтересована в формировании целостного взгляда на проблемы, которые возникают в условиях глобальной экономики. Эта потребность вытекает из требований целостности христианского мировоззрения, охватывающего все стороны общественной и личной жизни человека. В качестве реализации сформулированной выше задачи в 2000 году Архиерейским Собором были приняты «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», включающие разделы, посвящен-

ные вопросам экономики, а в 2004 году на Всемирном Русском Народном Соборе был принят «Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании», в котором представлена идеальная модель взаимоотношений субъектов хозяйствования, основанная на десяти Божиих заповедях.

Надеюсь, что в результате нашей сегодняшней дискуссии мы сможем наметить пути к синтезу различных экономических взглядов.

Москва, ОВЦС МП

«Помолиться вместе с украинским народом»

В преддверии Первосвятительского посещения Украинской Православной Церкви Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл 23 июля 2009 года ответил на вопросы украинских журналистов.

— Я рад возможности встретиться с представителями украинских средств массовой информации накануне своего визита на Украину, высказать некоторые мысли, ответить на вопросы, но самое главное — иметь еще в Москве первое соприкосновение с Украиной в вашем лице. Я с хорошим чувством еду на Украину. Знаю о трудностях, которые существуют и в церковной, и в общественной жизни. Но посещение Киева — матери городов русских, Киево-Печерской Лавры, наших великих святых всегда дает такой заряд духовной энергии, что этим зарядом долго живешь. Поэтому соприкосновение со святынями Руси, с киевскими святынями, посещение других мест Украины для меня — большая духов-

ная радость. Думаю, что эту радость ничто не способно омрачить.

Что касается характера визита, о котором сейчас много говорят и даже спорят, то, пользуясь случаем, хотел бы сказать: у меня одна цель. Эта цель заключается в следующем — помолиться вместе с украинским народом. Кому-то это может показаться странным заявлением, кому-то — лицемерным, кому-то, может быть, вообще далеким от правды. Но это так.

За всю свою жизнь я вынес, может быть, самый главный урок для себя: Бог очень близок к нам. Он так близок, что мы даже себе этого не представляем. Сила Божия совершается в человеческой немощи. И где как не в Церкви и, особенно, где как не в руководстве Церкви чувствовать и понимать, что только с опорой на помощь Божию можно совершать нечто полезное и для других, и для спасения своей собственной души? Поэтому этот визит — пастырский. Не нужно в нем видеть никаких политических составляющих. Естественно, меня, наверное, будут спрашивать о каких-то вопросах, имеющих политическое звучание, и я буду на это отвечать. Но это не будет голос политика, потому что моя задача — не давать политических рецептов и не делать политического анализа, моя задача как Патриарха — помолившись вместе с народом, вместе с ним поразмышлять о нашем общем церковном настоящем, о нашем будущем. И я думаю, что и встреча с прессой, и пла-

нирующиеся встречи с представителями общественности, и встречи с духовенством дадут мне такую возможность. Очень рад начать с общения с вами здесь, в Москве.

Роман Чайковский, радио «Эра FM»: Ваше Святейшество, первый вопрос о том, почему так долго не было действительно большого пастьерского визита Патриарха Московского и всея Руси на Украину. И если возможно — варианты Вашего ответа: недооценка необходимости этого Вашими предшественниками; политическая нецелесообразность в силу того, что все эти годы Украина и Россия пытаются жить как два разных государства; или же, возможно, это опасение усиления внутрицерковных распрей внутри Украины, что тоже немаловажно...

— Я думаю, что ответ — вне этих предложенных вами вариантов. Нужно просто вспомнить, что происходило в России. Конечно, мы, живя в своих странах, ближе к сердцу и к разуму воспринимаем то, что лежит на поверхности; мы видим свои проблемы, нам трудно увидеть проблемы, которые находятся вне нашего непосредственного восприятия. 90-е годы — это критические годы. Это годы колоссального сдвига и слома всей общественной, политической и экономической жизни. Это огромные вызовы Церкви. Главная задача заключалась в том, чтобы преодолеть этот хаос, заложить правильную систему церковно-государственных отношений, построить модель, которой никогда не было в истории.

То, что сейчас удалось сделать и распространить, может быть, не только на Россию, а на значительную часть канонической территории Московского Патриархата, — это видение правильной модели церковно-государственных отношений.

Кроме того, конечно, Российская Федерация большая — от океана до океана, от моря до моря — много было дел. И все-таки нужно еще принимать во внимание то обстоятельство, что Святейший Патриарх, отдав очень много сил преодолению внутренних трудностей, которые существовали в Русской Церкви, в тот момент, когда можно было бы и нужно было бы поехать на Украину, уже не имел тех физических сил, которые открывали бы эту возможность. И доказательством тому является его кончина. Он, преодолев себя, приехал год тому назад на Украину, хотя в нашем присутствии на заседании Синода врачи категорически этому препятствовали. Мы видим, что это не была дипломатическая болезнь, это не была отговорка. Действительно, Святейший Патриарх имел очень серьезные проблемы с сердцем.

У меня нет ни одного критического замечания по поводу того, что происходило в отношениях между Москвой и Киевом в церковном плане. Потому что все нужно воспринимать в историческом контексте. Таков был контекст.

Сегодня, как мне кажется, открываются новые возможности, и я думаю, что нужно

делать то, что соответствует задачам сегодняшним.

Лана Самохвалова, информагентство УНИАН:
Ваше Святейшество, на Вас возлагают большие надежды в проблеме у врачевания раскола на Украине. Каким Вы в будущем видите статус Украинской Православной Церкви?

— Ко мне сейчас поступают обращения от разных сторон с тем, чтобы были предприняты какие-то решительные шаги во время моего визита. Не думаю, что я должен предпринимать какие-то решительные шаги. Я должен внимательно слышать людей и слушать их. Я должен иметь возможность, познакомившись с разными точками зрения, преломить эти точки зрения через свое собственное богословское и историософское восприятие жизни.

Я глубоко убежден в том, что Поместная Церковь на Украине существует. Я не просто в этом убежден, я и богословски, и канонически утверждаю, что это так. Этой Церковью является Украинская Православная Церковь. Другое дело, что от этой Церкви по разным причинам отделились определенные группы людей, но все отделившиеся — это наши братья и сестры, хотят они этого или не хотят. Поэтому моя задача заключается в том, чтобы слышать голоса, чтобы пропустить все это через свой внутренний духовный опыт и богословские знания и размышлять дальше вместе с нашими украинскими братьями и

сестрами о будущем Православия на Украине.

Думаю, что, посещая Украину, я буду говорить и о своем видении, своем понимании, но мне хотелось бы вначале услышать людей.

Жанна Шевченко, еженедельник «Фокус»:
В России очень заметно, как Церковь активно и тесно сотрудничает с государством. Например, когда представители власти заявили о том, что работодатели, не выплачивающие или задерживающие зарплату, — нехорошие люди, Церковь тут же назвала грехом невыплату зарплаты. Есть ли у Церкви в Вашем лице намерение еще плотнее, еще теснее, еще дружнее с государством решать какие-то социальные вопросы?

— Я бы хотел внести небольшую историческую коррективу в этот вопрос. Не Церковь повторила позицию государства, а Церковь была первой, кто сказал, что не выплачивать зарплату — это грех. Сказала она это в лихие 90-е годы, сказала полностью в соответствии с тем, что она должна была пастырски сказать, вне зависимости от политической конъюнктуры. С точки зрения политической конъюнктуры, тогда лучше было на эту тему не говорить вообще. Но мы сказали.

Вообще за 90-е годы Церковь много раз говорила то, что соответствовало ее пастырским обязательствам, природе ее пророческого служения; говорила то, что не соответствовало моде, в том числе политической, сиюминутным заявлениям власть имущих

людей, мощной критике в средствах массовой информации.

Церковь призвана идти своим путем. Иногда, а лучше сказать — чаще всего, этот путь идет против течения. Замечательные слова мы находим в Евангелии: *путь в Царство Небесное — это узкий, а не широкий путь* (см. Мф 7, 13, 14). Ничего нового — Церковь не может идти широким путем. Ее задача — обращаться к совести людей, пробуждать эту совесть. В ее задачу не входит обслуживать политические доктрины или практическую политику, осуществляемую тем или иным государством. И если Церковь начинает это делать, она перестает быть голосом совести своего народа. Думаю, именно благодаря тому, что нам удалось сохранить эту независимую от власти позицию, именно потому, что нам удалось сформулировать свое понимание многих современных проблем и вложить это понимание в «Основы социальной концепции» в 2000 году, Церковь во многом обрела тот авторитет в обществе, который она имеет сегодня.

Иногда говорят о том, что Церковь в России имеет какие-то особые отношения с властью, предержащими, что она поддерживает и идеологически обеспечивает политику, но это недобросовестные комментарии, это комментарии, рассчитанные на ту аудиторию, которая плохо знает происходящее сегодня на стыке церковно-государственных отношений. Церковь не призвана быть оппозицией. Если она

становится оппозицией власти, она тоже включается в политический процесс. Церковь не призвана и обслуживать политику власти. Церковь призвана, основываясь на Священном Писании, говорить Божию правду.

А дальше возникает вопрос стилистики: каким языком говорить Божию правду? Божию правду можно говорить и поднимаясь на баррикады. Божию правду можно говорить и с искаженным от злобы лицом. Но это будет лишь формально Божия правда. Повторяю, Церковь не призвана быть политической оппозицией. Она призвана говорить Божию правду пастырским языком, который давал бы людям возможность принять это слово в свое сердце.

Находясь на Валааме и отвечая на подобный вопрос (у нас любят ведь спрашивать: а что вы конкретно можете сделать? а какая у вас сила? а чем вы располагаете? а кто вы вообще такие, чтобы говорить о влиянии на общество?), я сказал простую вещь: Церковь сильна своим бессилием. У нее нет средств и способов манипулировать общественным сознанием, политически влиять на массы. Церковь своим тихим голосом должна будить народ. Мы — колокол. Если от удара этого колокола кто-то вздрогнет или проснется, мы сделаем свое дело.

Я хотел бы, чтобы миссию Русской Церкви перед лицом политической реальности на Украине, в России, в Западной Европе и в Америке воспринимали в соответствии

с тем, что я сейчас сказал. Это и есть линия Русской Православной Церкви, другой линии не существует. Если какие-то отдельные высказывания иногда волнуют людей, чаще всего эти высказывания принадлежат полемистам, публицистам, журналистам, отдельным политикам, но не Церкви.

Роман Чайковский, радио «Эра FM»: Ваше Святейшество, отчасти в продолжение предыдущего вопроса — мы воспринимаем как историческую данность то, что Церковь отделена от государства. Но она действует в государстве, о чем Вы только что говорили, и она соприкасается с государством. Позиция Церкви в развитии государства Российского очевидна — она патриотична. Может ли такая позиция быть однозначно воспринята на Украине? И еще один вопрос. Ваше Святейшество, Вы не произнесли это слово, но, готовясь к интервью, я читал о тезисе или, скорее, о концепции симфонии. Расскажите, пожалуйста, возможно ли, чтобы государство и Церковь шли по одному пути и появилась некая синергия, когда один плюс один равно трем?

— Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что Русская Православная Церковь — это не Церковь Российской Федерации. У нас сегодня нероссийского епископата больше, чем российского. Русская Православная Церковь осуществляет свою спасительную миссию в соответствии с великой традицией Вселенского Православия на территории многих стран, так же, как и древние Патриархаты — Константинополь-

ский, Александрийский, в юрисдикцию которого входит вся Африка, Антиохийский, в юрисдикцию которого входят Ближний Восток и Средний Восток. Даже небольшой численно Иерусалимский Патриархат находится на территории Израиля, Палестинской автономии и Иордании.

Поэтому, когда мы говорим о патриотизме, мы имеем в виду не патриотизм граждан Российской Федерации, хотя и его тоже. Мы имеем в виду патриотизм любого члена нашей Церкви по отношению к тому государству и к тому этносу, с которым он себя отождествляет. Вот этим христианский, церковный патриотизм отличается от национализма. Патриотизм всегда сбалансирован христианским универсализмом. Национализм ничем не сбалансирован.

Христианский универсализм дает человеку такую сильную нравственную мотивацию, что его любовь к своему народу, его верность своему государству всегда сбалансирована тем, что мы можем называть общими человеческими ценностями, но не в либеральном, а в христианском их понимании. Поэтому наш призыв к патриотизму распространяется и на Украину, и на Беларусь, и на все другие страны — не буду их сейчас перечислять, их много.

Что касается модели церковно-государственных отношений, речь идет не о модели отношений Русской Церкви и правительства Российской Федерации, хотя и об этом тоже. Может быть, эту модель нам легче

отрабатывать, потому что центр Церкви находится в Москве. Но речь идет и о модели отношений на Украине, и о модели отношений в других странах, где большинство народа является православным и находится под омофором Патриарха Московского.

«Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», принятые в 2000 году, — это не документ для использования лишь в рамках Российской Федерации. Его принимали все, в том числе и епископат Украинской Православной Церкви. Сегодня против этого документа не выступает ни один богослов в Поместных Православных Церквях. Он принят практически всей православной Полнотой без какого-то особого обсуждения. Мы не встречаем критики в адрес этого документа и той модели церковно-государственных отношений, которая в нем предлагается.

В полной мере идея симфонии никогда не была осуществлена ни у нас, ни в Византии, поэтому мы не думаем, что эта модель в ее полном осуществлении вообще реально возможна в условиях нашего греховного мира. Это скорее мечта, чем реальный проект церковно-государственных отношений. Но в этой мечте есть некие параметры, которые мы можем реализовать, к реализации которых мы должны стремиться.

В первую очередь, Церковь должна сохранять свою автономию по отношению к светской власти. Она должна оставаться свободной, она не должна входить в по-

литический проект, она не должна поддерживать одну партию против другой партии, потому что она является общей для всего народа.

Перед нами эта проблема очень остро стояла в Российской Федерации в начале 90-х годов. Нам говорили: а почему вы не выступаете против коммунистов? Вам же нужно поддержать демократические силы, потому что они выступают за свободу Церкви, а коммунисты душили вас в течение всех этих лет. Мы отвечали: мы приветствуем всех, кто выступает за свободу Церкви, мы будем с ними сотрудничать в этом. Но мы не можем сказать одним «вы наши», а другим — «вы не наши». Любой крещеный человек, подходя к храму, не должен спрашивать себя: здесь мои политические враги или здесь мои политические друзья?

Политическая принадлежность не может быть преградой для духовной жизни человека, для Причащения Святых Христовых Таин, поэтому Церковь должна быть общим пространством. Вот в этом мы видим проблему современной Украины, потому что церковное разделение идет точно по границам политического разделения, усугубляя раскол народа. Церковь должна сохраниться как общее пространство. Такова, я думаю, очень важная фундаментальная экклезиологическая идея, которую мы по воле Божией и с помощью Божией пытаемся осуществить во взаимоотношениях с властью.

Итак, Церковь независима, она вне политической борьбы, она объемлет всех, но она не проявляет инфантильности в оценке политического процесса и всего того, что в мире происходит. Она дает нравственный, духовный комментарий, а не политическую коррективу политических программ. Это очень важное первое положение.

Второе положение — а как же строить отношения с государством? Ведь существует огромное количество вопросов, которые нужно решать вместе с государством. Это вопросы общественной нравственности, воспитания, вопросы сохранения культурного наследия — я могу перечислять дальше эти проблемы, но остановлюсь хотя бы на этом. Церковь должна входить в диалог с государством и устанавливать систему сотрудничества. Если системы практического сотрудничества нет, то возникает вопрос: а каков реальный вклад Церкви в то, что в стране происходит?

Если все идеи, которые она постулирует, остаются на уровне слов, если они не осуществляются, то это какое-то движение на месте. А должно быть движение вперед. Для того чтобы многие церковные идеи входили в плоть и кровь жизни общества, необходимо сотрудничество Церкви и с властью (не в ущерб своей свободе, не в ущерб своей пастырской и пророческой миссии), и с институтами гражданского общества. Мы сейчас придаем особое значение тому, чтобы не только определить идейную и бого-

словскую базу такого взаимодействия — во многом эта работа уже завершена, — но и развить конкретные программы. Я знаю, что нечто подобное имеет место и на Украине, но мне кажется, что общая политическая ситуация в стране и, особенно, церковное разделение по политическому признаку мешают Православной Церкви включиться в такую работу. Полагаю, что об этом надо говорить спокойно, доброжелательно, без метания камней в прямом и в переносном смысле слова, без лозунгов, без демонстраций, в нормальном человеческом разговоре. Сегодня мы начали этот разговор. Продолжим его на Украине.

Лана Самохвалова, информгентство УНИАН:
Ваше Святейшество, во время визита предусмотрена встреча с нашим Президентом Виктором Андреевичем Ющенко. С каким чувством Вы к ней готовитесь и о чем планируете говорить?

— С Виктором Андреевичем мы встречались много раз еще тогда, когда я был Митрополитом и нес ответственность за внешние связи нашей Церкви. У нас есть опыт личного общения, есть повестка дня, которую мы затрагиваем всякий раз. В первую очередь это, конечно, тема религиозной жизни на Украине. Мы обсуждаем ее с разных точек зрения; полагаю, что мы продолжим этот разговор. Если говорить о положении религиозных организаций на Украине — думаю, что в общении с Виктором Андреевичем я позволил бы себе по-

ставить и некоторые конкретные вопросы. Сейчас я внимательно слежу за теми идеями, которые высказываются Украинской Православной Церковью и другими религиозными организациями относительно целого ряда конкретных вопросов, которые они считают необходимым решить в контексте церковно-государственных отношений на Украине. Думаю, что мне имеет смысл поговорить и об этих вопросах. Я с симпатией отношусь к этим предложениям религиозных организаций Украины.

Жанна Шевченко, журнал «Фокус»: Русская Православная Церковь в последнее время очень активно демонстрирует все новые методы православной проповеди. На наш взгляд, в основном это касается молодежи. Стоит ли ожидать в ближайшее время каких-то еще новых явлений — православных дискотек для молодежи или, может быть, новых магазинов православных и тому подобного?

— Собственно говоря, Церковь ничего не делает нового. Если обратиться к святоотеческому периоду, можно увидеть, что Церковь воцерковляла языческую культуру, пошла навстречу языческой античной науке, искусству. И мы знаем о таком замечательном явлении, как патристический синтез, святоотеческий синтез. Это способность синтезировать Божественное Откровение, которое содержится в учении Церкви, с культурной реальностью своего времени. Это фундаментальный прин-

цип — Церковь не должна замыкаться от светской культуры, она не должна от нее шараться. Но это не значит, что она должна принимать все, что присутствует в этой культуре.

Сегодня речь идет о том, что в любом обществе находятся несколько субкультур. И некоторым кажется, что проповедь Церкви должна обращаться только к носителям определенной субкультуры — допустим, к людям, склонным считать себя включенными в традиционную православную субкультуру. Это достаточно комфортная аудитория, потому что Церковь ведь сама имеет свою субкультуру. Я сижу перед вами в таком облачении — это субкультура церковная. Мне, конечно, комфортно видеть перед собой людей, одетых так же, как я, или людей в светской одежде, но соответствующих этой субкультуре. Тогда чувствуешь себя спокойно — так, как я сегодня себя чувствую с вами. Вы все выглядите очень так «православно-субкультурными».

Но ведь огромное количество людей не принадлежит этой субкультуре. И возникает вопрос: а что, этим как-то должна ограничиваться церковная проповедь? Я глубоко убежден в том, что это очень опасный и ошибочный тезис. Поэтому Церковь призвана проповедовать любому человеку, как это делал апостол Павел — шел к язычникам, в него камни бросали или говорили: *послушаем его в другой раз* (см. Деян 17, 32). А он проповедовал. «На-

стой во время и не во время», — пишет он в своем послании (2 Тим 4, 2). Это задача Церкви — обращаться даже к тем, кто в духовном смысле является глухонемым, уповать на волю Божию, помнить, что ни красноречием, ни какой-то миссионерской технологией не достичь человеческого сердца. Человеческого сердца достигает Божия благодать. Но она достигает этого сердца через людей, через религиозный опыт, который часто возникает в контакте с носителями религиозных знаний.

Поэтому я думаю, что у нас нет альтернативы — мы должны идти к молодежи. И вот что очень важно: не надо мимикрировать под молодежную субкультуру. Если сейчас у нас священнослужители начнут в шортах проповедовать на молодежных дискотеках, это будет огромной ошибкой и даже грехом, потому что здесь будут ложь и лицемерие. Но это не значит, что священник не может прийти туда, где собралась молодежь.

Конечно, нужно понимать, что не всякое место, где присутствует молодежь, не подвержено греху, есть такие места, где грех просто господствует. Тогда, может быть, нужно не в эти места идти, потому что сам факт присутствия там священника может, действительно, привести к конфузу, ввести кого-то даже в некое заблуждение. Но, с другой стороны, Церковь должна находить возможность обращаться к носителям любой субкультуры, даже опасной субкультуры, да-

же той субкультуры, которая раскрепощает инстинкт и является антикультурой.

Это очень долгий разговор, я не думаю, что мы с вами должны говорить на все эти темы именно в преддверии моего визита; может быть, еще поговорим на Украине.

Лана Самохвалова, информгентство УНИАН:
Ваше Святейшество, скажите, исповедуется ли Патриарх? Кто Ваш духовник и какое у Вас молитвенное правило?

— Конечно, Патриарх должен исповедоваться. У меня духовник старец Илий — духовник Оптиной пустыни, которого я знаю долгие годы. Мы одновременно с ним учились в Санкт-Петербургской Духовной академии. Он старше меня по возрасту. Но уже тогда, когда он был еще мирянином-студентом, все мы его любили и почитали за человека духоносного. Поэтому я радуюсь тому, что мы живем вместе с ним в одном доме, очень часто встречаемся, молимся вместе.

Что касается молитвы, то без нее невозможно осуществлять никакого дела в Церкви, а я убежден, что и не только в Церкви. Через молитву мы чувствуем Божие присутствие, в молитве мы поручаем себя Господу и отдаем себя в Его руки. И в ответ на эту молитву Господь действительно нас принимает в Свои руки, ведет по жизни, помогает избегать ошибок, помогает сохранить мирный дух, когда вокруг общественная турбулентность. Молитва есть неременное условие религиозной жизни человека. Если из жизни

священника уходит молитва, он перестает быть религиозным человеком, хотя и остается человеком верующим. Религиозность предполагает живую связь с Богом.

Нередко бывает, что батюшки строят, ремонтируют, восстанавливают, организуют, собирают средства, а вертикальное измерение жизни священника становится периферийным. Он, конечно, умом признает бытие Божие, верит в Господа, но если из жизни уходит личная молитва, то теряется религиозный характер жизни.

Я сожалею, что мой образ жизни не дает мне молиться столько, сколько я хотел бы. Но без молитвы не может быть Патриаршего служения.

Жанна Шевченко, журнал «Фокус»: Сейчас, в момент кризиса, особенно страдают люди, которые сосредоточились в своей жизни на материальных ценностях. Могли бы Вы дать им какое-то наставление?

— Наставление только одно: если жизненная ориентация неправильная, если человек ориентирован на ложные ценности и отдает все свои жизненные силы достижению этих ценностей и их не достигает или, достигнув, убеждается в том, что это фантом, — это трагедия всей жизни. Ценности, к которым сегодня устремляется человеческая цивилизация, — это исключительно материальные ценности; комфорт, власть — все это является фантомом, не обеспечивающим человеческого счастья.

Это не значит, что мы должны игнорировать материальный фактор — это тоже будет лицемерием. Человек должен трудиться, в том числе и для обеспечения своей жизни, жизни своих близких, родных, но целеполагание должно простирается за пределы вот этой материалистической парадигмы.

Весь сегодняшний кризис — это свидетельство краха ложного целеполагания. Для достижения всецело материальных целей используются неблагоприятные способы, и мы знаем, что экономика, построенная на обмане, оторванная от реального труда человеческого, становится виртуальной экономикой. Виртуальная экономика не имеет ничего общего с реальной жизнью. Кризис, который сегодня существует, есть ясное свидетельство того, что происходит с людьми, когда виртуальную экономику и ложное целеполагание они кладут в основу своего бытия.

<http://www.patriarchia.ru/db/text/702122.html>

«Здесь начало нашей веры, начало нашей Церкви»

Первой страной, которую посетил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл с Первосвятительским визитом, стала Украина. Во время визита 28 июля 2009 года Святейший Патриарх выступил в прямом эфире украинского телеканала «Интер». Он беседовал с украинскими телезрителями. В студии присутствовали представители трех братских стран — Украины, России и Беларуси, в частности, Федор Бондарчук, Наталья Варлей, Борис Корчевников, Владимир Гостюхин, Ольга Богомолец, Петр Толочко, Олег Карамазов, представители киевских православных молодежных организаций.

В начале встречи ведущий попросил Его Святейшество рассказать, почему первой страной, которую он посещает с пастырским визитом, стала Украина.

— Откуда же пошла Русь? Она пошла отсюда, с киевских холмов. Здесь начало нашей

веры, начало нашей Церкви, здесь начало государственности, из которой потом возникли государственности самостоятельных образований. Здесь наше историческое прошлое, и, может быть, я кого-то удивлю, но в каком-то смысле здесь во многом будет решаться и наше будущее. Под словом «наше» я подразумеваю всех нас — людей, принадлежащих к единой цивилизации древней Киевской Руси, которая расцвела, развилась и стала мощным фактором мировой цивилизации.

Но, кроме того, есть ведь и чисто религиозные причины: Киево-Печерская Лавра — начало нашего монашества, сонм подвижников, преподобных отцов, мощи целебные, источающие миро, источающие великую благодать. Куда же еще можно было приехать, как не в Киев?

И когда произошло мое избрание — я уже об этом говорил и сейчас хочу повторить — когда из рук Блаженнейшего Митрополита Киевского Владимира я получил посох Митрополита Киевского Петра, перенесшего кафедру в Москву и именуемого также Московским святителем, я почувствовал свою реальную сопричастность великой истории, которая началась здесь, в Киеве, сопричастность к жизни народа — украинского народа, — и поэтому движение сердца было совершенно конкретным: в первую очередь поехать именно сюда, чтобы помолиться вместе с украинским народом, поразмышлять, услышать голоса людей, понять то, что я еще, может быть, не до конца понимаю.

Пастырский визит не означает только учительство. Вообще, пастырство — это процесс двусторонний. Если пастырь закрывается от своей паствы, если чувствует самодостаточность, если исповедует ложное убеждение, что он альфа и омега и носитель конечной истины, то у него прерывается контакт с паствой, его слово перестает быть притягательным, на это слово уже не обращают внимание.

Я постоянно учусь, и это не какая-то «заезженная» общая фраза. Мне этот процесс обучения доставляет огромное наслаждение — я люблю слышать голоса людей, узнавать разные взгляды на жизнь, я пытаюсь сопрягать этот разноречивый хор человеческих мнений с тем, что происходит в моем сердце, в моем разуме. Думаю, что без этого я не произнес бы ни одного слова, которое стоило бы внимания. Киев — это то место, где сегодня нужно быть, чтобы слышать людей и понимать, что происходит на Украине и не только на Украине. Поэтому когда я говорю о пастырском визите, я не вкладываю в этот термин никакого патернализма, никакого взгляда сверху вниз. И лучше всего сказать, что я приехал сюда как паломник для того, чтобы общаться со своей паствой, вместе с ней молиться и вместе с ней размышлять.

Я благодарю вас за возможность обратиться не только к замечательной юной аудитории, которая собрана здесь, в этой красивой телестудии, но и к украинскому

народу. Я отдаю себе отчет в том, что кто-то сейчас взирает на экран с огромным интересом, с уважением к личности того, кто к ним обращается, но есть люди, которые смотрят на экран с огромным раздражением. Я не буду говорить специально ни для одних, ни для других — я буду говорить то, что Бог положит мне на сердце, а вы судите сами, но судите непредвзято.

В какой-то момент мы все нуждаемся в том, чтобы отдать свой разум благодати Божией. Человек часто противится действию благодати, стремится идти наперекор этому Божественному потоку. Но когда-то нужно отдаваться ему, особенно в критические моменты. Это означает, что мы должны чаще обращаться к Богу и просить Его помощи не только в наших житейских бытовых делах: экзамены сдать, на работе иметь какой-то успех, домашние конфликты преодолеть — это значит, что и в сложных вопросах истории, в сложных и запутанных политических схемах современности мы, верующие люди, — а я обращаюсь сейчас в первую очередь к верующим — должны сопрягать проникновение в суть проблем с призыванием помощи Божией.

Если будем сочетать молитву и труд, то нам откроется многое, что еще вчера казалось недоступным для понимания, что ориентировало наше мышление и поведение на конфликт: вдруг все в одночасье меняется, и тот, кто казался еще вчера врагом, перестает быть таковым. Ты вдруг

видишь его лицо, его улыбку, глаза и понимаешь, что это — человек со своей судьбой, со своими страданиями, со своими радостями. Проникновение в сокровенную внутреннюю жизнь человека и открывает возможность для того, что мы называем диалогом.

Я очень хотел бы, чтобы без предвзятого мнения, без априорного отрицания всего того, что я буду говорить, послушали меня сегодня и те, у кого вроде бы нет причин с особыми симпатиями встречать в Киеве Патриарха Московского и всея Руси.

Петр Толочко попросил Его Святейшество поделиться суждением о том, возможно ли в наше время достижение симфонии между Церковью и государством в том виде, как то было во времена Византии.

— Я думаю, что византийская симфония или, как греки произносят, симфонія, — это идеальный проект, если говорить языком современных политологов. Но ведь, собственно говоря, так и строится человеческая жизнь: создаются идеи, идеальные проекты и предлагаются обществу. Ни один идеальный проект никогда не был в полной мере осуществлен в реальной жизни — не потому, что он плох, не потому, что он слишком отвлеченный, не потому, что он от жизни оторван, а просто потому, что идеальные проекты могут осу-

ществиться только в Царствии Божием, где нет греха.

Человеческая жизнь такова, что мы постоянно боремся: с самими собой, с окружающими обстоятельствами. Вот поэтому идеальный проект симфонии, то есть симфонического, согласованного взаимодействия Церкви и государства, никогда за всю историю не был осуществлен, однако это обстоятельство не снижает значимости самой идеи.

Русская Церковь, да и вообще православный мир прошли через очень большие испытания в сфере церковно-государственных отношений. В древней Киевской Руси, в Руси средневековой — Московской и Киевской — я думаю, мы были ближе всего к осуществлению этого идеала. А затем был Петр I, который просто подчинил Церковь, сделал ее частью государственной машины. И не потому ли так сильно ударила революция по Церкви, что в сознании многих людей Церковь отождествлялась с властью, воспринималась как ее инструмент?

Патриаршество было ликвидировано, Православная Церковь стала «ведомством православного исповедания». Кстати, не только Патриаршество было ликвидировано, но и Митрополит Киевский потерял свои привилегии, ведь, согласно традиции и даже соответствующим документам, Киевская митрополия, войдя в состав Московского Патриархата, не теряла своих

автономных прав, и Митрополит Киевский избирался своим народом.

Петр все это ликвидировал, потому что он ввел в России то, что ей не было свойственно, — он ввел модель западноевропейского абсолютизма. Не было абсолютизма в России. Власть русского царя всегда уравнивалась — боярской думой, Церковью. Люди могли сказать царю: «Ты, Иван Васильевич, не так поступаешь» или «Ты, Василий Иванович, не прав». У народа через определенные способы выражения общественного мнения была такая возможность.

Я знаю, что в нашем российском обществе существует некий особенный пиетет по отношению к Петру I. Мне в недавнем прошлом, также при помощи телевидения, пришлось частично развеивать это устойчивое мнение. Я не оспариваю многого из того, что Петр сделал. Но он сделал и нечто очень опасное для страны: он привил на нашу, в общем, не предрасположенную к этому культурную основу идеи западного абсолютизма. И Церковь потеряла свою независимость. А когда совершилась революция, речь шла уже не о модели церковно-государственных отношений, а о выживании.

Только теперь появилась возможность выстроить модель таких отношений. Достаточно конкретные контуры этой модели прописаны в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви»,

которые были приняты на Юбилейном Архиерейском Соборе в 2000 году.

Суть модели заключается в том, что Церковь имеет автономию по отношению к государству. Она не участвует в политической борьбе, у нее нет политических амбиций, она не претендует на то, чтобы быть политическим лидером. Но тем самым Церковь одновременно заявляет о своем праве быть свободной от любых политических влияний. И это очень важно; важно дать понять людям, что Церковь не может и не должна обслуживать партикулярные политические интересы, потому что то, что для одного человека в обществе является, с политической точки зрения, благом, для другого является злом. А ведь Церковь — для всех.

Я вспоминаю разговор с одним западноевропейским журналистом, состоявшийся уже после распада Советского Союза. Он меня спросил: «А почему Русская Церковь не поддерживает демократов? Почему она не осуждает Коммунистическую партию? Вот посмотрите на своих западных соседей (он упомянул Польшу) — Католическая Церковь отождествила себя с “Солидарностью”! Почему вы этого не делаете?» Я ему ответил следующее: «Каждый человек вне зависимости от политических взглядов имеет право быть православным христианином. И на каждого человека должна распространяться пастырская ответственность Церкви. Подходя к храму, никто не должен спрашивать себя: здесь мои враги

или мои друзья, здесь мои сторонники или политические противники?»

Церковь не должна усугублять разделения, которые провоцируются политическим плюрализмом в обществе; Церковь должна быть местом встречи людей разных взглядов, общим пространством, общим домом, в котором все мы так нуждаемся, будучи разделенными и по политическим, и по социальным, имущественным, национальным и другим признакам.

Нам удалось выработать модель церковно-государственных отношений и на практике удается ее осуществлять. Всегда могут быть какие-то издержки, особенно когда люди судят о позиции Церкви по высказываниям отдельных священнослужителей. Сейчас доступ к телевидению достаточно легок и каждый может прийти, обозначить свою позицию. Иногда говорят: вот этот батюшка сказал так — значит, такова позиция Церкви. Вовсе нет! О позиции Церкви надо судить по тому, что говорит Патриарх, Священный Синод, Архиерейские Соборы. Я могу сказать, что мы очень дорожим свободой Церкви, которая открывает возможность говорить народу то, что является самым важным в церковном свидетельстве, дает ей возможность быть голосом совести людей, обращать их сознание к тем ценностям, которые подвергаются сегодня маргинализации, осмеянию, выталкиванию из поля общественной жизни, к ценностям,

которые только и могут привести человека к полноте жизни. Поэтому я думаю, что симфония как сотворческая и взаимозаинтересованная система соотношения церковного и государственного в жизни народа может и должна осуществляться, и, настаивая на автономии Церкви по отношению к государству, мы, с другой стороны, подчеркиваем необходимость сотрудничества.

Между Церковью и государством должны быть диалог и сотрудничество в решении жизненно важных вопросов. Я отнес бы к их числу вопросы нравственности — личной и общественной; вопросы культуры; вопросы нравственного комментария того, что происходит сегодня с человеческим сообществом, в том числе с наукой, культурой, образованием. Я думаю, что сохранение памятников, забота о неимущих, о людях, которые приняли присягу и обязались жизнь свою положить за Отечество, забота о военнослужащих — это те области, в которых Церковь и государство должны взаимодействовать, содействуя духовному и материальному процветанию народа.

По просьбе одного из участников встречи Святейший Патриарх Кирилл обратился к теме прошедших недавно в двух странах масштабных телевизионных проектов: «Имя России» и «Великие украинцы». В России тогда по

итогам опросов победил Александр Невский, а украинцы выбрали среди известных деятелей своей земли великого князя Ярослава Мудрого.

— Благодарю вас за этот вопрос и за то, что вы вспомнили эти два проекта. Они задумывались как телевизионные шоу, но вышли за границы обычного зрелища. Меня пригласили участвовать в этом проекте в России. Когда ко мне пришел один из руководителей нашего телевидения и сказал, что было бы неплохо, если бы я принял участие в этом проекте, я вначале долго отказывался, особенно когда узнал, что передачи будут транслироваться в прайм-тайм.

Мне вообще кажется, что присутствие Церкви в медийном пространстве должно быть очень правильным, дозированным, что представители Церкви не должны превращаться в телезвезд современных масс-медиа, и поэтому меня насторожила идея каждую неделю выступать в прайм-тайм.

Но потом этот человек рассказал мне о том, что произошло в конкурсе «Имя России» на предварительном этапе. Он сообщил, что есть реальная возможность, что именем России будет назван Сталин или Ленин. Я задумался. И мой собеседник сказал мне: «Может быть, Вы взяли бы на себя труд представить и защитить Александра Невского?»

Я вначале смутился и ответил ему: «Как же может человек, живший в XIII веке,

стать именем современной России, которая прошла через три поколения безбожной власти? Люди даже толком не знают, кто такой Александр Невский. Как же этот исторический персонаж может вдруг войти в нашу жизнь, да еще стать общим для всех, символом страны?» Но мне сказали: постарайтесь это сделать. Шансов не было почти никаких, однако я понял одну очень важную идею: если именем России станет личность, которая символизирует партикулярные интересы и симпатии в обществе, то это будет губительно для страны.

Сталин, Ленин, Петр I — это люди, которые выражают партикулярные, частные интересы общества, они не могут и не должны стать именами, которые объединяют всю страну, потому что, если личность, отражающая партикулярные интересы, становится именем страны, она провоцирует разделение, провоцирует беспокойство, она порождает отрицательную реакцию тех, кто с этим не согласен. Я согласился представить имя Александра Невского и благодарю Бога и народ наш за то, что меня поддержали, за то, что Александр Невский стал именем России.

Это действительно удивительный человек: князь Владимирский, Новгородский, великий князь Киевский; прекрасный дипломат и воин, мужественный и даже физически красивый человек. Святой человек. Это личность, которая не может разделять, — она объединяет и не только

современную Россию. Александр Невский объединяет нас — людей, живущих в России, на Украине, в Беларуси, потому что эта личность соединяет в себе исторические эпохи.

Но ведь то же самое произошло здесь, на Украине: Ярослав Мудрый, князь Новгородский, Киевский, Владимирский, точнее, Ростовский и Ярославский, явился символом для современной Украины. Представьте себе, если бы символом стал человек, символизирующий частные политические мнения — одни на Востоке, другие на Западе. Как это спровоцировало бы и усилило бы конфликтную ситуацию на Украине! Когда сейчас мне говорят, что для обретения украинского национального самосознания нужны новые имена и когда в качестве новых имен называют те, которые разделяют, в первую очередь, самих украинцев, я уж не говорю — россиян и украинцев, хотя это тоже очень жалко; когда саму Украину разделяют предлагаемые имена, мне эта логика непонятна. Думаю, что любой политик, который заботится, в том числе, и о своем образе, об эффективности своей политики, который заботится о том, чтобы его слова принимались всем обществом, чтобы его действия служили объединению страны, должен в первую очередь защищать и поддерживать символы, которые страну объединяют. Это совсем не шутки. Я не могу себе представить, что как Патриарх стал бы поддерживать

какие-то символы, которые разделяли бы Церковь — в конце концов, это самоубийственно для лидера.

Поэтому я глубоко убежден в том, что на Украине не нужно экспериментировать с именами, которые разделяют сегодня саму страну. Ну, а если народ Украины проголосовал за Ярослава Мудрого, что же здесь еще сказать: глас народа — глас Божий. Люди сердцем и умом тяготеют к тем, кто объединяет, а Ярослав объединяет не только Украину — он объединяет все наследие великой Киевской Руси.

Предстоятеля Русской Православной Церкви также попросили рассказать, как он относится к попыткам переиначить историю, особенно историю Великой Отечественной войны.

— Я плохо отношусь к таким попыткам и постараюсь вам объяснить, почему. Попытки дать предвзятый исторический комментарий, исказить смысл исторических событий, к сожалению, являются достоянием не только сего дня. Давайте вспомним большевистскую историософию, ведь большинство людей, которые сегодня передо мной сидят, учились в советское время. История тогда начиналась с Октябрьской революции — все, что было до этого, изучалось быстро, мимолетно и через призму классового восприятия. Мы изучали восстания крестьян, восстание Болотникова, но мы не знали элементарных

вещей, связанных с нашей историей, потому что был классовый, политический подход к историческим событиям, попытка дать политический комментарий на нашу историю. Но разве не то же самое было в нацистской Германии — та же самая попытка дать политический, идеологический комментарий на мировую историю?

Но вот простой вопрос: а к чему все это привело? К краху — и к краху этих исторических школ, и к краху режимов, потому что невозможно переписать историю. Всякие потуги сделать это или дать ложный комментарий на исторические события вызывает у людей просвещенных снисходительную улыбку, смысл которой можно выразить примерно в следующей фразе: «Ребята, да поучитесь вы получше, книжки почитайте». У людей менее просвещенных это вызывает крайне отрицательные ответные чувства, потому что с историей у многих связано нечто очень личное.

Наконец, ложь историческая порождает ложь в современной жизни. На лжи невозможно строить человеческое благополучие, на ней невозможно построить счастье. Если мы создаем ложные исторические концепции, мы диавольскую ложь, а *диавол — отец лжи* (см. Ин 8, 44) — закладываем в основу бытия народа. Такие эксперименты не проходят — они всегда рушатся, но крушение этих экспериментов влечет за собой человеческие жертвы в прямом и переносном смысле.

А теперь о Великой Отечественной войне. Недавно Парламентской ассамблеей ОБСЕ была принята резолюция, в которой ставится на один уровень нацизм и сталинизм. Я отнюдь не являюсь сторонником или защитником сталинской эпохи. Я уже имел возможность рассказать украинскому народу и не только ему, что мой дед почти 30 лет просидел в тюрьмах и лагерях только потому, что был христианином. Мой отец сидел в тюрьме: накануне своей свадьбы он был посажен только потому, что, будучи студентом высшего учебного заведения, пел в хоре Киевского подворья в Санкт-Петербурге, где, кстати, он познакомился с моей мамой.

У меня свой критический взгляд и своя боль, связанная с этой историей. Но вот о чем нужно сейчас, может быть, подумать: и в нацизме, и в сталинизме были репрессии, и против собственного народа тоже — как и во многих других режимах, которые существовали. Но чем нацизм отличается от любой другой системы? Он отличается своим человеконенавистничеством. Сейчас все имеют доступ к документам той эпохи — известно, что говорил Гитлер, что говорил Гиммлер, считавший, что 30 миллионов славян нужно уничтожить просто для того, чтобы они не путались под ногами, что говорил Кох в отношении Украины, когда он предлагал высасывать из этой земли все, что только можно, а остальное, мол, шлак. Это политика и философия,

которая оправдывала любую человеческую жестокость, которая ставила своей целью уничтожение людей.

И вот почему еще нельзя ставить все на один уровень: думаю, на Украине с уважением относятся к политическому выбору западных стран и к их приверженности демократии, свободе, правам человека, но ведь эти же страны вошли в коалицию со Сталиным против Гитлера, а не с Гитлером — против Сталина. Антигитлеровская коалиция со странами, которые провозглашали демократические принципы, является лучшим доказательством того, что нельзя ставить на одну доску нацизм и сталинизм.

Наш народ — когда я говорю «наш народ», я имею в виду и россиян, и украинцев, ведь мы жили тогда все в одном государстве — заплатил колоссальную жертву за освобождение Европы и всего мира. И поэтому оправдание гитлеризма и нацизма, под каким бы соусом это оправдание ни осуществлялось, — это оправдание зла, такого зла, которое в политической практике не встречалось на протяжении всей человеческой истории.

Я думаю, что, не оправдывая, а осуждая репрессивные режимы, мы должны все-таки делать различие между режимом репрессивным и режимом человеконенавистническим. Для меня нацизм — это режим человеконенавистнический. Сталинизм — это репрессивный режим и в

какой-то степени режим преступный, потому что в результате действий этого режима погибали невинные люди. Но при этом именно Советский Союз более всего жертв положил на алтарь освобождения и своей страны, и всего мира от того, что несло угрозу всей человеческой цивилизации.

Одна из участниц телевизионной встречи попросила Святейшего Патриарха Кирилла обратиться в прямом эфире со словами поддержки к людям, которые пострадали, потеряли себя в тяжелых условиях финансового кризиса.

— Я хотел бы сказать не просто слова утешения, поддержки. В нашей общей истории были куда более сложные времена — даже в 90-е годы, когда рухнула экономика, когда возник системный кризис всех сфер общественной деятельности — науки, культуры, образования, спорта, кинематографа и других; когда люди просто умирали — мы теряли миллионы людей только потому, что они оказались неспособными пережить ту перестройку общественной жизни! А сколько людей поплатились за это алкоголизмом, потерей своего социального статуса! Сколько появилось бомжей!

Сегодняшний кризис не несет таких страшных угроз. Он ограничивает наше потребление, наш комфорт, к которому многие уже привыкли за последнее время. Но этот кризис несет в себе что-то важное для всех нас.

Вскоре после своей интронизации я имел возможность говорить на тему кризиса и напомнил о том, что слово «кризис» в переводе с греческого означает «суд». Любой кризис — это суд. Он ставит человека в состояние некоего внутреннего выбора, в том числе мировоззренческого; он выводит человека из состояния спячки. Он обостряет способность человека критически оценивать то, что происходит с ним и с окружающим миром. Кризис — это некая встряска. Я думаю, что сегодня не столько Россия и Украина и другие страны, которые возникли на территории Советского Союза, нуждаются в этой встряске, сколько благополучная западноевропейская и американская цивилизация, благополучный богатый мир.

Люди привыкли к тому, что деньги можно делать из воздуха. Виртуальная экономика стала значительной частью экономики реальной. Люди зарабатывали сумасшедшие деньги только потому, что они умело торговали фантиками, простите за это не очень политкорректное сравнение пустых и не имеющих ценности бумаг с такими ценными в понимании людей документами, как акции, облигации, курсовая разница валют. Достаточно было вовремя «сбросить» одни акции и купить другие, чтобы получить миллионы, десятки миллионов.

Я однажды был свидетелем разговора двух олигархов. Один, опытный человек в этой биржевой игре, говорит своему другу: «Хочешь заработать десять миллионов

долларов?» Тот не очень нуждался в этих десяти миллионах, но, как говорится, бизнесмены никогда не отказываются от денег, и он говорит: «А почему бы нет? Ну, дай мне на неделю пять миллионов». Тот дает пять миллионов, и через неделю ему приносят десять. Откуда эти десять миллионов? Экономика может быть эффективной тогда, когда она основана на человеческом труде, не обязательно физическом, но и умственном труде, даже духовных усилиях. Деньги должны быть подкреплены реальными ценностями. Если реальной ценностью деньги не подкреплены, то такая экономика нежизнеспособна. Но именно спекулятивный капитал стал основой обогащения огромного количества людей. Фантики, виртуальная реальность, а не действительные ценности — сколько это могло продолжаться?

И какой колоссальный нравственный урон наносила эта экономика людям! Одно дело, когда человек получает средства и деньги за свой труд, прилагает усилия, а другое — когда он просто умеет манипулировать ценными бумагами. Кризис показал, что дальше такая виртуальная экономика существовать не может. Это экономика безнравственная. Она основана на некоем обмане и не только потому, что люди воруют друг у друга, хотя воруют, конечно, и не только друг у друга — они воруют у всего народа. Ведь так и получилось: эти провалившиеся компании

нужно было поддерживать за счет денег налогоплательщиков и не только в России и на Украине — во всем мире! Поэтому в конечном итоге мы с вами расплачиваемся за эту игру в фантики. Важно, чтобы больше не было этой игры.

Думаю, что кризис помогает нам очень многое понять. Вот такой образ приходит в голову — приставлена лестница к стене, человек поднимается по ней, забирается на самую вершину, а потом оказывается, что лестница приставлена к другой стене, что дальше ничего нет, там — пустота, надо спускаться вниз. Вот что сейчас происходит с человеческой общиной в сфере экономики: лезли по этой лестнице, расталкивая друг друга — каждый хотел подняться как можно выше; добрались, а там — пустота, и надо спускаться вниз.

Дай Бог, чтобы этот спуск вниз помог всем нам понять, что допустимо, а что недопустимо в человеческих отношениях. И церковный комментарий здесь однозначный: как невозможно построить счастье человека без нравственного начала, так невозможно построить и эффективную экономику без нравственного измерения. Если мы научимся сопрягать экономику и политику с нравственностью, наш мир будет другим.

Таисия Повалий подняла вопрос о нравственном состоянии современного общества, которое принято называть обществом потребления.

— Да, действительно, современное общество называют обществом потребления. Возможно, нынешний кризис немного поможет осмыслить опасность построения такого общества. Дело в том, что если вы не сопровождаете свой жизненный выбор сильной нравственной мотивацией, то теряется очень важный критерий.

Я поясню свою мысль. У человека появляются деньги, и он покупает то, что ему необходимо. Это законно и правильно, особенно для нашего народа, который еще в полной мере из нищеты-то не вышел. Вот появляются средства, и первое, что человек делает, — покупает себе какую-то одежду, автомобиль, потом устраивает свое жилище, приобретает бытовую технику. Все укладывается в некую моральную норму: действительно, современный человек должен иметь средства транспорта, он должен иметь досуг, который нужно проводить содержательно, потому что досуг является очень важным фактором, влияющим в том числе на духовную жизнь человека.

Казалось бы, что процесс приобретения материальных средств полностью соответствует потребностям человека, но это происходит до определенного времени. В какой-то момент жизни человек теряет способность ответить на вопросы: нужно мне это или нет; что это — похоть плоти, как говорит христианская аскетика, когда плоть порабощает разум; это движение инстинкта или мой сознательный выбор —

приобретать все больше, и больше, и больше, и больше? Процессу приобретения материальных благ нет предела — вот в чем трагедия. Можно купить один дом, два дома, три; одну яхту, две, три. Мы же знаем, что происходит: один самолет, второй, третий, затем снабдить их системой противовоздушной обороны и так далее — можно ведь любые фантазии реализовать.

Но что это означает по отношению к обществу, в котором ты живешь, по отношению к неимущим людям? Как этот способ безудержного удовлетворения своих страстей влияет на твою собственную жизнь? Получается, что я уже второй раз буду цитировать одного олигарха. Я спросил этого очень богатого человека: «Скажите, пожалуйста, а вы испытываете удовольствие от того, что приобретаете новую вещь?» Он даже не понял, о чем я его спросил. Я уточнил: «Ну, вот вы что-то покупаете себе, своим близким, приобретаете какую-то вещь. Вы испытываете удовлетворение от того, что вы ее купили?» Он улыбнулся: «Пожалуй, в тот самый момент, когда подписываю чек». То есть у человека нет даже продолжительного удовлетворения от этого приобретения: он купил и тут же забыл. Простые люди покупают и радуются: зашел в магазин, купил что-то себе простое, например, одежду какую-то, соседям, родственникам показал. Радость у человека от того, что он что-то приятное сделал.

Безудержное потребление убивает эту радость — человек сам себя обкрадывает. И тогда у него возникают совершенно другие «уровни удовлетворения». Некоторые, например, получают удовлетворение от того, какое место в списке журнала «Форбс» они занимают, и переживают как личную трагедию, если в этом списке они опускаются вниз. Каждый играет в свои игрушки, но эти игрушки опасны для человека.

Если все общество встанет на путь безудержного потребления, Земля наша этого не выдержит, не хватит ресурсов. Уже доказано, что если средний уровень потребления всего мира будет таким, как сейчас в Соединенных Штатах, то основных ресурсов хватит на 40—50 лет. Это означает, что Земля не способна поддерживать такой цивилизационный проект. Бог не дал нам ресурсов, чтобы всем жить так. Тогда что есть эти колоссальные имущественные диспропорции между богатыми и бедными? Это грех.

И вот в этом смысле кризис может многому научить: он может научить людей сдержанности, он может научить людей рачительно относиться к своим финансовым возможностям. В связи с этим я выскажу мысль, может быть, неожиданную для этой аудитории: очень важно научиться христианской аскезе. Аскеза — это ведь не жизнь в пещере и постоянный пост, аскеза — это способность регулировать, в том числе и свое потребление, идеями и состоянием своего сердца. Аскеза — это

победа человека над похотью, над страстями, над инстинктом. И важно, чтобы этим качеством обладали и богатые, и бедные. Таков ответ Церкви: мы должны научиться управлять своими инстинктами, своими страстями, и тогда цивилизация, которую мы построим, не будет цивилизацией потребления.

Святейшего Патриарха Кирилла спросили, каким он видит будущее страны и будущее мира.

— Боюсь, я не отвечу на ваш вопрос. Есть вопросы, на которые, как говорится, «с ходу» ответить трудно. И, наверное, было бы плохо, если бы человек брался отвечать на все вопросы. Поэтому будет в моем ответе определенная недосказанность, потому что, может быть, на этот вопрос вообще никто из людей ответить не может — это, скорее, вопрос к Богу.

Есть вещи, которые невозможно понять. Есть то, что Господь решил удержать от нас в тайне. Мы не знаем, как будет развиваться человеческая история, даже в новозаветных книгах, которые говорят о конце истории, не прописана четко эта тема, а есть некая альтернатива. Даже в Апокалипсисе, если внимательно вчитываться в эту книгу, говорится об альтернативах. И это есть свидетельство о том, что история во многом зависит от того, как люди будут себя вести и что будут делать.

Мы только что говорили об экономическом кризисе, о виртуальной экономике, об обществе потребления. Это же нежизнеспособная цивилизация, она в своей потенции не имеет возможности к развитию.

Другая тема — тема зла. Зло нежизнеспособно. Приведу такой пример: начинает человек с маленькой кражи — в карман залез, что-то украл, потом ощутил, что есть доход, прибыль. Масштабы этих краж увеличиваются, человек начинает думать: а не влезть ли ему в квартиру, не угнать ли машину. Если человека не остановить на этом пути, то, когда он окажется в ситуации, в которой придется выбирать между жизнью и смертью, он может убить другого человека. Зло, если его не останавливать, способно постоянно умножаться, и эта эскалация зла может быть остановлена естественным путем только смертью. Смерть, небытие, уничтожение есть апогей зла. Поэтому если зло в человеческой цивилизации не будет остановлено, то действительно страшные апокалиптические видения будут реальностью.

Но если это запрограммировано, зачем мы с вами здесь сидим и говорим? Какая разница, когда это произойдет, — через тысячу лет или завтра? Церкви дана возможность продолжать дело Христа, быть общиной исцеления, нести людям слово Божественной истины, а значит, и влиять на развитие человеческой цивилизации. Поэтому есть некая альтернатива в этих эсхатологических

перспективах. Они, как я уже сказал, не прописаны с точностью, и, наверное, многое будет зависеть от того, что происходит.

Я бы не хотел сейчас входить в тему сравнительного анализа религиозных практик, я хотел бы сказать о другом: Бог вложил в природу человека религиозное чувство и нравственное чувство. Как бы ни оспаривали этот тезис ученые-материалисты, нет ни одного другого убедительного источника существования нравственности, кроме Божественного. Нам говорят современные ученые, а в прошлом марксисты: «Нравственность и совесть есть производная от общественных отношений. Бытие определяет сознание. Нравственность и совесть — это продукт общественного развития». Так говорили марксисты, так сейчас говорят секулярные либеральные философы, которые отрицают идею Божественного происхождения нравственности.

Но перед всеми этими учеными стоит один проклятый вопрос: почему «не убий» одинаково сильно звучит для человека, живущего в Папуа — Новой Гвинее, на Украине, в Китае, в Соединенных Штатах? Ведь так отличаются друг от друга эти страны! Где же здесь результат общественного развития?

Есть набор истин, которые запечатлены в природе человеческой, — их мы называем нравственным законом, который вложен в природу человека. А что такое вера, религия? Это способ поддержания в рабо-

чем состоянии своего нравственного чувства, потому что совесть — хрупкий инструмент. Вот заговорил голос совести, но мы себя умеем успокаивать, для этого у нас есть набор соответствующих способов. Мучает совесть, беспокойно на душе — мы начинаем размышлять: «А, собственно говоря, чего я убиваюсь-то? А вот сосед, Иван Петрович, так ведь он по сравнению со мной такой мерзавец. Как его земля-то носит? А Марья Ивановна, соседка? Боже мой, да разве я могу себя сравнить с ними?» Мы очень любим, показывая пальцем на других, отыскивать *сучок в глазу брата* (см. Мф 7, 3) и делаем это с огромным удовлетворением, потому что тем самым иррационально оправдываем себя, заглушая голос собственной совести.

Но есть и другой способ заглушить голос совести. Сделал что-нибудь очень плохое человек, утром встает — так тяжело на душе. Налил стаканчик, выпил — и на душе легче стало. А потом второй выпил — «да Бог с ней, с этой совестью, чепуха все это».

Если мы практикуем подавление голоса совести, то мы разрушаем нравственное начало. Религия, апеллируя к совершенно конкретным идеям, апеллируя к человеческому разуму набором конкретных истин, помогает человеку сохранить в рабочем состоянии свое нравственное чувство. Главным предназначением религии является сохранение в рабочем состоянии нравственного чувства.

Меня иногда спрашивают, можно ли это сделать без религии. У меня большие сомнения в этом. Конечно, есть очень много людей неверующих и достаточно нравственных, и это происходит потому, что образ жизни, который они вели, предохранял их нравственное чувство. А если говорить об истории народов, о жизни общества, особенно когда мы видим, какое огромное влияние оказывают на общественную психологию людей навязываемые стереотипы мышления, образа жизни, того самого потребительского общества?

Какое колоссальное влияние сегодня оказывает на человека реклама, мода. Вот ездит человек на машине спокойно. И вдруг появляется новая модель автомобиля. И со следующего дня он уже не может в машину садиться: «Ну нет, там же молдинги поставлены, не могу — надо машину сменить».

Все эти внешние факторы влияют на наше нравственное чувство. Религия помогает сохранить нравственное чувство, а значит, сохранить и способность человеческой цивилизации к выживанию.

Нравственность — это синоним выживания. Мы должны это ясно понять: без нравственности человеческое общество существовать не может. Скорпионы, заключенные в одной банке, нежизнеспособны, и только нравственное измерение жизни дает людям перспективу. Собственно говоря, в этом весь пафос религиозной деятельности.

Лидер рок-группы «Братья Карамазовы» Олег Карамазов задал Святейшему Патриарху Кириллу вопрос о праздновании дня Крещения Руси — может ли этот праздник стать общенародным праздником Украины, России и Беларуси, символом духовного единения людей.

— Я хотел бы поздравить Украину с тем, что праздник Крещения Руси теперь объявлен здесь государственным праздником. Это доброе и правильное деяние. Я надеюсь, что и в России, и в Беларуси будет так же.

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви уже принял решение о выделении этого дня в церковном календаре красным цветом. День памяти святого равноапостольного князя Владимира становится великим праздником всей нашей Церкви. Мы должны помнить об этом событии, потому что это наш исток. Из этого истока родилась мощная цивилизация — самобытная, с великим напряжением религиозной жизни.

Ни одна страна не называлась святой страной, а Русь называлась Святой Русью. Возникает вопрос: откуда это словосочетание — Святая Русь? Некоторые говорят: на Руси было много храмов. Сейчас люди имеют возможность путешествовать по Западной Европе и видят, что там храмов не меньше, чем на Руси. Кто-то говорит: монастырей было много. И монастырей

в других странах не меньше. Русь стала Святой Русью потому, что святость была доминантой жизни нашего народа.

Святой человек был положительным героем нашего эпоса, житийной литературы, а затем художественный образ святого человека вошел в классическую литературу. Он потерял многие житийные черты святости, но образ положительного героя классической литературы — нашей общей литературы — дает замечательное понимание того, как святость, христианский образ жизни, высокая нравственность могут проявлять себя в конкретных жизненных обстоятельствах. Думаю, поэтому и называлась Русь Святой — потому что главным идеалом жизни народа была святость.

Люди не устремлялись к богатству, хотя и не чурались этого; люди не устремлялись к тому, что сделало бы их успешными в этой жизни, хотя и не чурались успеха. А к чему устремлялся народ? К тому, чтобы достичь идеала святости. Ясно, что в истории никогда не бывает, чтобы идеалы достигались в полной мере, и только, может быть, отдельным героям духа удавалось это сделать, но то, что святость была национальным идеалом, очень сильно отразилось на всей нашей истории; возможно, именно это обстоятельство спасло нас от страшного атеистического разгрома.

Трудно представить, как повели бы себя в этих условиях любая другая страна, любой другой народ. Сегодня люди в богатых

странах теряют веру. Вы видите, как стоят пустыми величественные соборы во многих европейских столицах, потому что святость и даже идея перестали быть доминантой жизни. Доминантой стало достижение материального благополучия, комфорта, власти, денег. Потому и храмы опустели без всякого внешнего давления. Имплицитно такое давление есть — в стереотипах мысли, в стереотипах образования, в массовой культуре, в моде присутствует влияние, разрушающее духовные идеалы. Никаких гонений нет — и в условиях благополучия и свободы люди теряют веру!

Мы с вами сохранили веру в условиях гонений, сохранили ее не только потому, что те или иные люди оказались мужественными, но и потому, что нравственной, духовной силой Православия проросла вся наша культура. Когда священники не могли проповедовать, проповедовало искусство, музеи с их иконами.

Никогда не забуду, как в далеком 1969 году, после рукоположения в сан священника, я на теплоходе отправился из тогдашнего Ленинграда в путешествие по Ладожскому и Онежскому озерам, а затем посетил знаменитый Кирилло-Белозерский монастырь. Вместе с экскурсантами я пришел на территорию этой обители, тогда закрытой, и экскурсовод стала рассказывать нам о монастыре, о преподобном Кирилле Белозерском, о монашеской жизни. Люди слушали

ее и поражались тому, что она говорила, а я сам себе сказал: эта женщина делает то, что ты не сможешь сейчас сделать как священник; ты не сможешь адресовать свое слово этим людям, невоцерковленным, не приходящим в храм, а она это делает. Это один только пример того, как внутренний духовный стержень, рожденный Православной Церковью, поддерживал жизнь нашего народа и сохранял веру.

Сейчас мы стоим перед не менее серьезным испытанием. Не только во времена Миклухо-Маклая побрякушки были притягательными — красивая обертка привлекает всегда. Побрякушки современной жизни кружат голову, пьянят человеческое сознание; особенно молодым людям хочется жить непременно так, как живет женщина, которая глядит на тебя с обложки глянцевого журнала. Люди верят в рекламу, верят в моду, верят в стереотипы как в реальность, а ведь это — виртуальный мир! Меня больше всего поражает реклама кремов от морщин: молодая женщина двадцати с небольшим лет рекламирует крем от морщин, и ведь есть взрослые женщины, которые этому верят — мол, я буду выглядеть, как эта красотка, если буду употреблять рекламируемый крем! Это пример того, как реклама и навязанные ею стереотипы могут влиять на наше сознание.

Поэтому наша борьба — *не против плоти и крови*, как говорит апостол Павел (см. Еф 6, 12). Наша борьба — за тот образ жизни,

который предлагает нам Иисус Христос, и против того образа жизни, который предлагает нам сегодня безбожная цивилизация. Так называемая секуляризация опасна не в плане церковно-государственных отношений, когда Церковь отделена от государства. Секуляризация опасна тогда, когда дух отсекается от плоти, когда разделяются духовное и материальное, когда человек отдается во власть материальных стихий. Думаю, что это самый главный вопрос, от решения которого зависит будущее всего рода человеческого. Нам, вышедшим из киевской купели крещения, есть, что сказать миру. Мы с вами имеем уникальный опыт — никто такого опыта не получил — мы имеем опыт гонений, исповедничества, мученичества, сопротивления организованной безбожной идеологии.

Меня поражает другое. Я отнюдь не вступаю против западного мира — я хорошо знаю Запад и жил на Западе, но почему в диалоге с западным миром мы с легкостью принимаем роль ведомого? Какие же ценности предлагают нам? Что такое уникальное говорит нам сегодня эта богатая цивилизация? Почему мы с легкостью отдаем свое первородство? Мы готовы вступить в объединенную Европу, в любую другую Европу. Мы туда вступаем, чтобы получить идеи? Чтобы получить прививку некоего правильного образа жизни? Мы вступаем туда для того, чтобы сытно есть, мы вступаем туда ради желудка и кармана? Навер-

ное, это тоже неплохо, но тогда давайте принесем туда свои ценности, только я не уверен, что там будут готовы наши ценности принять. Но вступать в качестве ведомых, теряя свое духовное первородство, отказываясь от своего трагического, но уникального, ни с чем не сравнимого опыта — у меня это вызывает большие сомнения.

Я думаю, что наше единство — единство духовного пространства Святой Руси, исторической Руси — это огромной силы цивилизационный проект, и он не предназначен для того, чтобы быть ведомым. Он предназначен для того, чтобы генерировать идеи, и это сейчас происходит; он предназначен для того, чтобы бросать мировоззренческие вызовы, на которые другим потребуется ответить. У нас есть потенциал для развития подлинного диалога Востока и Запада — не диалога всадника с лошадью. И только такой диалог приведет к построению единой Европы. Единая Европа не может быть построена по лекалам, которые не создавались нашей с вами великой цивилизацией, самостоятельной и самобытной. Если мы хотим строить эту Европу, мы должны договориться о том, чтобы создать новые лекала. Может быть, Господь приведет нас к этому, и мы сможем внести свой цивилизационный вклад в построение в мире тех справедливых отношений, о которых многие мечтают.

Борис Корчевников задал Святейшему Патриарху Кириллу вопрос о том, как Церковь может сделать свое послание понятным миллионам молодых людей, находящихся в поиске.

— Над этим вопросом надо серьезно думать. Это проблема соотношения христианского послания и культуры. Я об этом уже кратко говорил в интервью перед своей поездкой. Если мы будем говорить о молодежи — хотя речь идет не только о ней... Молодежь имеет свою собственную субкультуру, как и другие группы людей. Пенсионеры имеют свою субкультуру, священники — свою. Я ведь не в джинсах перед вами сижу, а вот в этой рясе.

Мы даже не представляем себе, как субкультуры разделяют людей. С одной стороны, это проявление многообразия Божия мира. Если бы была только одна культура, то мир был бы монохромным, не было бы этой красоты и многоцветия Божия творения. Но, с другой стороны, в этом многоцветии присутствует и определенный вызов целостности человеческого сообщества. И мы знаем, как в мировом масштабе столкновение культур, или, как сейчас говорят, столкновение цивилизаций, представляет угрозу жизни людей.

Нужно понимать следующее: Христос пришел для всех. Он был носителем собственной субкультуры, но Он никогда не связывал принадлежность к этой субкуль-

туре с возможностью принять Его слово. Ведь перед апостолами стояла огромная проблема, когда им нужно было выйти за пределы иудейского, еврейского мира и пойти к язычникам, с которыми евреи не общались даже в быту — это была иная культура, иной образ мысли, иная философия жизни. Это был колоссальный вызов христианской общине — многие говорили, что этого делать не надо, что нужно остаться со своим народом и бороться за его духовное возрождение. И в 51 году апостолы собираются в Иерусалиме на первый Собор, чтобы разрешить эту жизненно важную проблему (см. Деян 15). И они избирают путь служения всему миру. Они не связывают христианский религиозный выбор с культурным выбором. Они распространяют свое слово на весь мир.

Думаю, что это пример всем нам. Почему мы должны ограничивать свое слово рамками православной субкультуры? Конечно, мне очень комфортно говорить с людьми, принадлежащими к той же культуре, что и я. Гораздо труднее говорить с теми, кто принадлежит к другой культуре не только с точки зрения стиля одежды или способа самовыражения, но и по образу мысли. Проповедь, обращенная к носителям другой субкультуры, всегда требует переосмысления своих убеждений, обновления своей преданности Христу. Она требует огромной внутренней работы, и, может быть, не всегда современный священник готов к такой

работе, когда нужно как бы наступить на горло своей собственной песне, когда в другом человеке, совершенно ином, шокирующем своим внешним видом, нужно вдруг увидеть паству — того, к кому должно быть обращено слово Божие.

На этом пути есть и определенные соблазны. Ведь желание иметь контакт с молодежной субкультурой вообще присуще старшему поколению, особенно политикам. Иногда для того, чтобы стать понятными молодежи, взрослые дяди и тети начинают на себя примерять эту молодежную субкультуру — выходят в молодежные аудитории, взмахивают руками, произносят какие-то слова на молодежном сленге, одеваются так, чтобы выглядеть «своими». Все это — мимикрия, лицемерие.

Нужно оставаться самим собой. Я готов разговаривать с молодежью, но я не сниму для этого рясу и не оденусь так, как вы сейчас одеты. Не потому, что у меня есть какие-то предрассудки в отношении такой одежды, а потому что это моя культура, я ее носитель. Но внешние различия не могут разделять людей настолько, чтобы у них разрушались коммуникативные отношения, — для священника это просто трагедия. Вот почему сегодня к Церкви обращен огромной силы вызов, в том числе со стороны молодежи. Нужно находить возможность говорить с молодыми людьми таким образом, чтобы в их категориях мысли и в их культурных категориях передавать им вечное Слово Божие.

В завершение беседы ведущий напомнил присутствующим в студии и телезрителям слова приснопоминаемого Святейшего Патриарха Алексия II о церковном возрождении — втором Крещении Руси — и спросил, продолжается ли этот процесс сегодня и видит ли Предстоятель Русской Православной Церкви Кирилл дальнейшее воскрешение веры в народе, в том числе на Украине.

— Несомненно, и в России, и на Украине, и везде, где Русская Церковь несет свое служение, мы видим этот процесс. Меня поражают пасхальные богослужения — я хорошо помню, как в прежние годы в храм набивалась пьяная молодежь, как легкомысленного вида девицы усаживались на плечи своих ухажеров, чтобы похмельными глазами разглядеть, что происходит в храме. Я хорошо помню это улюлюканье и крики... Что я сейчас вижу во время пасхальной службы? Три с лишним часа стоят молодые люди, как свечечки! Молодые мамы или папы три часа держат своих детей на руках! С каким трепетом эти люди подходят к Святой Чаше!

И это не просто молодежь, это — наш народ, тот, который ходит по нашим улицам — молодые люди и дети, пожилые и средних лет, семейные и одинокие, счастливые и не очень счастливые. Это наш народ.

Сегодня воцерковление происходит уже на другом уровне. Волна внешнего интереса к Церкви, которая была порождена пере-

менами в стране и наступившей свободой, прошла. Не все, кто принял крещение в 90-е годы, остались постоянными прихожанами наших храмов, но уровень воцерковления нашего народа постоянно повышается.

Знаете, что для меня самое важное? Самое важное — чтобы верующие люди научились мотивировать свои поступки в личной и общественной жизни христианскими побуждениями. Если это произойдет, у нас будет другое общество и другой мир. Из нашего общества уйдет коррупция, уйдут разврат, нечистота, обман, стяжательство — все то, что надрывает человеческую душу. В каком-то смысле это моя мечта, но многие реальные проекты начинаются с мечты.

Я очень хотел бы, чтобы эту мечту разделили со мной все вы — и молодежь, которая сегодня здесь присутствует, и те, кто меня сегодня слышит и видит. И дай Бог, чтобы люди, которым не безразлична вера в Бога и которые серьезно принимают Слово Спасителя и включают в свою жизнь религиозное измерение, объединились для того, чтобы свидетельствовать о Христе Распятом и Воскресшем, утверждать то, что Он, Сын Божий, сказал нам, и через это утверждение изменять жизнь людей к лучшему.

Я хотел бы сердечно поблагодарить всех вас за эту возможность поговорить от сердца к сердцу, без всякой дипломатии.

Особое мое слово — к тем, кто сегодня видел и слышал нас по телевидению. Пусть Господь хранит Украину, ее благочестивый

верующий народ. Да поможет Господь Украине исцелить те раны, которые существуют на ее теле, чтобы мир Христов пребывал со всеми нами. Я сердечно благодарю вас за участие в этой передаче и за возможность встретиться через эту программу компании «Интер» с телезрителями, а значит — с народом Украины.

<http://www.patriarchia.ru/db/text/706055.html>

«Там, где есть разделение, нет любви»

В день памяти святого равноапостольного князя Владимира (28 июля 2009 года) Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил Божественную Литургию в Свято-Успенской Киево-Печерской Лавре.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал вам, не есть человеческое, я принял и научился не от человека, но через Откровение Иисуса Христа (см. Гал 1, 11, 12). Мы только что слышали эти замечательные слова апостола Павла; он адресовал их древним галатам, но через них — всему миру, утверждая великую истину, что Евангелие не есть плод человеческой мудрости, что Евангелие есть Божественное Откровение, то есть слово Самого Бога.

Мы празднуем сегодня день памяти святого крестителя Руси — равноапостольного князя Владимира. И неслучайно эти апостольские слова Церковь предлагает нам в дни памяти святых равноапостольных

мужей и жен. Святой князь Владимир жизнью своей явил правоту этих слов. Кем был Владимир до принятия Крещения? Сластолюбивым жестоким правителем. Он был причиной гибели многих невинных людей. Жажда власти, денег и наслаждений была главной целью его жизни, как она была целью жизни и других тогдашних правителей. Потому и войны велись, и земли захватывались — чтобы было больше власти, чтобы было больше возможностей повелевать другими.

А что произошло после того, как в крещальные воды погрузился князь Владимир? Его жизнь изменилась. Он не стал более жестким, злым, сластолюбивым правителем — он стал правителем, которого народ в умилении и радости сердечной называл Красное Солнышко.

Что же произошло с этим человеком? Почему он те ясные и понятные цели и ценности, которые исповедовал как правитель государства, изменил на другие цели и жизненные ценности? Потому что с Крещением он в свой разум и в свое сердце принял Христа; вместе с Крещением принял новую систему ценностей, столь радикально отличающуюся от того, чем жил, во что верил, ради чего боролся до того.

А что же лежит в основе этой системы ценностей, которой святой Владимир отдал разум, душу и жизнь, ибо желал, чтобы вслед за ним весь народ приобщился к этой системе ценностей? Это Евангельское

слово, а в центре этого слова — то, что до сих пор людям трудно понять; то, что не перестает удивлять каждое последующее поколение людей своей новизной и притягательной силой. В центре Евангельского послания — одно и самое главное слово: Любовь. Любовь как основа бытия, Любовь как основа личной и семейной жизни, Любовь как основа жизни общественной и даже государственной.

Эти слова остаются непонятными для многих людей — гораздо понятнее власть, деньги и могущество. Под эти цели можно сверстать любую политическую программу, можно вдохновить людей на борьбу, даже на войну, потому что в каждом сидит этот бес — стремление быть богатым, сильным, могущественным.

Что же такое любовь, которую проповедует Христос? Как можно возлюбить ближнего, как можно возлюбить даже врага? Этот вопрос, уже будучи верующими людьми, мы задаем себе, сознавая, что нет любви в сердце к другому человеку, а тем более, к врагу. Что же означают эти слова Господа? Ведь это слова не человеческие, не мудрость поколений, не мудрость народов или всего человечества — это Божественная мудрость. Понятна она людям или непонятна, способны люди следовать этой мудрости или не способны — от этого Слово Божие не перестает оставаться Божиим Словом и Божественной Истиной, вечной и неизменной. И сила верующего человека в том, что даже не осо-

зная в полной мере Божественную Истину умом своим и опытом жизни, он преклоняет перед ней колена ума и сердца своего в послушании Слову Божию.

Божественная Истина становится понятной через внутренний, религиозный опыт человека, и этот опыт помогает нам понять то, что Бог во Христе, Сыне Своем, совершил ради нашего спасения. Господь пришел и пострадал ради того, чтобы люди *имели жизнь, и жизнь с избытком*, как мы слышали только что в Евангелии от Иоанна (см. Ин 10, 10), чтобы эта полнота человеческого бытия не прекратилась со смертью, но перешла в вечность. Господь ради этого пришел и отдал Себя, Свою жизнь, на поругание человеческой злобе, зависти, гневу и нечистоте. Он сделал это, движимый любовью к людям, к творению Своему, и через этот пример Самого Господа мы можем понять, что есть Любовь — Любовь есть, в первую очередь, способность отдать себя другим. Готовность отдать себя и часть своей жизни, времени, заботы, денег, человеческого тепла и участия другому и есть проявление любви — это не красивые слова, а способность разделять с другим свою жизнь.

Богу было угодно, чтобы именно эта человеческая способность разделять свою жизнь с другими легла в основу человеческого бытия, в основу самого главного закона, по которому только и должна устраиваться личная, семейная и общественная жизнь. Каждый из нас по опыту знает, что это такое.

Когда семья крепка? Тогда, когда муж отдает себя жене и семье, а жена отдает себя мужу и детям. Попробуйте перестать отдавать себя другому — семья сразу ощущает страшное, холодное дуновение ветра. Исчезает доверие, появляется подозрительность: а почему он или она поступили так, что за этим скрывается? Может быть, он или она меня больше не любит? Мы знаем, как разваливаются семьи только потому, что супруги перестали отдавать себя друг другу, заботиться друг о друге, жизнь другого воспринимать как свою собственную жизнь. А разве не в этом кроется проблема отцов и детей, проблема поколений? Ведь она вырастает из недосказанности, из того, что не выражена была до конца родительская любовь, из того, что родители не получили любви своих детей. И разрывается преемственность, разрывается историческая связь поколений.

А что происходит в обществах, когда исчезает закон Любви, когда начинается борьба за свои частные интересы — политические, экономические, национальные, классовые или социальные, когда эти интересы и ценности становятся самыми главными? Идет борьба не на жизнь, а на смерть, и разрушается ткань человеческого общения, а там, где должна была быть взаимная поддержка, любовь, солидарность, гармония, появляются человеческий хаос и беспорядок под лозунгами построения счастливой жизни.

Беды и разделения народа всегда проистекают от лозунгов, которые призывают нас к

счастливой жизни. Не кровью ли умылся наш народ, когда в страшные годы революции соблазнился этими лозунгами и поверил, что можно построить счастливую, процветающую, мирную жизнь без Бога и без любви? Миллионы людей погибли, а эта мечта не была осуществлена. Ей не дано было осуществиться, потому что в основе этого политического мечтания были злоба, противоборство, стремление достичь своих целей, одурачивая людей призывами к счастью.

Церковь призвана быть тем местом, где люди обретают опыт любви и опыт единства. Там, где есть разделение, нет любви. И как лицемерно и ужасно, когда в Церкви происходит разделение во имя неких «высших» целей! Это разделение являет самое ужасное, что может быть в жизни христианина, — отсутствие любви. Какая же тогда может быть проповедь любви, где же Христос, если ради частных интересов, так или иначе понимаемых целей и задач мирского устройства, разрушается основа человеческого бытия, разрушается и попирается человеческой злобой любовь? Это извращение христианского послания, это отказ от Евангелия, которое есть не человеческое, но Божественное Откровение. Это отказ от Евангелия с его вечной системой ценностей, далеких от наших суетных устремлений.

Церковь провозглашает и ближним, и дальним, и всему миру: нет другого пути для развития мира и человеческой цивилизации, для развития любого человеческого

общества, кроме закона любви и проистекающей из любви солидарности, взаимной поддержки, гармонии и мира.

Всему этому мы научены от Киевской купели, от святого князя Владимира. Здесь, на берегу Днепра, в древних стенах Киево-Печерской Лавры, особенно ярко и сильно представляется нашему сознанию образ великого князя. Он не только телесную, но и душевную слепоту сбросил, выходя из купели Крещения. Он прозрел тайну человеческого бытия и счастья, он отказался от жестокости и властолюбия, от всего того, что еще недавно грело его душу и вдохновляло его поступки. Князь Владимир в этот момент переосмыслил всю жизнь и дал нам великий завет любви и единства.

Именно в этих стенах мы особенно сильно переживаем значение этой заповеди святого князя Владимира, церковного единства и жизни по закону Любви.

Мы будем молиться святому равноапостольному князю Владимиру о даровании нам силы любить ближнего — мужа, жену, брата, сестру, детей, коллег по работе. Пусть он даст нам силу любить врагов и доказать опытом своей жизни, что не искаженное злобой лицо, проповедующее ту или иную человеческую истину, но кроткий лик вышедшего из купели Крещения князя Киевского Владимира является идеалом Святой Руси. И этот идеал непобедим и непреодолим, ибо он есть Слово Божие, а не человеческое. Аминь.

<http://www.patriarchia.ru/db/text/705527.html>

Содержание

Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла после интронизации в соборном Храме Христа Спасителя	7
Наречение и хиротония архимандрита Кирилла (Гундяева) во епископа Выборгского.	14
Биография Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла . . .	22
«Вы знаете, что самое страшное — это навешивать ярлыки»	38
«Право правящий слово Твоя истины»	47
<i>Корни шестнадцатого Патриарха всея Руси ведут в Башкортостан . . .</i>	<i>47</i>
<i>Все деньги дедушка посылал на Афон.</i>	<i>50</i>
<i>В Уса-Степановке отец Василий храм защищал до последнего.</i>	<i>52</i>
<i>Выбор был сделан и за 70-летнего старца</i>	<i>56</i>
<i>Многие к вере пришли по проповедям Владыки</i>	<i>58</i>

Церковь и общество	62
«Мое убеждение состоит в том, что в современном мире нормы поведения должны вырабатываться в реальном диалоге...»	93
«Человечество должно оказаться способным состыковать различные цивилизационные модели»	99
Русская Церковь и христианское измерение проблемы прав и свобод человека	102
Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке	109
«Будущие поколения — национальное достояние»	136
<i>Вера</i>	138
<i>Отечество</i>	143
<i>Семья</i>	146
«Молодежь — это зрелая часть нашего общества»	151
«Сила нации — в силе духа»	173
«Я верю в духовную силу народа»	199
«Религиозное воспитание в эпоху постмодерна»	205
«Не бойтесь быть собой! Не стесняйтесь верности своим духовным и нравст- венным ценностям!»	218
«Церковная жизнь должна быть служением»	223

«Было сделано самое важное — Церковь вышла за свою ограду»	234
«Церковь по природе своей не может быть ни в оппозиции, ни во власти» . . .	247
«Церкви удалось добиться положитель- ной динамики в построении отноше- ний с обществом и государством» . . .	261
«Только человек, не знающий России, может утверждать, что Православие в ней устарело, исчерпало себя»	273
«Не избежишь радикального ответа» . . .	288
<i>Права человека как цивилизационная догма</i>	289
<i>Православно-католический диалог в развитии</i>	293
<i>Христианство в мире и в России</i>	296
<i>Внутренние и внешние направления церковной деятельности</i>	299
<i>Бетонная стена</i>	303
Свобода вне нравственной системы ценностей опасна	306
«Единство превыше всего»	317
«Победить кризисы может духовно сильный»	348
«Самая большая проблема сейчас — это кризис человеческой личности»	356
<i>О кризисе</i>	356
<i>О лжебатюшках и женщинах в храме</i>	357

<i>О Божественном в искусстве</i>	358
<i>О суетных просьбах к Богу</i>	359
<i>О кризисе человека</i>	362
<i>О добре и зле</i>	363
<i>О Божественном в человеке</i>	365
<i>О демократии</i>	366
<i>О религиозности Путина</i>	367
<i>Об уроках Православия</i>	368
<i>Об исламе</i>	369
<i>О расколе на Украине</i>	370
<i>О Папе Римском</i>	370
<i>О возрождении нации</i>	372
<i>О «Коде да Винчи»</i>	373
<i>Об останках царской семьи</i>	375
<i>Об экстрасенсах и колдунах</i>	376
<i>Страшно ли нам сближение с Америкой?</i>	378
<i>Мы не скоты, скоты не мы</i>	379
<i>Кто такие талибы?</i>	381
<i>О браке и женщине в брюках</i>	382
«Борьба между Богом и дьяволом в первую очередь проходит по молодым сердцам»	384
Как человеку сохранить православный образ жизни и норму веры?	397
О духовной колонизации	405
Самоизоляция Церкви — путь в добровольное изгнание	422
Свобода для падшего человека	429
Диктатура греха как норма жизни обезбоженного общества	433

«Церковь вовсе не против новых открытий и прогресса»	441
Можно ли верующему заниматься политикой и участвовать в деятельности органов власти?	449
О социальной активности прихожан	455
От чего мы защищаем Церковь?	458
Служить церковному единству.	464
Бывает ли «независимая» православная общественность?	468
Колоссальный удар по воспитанию человека	471
Придет ли молодежь в церковь?	478
Православный образ жизни — условие выживания цивилизации. . .	495
«Личное обогащение в ущерб интересам ближнего чуждо православному мировоззрению» . . .	504
Мировая торговая система. Свобода? Справедливость? Демократия?	510
«Помолиться вместе с украинским народом»	519
«Здесь начало нашей веры, начало нашей Церкви»	539
«Там, где есть разделение, нет любви»	580